
The Booker Prize 2022
Winner
ШЕХАН КАРУНАТИЛАКА
СЕМЬ ЛУН МААЛИ АЛМЕЙДЫ
В переводе Юлии Полещук

Семь лун Маали Алмейды

Шехан Карунатилака

Шехан Карунатилака. Семь лун Маали Алмейды
Луна первая
Ответы
Ты скоро проснешься
Коробка под кроватью
Разговор с мертвым атеистом (1986)
Озеро Бейра
Аббревиатуры
Разговор с мертвым революционером (1990)
Баклажаны
Профессиональные мясники
Освети закоулки памяти
Кладбища не посещать
Двадцать матерей
Шансы
Разговор с мертвой юристкой (1983)
Отель «Лео»
Балкон
Канадско-норвежский фонд помощи странам третьего мира
Сингальцы убивают сингальцев
Луна вторая

- Разговор с мертвым доктором (1990)
- Злые самаритяне
- Факты бору
- Голл-фейс-корт
- Визенталь
- Дом, немилый дом
- После вечеринки
- Первый конверт
- Разговор с мертвым телохранителем (1959)
- Уши
- Мифическое существо
- Пещера дядюшки ворона
- Книги по римско-голландскому праву

Луна третья

- Голос
- Записная книжка
- Туз бубен
- Красная бандана
- Назови мое имя

Луна четвертая

- Комендантский час
- Твое слабое место
- Черная луна
- Три крысы
- Маска
- Дворец

Разговор с мертвым священником (1962)
Луна пятая
Я хожу во сне
Чего хотят яки
Магазин «Фуджи-Кодак»
Разговор с мертвыми самоубийцами (1986, 1979, 1712)
Карманные валеты
Луна шестая
Панголин
Разговор с мертвыми псами (1988)
Разговор с мертвыми туристами (1987)
Мы убиваем чудовищ
Луна седьмая
Плохая компания
Три шепота
Миссия «кувени»
Тысяча лун
Река рождений
Твоя цена
Свет
Пять напитков
Вопросы
Куда подевался Лайонел?
Разговор с мертвым леопардом
Dramatis personae. Список сокращенный

Благодарности

Шехан Карунатилака
Семь лун Маали Алмейды

Чуле, Эранге и Луке.
Есть всего лишь два бога, достойные поклонения. Удача и электричество.

Литературно-художественное издание

18+

ШЕХАН
КАРУНАТИЛАКА

СЕМЬ ЛУН МААЛИ АЛМЕЙДЫ

Перевод с английского *Юлия Полещук*
Дизайн обложки и иллюстрация *Марка Эллингема*

Издатель *Евгения Рыкалова*
Руководитель редакции *Юлия Чегодайкина*
Ответственный редактор *Ольга Чеснокова*

Литературный редактор *Любовь Сумм*
Корректоры *Екатерина Назарова, Наталья Витько, Анна Быкова*
Компьютерная верстка *Антон Гришин*

Продюсер аудиокниги *Елизавета Никишина*

Специалист по международным правам *Наталия Полева*

Copyright © Shehan Karunatilaka, 2022
First published in 2022 by W. W. Norton & Company.
Издается с разрешения автора
при содействии его литературных агентов
The Peters, Fraser & Dunlop Ltd и The Van Lear Agency LLC.

© Шехан Карунатилака, 2023
© Юлия Полещук, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. Строки, 2023

Луна первая

Отче, прости им,
Ибо я никогда не прощу.
Ричард де Зойса. «Страстная пятница 1975 года»

Ответы

Ты просыпаешься с ответами на вопрос, который задают все. Первый ответ — да, второй — как здесь, только хуже. Иных прозрений у тебя не будет. Можешь опять засыпать.

Когда ты родился, сердце твое не билось, тебя выхаживали в инкубаторе. И даже когда тебя только-только вытащили из околоплодных вод, ты уже знал то, что Будда постиг, лишь вдоволь посидев под деревьями. Лучше не перерождаться. Лучше даже не суетиться. Надо было прислушаться к интуиции и сдохнуть в том самом ящике, куда тебя положили после рождения. Но ты этого не сделал.

Вместо этого ты бросал все игры, в которые тебя вынуждали играть. Две недели в шахматистах,

месяц в скаутах-волчатах, три минуты в регбистах. Из школы ты вынес ненависть к командам, играм и тем идиотам, для кого это важно. Ты ушел с занятий живописью, с курсов страховщиков, из магистратуры. Все это игры, в которые тебе было лень играть. Ты расставался со всеми, кто видел тебя голым. Бросал абсолютно все, за что когда-то боролся. И сделал много такого, о чем никому не расскажешь.

Будь у тебя визитка, на ней написали бы:

Маали Алмейда
Фотограф. Игрок. Блядун.

Будь у тебя надгробие, на нем вырезали бы:

Малинда Альберт Кабалана
1955–1990

Но у тебя ни того ни другого. И за этим столом у тебя не осталось фишек. И еще ты теперь знаешь о том, о чем не знает никто. У тебя есть ответ на вопросы: есть ли жизнь после смерти? И какая она?

Ты скоро проснешься

Все началось давным-давно, тысячу лет назад, но давай пропустим все эти вчера и начнем с прошлого вторника. В тот день ты проснулся с похмелья, с пустой головой, — впрочем, почти как всегда. Ты проснулся в огромной приемной. Посмотрел вокруг — это сон, и ты в кои-то веки знаешь, что это сон, и охотно его переждешь. Все проходит, особенно сны.

На тебе куртка-сафари, линялые джинсы, ты не помнишь, как здесь очутился. Одна нога босая, на шее три цепи и фотоаппарат. Твой верный Nikon 3 ST, но объектив разбит, корпус треснул. Ты смотришь в видоискатель, но замечаешь лишь грязь. Пора просыпаться, малыш Маали. Ты щиплешь себя; больно, но боль не острая, а тупая, словно от оскорбления.

Ты знаешь, что это такое — не верить своим глазам. Трип на концерте Smoking Rock Circus в 1973-м, ты тогда три часа обнимал аралию в парке Вихарамахадеви. Девяносточасовой марафон в покер: ты выиграл семнадцать лакхов[1] и

[1] Примечания: 1.1
1 лакх — 100 000 рупий. (Здесь и далее прим. пер.)

пятнадцать из них проиграл. Тот случай, когда в 1984-м в Муллайтиву ты впервые попал под обстрел и отсиживался в бункере, битком набитом испуганными родителями и визжащими детьми. И как в девятнадцать лет ты очнулся в больнице, не помня ни лица аммы[2], ни как сильно ты ее ненавидишь.

Ты в очереди, кричишь на женщину в белом сари, она сидит за стойкой из стеклопластика. Кто из нас не срывался на женщин за стойками? Уж ты-то орал. Большинство шриланкийцев возмущаются молча, тебе же нравится громогласно выражать недовольство.

— Я не говорю, что это вы виноваты. Я не говорю, что это я виноват. Но ошибки бывают, нет? Тем более в государственных учреждениях. И что делать?

— Это не государственное учреждение.

— Мне все равно, тетя. Я всего лишь говорю, что не могу здесь оставаться, мне надо отправить снимки. И у меня есть серьезные отношения.

— Я вам не тетя.

Ты озираешься. Очередь огибает колонны, змеится вдоль стен. Воздух мглистый, хотя вроде бы

---

[2] Примечания: 1.2
Амма — мать. (Здесь и далее — синг.)

никто не выдыхает ни дым, ни углекислый газ. Похоже на парковку, но без машин или базар, где ничего не продают. Высокий потолок лежит на бетонных столбах, маячащих там-сям в просторном зале. В дальнем конце, кажется, двери лифта, возле них толпятся человеческие силуэты.

Даже вблизи фигуры словно расплываются по краям, кожа как тальк, глаза лучатся оттенками, нетипичными для смуглых. Одни в больничных сорочках, у других вся одежда в запекшейся крови, у третьих нет рук или ног. И все кричат на женщину в белом. А она словно беседует с каждым одновременно. Наверное, ей задают одни и те же вопросы. Если бы ты делал ставки (а ты делаешь ставки), то поставил бы пять из восьми на то, что это галлюцинация, скорее всего, из-за таблеток Джаки.

Женщина раскрывает большую книгу учета. Без интереса или презрения окидывает тебя взглядом.

— Сперва уточним подробности. Имя?

— Малинда Альберт Кабалана.

— В один слог, пожалуйста.

— Маали.

— Вы знаете, что такое слог?

— Маал.

— Спасибо. Вероисповедание?
— Никакого.
— Ну и глупо. Причина смерти?
— Не помню.
— Давно умерли?
— Не знаю.
— Айо.

Толпа душ напирает, осаждает женщину в белом, ругает на все лады. Ты обводишь взглядом землистые лица: запавшие глаза в проломленных черепах щурятся с гневом, болью, недоумением. Зрачки цвета струпьев и синяков. Мешанина карих, зеленых и синих, и ни одни не видят тебя. Ты живал в лагерях беженцев, в полдень бродил по уличным рынкам, засыпал в переполненных казино. Людская волна не отличается колоритом. Эта волна подступает к тебе и уносит тебя от стойки.

Ланкийцы не умеют стоять в очереди. Если, конечно, не считать очередью хаотичный изгиб, присоединиться к которому можно в любом месте. Там, где ты, явно толпятся те, у кого есть вопросы о своей смерти. Стоек множество, и разъяренные посетители бросаются на решетки, кричат, оскорбляют тех, кто сидит за стойкой. Загробная жизнь — налоговая контора, где все

жаждут льгот.

Тебя оттесняет какая-то амма с малышом на бедре. Ребенок таращится на тебя, словно ты разбил его любимую игрушку. В волосах его матери запеклась кровь, лицо и платье в кровавых пятнах.

— Как там наш Мадура? Что с ним? Он был с нами на заднем сиденье. Он заметил этот автобус раньше, чем наш водитель.

— Сколько раз вам повторять? Ваш сын еще жив. Don' t worry, be happy.

Эти слова произносит мужчина за соседней стойкой — белый халат, пышные черные кудри, вылитый Моисей из Большой книги. Голос рокочет, как океан, глаза светло-желтые, точно желток. Он повторяет название самой назойливой песни прошлого года и открывает собственный журнал учета.

Ты делаешь еще один кадр, как всегда, когда не знаешь, как быть. Пытаешься запечатлеть эту парковку хаоса, но видишь лишь трещины на объективе.

Легко отличить сотрудников от посетителей. У первых журналы учета, сотрудники улыбаются; вторые в смятении. Ходят туда-сюда, замирают, глядят в пустоту. Некоторые рыдают, запрокинув

голову. Сотрудники ни на кого не смотрят, в особенности на тех, кого консультируют.

Сейчас бы проснуться и позабыть обо всем. Ты редко запоминаешь сны, и вероятность, что этот — чем бы он ни обернулся — задержится в твоей памяти, не больше, чем получить флеш или фулл-хаус. Ты не вспомнишь все это, подобно тому как не помнишь, как учился ходить. Ты выпил дурацкие пилюли Джаки, и теперь у тебя глюки. Что же еще?

А потом ты видишь фигуру напротив таблички в углу, облаченную в нечто похожее на черный мешок для мусора, — не сотрудник, не посетитель. Незнакомец рассматривает толпу, его зеленые глаза блестят, как у кота в свете фар. Взгляд падает на тебя и задерживается дольше, чем следует. Незнакомец кивает, не сводит с тебя глаз.

На табличке над ним надпись:

КЛАДБИЩА НЕ ПОСЕЩАТЬ

Рядом с ней указатель со стрелкой:

ОСМОТР УШЕЙ НА СОРОК ВТОРОМ ЭТАЖЕ

Ты вновь поворачиваешься к женщине за стойкой и пробуешь еще раз:

— Это какая-то ошибка. Я не ем мяса. Курю всего пять сигарет в день.

Женщина кажется тебе знакомой — как ей твоя ложь, должно быть. На миг толчея замирает. На миг возникает чувство, будто ты здесь один.

— Айо! Я слышала все отговорки. Уходить не хочет никто, даже самоубийцы. Думаете, мне хотелось умирать? Когда меня застрелили, моим дочерям было восемь и десять. А что делать? Жалобами тут не поможешь. Наберитесь терпения и дожидайтесь своей очереди. Будьте снисходительны. Сотрудников не хватает, нам нужны добровольцы.

Она поднимает глаза и произносит громко, обращаясь к толпе:

— У вас у всех семь лун.

— Каких еще лун? — спрашивает девица со свернутой шеей. За руку она держит мальчика с проломленным черепом.

— Семь лун — семь ночей. Семь закатов. Неделя. Времени более чем достаточно.

— Я думала, луна — это тридцать дней?

— Луна всегда на небе, даже если ее не видно. А вы думаете, что она перестала вращаться вокруг

Земли оттого лишь, что вы перестали дышать?

Ты ничего не понимаешь. И пробуешь другой способ.

— Посмотрите на эту толпу. Должно быть, погибли на севере. «Тигры»[3] и армия убивают мирных жителей. Индийские миротворцы начинают войны.

Ты озираешься, но тебя никто не слушает. Глаза по-прежнему не замечают тебя, блестят сине-зеленым. Ты оглядываешься на фигуру в черном, но она исчезла.

— И не только на севере. На юге тоже. Правительство воюет с ДВП[4], гора трупов уходит в небо. Я все понимаю. Вы, должно быть, очень заняты в последнее время. Я понимаю.

— В последнее время? — Женщина в белом хмурится, качает головой. — У нас каждую секунду труп. Иногда два. Вам уже осмотрели уши?

— У меня замечательный слух. Я делаю фотографии. Собираю свидетельства преступлений,

---

[3] Примечания: 1.3

«Тигры освобождения Тамил-Илама» — повстанческое движение, сражавшееся за создание независимого тамильского государства Тамил Илам на территории Шри-Ланки.

[4] Примечания: 1.4

«Джанатха Вимукти Перамуна» (Народный фронт освобождения Шри-Ланки) — ланкийская левая политическая партия, бывшая боевая организация.

которые никто не видит. Я нужен.

— А вон той женщине надо кормить детей. Вон тому мужчине — руководить больницами. У вас фотографии? Ха! Тоже мне.

— Это же не какие-то снимки из отпуска. А фотографии, которые свергают правительства. Фотографии, способные прекращать войны.

Она кривится. На цепочке у нее на шее висит египетский крест-анкх: такой же носил парень, любивший тебя больше, чем ты его. Женщина теребит крест, морщит нос.

И тут ты ее узнаешь. Ее улыбка, точно с рекламы зубной пасты, в 1989 году была во всех газетах. Преподавательница университета, которую убили экстремисты-тамилы — все ее преступление заключалось в том, что она, хоть и тамилка, держалась умеренных взглядов.

— Я знаю вас. Вы доктор Рани Шридхаран. Без мегафона я вас не узнал. Вы писали потрясающие статьи о «Тиграх Тамил-Илама». Но без спросу взяли мои фотографии.

Ланкийцем тебя делает не фамилия отца, не святилище, где ты преклоняешь колени, не фальшивая улыбка, за которой ты прячешь страхи. А то, что ты знаешь других ланкийцев и знакомых ланкийцев других ланкийцев. Некоторые

ланкийские тетушки, если им назвать фамилию и школу, обязательно вспомнят, что такой-то знаком с их двоюродным братом. Ты вращался в кругах, которые пересекались друг с другом, и многие из них оставались закрытыми. Ты никогда не забываешь имен, лиц и комбинаций карт: это твое проклятие.

— Я огорчился, когда вас убили. Правда. Когда это было? В восемьдесят седьмом? Я был знаком с «тигром» из подразделения Махатийи[5]. По его словам, это он организовал покушение на вас.

Доктор Рани поднимает глаза от журнала, улыбается устало, пожимает плечами. Зрачки затянула молочная пленка, точно при катаракте.

— Вам нужно на осмотр ушей. На ушах уникальный рисунок, как отпечатки пальцев. Складки ушей рассказывают о прошлых травмах, мочки обнажают грехи, хрящи скрывают вину. Словом, все, что мешает вам войти в Свет.

— Что такое Свет?

— Если коротко — все что угодно. Если подробнее, то мне некогда объяснять.

Она дает тебе лист таллипотовой пальмы. Су-

---

[5] Примечания: 1.5

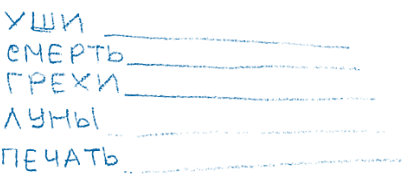
Гопаласвами Махендрараджа (1956–1994), он же Махатийя (Махаттайа), — боец «Тигров освобождения Тамил-Илама», убитый за то, что выдавал их тайны индийской разведке.

шеный пальмовый лист: говорят, на таких семеро мудрецов-риши три тысячи лет назад написали судьбы всех, кто появится на свет. Наклонные надрезы порвали бы шершавый лист, и, чтобы листья не рвались, южно-азиатские писцы придумали шрифт с чувственными изгибами.

— Вы фотографировали в 1983-м?

— Да. А это что такое?

На листе пальмы на трех языках повторяются одни и те же слова. На скругленном сингальском, угловатом тамильском, небрежном английском — и нигде ни дыры.



— Ступайте на сорок второй этаж: там вам осмотрят уши, подсчитают ваши смерти, зашифруют грехи и отметят луны. Потом поставьте печать у Помощника.

Она закрывает журнал, а с ним и разговор. От стойки тебя оттесняет мужчина в бинтах, он кашляет не переставая.

Ты поворачиваешься к тем, кто стоит за тобой. Воздеваешь руки, как пророк. Ты всегда любил выпендриться. Всегда держался развязно (кроме тех случаев, когда вел себя скромно).

— Вас, вампиров, не существует! Вы призраки моего храпящего мозга. Я наглотался дурацких таблеток Джаки. Это галлюцинация. Нет никакой загробной жизни. Я закрою глаза, и вы улетучитесь, как пердеж!

Они обращают на тебя не больше внимания, чем мистер Рейган — на Мальдивы. Ни жертвы автоаварий, ни похищенные, ни старичье в больничных сорочках, ни покойная, всеми оплакиваемая доктор Рани Шридхаран не замечают твоего взбрыка.

Шанс найти жемчужину в раковине — один к двенадцати тысячам. Шанс, что тебя ударит молния, — один к семистам тысячам. Шансы, что душа переживет гибель тела, равны нулю: пустота, пшик. Ты, без сомнения, спишь. И скоро проснешься.

И тут тебя посещает ужасная мысль. Ужаснее этого дикого острова, этой безбожной планеты, этого угасающего солнца и храпящей галактики. Что, если все это время ты спал? И отныне ты, Малинда Алмейда, фотограф, игрок, блядун, никогда

не закроешь глаза?

Ты следуешь за толпой, бредущей по коридору. Какой-то мужчина ковыляет на сломанных ногах, какая-то женщина прячет лицо, испещренное синяками. Многие в свадебных нарядах: так обряжают трупы в похоронных бюро. Прочие лишь в растерянности и лохмотьях. Ты опускаешь глаза, но видишь только руки, и руки эти чужие. Надо бы проверить, какого цвета у тебя глаза и что за лицо. Интересно, есть ли здесь зеркала в лифте. Выясняется, что в лифте нет даже стен. Души одна за другой шагают в пустую шахту и поднимаются вверх, как пузыри в воде.

Чушь какая-то. Сорока двух этажей нет даже в Банке Цейлона.

— А что на других этажах? — спрашиваешь ты всех имеющих уши, осмотренные или нет.

— Кабинеты, коридоры, окна, двери, как обычно, — отвечает тебе исключительно любезный Помощник.

— Бухгалтерия и финотдел, — добавляет согбенный старик, опирающийся на палку. — Такое хозяйство надо на что-то содержать.

— Везде одно и то же, — причитает покойница с мертвым младенцем. — В каждой вселенной. В каждой жизни. Одно и то же. Те же дела.

Сны тебе снятся редко, тем более кошмары. Ты плывешь вдоль края шахты, и что-то тебя толкает. Ты визжишь, как девчонка из фильма ужасов, ветер несет тебя к небу. Ты с удивлением замечаешь, что за тобой следует фигура в черном. Дикий ветер рвет ее плащ из мешков для мусора. Фигура в черном провожает тебя взглядом — ты уплываешь вверх — и кивает.

Ты решаешь попробовать иначе, спрашиваешь, что есть Свет. Но духи в ответ лишь ругаются и пожимают плечами. Испуганный ребенок обзывает тебя «понная», тем самым вменяя тебе и гомосексуальность, и импотенцию, но ты готов признать себя виновным только в одном. Ты спрашиваешь о Свете сотрудников, и все отвечают разное. Одни говорят — рай, другие — перерождение, третьи — забвение. Четвертые, как доктор Рани, отвечают «все что угодно». Все эти варианты тебя не очень-то устраивают, кроме разве что последнего.

На сорок втором этаже табличка с одним словом:

ЗАКРЫТО

По просторному коридору проплывают фигуры, не замечая стен, пока на них не налетят. За стой-

кою никого. Ряд красных дверей, но все закрыты, как предписывает табличка.

Посреди вестибюля чернеет фигура в плаще, не обращая внимания на праздношатающихся, что натыкаются на нее. Фигура глядит на тебя, манит к себе. Ты подплываешь к ней, она не сводит с тебя глаз — на этот раз они горят желтым.

Пока ты возвращаешься за стойку доктора Рани, вселенная успевает зевнуть. Ночь за стенами здания полнится ветром и шепотом. Внутри только стойки и недоумение.

Заметив тебя, доктор Рани качает головой.

— Нам нужно больше Помощников. И меньше жалобщиков. Все стараются как могут.

Она глядит на тебя.

— Кроме тех, кто не старается.

Ты ждешь, что она закончит мысль, но она уже явно закончила. Из-под стойки она достает мегафон. Теперь это прежняя доктор Рани, какую ты помнишь, — та, что кричала на кампусах в объективы телекамер.

— Пожалуйста, не заблудитесь. Пока вам не осмотрят уши, не приходите сюда. Сорок второй этаж откроется завтра. Тогда и вернетесь. Помните, что у вас ровно семь лун. И до восхода последней вам нужно достичь Света.

Ты готов разразиться ругательствами, как вдруг опять видишь фигуру в черном, она манит тебя обеими руками. Глаза ее мерцают, как свечки; в одной руке, похоже, твоя пропавшая сандалия. Доктор Рани замечает, на кого ты смотришь, и улыбка ее испаряется.

— Выведите его. Маал, вы куда?

Двое мужчин в белом перепрыгивают через стойки и бегут к фигуре в черном. Кучерявый, похожий на Моисея, вскидывает руки и что-то кричит на неизвестном тебе языке. Стоящий рядом с ним качок стремительно направляется к тебе.

Ты смешиваешься с толпой, лавируешь между сломленными людьми с кровавым дыханием, подходишь к фигуре, которая держит твою сандалию.

Ты приближаешься к нему, этому ангелу смерти в плаще из помойных пакетов, как приближался ко многому из того, к чему не следовало. К казино, зонам боевых действий, красивым мужчинам. Ты слышишь визг доктора Рани, но игнорируешь ее, как игнорировал амму, когда дада[6] ушел.

Фигура сверкает зубами, желтыми, как и глаза.

---

[6] Примечания: 1.6
Папа.

— Сэр, давайте уйдем отсюда. Эти бюрократы только полощут мозги. Как и в любой конторе в этом репрессивном государстве.

Фигура в плаще с капюшоном стоит к тебе лицом. И хотя ее лицо в тени, ты видишь, что это парень, моложе, чем ты когда-то. Один глаз у него желтый, второй, похоже, зеленый; что за дурацкие таблетки вызывают такие глюки? Голос глухой, точно у парня болит горло.

— Я знаю, сэр, что вас зовут Маали. Не тратьте здесь время. И пожалуйста, держитесь подальше от Света.

Ты следуешь за ним к шахте лифта, но на этот раз вы спускаетесь. Разъяренный фальцет доктора Рани, ревущие баритоны Моисея и качка превращаются в отдаленное эхо.

— Даже загробная жизнь устроена таким образом, чтобы оболванивать народ, — поясняет парнишка. — Вас заставляют забыть о своей жизни и толкают к какому-то Свету. Это все буржуазные приемчики угнетателей. Вас уверяют, будто несправедливость — часть великого замысла. И это мешает вам взбунтоваться.

Опустившись на дно шахты, вы выходите из здания, и на вас со всех сторон обрушивается ветер. Деревья стонут, груды мусора источают

зловоние, автобусы изрыгают клубы черного дыма. Тени пересекают улицы, Коломбо на рассвете отворачивает лицо.

— Где ты нашел мою сандалию?

— Там же, где и ваш труп. Вы хотите ее вернуть?

— Не особо.

— Я имел в виду жизнь, не сандалию.

— Я понял.

Слова сами срываются с губ, хотя у тебя не было времени, чтобы их обдумать. Хочешь ли ты увидеть свой труп? Хочешь ли вернуть жизнь? Или вопрос, над которым тебе и вправду следовало бы поразмыслить: как ты сюда попал, черт возьми?

Ты не помнишь ничего: ни боли, ни удивления, ни последнего вздоха, ни был ли он вообще. И хотя тебе больше не хочется ни мучиться, ни дышать, ты решаешь последовать за фигурой в черном.

Коробка под кроватью

Ты родился еще до того, как Элвис выпустил первый хит. И умер раньше, чем Фредди выпустил последний. В промежутке ты сделал тысячи снимков. Ты фотографировал, как министр на-

блюдает за толпой дикарей, которые в 1983-м[7] убивали тамилов и жгли их дома. Ты делал фотопортреты журналистов, пропавших без вести, и исчезнувших активистов (в тюрьмах их связывали, засовывали в рот кляп, убивали). У тебя есть зернистые снимки, на которых некий майор, полковник «Тигров» и британский торговец оружием — узнать их легко — сидят за общим столом и пьют кокосовую воду из одного кувшина.

На твоих пленках остались убийцы актера и сердцееда Виджайи[8] и крушение самолета Упали[9]. Ты держишь эти снимки в белой коробке из-под обуви вместе со старыми записями Элвиса и Фредди, короля рок-н-ролла и лидера группы Queen. Под кроватью, на которой спят кухарка и водитель твоей аммы. Если бы мог, ты сделал бы тысячи копий каждого кадра и расклеил по всему Коломбо. А может, у тебя это еще и получится.

---

[7] Примечания: 1.7

Речь о так называемом «черном июле» — серии погромов и беспорядков, направленных против тамильского меньшинства. В результате были убиты от 400 до 3000 тамилов, разрушены десятки тысяч зданий, многие тамилы уехали из страны.

[8] Примечания: 1.8

Ковиладж Антон Виджайя Кумаранатунга (1945–1988) — шри-ланкийский актер, эстрадный певец и политик.

[9] Примечания: 1.9

Филип Упали Виджевардене (1938–1983) — крупный шри-ланкийский бизнесмен.

Разговор с мертвым атеистом (1986)

Трупов ты навидался более чем достаточно и всегда понимал, куда улетают души. Туда же, куда пропадает пламя, если его задуть, туда же, куда девается произнесенное слово. Мать и дочь, погребенные под завалами кирпичей в Килиноччи[10], десять студентов, сожженных на груде покрышек в Малабе, фермер, которого привязали к дереву его же кишками. Их души никуда не делись. Были — и нет. Так и все мы исчезнем, когда в наших свечах истлеет фитиль.

Ветер подхватывает тебя и несет, мимо проносится мир со скоростью рикши, мелькают фигуры, лица, одни напуганы сильно, другие нет, почти никто не касается ногами земли. Тем, кто считает, будто в Коломбо слишком много народу, ты можешь ответить одно: это вы еще не видели, сколько в нем призраков.

— Ты с ним?

Этот вопрос задает старик с носом крючком и

---

[10] Примечания: 1.10

Килиноччи — город на севере Шри-Ланки, с 1990 г. ода был административным центром провинции, занятой «Тиграми освобождения Тамил-Илама».

глазами — стеклянными шариками, путешествующий тем же ветром. Голова его не на плечах, как водится у голов. Он прижимает ее к животу, как резиновый мяч.

— Не надо, сынок. Иначе застрянешь здесь.

Ты минуешь макушки деревьев и бока зданий, старик сообщает, что провел в Междумирье больше тысячи лун.

— Что такое Междумирье? — интересуешься ты.

Старик говорит, что был учителем в Кариколледже и каждый день ездил из Котахены в Бореллу[11]. Одежда его — окровавленные лохмотья.

— Вы попали в аварию? — уточняешь ты.

— Не надо хамить.

И поясняет, что призраки донашивают то, в чем ходили при жизни: всё лучше, чем голыми.

— В брошюрах на стойке написано, что мы облекаемся в свои грехи, травмы и вину. Но вот что я понял за тысячу лун: учуешь дерьмо — не глотай его.

Он помнит тебя по политическим митингам, ты отвечаешь, что на митингах не бывал, он уличает

---

[11] Примечания: 1.11
Районы Коломбо.

тебя во лжи. Говорит, что ты сфотографировал его обезглавленный труп, а имя его в подписи не упомянул. Что газеты назвали его смерть «политическим убийством», а это неправда.

— Большинство политических убийств не связаны с политикой, — настаивает он.

Существо в плаще с капюшоном стоит на крыше и наблюдает за вашей беседой. Ты не видишь, как оно несется по ветру, но оно всегда опережает тебя.

— За ним пойдет только тот, у кого глупость в крови.

Ты смотришь на свою окровавленную рубашку, но не можешь придумать ответную остроту.

— Он тебе наобещает всякого, а потом обманет.

«Точь-в-точь как все парни, с которыми я целовался», — думаешь ты, но молчишь.

— Он обещал поймать моего убийцу. Тот как раз купил себе дом на мои деньги. Но это другая история.

Люди внизу похожи на муравьев, если бы муравьи были туповаты и неуклюжи. Ты ловишь ветер, мертвый воздух Коломбо овеивает твои ступни.

Голова старика подмигивает тебе из-под локтя.

— Ты верил во что-то?

— Только во всякие глупости.

— Типа рая?

— Порой.

— Я не верю тебе.

Ты пожимаешь плечами.

— Ты, наверное, думал, что загробная жизнь как в рекламе «Эйр Ланка»? Золотистые пляжи, слоны в попонах, сборщики чая улыбаются в объектив?

Прав старик, ты действительно лжешь:

а) ни во что ты не верил,

б) ты его помнишь.

Школьный учитель участвовал в выборах в совет провинции, но родной брат-гангстер заказал его убийство и выиграл выборы. Когда ты фотографировал труп учителя, от лица почти ничего не осталось, но ты все равно узнал его.

— Ты думал, в загробной жизни будет молоко, пальмовый мед и девственницы-минетчицы? Или все-таки тайны, загадки и вопросы, которых не следует задавать?

— А знаете, почему заблудшие так мечтают о девственницах? — Ты повторяешь одну из глупых теорий ДД и торопишься пошутить: — Потому что, даже если вы в постели не очень, девствен-

нице сравнить не с кем.

Ветер несет тебя в вихре над парапетами и крышами автобусов. У мира размытые контуры, краски там, где их быть не должно, и призраки повсюду, куда ни глянь. Фигура в черном скользнула над гладью озера Бейра и приземлилась, точно ворона, на камень у входа в храм. На камне вырезан слон, преследующий корову, а та гонится за павлином по кругу времен. Мусорные пакеты хлопают, будто крылья, по резному бетону. Фигура остановилась, сложив руки на груди, и не сводит с тебя глаз. Делает жест, который тебе непонятен.

Твой спутник-старик наблюдает за тем, как ты рассматриваешь парня в черном. Ставит свою голову на ключицу. Фигура в плаще поворачивается к вам спиной и летит к берегу озера. Янтарные искры рассвета превращают поверхность озера в зеркало. Изогнутые ветви и офисные здания любуются своим отражением в водной ряби.

Старик вздыхает.

— А может, ты представлял себе загробную жизнь как комнату пыток? Где чувствуешь себя мирным жителем между бомбами государства и минами «Тигров»? Где тебя словно избивают палками за твою фамилию? Ад вокруг и действует

в эту самую минуту, когда мы с тобой разговариваем.

Он ставит голову на плечо, поворачивает ее, как перископ.

— Я-то, конечно, не верю ни во что. Ни в ту загробную жизнь, что есть, ни в ту, которой никогда не было. С чего бы ей быть? Почему не может быть ничего? В небытии смысла куда больше, чем в раю, перерождении или когда ты снова и снова проживаешь одно и то же унылое говно. — Он наклоняет к тебе голову. — Чего я не ожидал, так этой кровищи.

— Кто этот парень в плаще?

— Коммуняка из ДВП. Умер, а все равно болтает о революции. Очередной убитый убийца. Не разговаривай с ним. Иди ищи свой Свет и убирайся отсюда, пока можешь. Мне тоже следовало так поступить.

Мертвый атеист смотрит на озеро Бейра, точно размышляет о загробной жизни и обо всем, чего не успел.

— Что вы делали тысячу лун?

— Обошел все святилища, смотрел, как люди молятся.

— Зачем?

— Люблю поглазеть на дураков.

— Неплохо.

— Семь лун пролетят быстрее, чем ты думаешь, — говорит старик. — Не ходи ты за ним, и он от тебя отстанет. Если останешься здесь, тебе будет нечего делать.

Ты наводишь на старика объектив своей камеры, фотографируешь его на фоне озера и восходящего солнца. Голос его улетучивается, как добрые намерения. Ты озираешься, но не видишь ни старика, ни существа в плаще. А видишь только три трупа на берегу грязного озера.

Озеро Бейра

4 декабря 1990 года, во вторник, в четыре с небольшим часа утра двое мужчин в саронгах сбрасывают в озеро Бейра четыре трупа. Мужчины делают это не впервые, и не первый раз пьяными, равно как и в эту пору.

В тот день озеро Бейра смердело так, словно всесильное божество присело над ним на корточки, опорожнило содержимое кишечника, а смыть за собой забыло. Мужчины накачались ворованным араком не только потому, что нервы стали ни к черту после того, как они годами сбрасывали трупы в озеро, и не потому, что их

мучила совесть, а потому, что дышать этой вонью на трезвую голову — все равно что обнюхивать писсуар в общественном туалете.

Первое тело было завернуто в мусорные мешки. На трупе куртка-сафари, пять глубоких карманов набиты кирпичами. Выглядел труп стильно: одна сандалия, на шее фотокамера и три цепи. Веревкой из кокоса мужчины привязали кирпичи к торсу; он был весь в синяках. Мужчины считали, будто умеют вязать узлы, хотя не бывали ни в матросах, ни в скаутах.

Они зашвырнули труп в воду — так метают ядро, — и раздался негромкий плеск, неслышный уже за пару шагов. Первая бутылка арака избавила их от брезгливости, вторая лишила мелкой моторики. Едва тело попало в теплую воду, узлы тотчас же развязались, кирпичи канули в черную бездну.

С прочими трупами они проделывают тот же трюк. Один тонет, второй плывет. Ряды каменных будд из озерного храма взирают на плавучий труп без тревоги и любопытства. Мимо трупов снуют вараны, вышедшие искупаться поутру. Речные птицы сварятся из-за того, кто выклюет трупам глаза.

Прежде озеро Бейра было в три раза больше и

скрывало любые грехи. На дне его упокоилось многое с тех пор, как португальский купец Лопу де Бриту повернул реку Келани, чтобы помешать королю Виджаябаху, промышлявшему грабежами. Прежде река протекала в Панадуре, к югу от Коломбо, и впадала в озеро Болгода. Но ее захватили голландцы и загнали в каналы. Англичане ее похитили и приспособили к делу. На дне ее гниют трупы торговцев, матросов, проституток, бандитов и мирных жителей. Раз в десятилетие зловонная отрыжка реки окутывает Остров рабов.

— Идиот, — рыгает Балал Аджит. — Почему не приклеил изолентой?

— Я привязал. Ты сам меня торопил. Я не успел приклеить, — отвечает Котту Нихал.

— Эти узлы держатся хуже, чем редда[12] твоей аммы.

— Что ты сказал?

— Что слышал. В том хозяйственном в Навам Мавата продается изолента. Купить ее — пять минут.

— Он был закрыт.

— Так иди и открой его.

---

[12] Примечания: 1.12
Саронг.

— Айо, не могу. Уже просыпаются абхидхеи[13]. Нельзя же с утра пораньше бить священнослужителей.

Балал Аджит снимает футболку, подворачивает саронг. Снова рыгает. Коровий желудок в соусе карри исходит из брюха Балала Аджита, а потом и из горла. Во рту у него опять привкус требухи, маринованной в старом араке.

— Вот почему, Котту-айя, нам с тобой надо было надеть плавки.

Труп уже без рубашки, ребра запали, как разбитый кокос. Ты стараешься не смотреть на раздробленные кости, на куски мяса в бороде, на изуродованное лицо.

Но все равно смотришь. Эти звери тебе знакомы. Они работают в казино, им платят за то, чтобы они срывали злобу на тех, кто сорвал куш, и обирали тех, кого уже и без того обобрало их заведение. Ты не знал, что они еще и мусорщики. Эвфемизмом «куну каарая» обозначают тех, кто избавляется от трупов, на которые не получить свидетельства о смерти. Мусорщик стоит дешевле, чем продажный судья.

После того как Шри-Ланка в 1987 году заклю-

---

[13] Примечания: 1.13

Зд.: духовные люди. Абхидхея — духовная практика, направленная на служение Кришне.

чила мирный договор с Индией[14], мусорщики нарасхват. Трупы им поставляли в избытке и правительственные войска, и восточные сепаратисты, и южные анархисты, и северные миротворцы.

Свои прозвища Котту Нихал и Балал Аджит получили в тюрьме Великада, и оба за поварское искусство. Котту Нихал работал на кухне, рубил роти на котту[15]. Он так ловко пронес в тюрьму кухонные приборы, что превратился в торговца оружием. Котту завоевал всеобщее признание тем, что приставлял остро заточенные края мисок с котту к горлу очередного тюремного громилы. Балал Аджит прославился тем, что варил кошек (балала) под соусом карри и обменивал на сигареты.

Ты стоишь на трупе, как серфер на доске. Доводилось ли тебе при жизни заниматься серфингом? Телосложение у тебя что надо. Какой же ты был красавчик. Какая глупая утрата. Ты рыдаешь, как не плакал, когда дада ушел от аммы, но

---

[14] Примечания: 1.14

Речь о Первой Иламской войне (1983–1987).

[15] Примечания: 1.15

Роти — круглые лепешки. Котту — популярное блюдо из рубленой лепешки-роти, обжаренных овощей и различных добавок (яйца, сыр, мясо и др.).

потом затихаешь.

Ты не согласен с обезглавленным атеистом. Тридцать четыре года ты пылко верил в ничто. Не лучшее объяснение для этого бардака, но единственное, похожее на правду. Ты считал себя умнее тех баранов, что стекаются в церкви, мечети и пагоды, а получается, что бараны оказались умнее.

За свою короткую и бесполезную жизнь ты изучал доказательства и делал выводы. Мы только проблески света меж двумя долгими снами. Забудь сказки о богах, аде и прошлых жизнях. Верь в удачу, в справедливость, в то, что можно подтасовать уже подтасованную колоду, разыгрывать свои карты как можно дольше и как можно лучше. Ты пришел к мнению, что смерть — приятное забвение, и ошибся в том и в другом.

Единственное божество, в которое ты верил, — Нарада, яка[16] из низшей касты. Он занимался тем, что придумывал людям проблемы. И если у него это не получалось, у демона взрывалась голова. Он получил стандартный набор бессмертного и всеведение в придачу. Хоть ты и подозревал, что больше всего Нарада пекся о том, как бы у

---

[16] Примечания: 1.16
Демон.

него не взорвалась голова.

Зла бояться не стоит. Могущественные создания действуют в собственных интересах: вот от чего впору содрогнуться.

Чем еще объяснить безумие нашего мира? Если и существует Небесный Отец, он, должно быть, совсем как твой: ленивый, рассеянный и, возможно, порочный. Для атеистов существует только нравственный выбор. Нужно принять, что мы одни во вселенной, и пытаться создать рай на земле. Или принять, что никому нет до нас дела, и вытворять что угодно. Второе намного проще.

И вот ты наблюдаешь за тем, как эта парочка, которая в 1983-м жгла дома тамилов, пытается утопить твой труп. Вот тебе и приятное забвение, вот тебе и сон без сновидений. Ты обречен бодрствовать. Обречен смотреть, но не прикасаться, видеть, но не фиксировать. Быть импотентом, понная, как обозвал тебя мертвый ребенок у стойки.

Из тени является фигура в плаще. Плывет по ветру и, скрестив ноги, замирает возле каменных будд. Фигура говорит — губы ее не шевелятся, — она восседает на облаке, и слова ее возникают в твоей голове, голос ее точно кашель змеи.

— Сочувствую вашей потере, сэр Маали. Вы,

наверное, потрясены. Вам бы помедитировать возле своего тела.

— А это поможет?

— Вряд ли.

Кому из нас не случалось, взглянув на свою фотографию, осознать, что он толще и уродливее, чем думал? Зеркала нас обманывают, как и воспоминания. Они врут нам: ты был красавчиком. Стройный, подтянутый, с хорошими волосами и отличной кожей. А теперь ты труп на столе у прозектора, бледный и бездыханный. Над тобою заносит нож убийца кошек.

— Ты мой Помощник? — спрашиваешь ты, но ответа нет. Фигура исчезла, и ты ждешь, когда она подкрадется к тебе.

— Нет, сэр. Забудьте о Помощниках. Все это чушь. Эти болваны в белом сплошь бюрократы и вертухаи. Они превратили Междумирье в дурдом. Увы.

Некогда Всемирный банк и голландское правительство выделили средства на переустройство каналов. Большая часть этих денег осела в надежно пришитых карманах. Техническое предложение отклонили, убрали в папку к планам невыстроенных шоссе и небоскребов. На Шри-Ланке заказ достается тому, кто предложил

минимальную цену, а еще выгоднее, если подрядчик готов работать бесплатно.

Котту удерживает твой труп под водой, надеясь, что жидкость проникнет внутрь сквозь дыры в черепе. Вода очищает мозг, но тело так и не тонет. Котту ругается, сплевывает. Балал гребет к трупу, держа нож над головой, точно лягушка, изображающая официанта. Нож большой, коричневый, потускневший, вне всякого сомнения, от крови тысячи кошек.

Ты изучил повадки этих людей, ты избегал их на улицах и в джунглях, ты знаешь, кто они и что таких, как они, не счесть. Они тоже уверены, что их никто не видит, им невдомек, что ты плюешь им на волосы. Громилы работают на своего главаря, а его нанимают копы по приказу военных, тех финансирует министерство, которое отчитывается перед кабинетом министров, а кабинет министров заседает в здании, выстроенном Дж. Р.[17]

В 1988 году марксисты из ДВП взяли народ за глотку, и на следующий год правительство приняло жесткие меры. Всех, кто хоть как-то связан с политикой, ловили громилы, передавали на

[17] Примечания: 1.17

Джуниус Ричард Джаявардене (1906–1996) — шри-ланкийский политик, премьер-министр (1977–1978), президент (1978–1989).

допрос, а потом и на казнь — в зависимости от результатов допроса. Палачами были, как правило, садисты из бывших военных, большинство — в черных капюшонах, как у ку-клукс-клана, с прорезями для глаз (разве что у ку-клукс-клана капюшоны белые).

Проследи за любой какашкой, которая плывет против течения, и она приведет тебя к члену парламента. Доктор Рани Шридхаран из Университета Джафны, как известно, составила план экосистемы террористической ячейки «Тигров» и карательного отряда правительства. Те, кто пачкает руки, не имеют связи с теми, кто держит власть, и поэтому те, кто у власти, обвиняют кого хотят. Добрая доктор в своей книге без спросу использовала твои снимки. Ее пристрелили, когда она ехала на велосипеде на лекцию. Скорее всего, за то, что выступала против «Тигров», а не за то, что украла твои фотографии.

Ну и ладно, сейчас на твоих глазах творится кое-что посерьезнее. Твоему трупу перерубили позвоночник, как и другому, чьего лица не видно. К кишкам и кровище тебе не привыкать, но это невыносимо.

Ты наблюдаешь, как второму трупу отрезают голову, кисти, ступни. Балал режет, Котту поли-

вает водой из шланга (возле храма есть кран). Кровь исчезает в темных водах Бейры. Фигура в плаще уводит тебя, когда громила направляется к твоему расчлененному телу. Фигура снимает капюшон, ты видишь его лицо. Он молод и даже, можно сказать, миловиден, невзирая на шрамы и зажившие струпья.

— У тебя все в порядке, хаму[18]? — спрашивает он.

— Не совсем, — отвечаешь ты.

Он хмурится, качает головой.

— Сэр меня не помнит.

Ты смотришь на синяки на его шее и ожоги на плечах.

— Хватит называть меня «сэр».

Он напоминает тебе о железной дороге, что соединяет Дехивелу с Веллаватте, напоминает тебе о драке на митинге коммунистов в Веннаппуве и темном пляже в Негомбо. Ты не помнишь его шоколадную кожу, его стройное тело, его тонкие губы, не знаешь его имени.

Эти быки между тем ругаются из-за того, что солнце вот-вот взойдет, а кровь не смывается и куски трупов не тонут. Ты видишь, как голову,

---

[18] Примечания: 1.18
Вежливое обращение.

что когда-то была твоей, кладут в полиэтиленовый пакет и швыряют в озеро. Ты видишь, как руки и ноги, что некогда принадлежали тебе, рассовывают по коробкам. Ты удивляешься: почему же тогда голова по-прежнему у тебя на плечах, а у мертвого атеиста — нет?

— Меня звали Сена Патхирана. Я был главным организатором ДВП в Гампахе. Мое тело бросили в это поганое озеро многие луны назад. Мы с вами встречались.

Ты юркаешь туда, где заворачивают прочие части тела. Руки, ноги, головы завернуты в полиэтиленовые пакеты, точно их сейчас уберут в холодильник.

— Я не…

— Вы пытались поцеловать меня на митинге в Веннаппуве. Я не надеюсь, что сэр помнит, сэр.

Ты смотришь, как части тела плывут вдоль берега Бейры, слышишь ругань мусорщиков и ждешь — хоть надежда тускнеет, — что вернутся воспоминания.

Аббревиатуры

Когда-то ты сделал шпаргалку для Эндрю Макгоуэна: молодого американского журналиста

сбивали с толку ланкийские аббревиатуры. И с тех пор ты не раз пользовался ею для прочих приезжих.

Дорогой Энди,

человеку со стороны трагедия Шри-Ланки может показаться непонятной и непоправимой. Ни то ни другое вовсе не обязательно.

Вот главные игроки.

ТОТИ — «Тигры освобождения Тамил-Илама».

Хотят, чтобы у тамилов было собственное государство.

Ради этой цели готовы убивать мирных тамилов и тех, кто держится умеренных взглядов.

ДВП — «Джанатха Вимукти Перамуна»

(Народный фронт освобождения Шри-Ланки).

Хотят свергнуть капиталистическое государство.

В процессе освобождения готовы убивать рабочий класс.

ОНП — Объединенная национальная партия.

Также известна как Партия «Отца невесты».

У власти с конца 1970-х, участвовала в двух войнах.

СОГ — Специальная оперативная группа.

По указу правительства похищает и пытает всех, кого подозревают в том, что они состоят или поддерживают ТОТИ или ДВП.

Нация делится на народы, народы на фракции, фракции нападают друг на друга. Те, кто в оппозиции, проповедуют мультикультурализм, а после в обмен на власть укрепляют главенство сингальцев-буддистов.

Ты здесь не единственный приезжий, Энди.

Есть много других, кто так же растерян,

как ты.

ИМС — Индийские миротворческие силы.

Присланы нашим соседом, чтобы поддерживать мир.

Чтобы выполнить эту задачу, сжигают

деревни.

ООН — Организация Объединенных Наций.

Открыли конторы в Коломбо.

Как заказчики — полные мудаки.

ОИА — Отдел исследований и анализа.

Индийская разведка, которая проворачивает в Шри-Ланке сомнительные делишки.

Лучше с ними не связываться.

ЦРУ — Центральное разведывательное управление.

Сидит себе на берегу острова Диего-Гарсия и смотрит в мощный бинокль.

Это правда, Энди? Скажи, что нет.

Ничего сложного, мой друг. Не ищи здесь хороших парней, их тут нет. Все они самодовольные, алчные, никто ничего не станет менять, пока деньги не передадут из рук в руки или не вскинут кулаки.

Положение усугубилось, как никто не мог и представить, и с каждым днем все хуже и хуже. Береги себя, Энди. Эти войны не стоят того, чтобы на них умирать. Ни одна из них.

Малин

Разговор с мертвым революционером (1990)

Ты очень рано понял, что тебе нравятся парни. Когда дада сказал, что всех гомосеков надо связать и изнасиловать ножом, ты опустил взгляд на свои тапочки и больше никогда не смотрел ему в лицо.

Быть может, настанет время, когда гомосексуалы будут целоваться на улицах, вместе брать ипотеку и умирать друг у друга в объятиях. Но не на твоем веку. На твоем веку встречаются в темноте с незнакомцем и расходятся навсегда. Или крутят тайные романы, а когда те заканчиваются, не позволяют себе страдать. Или поступают радикально: находят девушку, живут с ней под одной крышей, а спят в другой комнате с сыном хозяина дома.

— Вы пришли на митинг ДВП. Попросили меня попозировать с флагом. Потом попытались поцеловать. Через неделю убрали первую группу моих товарищей. А через месяц убрали меня.

Медленно, с болью ты вспоминаешь случившееся. В Шри-Ланке 1980-х «убрать» тебя могло

правительство, анархисты из ДВП, «Тигры»-сепаратисты, индийские миротворцы — в зависимости от того, в какой провинции ты живешь и как выглядишь.

— Идемте за этими крысами.

Сена ведет тебя на крышу белого фургона. Черные мешки для мусора — его плащ с капюшоном — скреплены изолентой, в отличие от тех, в которые завернули труп Сены, часть его плавает в озере Бейра, часть лежит в фургоне. Ты не знаешь наверняка, откуда у него эти отметины на щиколотках, но догадываешься. Ты смотришь на свои ноги и видишь кожаную сандалию: ее привезли из Мадраса и продали в Джафне.

Белый фургон «мицубиси-делика» трогается с места. Сзади сидят Балал и Котту, они ополоснулись из шланга, переоделись в баньяны[19]. Коробки с мясом в задней части фургона уже пованивают. Отбивные, бифштексы и вырезка, некогда бывшие плотью твоей и двух других жертв. Такое ощущение, будто часть достали из холодильника.

Водитель — юный солдатик, он горбится над рулем и бормочет себе под нос:

---

[19] Примечания: 1.19
Длинная просторная рубаха.

— Кто-то со мной разговаривает, но не эти двое и не я сам с собой. Кто же тогда?

На нем полковничья форма, но выражение лица смущенное, как у испуганного студента. Вместо ноги — протез, он держит его на сиденье, руку занес над переключателем передач. Сена что-то шепчет парнишке на ухо и с улыбкой поворачивается к тебе.

— Если вы мне поможете, я научу вас, как шептать живым. — Он надевает капюшон, откидывается на сиденье.

— Ты вроде рассказывал мне, как я умер, — отвечаешь ты, хоть и не уверен, что хочешь это знать.

Парнишка-водитель нервно оглядывается, будто слышит что-то, чего не слышишь ты. Он переключает передачу, фургон дергается дважды.

— Сэра схватили в клубе центра искусств, или куда там ходят богатые понная. Сэра сунули в фургон, избили трубой. Посадили на цепь в комнате, заваленной дерьмом мертвецов.

Сена поднимает руку: там, где некогда были ногти, ныне кровавые струпья.

— Быть может, когда вы пришли в себя, над вами склонился человек в маске и задал вам вопросы: «Вы из ДВП?» Или: «Вы из „Тигров“?» Или:

«Вы из иностранной НКО?» Или: «Вы индийский шпион?» В общем, наверняка вас расспрашивали, зачем вы фотографировали и кому посылаете снимки.

Водитель окликает пассажиров:

— Эти лишние трупы, откуда они, а?

— Заткни пасть, Водила, и рули себе. — Балал смотрит на пятна на своих ладонях.

— Мистер Балал, мне противна эта работа.

— Спасибо, что сообщил. Я упомяну об этом в отчете. А теперь езжай.

Тем временем Котту хлопает Балала по плечу и произносит, понизив голос:

— Балал-малли[20], я пожалуюсь боссу.

Он подкручивает усы.

— Какому боссу?

— Большому боссу.

— Большому-пребольшому?

— И ему тоже. Я не боюсь. Требовать от нас работать в таких условиях — верх непрофессионализма.

Сена проплывает перед тобой, кричит тебе в лицо. Ты подносишь к глазу разбитую камеру и снимаешь его на фоне движущихся деревьев.

---

[20] Примечания: 1.20
Вежливое обращение к младшему.

— Может быть, вам хотелось плюнуть им в лицо и проклясть их детей. Но вы только плакали, дрожали и умоляли. Может быть, вам загоняли гвозди под ногти. Может быть, вы сказали им все, что они хотели услышать. Может, вам засовывали в рот дуло пистолета.

В глазах его слезы, он не удосуживается их вытирать.

— Так было с тобой?

— Так было со всеми нами. Двадцать тысяч в прошлом году. В основном невинные идиоты. Столько не наберется во всем ДВП.

— Я не из ДВП.

— Министр Сайрил Виджератне сказал: «Дюжину ваших за одного нашего». И этот негодяй не шутил. Разве что ошибся в расчетах.

— Убрали двадцать тысяч? Ты сам ошибся в расчетах.

— Я видел трупы.

— Я тоже. Тысяч пять от силы.

— ДВП убила менее трехсот человек. А правительство, чтобы нас раздавить, убило двадцать с лишним тысяч. Если не в два раза больше. Это факты, сэр.

— Правительство убило двадцать с лишним тысяч, — повторяет Водила, услышав разговор за

спиной. — К чему убивать дальше? ДВП уничтожена. ТОТИ молчат.

— Заткнись и веди машину, — говорит Балал.

— Если есть жизнь после смерти, там мы заплатим за все, — не унимается водитель.

— Идиот. Нет никакой жизни после смерти, — парирует Котту. — Только это дерьмо.

— Куда мы едем? — спрашивает Водила.

— На перекрестке налево, — отвечает Балал. — И замолчи уже.

— Неплохая идея. Сунуть в рот пистолет, — с этими словами Водила поворачивает руль.

* * *

— И какие здесь правила, товарищ Патхирана? — спрашиваешь ты Сену на крыше белого фургона.

— Никаких правил, сэр. Как и там. Вы сами устанавливаете правила.

— Я имею в виду правила передвижения. Можно лететь, куда ветер несет?

— Не совсем, хаму. Вы можете передвигаться только по той территории, где находится ваше тело.

— И всё?

— И еще полететь туда, где произнесут ваше

имя. Но ни в Париж, ни на Мальдивы попасть не получится. Если, конечно, туда не перевезут ваш труп.

— Почему именно на Мальдивы?

— Призраки ошибочно принимают это место за рай. Там духов больше, чем скатов на отмелях.

— Но ведь можно лететь, куда дует ветер?

— Да, сэр, это нечто вроде общественного транспорта для мертвых. Я вам покажу.

И он исчезает сквозь крышу фургона. Окликает тебя, ты озираешься. Занялся рассвет, в автобусы набились офисные рабы и школьники, которые, выучившись, тоже станут офисными рабами. И на каждом транспортном средстве висят такие, как ты. Ты окидываешь взглядом пробку и видишь, что на крыше каждой машины сидят духи.

— Маали-сэр. Сюда. Ныряйте.

Ты щипаешь себя, но не чувствуешь ничего. Вероятно, ты спишь. Или у тебя больше нет тела. Или ты спишь, и тебе снится, что у тебя больше нет тела. А значит, ты можешь смело нырнуть сквозь железную крышу движущегося белого фургона. Ты ныряешь в салон. Это все равно что прыгнуть в бассейн, если бы вода отдавала ржавчиной и вдруг оказалась сухой.

— Почему мы не выпали сквозь днище?

— Сэр не слушает. Мы привязаны к нашим телам. И можем лететь с любым ветром, который дует там, где были наши тела.

— Вот как?

— Если вы отдадите концы в Кандане и вас повезут хоронить в Кадуганнаву, вы можете сойти где угодно на дороге в Канди.

— Да, но, если меня пырнут ножом на кухне в Курунегала и закопают в саду, получается, мне и деваться некуда?

Он толкает тебя вглубь салона, к вонючим коробкам с мясом. Встает между Балалом и Котту и ждет. Очень может быть, что когда-то ты попытал счастья с этим дрищом. В последние десять лет ты трахал все, что шевелится, и много такого, что не желало шевелиться. Так говорил ДД, твой сосед по квартире, за бокалом мартини. Насмешка, замаскированная под шутку.

У Бишоп-колледжа фургон наезжает на кочку. Сена глубоко вдыхает — чего-то, явно не воздуха — и одновременно бьет Балала и Котту. Фургон трясет, они стукаются головами. Сена смеется, ты тоже. Даже покойники любят грубые шутки.

— Что за черт? — Котту с воплем хватается за голову.

— Извините, босс, — бубнит Водила. — Кочка.

— Я тебе дам «кочка»!

— Дороги дерьмо. Правительству пора в отставку.

— Всем плевать на твою политику, — говорит Котта, потирая шишку на лбу.

— Как ты это сделал? — спрашиваешь ты Сену, и он отвечает:

— Духам бесплотным тоже доступны кое-какие приемы. Но только после того, как решите.

— Решите что? — спрашиваешь ты.

— С нами вы или нет.

— С кем это, «с нами»?

— С такими, как вы и я.

— Кто одевается в пакеты для мусора?

— Кто отплатит за всех, кого убили. Отомстит за тех, у кого нет могилы.

— Как?

— Уничтожив этих ублюдков. Их боссов. Боссов их боссов. Того подонка, который нас убил. Мы разделаемся со всеми, хаму. Сэр мне не верит? Это ваша первая ошибка.

— Айо, путха[21]. Я ошибался чаще, чем ты трахался.

---

[21] Примечания: 1.21
Зд.: сынок.

— Мой труп вместе с семнадцатью прочими держали в холодильнике. До того, как меня наконец выбросили в это озеро. — Сена кутается в пакеты.

Фургон дергается, громилы ворчат. Такое чувство, будто Водила задремал и врезал по тормозам. Ты замечаешь морщины на его лице, тени, что падают на его уши. В глазах его отчаяние, привычное для тех, кто по нашим пробкам везет человечину. Фургон трогается с места, и Сена что-то снова шепчет Водиле на ухо.

— Я помогу тебе найти то, что ты потерял, — говорит он.

Водила ничем не выдал, что услышал его, разве что приподнял бровь.

— Обидчики будут наказаны. Обиженные утешатся.

— Он слышит тебя?

— О да.

— Мы можем разговаривать с живыми?

— Этому можно научиться.

На кругу в Мирихане фургон выезжает из пробки и через пригороды катит в промзоны.

— Сена, куда мы едем?

— Разве вам неинтересно, чьи те два трупа?

Ты смотришь на мух, вьющихся над пакетами

с мясом. Быть может, мухи тоже перерождаются, как мы?

— Кто они?

— Скоро узнаете.

— Теперь мне и правда интересно. Куда мы едем, товарищ Сена?

— Не знаю, босс. Может, нас все же положат в могилы.

— Там уже хоронить-то нечего.

— Это всего лишь мясо, хаму. Красивая часть вас по-прежнему здесь.

Немногие называли тебя красивым, хоть ты и правда был красавчик. Ты вспоминаешь, как твое прекрасное тело разрубили мясницким ножом. Как мы все безобразны, когда от нас остается лишь мясо. Как безобразна эта красивая земля, каким безобразным казался ты своей амме, Джаки и ДД.

Баклажаны

ДД называл их самой безобразной штукой на свете, ты отвечал ему: на свете много чего безобразного, баклажаны даже не в первой десятке. В коробке под кроватью пять конвертов, и в каждом что-нибудь безобразное. В каждом конверте

черно-белые фотографии, на каждом фломастером написано название игральной карты. В твоей комнате не было мебели, ты выбросил из своей жизни все, кроме своих фотографий и этих коробок.

ДД однажды сказал, что за свою жизнь видел всего три баклажана: твой, своего отца и собственный.

— Как же тебе повезло, — ответил ты. — Вообще-то не все они похожи на баклажаны. Большинство на куриные шейки, некоторые на грибы, у кого-то — на кулачок.

— Ты-то их навидался, да? — спросил ДД, и вопрос этот был тяжелее бронемашины, за рулем которой ребенок (ты однажды ехал на такой в Килиноччи).

— Видел немного, — ответил ты. — И все они были красивые.

— Ты-то, конечно, готов целовать что угодно, — заметил ДД. — Все, что шевелится. И что не шевелится.

— Если речь о баклажанах, то они всегда шевелятся, когда тебе совсем этого не надо.

Ты изложил ему свои великие теории о пенисах. И что азиаты трахаются чаще, хотя у них самые маленькие. И что среднестатистический

член одновременно мясистый и мускулистый, влажный и сухой, твердый и мягкий, гладкий и сморщенный. И что это единственная часть плотского облика, которая меняет форму в зависимости от обстоятельств. Представь себе нос, который растет на дюйм всякий раз, как ты лжешь. Или мизинец, который превращается в большой палец.

— Сколько? — спросил ДД; его подбородок был над твоими коленями. Ты качал пресс, он тебе помогал. — Двадцать? Пятьдесят?

Ты пробовал вести счет, но сбился, добравшись до трехзначных чисел.

— Меньше десяти? Фигня. Должно быть, раза в два больше. Я так и знал. Еще больше? Больше двадцати? Гадость какая.

— Нам обоим нравятся баклажаны, что тут такого?

— Мне только твой.

Ты рассказал ему, что те, кому сразу после рождения сделали обрезание, становятся жестокими, злость клокочет у них в подсознании.

— Это глупость и предрассудки, — сказал ДД. — Я обрезанный, а ты нет. И кто из нас более жесток?

— Гм.

— Ты считаешь меня жестоким?

— В тебе есть страсть. — Ты заносишь над его красивой шеей штангу и смотришь, как он поднимает ее. — Когда ты чем-то взволнован, это страшно. Я даже представить себе не могу, какой ты в гневе.

Вес покоряется силе тяжести, кровь приливает к груди ДД, и он ухмыляется.

— Ты ни разу не видел, чтобы я волновался.

— Неправда.

— И теории твои — чушь собачья.

— Тогда почему американцы, мусульмане, евреи вечно воюют? Это в них говорит подсознательная ярость из-за того, что они в младенчестве лишились крайней плоти. Малыш плачет, если ударится головой. Представь себе, как больно, когда…

— Большей глупости ты еще не говорил. А уж тебе-то случалось говорить очень большие глупости.

— Я прочел это в докладе ВОЗ. Все воинственные народы обрезаны. Израиль, Ливан, Иран, Ирак, США. Конго…

— А Советы, немцы, британцы, китайцы? Тоже обрезаны?

— Все теории несовершенны.

— Ха.

Он с улыбкой протягивает тебе штангу.

— А сингальцы и тамилы? — спрашивает он. — Ни тех ни других не обрезают.

Он поднял брови, на щеках обозначились ямочки. У ДД есть одна раздражающая привычка: иногда он говорит умные вещи.

После этого вы боролись, катались по полу. Потом ДД спросил, у кого из тех, кого ты видел, был самый большой и самый маленький, и ты рассказал ему о простом крестьянине из Ванни и крепко сбитом рокере из Берлина. Ты умолчал о том, что крестьянина — член у него был огромный — ты застал уже трупом. И о том, что гитарист поколотил тебя в переулке, хотя у него был крошечный и необрезанный — а может, именно поэтому.

Ты говоришь ДД:

— Член — доказательство того, что для мужчин не существует свободы воли.

Повисла пауза, и ДД фыркнул:

— Более жалкого оправдания я не слыхал.

— Мы не вольны распоряжаться тем, от чего к члену приливает кровь. Как будто демоны шепчут нам в уши и надевают шоры на глаза.

— Тебе — может быть.

В тот вечер ты достал из коробки конверт. Этот

ты еще не озаглавил, но если бы озаглавил, то, наверное, «баклажаны». В нем лежали снимки разнообразных мужских гениталий, ты сделал их как с ведома, так и без ведома тех, чьи это были гениталии. Лучшие ты сохранил, спрятал в конверт с надписью «Валет», а прочие уничтожил. ДД повадился рыться в коробках с твоими снимками, и это зрелище оказалось бы чересчур для его красивых глаз.

В коробке пять конвертов, каждый назван по игральной карте. В «Тузе» фотографии, которые ты продал британскому посольству. В «Короле» снимки, которые заказала тебе сингальская армия. В «Даме» — купленные одной тамильской НКО. А «Валет» только твой.

Пятый конверт назывался «Десятка», в нем были фотографии ДД и самых красивых пейзажей Шри-Ланки.

— Ты твердая десятка, — сказал ты ему однажды. — По шкале от одного до тринадцати.

Профессиональные мясники

Фургон трогается с места. Котту закуривает очередную сигарету, чешет живот. В салоне дымно, влажно, воняет ржавчиной, пепельницами и

тухлым мясом.

— Я говорил тебе, что меня злит больше всего? — спрашивает Балал.

— Большой босс? — предполагает Котту.

— Непрофессионализм.

— Большого босса?

— У тебя один «большой босс» на уме. Он что, тебе наливает?

— Я маленький человек, который делает грязную работу, — отвечает Котту. — Если бы я мог найти нормальную работу, нашел бы. Но кто же возьмет вора?

Котту печально приглаживает усы, Балал хрустит пальцами. Руки у него мускулистые: он годами рубит мясо. Щеки у Котту обвисли: он годами жует бетель.

— Вот и я говорю, — подхватывает Балал. — Надо работать нормально. А не в дикой спешке, как сейчас. Надо отрезать пальцы, выбивать зубы, превращать морды в кровавое месиво. Тогда тоже не опознают. А после этого их можно выбросить где угодно.

— Это не нормальная работа, — говорит себе под нос Водила.

— Ты вроде говорил, что придумал выход? — Котту похлопывает себя по пузу. — Холодильник

на четвертом этаже и так битком. Туда не влезет.

— Может, порубим их на куски да где-нибудь закопаем?

— Не надоело тебе рыть ямы? Нож — не выход.

— Я профессиональный мясник. Но здесь платят лучше, чем на куриных фермах.

— Мистер Балал. Мистер Котту, — окликает Водила. — Я очень устал. Когда мы поедем домой?

Мусорщики не обращают на него внимания.

— Айя[22], а я говорю, что надо все делать правильно, — настаивает Балал. — Выпотрошил, пустил кровь, разрезал на куски, закопал. Каждый раз в новом месте.

— Почему бы просто не выбросить их в джунглях и чиркнуть спичкой?

— Где здесь джунгли, айя? В детском парке Сатуту Уяна?

— И что ты предлагаешь? В Бейре они не тонут. В Дияванне их вынесет на берег. На пляжах охрана. Костры без разрешения разводить нельзя.

— На Кроу-Айленд, где свалка.

— Там слишком много людей, которые как вороны.

— Я как-то ел ворону. — Водила улыбается од-

---

[22] Примечания: 1.22
Зд.: брат.

ними губами. — На вкус как коза.

— Есть лесной заповедник Лабугама. Говорят, СОГ и ИМС закапывают там трупы слева, справа и посередине, — отвечает Котту.

— Туда просто так не попасть. Наверняка нужен пропуск, — замечает Балал.

— Я поговорю с большим боссом, — обещает Котту. — Законы должны соблюдать даже убийцы, нет?

— О'кей, вот что я придумал, — продолжает Балал, когда фургон встает в очередную пробку.

— Послушаем, — говорит Котту.

— Мы скормим их моим кошкам.

— Что?

Балал смеется пронзительно и невесело. Водила что-то бормочет себе под нос, Сена на пассажирском сиденье шепчет ему на ухо. Ты дрожишь у мешков с человечиной, подносишь к глазам фотоаппарат.

— Шучу, шучу. Но кошек у меня дома более чем достаточно. Есть даже кошка-рыболов, я нашел ее в сточной канаве. Она всегда голодна.

— Кошка-рыболов? Серьезно? — бросает Котту. — А чего не болотный крокодил? Не пантера из зоопарка?

Котту позволяет себе лишнего, и Балал это

замечает.

— А зачем вам кошки? — спрашивает Водила, он уже не смеется, жмет на клаксон.

— Хороший побочный бизнес. Я продаю их китайцам.

— В китайское посольство? Не ври.

— Нет, айя. В китайские рестораны в Грандпассе[23]. Китайцы никогда не задают вопросов.

Они смеются, как ведьмаки, передают друг другу последнюю сигарету.

— Балал, ублюдок ты этакий. Водила, поехали в отель. Придется уж как-нибудь втиснуть их в холодильник.

— Еще кого-то сегодня ловим? — Водила не улыбается и не хмурится, словно его устроит любой ответ.

— Нет, малли. Мы лучше поспим, нет?

— Я никогда не сплю. — Водила глушит мотор.

Освети закоулки памяти[24]

Ты не помнишь, как пошел и заговорил или как

---

[23] Примечания: 1.23

Район Коломбо.

[24] Примечания: 1.24

Намек на песню The Way We Were Барбры Стрейзанд из фильма «Встреча двух сердец» (1974).

тебя научили какать в горшок. А кто помнит? Ты не помнишь, как был в утробе, как вышел из нее, как лежал в инкубаторе. Или где был до этого.

Память приходит к тебе с телесными хворями. С насморком, болью, зудом, царапинами. Странно, ведь у тебя больше нет тела, хотя, быть может, гипнотизеры и правы, быть может, и боль, и наслаждение действительно существуют лишь в голове. Воспоминания приходят к тебе со вздохами, удушьем и расстройством желудка.

Это происходит всякий раз, как ты подносишь к глазам камеру. В ее стеклянном глазке мелькают проблески света, падающего на лица, теней, простирающихся по холмам, твоих фотографий, разбитых тобой объективов. Ты помнишь обрывки, ты возвращаешь себе куски.

Ты чувствуешь, как колет аппендикс, когда ты видишь Альберта Кабалану и Лакшми Алмейду на пляже Пасикуда, они держатся за руки накануне десятилетия сына. Тогда они еще играли в бадминтон в смешанных парах. Через несколько лет Берти уйдет, а Лаки привыкнет выпивать днем. Он еще не знает о болезни внутри, она не знает о тете Далрин.

Ты беззвучно щелкаешь Nikon 3 ST и видишь мужчину, с него сорвали одежду, избили его,

смеющаяся толпа собирает дрова для костра. Из-за этого снимка тебе позвонила смуглая леди с большими губами. Пиковая дама, чье имя не вспоминается, как ты ни морщишься, как ни стонешь.

Ты нажимаешь на треснувшую кнопку и видишь неразорвавшийся пояс смертника, его хозяина убили «при попытке к бегству», ты сфотографировал его при свете свечи. У братской могилы в Сурияканде тебе не нужен был свет: заря золотила рисовые поля. Прищурясь, ты смотришь на трупы, протянувшиеся до горизонта, всюду мертвые дети, насколько хватает глаз. Перед казнью мальчишек заставили написать родителям предсмертные записки, будто они покончили с собой. С ними расправились за то, что они дразнили сына директора школы, а тот, как выяснилось, был знаком с одним полковником из СОГ.

Ты не помнишь, сколько раз изменял ДД, но стыдно тебе было только однажды. Ты не помнишь, как голосовал за Дж. Р… как потерял тринадцать лакхов за три минуты или как сообщил отцу то, что его сломило. Но ты знаешь, что все это делал.

Ты не помнишь Сену. Ни как вы познако-

мились, ни как ты попал на митинг, ни как попытался его поцеловать. Ты не помнишь, как умер. Как это случилось, кто был рядом. И почему ты предпочел бы этого не знать.

Может, тебя убили за то, что ты слишком хорошо выполнял свою работу, как многих журналистов и активистов за последние десять лет. А может, тебя прикончили из-за того, что ты издевался над тем, у чьего отца нашлись влиятельные знакомые. А может, ты свел счеты с жизнью, ведь ты уже пытался. Все сценарии правдоподобны.

Но главный убийца в этой безбожной вселенной — случайная комбинация игральных кубиков: это знает каждый игрок. Обычное невезение, какое бывает в этих вонючих джунглях. То, от чего не застрахован никто.

Камера полнится грязью. Ты встряхиваешь ее — а не надо бы — и дергаешь все, что висит у тебя на шее. Подносишь Nikon к лицу; в объективе уже не бурое. Там разбито стекло, расплываются краски. Ты видишь мертвых после обстрела в Килиноччи. Ты видишь искалеченную собаку, окровавленного мужчину, мать и дитя. Ты сделал этот снимок с крыши рушащегося здания, и по мере того, как ты смотришь на это, дыра в животе твоем ширится, вот она уже бьется у горла. Это

отнюдь не самое страшное фото в твоей коробке, но по какой-то причине оно печалит тебя сильнее всего.

Ты возвращаешься к последнему воспоминанию. Ты в казино и поставил все фишки на черное.

Кладбища не посещать

— Эй! Куда ты?

Фургон застрял в пробке возле кладбища Борелла. Мусорщики-громилы уснули, Водила фальшиво мурлычет себе под нос ламбаду. Совсем как в оригинале.

— У меня работа, — говорит Сена. — И мне кажется, сэр зря отнимает у меня время.

— Что мне прикажешь делать?

Тебе не улыбается проторчать все семь лун в фургоне, битком набитом человечиной. Мусорные пакеты шуршат на ветру.

— Никто никого не может заставить. В том-то и дело.

Сена спрыгивает с крыши велорикши на автобус, а оттуда — на кладбищенскую ограду. Интересно, получится ли у меня выпрыгнуть из движущегося фургона, думаешь ты. Вообще-то

так и умереть недолго.

— Если вам наплевать, почему вы умерли, мне-то какая разница? — кричит с тротуара Сена.

За Балалом и Котту — они храпят, изо рта свисает слюна — что-то шуршит. Из пакетов с мясом вылезают два призрака. В рваной одежде, с пустыми глазами, у обоих стрижки маллет, ты их узнаешь и догадываешься почему. Ты видел их трупы на берегу озера Бейра: порубленные на осьмушки, они валялись рядом с вашими с Сеной телами. Призраки — молодые парни, которых явно избили до смерти. Они направляются к тебе, вращая глазами.

Ты подскакиваешь, как балерина, которой вздумалось сделать тройной прыжок, и приземляешься у ворот кладбища возле смеющегося Сены. Оглядываешься и видишь, что призраки следуют за тобой. Ты вскрикиваешь, Сена хохочет.

Они молча плывут за тобой, мертвее мертвых. Ногтей у них нет: это всегда знак. Как и синяки на подошвах, и такой взгляд, будто они проглотили собственные мозги. В свое время ты видел таких: они висели ногами кверху на телефонных столбах, жарились на солнце у обочин, стояли, прибитые гвоздями к деревьям. И у всех было

точно такое же выражение лица, как у этих двух. Правда, те трупы не шевелились.

— Невинные жертвы. Грешники, — говорит Сена. — Оба учились на инженеров. Толстый из Моратувы. Второй из Джафны. Их поймали, пытали и убили.

— За что?

— Серьезный вопрос. За то, что они сингальцы или тамилы? Или за то, что бедны?

— Средний класс пули тоже находят. Журналист Ричард де Зойса, активистка доктор Шридхаран, — говоришь ты. — И я, как ты сам указал. Правда, я не помню, чтобы меня пристрелили.

Ты не помнишь, чтобы тебя вытащили из кровати, как Ричарда, а твоя мать умоляла тебя пощадить. Ты не помнишь, чтобы тебе, как доктору Рани, угрожали те самые парни, которых ты учил.

— Эти ни в чем не виноваты. Вот в чем загвоздка. Мы-то с вами хотя бы в чем-то участвовали.

— Я ни в чем не участвовал.

— Ну да, как же.

— Я не был в ДВП. В чем я участвовал? Я не был в ТОТИ.

Ты повышаешь голос, но инженеры-зомби этого словно не замечают.

— Вы же вроде сказали, что сотрудничали с британцами?

— Разве?

Инженеры, убитые по ошибке, ахают, и ты видишь сначала тень, а потом и ее источник. Огромное существо идет не спеша, на четырех ногах, как собака. Прыгает по крышам машин, но ты видишь только копну волос, глаза и зубы.

То, что ты слышишь, тебя пугает. Голоса пронизаны страхом, томятся в темнице плоти, как пропащие души. Какофония жалобных воплей смахивает на поединок двух фальшивящих синтезаторов. Как будто на синтезаторе можно играть, не фальшивя.

У существа голова быка, тело медведя, оно вперевалку бредет к тебе, ускоряя шаги. На нем ожерелье из черепов, под шкурой его — лица, лица. Ты не в силах отвести взгляд от этих лиц.

— Идите медленно, — советует Сена. — Идите сейчас.

— Что это?

— Нарака. Демон. Страшнее, чем яка.

Сена затаскивает тебя на ветер, ты слышишь рычание. Оно достигает точки меж твоими ушами. Нестройные вопли тысячи голосов. Существо стоит на движущемся грузовике и глядит на тебя.

Оно больше тень, чем форма, оно издает белый шум, как старенький телевизор, в котором включены все каналы одновременно, мертвые души в его брюхе кричат на соседних частотах. Ты следуешь за Сеной по ветру, просвистывающему кладбище.

* * *

Кладбище Борелла Канатте — живописное скопление деревьев, змей и надгробий. Ты не раз заезжал сюда погулять в тишине и покое. Сегодня совсем не так. Кладбище кишит калеками, призраками, рогатыми силуэтами, и непонятно, куда смотреть можно, а куда лучше не стоит. Они сидят на могилах, стоят за спинами скорбящих, облепили забор и деревья. Они пошатываются, точно их прокляли, глаза у них самых разных оттенков, шелушащаяся кожа как тальк. Студенты-инженеры, убитые по ошибке, замирают в воротах кладбища. Сена оглядывается и фыркает.

— Чего испугались? Вы же мертвы! Хуже уже не будет.

Эту сингальскую фразу ты слышал частенько, особенно в зонах боевых действий. Ее произносили гуманитарные работники, солдаты, террористы, крестьяне. Все плохое уже случи-

лось. Хуже уже не будет.

— Нам же вроде бы следует держаться подальше от кладбищ? — спрашиваешь ты плывущего по дорожке Сену.

— Махакали сюда не войдет, — отвечает он.

— Кто?

— У него много имен, — шепчет Сена. — Марува, Маха Сона, Калу Балла, Кувени. Я знаю его как Махакали, пожирателя душ. Это самое могущественное из существ, что странствуют по ветрам. Это божество, перед ним преклоняют колени яки и демоны. Не какой-нибудь жалкий призрак, как мы с вами. Но помните: ни демоны, ни яки, ни их повелители не могут сюда зайти, если их не звали.

— Как мне это узнать?

— Вы о яках?

— О том, как я умер.

— Вам же вроде неинтересно.

— Ты же вроде говорил, что знаешь.

Сена теребит черный плащ.

— Я вам не Помощник, сэр. Я помогаю лишь тем, кто помогает мне. И если моя помощь вам не нужна, я могу уйти.

— Ты говоришь совсем как ООН.

Утреннее солнце завершает восхождение.

Улица полнится машинами и людьми, что идут обедать. Ты окидываешь взглядом свою окровавленную одежду. Непохоже, чтобы ты тихо умер во сне. ТОТИ убили доктора Рани Шридхаран, правительство — Ричарда де Зойсу, ДВП — актера и сердцееда Виджайю Кумаратунгу. Кто же убил тебя?

В кронах деревьев тысячи глаз, на дорожке толпятся духи. На кладбище три похоронные процессии, и за каждой следует толпа призраков.

— Они любят похороны больше, чем живые любят свадьбы, — говорит Сена.

Преодолевая сопротивление, ты движешься против ветра, летишь над могилами умерших в Коломбо. Здесь лежат солдаты-герои, убитые политиканы, болтливые журналисты. Ты высматриваешь знакомые лица, знаменитостей вроде доктора Рани или принца Виджайи. Но видишь лишь духов, никому не известных и всеми забытых еще при жизни. Кругом погибшие от обстрелов, сожженные, пропавшие без вести, а между ними ты, и причина твоей смерти пока что скрыта от тебя.

— Почему призраки торчат здесь? — недоумеваешь ты.

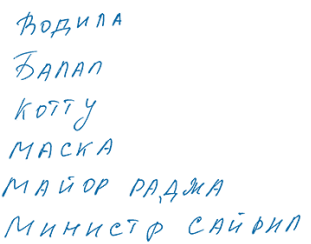
— Здесь их тела, — поясняет Сена.

— А как же те, у кого нет могил?

— Опустите глаза. И не говорите ни с кем.

Зной не смущает призраков, резвящихся на дорожке. За двумя похоронными процессиями следуют духи и преты, самые голодные из всех призраков, они пугают и обворовывают людей.

Сена ведет тебя к крематорию, там не такая толчея, как на дорожках между могил. Два студента-инженера стоят у стены крематория возле бочки с углем. Сена сует руку в бочку, потирает ладони. Потом подплывает к стене и чертит на ней письмена. Шесть имен, написанных углем. Студенты-инженеры с благоговейным трепетом глядят на стену.



Капюшон сползает с его головы. Сена смотрит на студентов, потом на тебя.

— Это те, кто убили меня несколько месяцев

назад. И вас двоих на прошлой неделе. А вчера ночью и сэра Маали.

— Это подтвердили достоверные источники?

— Я всех их заставлю страдать. Каждого. Вы поможете мне?

Студенты-инженеры кивают, Сена улыбается.

— И как ты заставишь их страдать?

— У меня есть план.

* * *

Ты привык, что люди, которым ты не доверяешь, уговаривают тебя заняться тем, чем тебе заниматься не хочется. Но не в этот раз.

— Извини, товарищ Сена. Я охотно научился бы писать на стенах. Но мне надо идти.

— Я вам не «товарищ», Маали-хаму. Вы либеральный буржуй.

— Почему ты зовешь меня «хаму»? Я тебе не хозяин.

— Нас с малых лет приучают звать заурядных людей «хаму» и «сэр». Как приучают всех, кто вырос в бедности. Я был слугой. С высшим образованием продавал на улицах овощи. В некоторые районы этого города мы можем попасть, только если будем называть богатых «сэрами».

Ты слушаешь ветер и думаешь о том, чего ни-

когда не понимал.

— Мои друзья. Моя мать. Мне нужно их увидеть.

— Зачем?

— Попросить прощения у ДД. Сказать Джаки про коробку. Объяснить амме, что я виню во всем даду.

— Сэр, это трогательно, но у нас есть дела.

— Мне нужно их повидать.

— Я спас вас не для того, чтобы болтать байлу[25].

— Я не просил меня спасать.

— Никто ничего не просит. Никто не просит, чтобы его родили бедным, больным или педиком.

— Я не педик, — говоришь ты, как не раз говаривал прежде.

— Хаму сошел с ума, когда его сбросили с крыши? Или на очередной нарковечеринке в седьмом районе Коломбо?

— Я живу во втором. Кто говорит, что меня сбросили с крыши?

— Посмотрите на себя, вы же ломаный-переломаный. Видимо, и мозги тоже всмятку.

---

[25] Примечания: 1.25
Чушь.

Ты оглядываешь себя, но замечаешь только отсутствие сандалии. Ни дать ни взять Золушка, разве что сводным сестрам из Миссури в смысле испорченности до тебя далеко.

— Все годайи[26] завидуют Коломбо-7. Мне приходилось горстями глотать таблетки, чтобы вытерпеть эти дурацкие вечеринки.

— Вы не помните, как вступили в ДВП, верно?

— Я не помню, как умер. Не помню, кто меня убил. Не помню, чтобы меня сбросили с крыши.

— То есть вам интересно только фотографировать бедняков, а не помогать им.

— О'кей, о'кей. Если я помогу тебе, ты перестанешь читать мне нотации?

— Конечно.

— И поможешь мне?

— Почему бы и нет?

Ты уже привыкаешь кататься на ветре, хотя и с трудом объясняешь это себе. Как будто сила тяжести — автобус, а ты висишь на ступеньке. Как будто задерживаешь дыхание, пока дыхание не начинает держать тебя. Как ковер-самолет, только без ковра. Ты паришь, как пьяненький атом. Но какой же ветер принесет тебя к ДД?

---

[26] Примечания: 1.26
Зд.: простолюдин, деревенщина.

— Когда ваш труп кромсают на части, уже неважно, какой вы марксист — студент университета или завсегдатай кофеен. Либерал из простых или из буржуа. Все равно вас обгадят мухи и сожрут черви.

Мусорный плащ трепещет за спиной Сены. Он похож не на супермена, а на сломанный зонтик.

— И куда мы теперь? — спрашиваешь ты.

— К дереву мара[27] на окраине кладбища.

— Зачем?

— Я помогаю вам.

— Как?

— Я не верю почти ни во что. А в деревья мара — верю.

Ветки дерева мара простираются над густой травой и опрокинутым валуном. На каждой ветке кто-нибудь да висит, вцепившись когтями. Крысы, змеи, хорьки прячутся средь надгробий. Вокруг много теней, есть где спрятаться, хотя, казалось бы, никто из присутствующих не отбрасывает тени. Сена лезет на свободную ветку, ты следуешь за ним.

— И зачем мы здесь уселись? — спрашиваешь ты.

---

[27] Примечания: 1.27
Разновидность альбиции.

— Деревья мара ловят ветер. Как радиоприемник — частоты. И священные фикусы, и баньяны, да и, наверное, вообще любые высокие деревья, которые дуют ветер.

— Я думал, это ветер дует на деревья.

— Ваш дедушка думал, что Земля плоская. Вы хотите стать призраком или вампиром?

— А какая разница?

— Призраки летают по ветру. Вампиры направляют ветер.

— Что мы здесь делаем?

— Если вы успокоите ум, вы услышите, как вас окликнут по имени. Если вы услышите свое имя, сможете пойти туда. Сделайте это, пока ваш труп, так сказать, еще свежий. Через девяносто лун всем будет плевать на вашу задницу из седьмого района Коломбо.

— Мне больше нравилось, когда ты называл меня «сэром».

Ты фыркаешь, обводишь взглядом медитирующих духов. Сидящие на деревьях бормочут, раскачиваются туда-сюда. Сразу и не поймешь, кто медитирует, кто бьется в судорогах.

— Успокойте ум и слушайте, — говорит Сена.

— Последний раз я медитировал в 1970-е, — отвечаешь ты.

— Медитация только для тех, у кого есть дыхание.

— Тогда что я слушаю?

— Свое имя. Вы и это забыли? «Ловя твое имя, казнюсь я стыдом потаенным»[28].

— Где ты выучил эти стихи?

— Я учился в колледже Шри Бодхи, почему бы мне и не знать стихи?

— Ну а сейчас-то ты чего злишься?

— Слушайте!

Солнце начинает заходить, и свет принимается за свои фокусы. Похоронные процессии рассеиваются, и вот уже новые катафалки катят к новым могилам. Ты безмолвно и неподвижно вслушиваешься в песню в своей голове. Но ее нет. Нет ни Элвиса, ни Фредди.

Стоит тебе оглянуться, как дерево изменяется. Кора обретает иной оттенок кофе, листья в крупинках золота, кроны — то дождевой лес, то мох. Быть может, это игра света, или твоего воображения, или ни то ни другое.

В знойном воздухе слышно, как стонут машины, зевают собаки, скользят призраки. Ты избавляешься от мыслей, и к тебе приходят лица,

---

[28] Примечания: 1.28
Дж. Г. Байрон. «Расставание». Пер. Г. Кружкова.

эти лица ты узнаешь, но не помнишь имен. Здесь и высокий белый мужчина, и мужчина в короне, и темнокожая дама с рубиновыми губами, и усатый парнишка.

Лица превращаются в игральные карты. Туз бубен, король треф, дама пик и червовый валет мелькают перед тобой, и ты наконец слышишь. Сперва шепот, потом слово, потом несколько слов, потом миллионы. Шепотки сплетаются друг с другом, у одних выходит гармония, у других — белый шум.

Потом как муравьи с микрофонами, ползающие по трупу. Потом как галька в пластмассовых коробках, которые трясут ужасные дети. Потом как португальский, голландский и тамильский, на которых говорят одновременно. Воздушные волны полнятся ругательствами призраков. Голоса их шипят в эфире, визжат во вселенной, ревут на свободных частотах.

А потом ты слышишь имя. Его говорят один раз, затем повторяют, затем кричат:

— Его зовут Малинда Алмейда. Он работает в британском консульстве.

— Мы не знаем никакого Лоренцо Алмейды.

— Вы считаете, это шутка? Малинда Алмейда. У меня письмо от министра Стэнли Дхармендрана.

Будьте добры, проверьте.

Ты узнаешь этот голос, тебе не раз доводилось слышать его раздраженным. Ты оглядываешься, и дерево превращается в мазки кисти, импрессионистское полотно — сплошь зелень и золото, глазу не на чем задержаться. Рядом с тобой товарищ Сена Патхирана, он улыбается. Шутливо отдает тебе честь, и ты исчезаешь на его мертвых глазах.

Двадцать матерей

— Его полное имя Малинда Алмейда Кабалана, — говорит молодой человек с волосами торчком. — Вот копия его удостоверения личности. Будьте добры, проверьте.

— Тут написано Малинда Альберт Кабалана, — отвечает заместитель суперинтенданта полиции. — Вы не знаете, как зовут вашего друга?

— Да, — подхватывает старая дама в углу. — Отца звали Берти. После ухода отца он изменил имя.

— Мы воспользуемся тем именем, что указано в его удостоверении личности, — говорит детектив за столом.

За последний год полицейские участки Коломбо навидались плачущих матерей и отцов, которые пришли справиться о сыновьях и дочерях, не вернувшихся домой. В оживленные дни обезумевших от тревоги сгоняют в душные коридоры, очередь тянется, насколько хватает глаз.

Три матери в коридоре обливаются потом, но уже не плачут. Красивый парнишка, наклонившись над столом, показывает полицейским фотографию. Молодому человеку с волосами торчком и двум женщинам с непохожими друг на друга сумочками удалось обойти эту бескрайнюю очередь.

— Я Дилан Дхармендран. Мой отец — министр Стэнли Дхармендран, — говорит красавчик. — Это мать Малинды. Это его подруга. Со вчера утро, его нет.

ДД говорит на сингальском так же, как Махагама Секера[29] — на африкаансе. И когда нервничает, забывает о синтаксисе.

— Извините, но ничего нельзя сделать, — отвечает стоящий в дверях заместитель суперинтенданта. — Вы должны нас понять. Мы можем

---

[29] Примечания: 1.29

Махагама Секера (Махагамаге Самараекара, 1929–1976) — известный ланкийский поэт, прозаик, драматург, переводчик и кинематографист.

объявить его в розыск лишь через семьдесят два часа.

— Его арестовали? — спрашивает девушка в красном. — Будьте добры, проверьте.

У девушки серебряные сережки, черная помада, черная тушь течет по щеке. Девушка кутается в куртку — в кабинете сквозняк, хоть все окна закрыты. Ты вплываешь на сквозняке и садишься на подоконник.

— А вас как зовут, можно узнать? — спрашивает женщина постарше и берет девушку за плечо.

— Моя фамилия Ранчагода, я заместитель суперинтенданта полиции. Это детектив Кассим. Он примет у вас заявление. Но раньше чем через три дня мы не сможем представить отчет, уж извините.

Дилан Дхармендран смотрит на обеих женщин. Одной за семьдесят, другой за двадцать, одна хмурится, другая плачет.

Детектив Кассим коренастый, суетливый и похож на толстого мальчишку в униформе. Ранчагода словно бы сделан из вешалок, униформа на нем висит. Кассим протягивает бланк, выглядывает в коридор, в участок заходят все новые матери, рядом с ними мужчины в саронгах.

— Будьте добры, мадам, заполните это. Мистер

Дхармендран. Когда вы в последний раз видели Малинду Альберта Кабалану?

— Алмейду. На прошлой неделе он уехал в Джафну. Звонил мне вчера на работу, сказал, что вернулся в Коломбо, — отвечает ДД. — Сказал, у него важные новости, обещал вечером перезвонить.

ДД глубоко вздыхает, дергает цепочку на шее.

— И не перезвонил.

— Может, он еще не вернулся.

— Его сумки в квартире. В ванной влажное полотенце. Он звонил мне на работу из нашей квартиры. Сказал, что встретится с клиентами и перезвонит мне.

— С какими клиентами?

— Он не сказал.

— Сейчас в Джафне очень опасно. Зачем он туда поехал?

— По работе.

— А кем он работает?

— Он фотограф.

— Свадебный?

— Нет, для газет.

— Каких именно?

— Он сотрудничал с военными, с Associated Press и другими новостными агентствами, — говорит

девушка с пышной прической, единственная, кто слушал твои рассказы.

— С армией Шри-Ланки?

— Это было несколько лет назад. Он с ними уже не работает.

— Тогда, быть может, он выполняет задание для какой-то газеты, нет? — Заместитель суперинтенданта Ранчагода отвернулся от двери. Голова его дергается, точно не соединена с плечами.

— Он предупреждает нас, когда уезжает в командировку. И звонит, когда возвращается, — отвечает ДД. — Он должен был сегодня утром заехать за Джаки. И ни слова.

— Я веду вечернюю передачу на SCLBC, — поясняет Джаки. — Маали всегда заезжает за мною.

Детектив Кассим поднимает глаза от своих неразборчивых записей. Поворачивается к пожилой женщине. Ты знаешь ее как амму.

— Мадам, поезжайте-ка вы все домой и подождите, он сам объявится.

— По-вашему, мы тут шутки шутить пришли? — огрызается амма. — Он мне вчера звонил. Мы несколько месяцев не общались. Сказал, что хочет встретиться пообедать. Такого никогда не бывало. Что-то стряслось. Я сразу поняла.

Что? Обед с аммой. Когда ты в последний раз

с ней обедал, Элвис еще не покинул здание. Ты встряхиваешь фотоаппарат в надежде выбить воспоминание, которое все объяснит. Но объектив по-прежнему грязный.

Детектив Кассим и заместитель суперинтенданта Ранчагода переглядываются, и все присутствующие это замечают. Кассим кивает, Ранчагода качает головой.

— У вас есть удостоверения личности?

ДД достает удостоверение из бумажника, этот бумажник подарил ему ты два года назад на день рождения. Амма — удостоверение личности у нее испорчено, она забыла его в стиральной машине — вынимает из кожаной сумочки темно-бордовый ланкийский паспорт. Джаки извлекает из холщовой сумки синий британский и вытирает глаза носовым платком.

Детектив Кассим переписывает их данные, шевеля губами. Заместитель суперинтенданта подходит к нему, заглядывает через плечо.

— Джаклин Ваираванатхан. Двадцать пять лет. Тамилка, — говорит заместитель суперинтенданта Ранчагода. — Лакшми Алмейда. Семьдесят

три года. Национальность — бюргер[30]. — Он смотрит на пожилую даму. — Малинда Кабалана ведь сингальское имя, нет?

Дама поднимает глаза от заполняемого бланка. Голос ее холоден, как ее взгляд.

— Его отец был сингалец. Я из бюргеров. Мы — жители Шри-Ланки. В чем проблема?

— Никаких проблем, мадам. Никаких.

Ранчагода издает неловкий смешок, больше похожий на фырканье.

За пределами кабинета, в приемной, раздается рыдание. Ранчагода выходит из кабинета утешить плачущую. То есть вынимает дубинку и просит констебля вывести эту женщину.

— В больницах искали?

— Да. И в казино, — отвечает Джаки.

— Он опять играет? — спрашивает ДД.

— Он игрок? — уточняет детектив Кассим.

Нет — говорит ДД, да — говорит Джаки, дражайшая мать качает головой и смотрит на свою сумочку.

— Возвращайтесь-ка вы в четверг, а, — говорит заместитель суперинтенданта Ранчагода и ки-

---

[30] Примечания: 1.30

Бюргеры — этническая группа, сложившаяся на Шри-Ланке в результате смешения португальских, нидерландских и британских переселенцев с местным населением.

вает; детектив водит ручкой по бумаге, которую никто не прочтет. — До тех пор мы ничего не можем сделать. Сейчас много пропавших без вести.

Он указывает на приемную, там чья-то мать кричит на другую мать. Из глаз Джаки брызгают слезы, как тогда в Нувара-Элия, когда парень, с которым она флиртовала, принялся ухлестывать за тобой.

— ДД, почему ты не позвонишь отцу?

ДД трогает резной костяной анкх — тот висит чуть пониже его адамового яблока; ты подарил ему этот крестик, потому что тебя замучила совесть, ты развлекался с парнем из компании «Фуджи-Кодак» на кровати ДД, а ДД об этом так и не узнал. Под анкхом — деревянная подвеска с твоей кровью.

— ДД. Позвони отцу, черт возьми.

Джаки шипит, детектив и заместитель суперинтенданта вскидывают брови.

— Успокойся, пожалуйста, — отвечает ДД. — Тетя Лаки, вы заполнили бланк?

Твоя амма сидит в углу, смотрит на четыре страницы, исписанные в основном на сингальском, — этот язык ей не родной, хотя она всю жизнь прожила в стране, которая считает его своим единственным языком. Амма качает головой.

— Он может быть где угодно.

— Мы проверим аэропорт и вокзалы, — обещает детектив Кассим. — На прошлой неделе в Джафе были беспорядки. Быть может, он все еще там. Или где-нибудь у друзей. У него ведь есть друзья, кроме вас? — Он смотрит на Джаки. — Или подружки?

— Подружек нет.

— У всех есть секреты, знаете ли. Чего мы только не видели на этой работе!

— Проверьте, вдруг его держат в другом участке. Мы подождем.

ДД по-прежнему вежлив, синтаксис не страдает, но ты замечаешь, что за веками его бурлит лава. Он всегда дергает украшения, когда готов взорваться. Он тискает этот крестик, как пупырчатую пленку.

— Мы поручим это кому-нибудь, — обещает заместитель суперинтенданта Ранчагода. — Мы сейчас очень заняты.

— Оно и видно. — ДД смотрит в окно на группу копов, они пьют чай. Матери в очереди проклинают ДД и его крепкую задницу, которая везде пролезет без очереди. Джаки промокает глаза платочком, смотрит на Ранчагоду.

— Его уже забирали. Каждый раз по ошибке. Не

могли бы вы это проверить?

— Он занимается политикой?

Твоя амма глядит на ДД, а тот на Джаки. Им ничего не известно о том, что ты сделал, и ты этому рад.

— Он фотожурналист, — поясняет Лаки Кабалана, урожденная Алмейда, и протягивает бланк. — Делает снимки для новостей.

— ДВП?

— Никогда, — отвечает она.

Через десять минут Ранчагода подписывает бланк. Кассим еще десять ищет официальную печать. ДД звонит отцу с телефона в приемной, матери в очереди сверлят его взглядом. Джаки и твоя амма по очереди настаивают, что Маали Алмейда никогда не был связан ни с одной группой — хоть политиков, хоть террористов.

— Но вы говорили, он сотрудничал с военными? Кто был его начальником?

Джаки качает головой, смотрит на ДД. Полицейские переглядываются. Им невдомек, что ты сидишь между ними и поливаешь их грязной бранью. Тебя охватывает тошнота, перед глазами всплывают образы: кровь, трупы, дюжие полковники. Если бы ты мог говорить, ты ответил бы им: король треф, майор Раджа Удугампола.

Кассим приносит печать, улыбается. Указывает на штуку, что висит у ДД на шее.

— Это от Дядюшки Ворона?

— Что?

— Дядюшка Ворон. Карк Маама из Котахены. Он раздает амулеты. Не обращайте внимания.

И тут ДД на плохом сингальском принимается смешивать имена копов с грязью:

— Спермопсы… шлюхины дети! Я засужу вас обоих.

Тебе часто случалось видеть, как ДД психует на ровном месте. За его ругательствами и оскорблениями скрываются вполне логичные жалобы — как в тот раз, когда ты сказал, что поедешь на три месяца в Ванни. Джаки уводит его в приемную, усаживает рядом со ждущими матерями, они с любопытством рассматривают богатого парня, который сорвался на полицейских.

В кабинете молчание. Твоя амма смотрит на Ранчагоду, потом на Кассима.

— Вы найдете моего мальчика, — говорит она.

— Мадам. — Ранчагода закрывает папку. — Вы же знаете, как это бывает, нет?

— Я возмещу ваши расходы. Идите найдите моего мальчика.

Дипломатические таланты твоей аммы ком-

пенсируют отсутствие эмпатии, сочувствия и понятий о приличиях. Она способна уговорить нищего торговца фруктами отдать ей манго бесплатно.

— Военные и СОГ хватают революционеров по всей стране. Полицию зовут лишь разгребать последствия. Если в деле замешана СОГ, у нас связаны руки. Нет никаких гарантий, мадам, особенно если ваш сын замешан в политике.

Твоя амма подается вперед, Ранчагода сидит прямо.

— Я и не жду гарантий.

— Вы должны знать, мадам. Тела некоторых не находят никогда. Я каждый день разговариваю с двадцатью, тридцатью такими матерями, как вы.

— Значит, вы богаты. Вот, возьмите. Найдете моего мальчика, дам еще.

— Богатые и бедные равны перед законом.

— Смешная шутка.

Твоя амма улыбается, по-прежнему сверля полицейского взглядом, долгий брак с нарциссом закалил ее волю.

— Вы найдете моего мальчика. Иначе мы лишим вас и значка, и униформы. И без всякого суда. Вы меня поняли?

Ранчагода поднимает брови, качает головой. В продолжение их беседы Кассим молчал. Он поправляет ремень, втягивает живот и смотрит на свежепроштампованное заявление.

— Мадам, в полицейском участке Коричных садов не берут взяток. Мы не выполняем поручения политиков. Даже таких крупных, как Стэнли Дхармендран. Мы не попираем законы. Не все полицейские — бандиты, миссис Кабалана.

— Я миссис Алмейда. И хоть я из бюргеров, но связи у меня есть. Стэнли Дхармендран — член кабинета министров. Он приведет сюда министра юстиции — поговорить с вашим начальником.

— Мадам. Министр юстиции и есть наш начальник, — хихикает Ранчагода. — А Дхармендран кто? Министр по делам молодежи?

— Я думал, по делам женщин, — бормочет Кассим.

Тут в кабинет снова врываются ДД и Джаки, завязывается горячий спор, ты понимаешь не все из-за сбивчивого сингальского и криков. В приемную входят новые матери, констебли преграждают им путь с бланками, вопросами, дубинками наперевес. Матери угрожают взять приступом кабинет, указывают на ДД, Джаки и твою амму, спрашивают, почему они пролезли

без очереди. Детектив Кассим кивает заместителю суперинтенданта Ранчагоде, тот в ответ закатывает глаза.

— Нам велено ждать семьдесят два часа, — говорит Ранчагода.

— Но в качестве личного одолжения министру Стэнли мы начнем расследование, — подхватывает Кассим. — Так говорите, вчера вечером он встречался с клиентом?

— Он работал с какой-то правозащитной организацией. Это как-то связано с 1983-м, — поясняет Джаки, единственная в кабинете, кто слушает больше, чем говорит.

— Он мне об этом не рассказывал, — заявляет ДД.

Джаки поворачивается к детективу:

— У него были клиенты. Не только военные или АР. BBC, «Правда», Reuters. И еще у него были частные клиенты. Но он не связан с политикой. У него нет никаких политических убеждений.

— Убеждения есть у всех, мадам. Особенно в наше время. Вы знаете чьи-нибудь имена, номера? Хотя бы его начальника?

Ты стоишь за спиной Джаки, снова и снова шепчешь ей: «Майор Раджа Удугампола», как песенку, которую ей надо выучить. Но песенка не

желает запоминаться.

— Мы не знаем.

— И как нам работать прикажете? Быть может, вы знаете тех, с кем он сотрудничал в «Правде», Reuters или Dinamina[31]? Дайте нам хоть что-нибудь.

Джаки вздыхает и произносит медленно:

— Он встречался с клиентами в отеле «Лео».

ДД и Лаки глядят на нее с удивлением.

— В казино? — уточняет ДД.

— Отель «Лео» — сомнительное местечко. Почему именно там? — спрашивает Кассим.

— Не знаю. Ему там нравилось. — Джаки хмурится, поворачивается к ДД. — А ты думал, он бросил играть?

— Вы не о том говорите. — Твоей амме даже не приходится повышать голос, чтобы заставить себя слушать. — Мой мальчик пропал, и вы должны его найти. Мы теряем время.

Ранчагода стоит у двери, вертит шеей, словно жираф. Одним глазом приглядывает за сутолокой в приемной, другим следит за переговорами в кабинете. Кассим вперевалочку, точно панда, возвращается к своему столу и просматривает

---

[31] Примечания: 1.31

Dinamina — ежедневная шри-ланкийская газета на сингальском языке.

заявление о пропаже, два часа как составленное и со свежей печатью.

— Буду честен, миссис Алмейда. Времена сейчас нехорошие. Но мы сделаем все, что от нас зависит. — Он поднимается на ноги, и все присутствующие тоже встают.

— Мы лично займемся этим делом, — обещает Ранчагода. — И будем держать вас в курсе. Если хотите, мадам, оставьте ваше заявление здесь.

Лакшми Алмейда, урожденная Кабалана, мать Маали Алмейды, оставшегося без отца, кладет на заявление деньги и смотрит, как голова Ранчагоды прыгает туда-сюда, точно поплавок, а круглолицый Кассим отворачивается и уходит.

Джаки, ДД и твоя амма минуют приемную — там как в духовке: матерей, доведенных до того, что теперь они заискивают с охранниками, убитых горем отцов — эти глядят сурово, цедят ругательства; твои притворяются, будто не замечают ни тех ни других. Их суровые мины и растерянные глаза напоминают тебе другую приемную, из которой ты улизнул совсем недавно.

Тебе бы последовать за ДД, Джаки и аммой, сказать им о том, о чем не можешь сказать. Сказать, где спрятаны фотографии. Сказать двум из них, что ты их любишь. И одной — что не любишь ее.

Вот что ты хотел бы сделать — и что тебе следовало бы сделать. Но вместо этого ты следуешь за копами.

Шансы

Воспоминания приходят к тебе с болью. У боли много оттенков. Порой она накатывает с потом, зудом и сыпью. Порой с головной болью и тошнотой. Тебе до сих пор кажется, будто ты пребываешь в своем разлагающемся теле: так ампутанты чувствуют отсутствующие конечности. Тебя сперва рвет, потом трясет, и после этого ты вспоминаешь.

С Джаки вы познакомились пять лет назад в казино отеля «Лео». Ей было двадцать, она только-только окончила школу и самым жалким образом проигрывала в баккара. Ты вернулся из бурной поездки в Ванни, тебя до глубины души потрясли убийства, ты делил хлеб со скользкими типами, везде, куда ни глянь, видел плохое и носил печально известную красную бандану. Ты продал снимки Джонни из *Associated Press* и обналичил долгожданный шестизначный чек. Шесть цифр лучше пяти — даже в ланкийских рупиях.

Ты сорвал куш в блек-джек, навернул краба и

запил его бесплатным джином. Самый обычный день.

— Не ставь на ничью, сестричка, — посоветовал ты чудачке с вьющимися волосами и черной помадой.

Она посмотрела на тебя и закатила глаза: это показалось тебе странным. Обычно ты женщинам нравишься: они ведь не знают, что ты член предпочитаешь вагине. Аккуратно подстриженная бородка, отглаженная рубашка и немного дезодоранта выделяют тебя из толпы потных ланкийских гетеросексуальных самцов.

— Я выиграла двадцать тысяч рупий, — ответила она.

Ты заметил, что она одна и никто к ней не пристает: с женщинами в казино Коломбо то и другое бывает редко.

— Шансы, что ты выиграешь еще раз столько же, равны девяти процентам. Это казино платит семь к одному, не считая комиссии. А это значит, что если ты последуешь этой стратегии сотню раз, то останешься в минусе, даже если и выиграешь.

— Мужчина, который знает все. Какой сюрприз.

Крупье смерил тебя злым взглядом. Ты пожал плечами и положил ее фишки на кон. Она не то

улыбнулась, не то нахмурилась, но возражать не стала.

— Если я проиграю, возместишь мне убыток.

— Если ты не сильна в подсчетах, это место тебя сожрет, дорогуша. Здесь сплошь математика и вероятности.

— Я пришла развлекаться. А не считать, — ответила она.

Когда ставка сыграла, она позволила тебе поставить еще раз, потом еще.

— Когда за тебя ставит другой, неинтересно.

— Вот и неправда, — возразил ты.

Вы пошли перекусить, взяли по куску шоколадного пудинга, покурили, стареющая певичка пела «Тарзана»[32] под синтезатор. Джаки жаловалась с лондонским акцентом, что терпеть не может Шри-Ланку, что живет с тетей и по утрам работает в Радиовещательной корпорации Шри-Ланки. А тетин муж заходит к ней в комнату без стука, и Джаки это бесит.

Твой отец отсутствовал с тех пор, как тебе исполнилось пятнадцать; он оплатил не одно занятие, которое ты начинал и бросал. В двадцать с небольшим летом ты изучал финансы, зимой

---

[32] Примечания: 1.32

«Тарзан» (Tarzan Boy) — песня итальянской поп-группы Baltimora (1985).

работал страховым агентом. Возненавидел и то и другое, однако получил элементарные сведения об азартных играх. Инвестиции и прибыль. Сколько вкладываешь, сколько получаешь. Вероятность того, что нечто случится, и во сколько это тебе обойдется.

Ты никогда не делал ставку, которая не могла выиграть. Это не то же самое, что никогда не проигрывать. Ты шел на это с открытыми глазами, изучив все стороны и почти все шансы. Вероятность выиграть в лотерею — один к восьми миллионам. Вероятность погибнуть в автоаварии — один к четырем тысячам. Если верить мистеру Кинси[33], вероятность родиться гомосексуалом — один к десяти.

Каковы шансы родиться в жопе мира, охваченной войной? Учитывая, что почти весь мир живет в нищете, учитывая, что за всю известную историю человечества не было ни одного мирного периода, можно сказать, что шансы весьма велики.

Ты посоветовал Джаки мыслить не в категориях красного или черного, а в категориях шансов. Велики ли шансы на то, что у твоего соседа ока-

---

[33] Примечания: 1.33

Альфред Чарльз Кинси (1894–1956) — известный американский биолог и сексолог.

жется валет, или что крупье вытащит пятерку, или что все верят, будто твои карты лучше, чем у них?

Она напилась и уснула за игорным столом. Ты вызвался посадить ее в такси, и вышибалы подмигнули тебе. Свой адрес она назвать не сумела, и ты отвез ее к себе. Когда она проснулась у тебя на диване, ты прочел ей нотацию о том, что нельзя ходить одной в казино и так напиваться. А она увлеченно рассматривала твои фотографии и совсем не слушала.

— За такие снимки тебя могут убить, — сказала она.

— Напиваться в казино тоже небезопасно, — парировал ты.

С тех пор вы не раз по ночам возвращались к тебе. Твоя амма храпела в своей комнате, а вы пили вино, слушали хит-парад по радио, болтали о шансах и о всякой всячине. Каковы шансы на то, что закончится кровопролитие, что ты попадешь под обстрел, что голоса в твоей голове переживут тебя? Каковы шансы на то, чтобы женщина прошла по улице Коломбо и ее не назвали ни «нанги»[34], ни «шлюхой», ни «дорогушей»? Како-

---

[34] Примечания: 1.34
Сестричка.

вы шансы на то, что в Коломбо появится ночной клуб, который не закрывается в два часа ночи?

Обычно, когда ты приводил домой женщин (а случалось такое не чаще, чем свободные и честные выборы), эти женщины — чаще всего пьяные — ожидали, что ты будешь их лапать, тереться о них губами, и обижались, когда ты всего этого не делал. Этой, похоже, было плевать.

— У тебя есть подружка? — Она прищурилась.

— У меня нет никого, с кем было бы серьезно, — ответил ты.

— Но множество тех, с кем несерьезно? — Она странно усмехнулась.

Было в ней что-то дерзкое, необычное. Что-то кроме черной помады, прически и дурно сидящего платья. Она говорила пискляво, как девочка, и властно, как тиран.

— Если ты хочешь, чтобы я пришла к тебе еще раз, прекрати называть меня «девочкой», «милочкой» и «сестричкой».

— У тебя есть парень?

— Я берегу себя для первой брачной ночи. Так что даже и не мечтай.

— Меня это устраивает, девочка.

Сначала ты стал ее партнером по азартным играм, потом личным психологом, потом прия-

телем, с кем можно сходить в клуб. Ты советовал ей, как вести себя с мудаками на работе, с тетей дома и с новым дядюшкой, который вламывается к ней без стука.

— Никогда не унывай. Никому ничего не спускай. А на дверь повесь замок.

Взамен она отвлекала тебя от мыслей о тех, кого ты фотографировал в зонах боевых действий. Водила тебя в отели и посольства — на вечеринки, которые закатывали ее богатые бывшие одноклассники из Международной школы Коломбо, среди них попадались смущенные парни с идеальной кожей. Джаки не возражала, если ты уходил с вечеринок, Джаки не возражала, если ты общался с парнями, но бесилась, если ты разговаривал с девицами. И Джаки не обижалась, что ты к ней не притрагиваешься.

Иногда вечерами Джаки навязывала тебе свою музыку, каких-то певцов, что фальшиво мяукали под заунывные ритмы. Она топила тебя в шардоне и выдвигала нелепые идеи — например, перебраться в коммуну хиппи в Аругам-Бэй или устроить выставку из всех фотографий, что хранятся у тебя под кроватью. Это она предложила гениальный план снять квартиру на троих.

Прелесть изучения шансов в том, чтобы знать,

на какие карты ставить. И знать, что дикие случайности происходят каждый день, пока никто не видит. Можно перетасовать колоду карт и сдать такую последовательность, какой еще не бывало в истории человечества. По твоим оценкам, вероятность погибнуть от взрыва бомбы в космополитичном Коломбо куда выше, чем в самых мрачных трущобах Джафны. Потому что в зоне боевых действий ты по крайней мере знаешь, откуда летят снаряды и кто их сбрасывает.

Тот факт, что незамужняя девушка двадцати двух лет поселилась в одной квартире с двумя неженатыми мужиками за тридцать, на удивление, не вызвал скандала. Тетушка была рада избавиться от обузы, а твоей амме, как обычно, было на все плевать. Родителям Джаки в Лондоне сообщили, что она теперь проживает с двоюродным братом и его другом, а дядя Стэнли за ней присматривает. Ее подруги думали, что вы с Джаки встречаетесь, и она не подтверждала и не опровергала эту сплетню. У тех, кто заводит пару, появляется и спутник, и ширма, какой бы вход они ни предпочитали.

— Тебе вряд ли понравится мой двоюродный брат, — сказала она. — Он жуткий пижон.

— С ним хоть интересно?

— Мы никогда ни о чем не разговариваем, — пояснила она. — С ним незачем говорить. Он юрист, играет в регби, встречается с красотками. Он скучный и пустой. Из него выйдет отличный политик.

Первый месяц тебя почти не бывало дома. Ты фотографировал захваченную боевую технику по заданию майора Раджи Удугамполы, вместе с Энди Макгоуэном освещал теракт в Анурадхапуре для *Newsweek* и регулярно проигрывал в казино «Пегас».

С ее двоюродным братом ты познакомился лишь на второй месяц, и беседовали вы обо всем и ни о чем. Ты помнил его по школе, но он тебя не узнал. Потом ты заметил его запах, когда он возвращается с купания, ритм его походки, заметил, как шорты обтягивают его бедра, как он глядит на тебя краем глаза. Ты сидел в гостиной окнами на Голл-Фейс-Грин, наблюдал за воронами и мечтал о сыне домовладельца.

Квартира принадлежала Стэнли Дхармендрану, министру по делам молодежи, члену парламента от Калкуды, единственному тамилу в кабинете министров, очень многие оказывали ему услуги. А сыном его, разумеется, был Дилан Дхармендран, некогда пловец, спортсмен, игрок в регби,

парнишка из колледжа Святого Иосифа, любовь всей твоей короткой печальной жизни.

Разговор с мертвой юристкой (1983)

Ты пытаешься следовать за копами, но ветер слабеет, несет тебя над деревьями. На каждой рифленой крыше кошка или мангуст, или дух скользит по складкам стального листа. Ты летишь над Бейрой, проносишься над железной дорогой и над автобусной станцией Петтаха сбиваешься с курса, столкнувшись со встречным ветром.

На остановке сидит знакомое существо. Женщина в розовом сари, волосы убраны в два пучка. Однажды ты видел, как ее сожгли заживо. Ты сфотографировал ее, *Newsweek* заплатил за снимок, но не опубликовал его. Ты надеешься, что она тебя не узнает.

Она сердито глядит на тебя, ее глаза наливаются кровью. Сари оплавилось, облепило ее, словно целлофан. Кожа в складках, точно запеченная свинина, единственное блюдо, которое ДД готовит лучше кухарки твоей аммы, Камалы, под чьею кроватью пылятся твои работы.

«Все произошло слишком быстро» — оправ-

дание для тебя и для всех, кто случился рядом. «Наверное, она была террористкой» — этого не сказал никто ни в тот день, ни после. Потому что в 1983-м мы еще не привыкли считать всех тамилов врагами. Но это вскоре изменилось.

Ты шел фотографировать панк-группу под названием «Гвоздь в гроб» на их базе на улице Грин-Пат. Они попросили тебя об этом, потому что у тебя хорошая камера — очередной подарок дады, его заела совесть, и за неимением любви он прислал тебе эту камеру.

Этот же самый Nikon 3ST висит сейчас у тебя на шее, но раньше он работал. Ты не мог ничего сделать, только фотографировать, и это внушало тебе ощущение, будто ты чем-то занят. Ты снимал, как эту женщину волокут за волосы, как поливают бензином. И когда вспыхнула спичка, Nikon заело.

— Я знаю, что вы там были, — говорит женщина. — Я помню каждое лицо. Там был и министр, смотрел из окна машины. Там были вы, фотографировали меня, как на свадьбе, черт побери.

— Меня не было в толпе ваших убийц, честное слово. У меня просто была камера.

— Если бы вы были одним из них, я бы скормила вас Махакали.

— Я оказался не в том месте с камерой в руках.

— Это ваш девиз?

Ее карие глаза покраснели. Голос черен.

— Мне жаль, что так получилось. И жаль, что мы не сумели это остановить.

— Спасибо. Но это значит менее, чем ничего.

Она слышала, что жертвы теракта 1987 года в Петтахе выследили тех, кто заложил бомбу, и удерживают их в пещере неподалеку. Они ждут прибытия всех ста тринадцати жертв, чтобы свершить правосудие. Она здесь, чтобы помочь выдумать наказание.

— Если бы террористы-смертники знали, что в конце концов окажутся в одной приемной со всеми своими жертвами, — говорит вампирша своим скользким голосом, — они призадумались бы.

Вампирша рассказывает тебе, что была адвокатом, у нее был кабинет в Марадане, 21 июля 1983 года она проходила мимо автобусной станции за сигаретами, а навстречу ей шла толпа сингальцев с факелами.

— Я всегда знала, что курение меня убьет, — невозмутимо шутит она.

Скорее, во всем виновато ее сари и потту[35], думаешь ты, но молчишь.

Она рассказывает, что скиталась тысячу лун, прежде чем обрела покой. И что многие жертвы беспорядков 1983 года так и застряли в Междумирье.

— Кто-то ушел к Свету. Кто-то стал демоном. Свет дарит забвение. А забывать нельзя.

В мерцающем лунном свете ее кожа точно змеиная. Руки изгибаются кобрами, волосы извиваются, словно клубок змей, ожоги горят угольями. Ты вновь подносишь камеру к глазам и без спроса делаешь фото.

— В 1983-м мы не додумались организоваться. Мы растерялись. Теперь люди злее. Особенно когда умирают. Разве я разрешила вам фотографировать?

— В диафрагме грязь. Объектив треснул.

— Тогда зачем вы таскаете ее с собой?

— Те фотографии, которые я не сделал, обычно лучшие, — отвечаешь ты.

Она говорит, что все сто тринадцать жертв теракта 1987 года на автовокзале в Петтахе отказались идти на осмотр ушей и не соблазнились

---

[35] Примечания: 1.35

Потту — то же, что бинди, «третий глаз», цветная точка в центре лба.

Светом. Они хотят видеть, как их убийц накажут, и требуют разговора с главным.

По словам мертвой юристки, Помощники в белом — добровольцы. Души, побывавшие в Свете и решившие вернуться. Они называют себя представителями главного, хотя и расходятся во мнениях о том, кто он такой.

— Им-то это зачем?

— Кто знает? У всех свои цели, даже у благодетелей.

Вампирша рассказывает, что ее спас змеиный демон, Нага-яка, и вернул ей кожу.

— И достоинство. И самоуважение, — добавляет она. — Господин Нага помог мне забыть о боли и вспомнить, кто я такая. Я не моя кожа.

Ты решаешь не говорить ей, что у нее кожа как у садовой змеи, и она шипит, точно прочитав твои мысли.

— Можно подумать, я до этого была писаной красавицей.

— Разве плохо, что Свет дарит забвение?

— Я вижу, они и до вас добрались.

— Малинда… Алмейда…

Ты слышишь, как с улиц Петтаха доносится твое имя, и мчишься навстречу ему. Оглядываешься. Мертвая юристка в розовых шальварах

не заметила твоего ухода. Ты карабкаешься на верхушку дерева, прислушиваешься и снова слышишь его.

Внизу, у автобусной остановки, вампирша в розовом поднимает глаза и, заметив, что ты улетаешь, шипит и скалит зубы.

— Возвращайся, фотограф.

Но оставаться тебе не хочется. Ты успокаиваешь мысли и слушаешь ветер. Ты ловишь свое имя. И вновь казнишься потаенным стыдом.

Отель «Лео»

— Ни Малинды, ни Кабаланы, ни Альберта, ни Алмейды.

Заместитель суперинтенданта Ранчагода и детектив Кассим едут не на полицейской машине, а на синем «датсуне». Ранчагода заводит мотор, звучит сингальская песня, ты не знаешь ее и не можешь подпеть. Кассим записывает все три твоих имени, положив блокнот, как на стол, на свое брюшко любителя риса.

— Ты проверил все полицейские участки? — спрашивает он.

— Я тебе что, компьютер? — отвечает Ранчагода. — Позвонил в пять самых больших.

Кассим обводит кружком четыре имени и возле каждого ставит вопросительный знак.

— Едем в отель.

— Сейчас?

— Ты же взял у матери деньги.

— И что?

— Маали Алмейда там с кем-то встречался.

— А завтра поехать нельзя? — спрашивает Ранчагода.

«Датсун» встраивается в вечернюю пробку. Ты пропустил первый закат после смерти.

— Вчера вечером в отель «Лео» привезли четыре мусорных мешка, — говорит Кассим, глядя в ксерокопию отчета. — А в списке было всего три.

— Где ты видел точные списки?

— Если ты взял деньги, мы должны провести расследование.

— Подумаешь, лишний мусорный мешок в «Лео». Не в первый раз.

— Давай узнаем.

— Я устал, босс. Три месяца без выходных.

— Потребуем сверхурочные.

— Неужели?

— Чтобы ты замолчал.

— А давай потребуем двойные?

— Эй! Осторожно!

Машина виляет, чтобы не врезаться в накренившийся автобус, Кассим ругается в кулак. Они въехали на Остров рабов с дальнего берега озера Бейра. Узкие улицы завалены мусором. В коробке под кроватью у тебя есть фотография этой дороги на заре: собака писает, кошка ест ворону. Ты посылал этот снимок на многие конкурсы, но ни разу не выиграл.

В XIX веке «Лео» был дешевой гостиничкой для работников-иммигрантов. Нынешнюю громадину выстроили после Второй большой Европейской войны: отель купил бизнесмен по фамилии Сабаратнам и в 1965 году открыл в здании кинотеатр, на открытии присутствовал лично министр Дадли. В 1967-м, как всем известно, там девять месяцев шли «Звуки музыки», а в 1989-м, как известно не всем, два месяца показывали «Заваруху на Гавайях».

В 1970-е Сабаратнам дружил с членами правящей партии, а верхние этажи занимало министерство по делам молодежи. В 1971 году, во время чистки рядов ДВП, и в 1977-м, во время восстаний тамилов, на восьмом этаже были комнаты для допросов. Но те, кто в 1983-м поджег первый этаж, об этом не знали. Владелец, счастливчик-тамил, которого защищало его богатство,

с досадой наблюдал за пожаром из безопасного укрытия — отеля «Галадари». Старик Сабаратнам умер — сердце не выдержало; его семья перебралась в Канаду, здание пришло в упадок, в нем поселились призраки.

В 1988 году на шестой этаж въехало казино «Пегас»; стены покрасили, закопченную плитку перестелили, привезли новую мебель. Через год на пятом этаже открылся ночной клуб и массажный салон, а комнаты на седьмом стали сдавать внаем. Четвертый этаж арендовала компания «Азиатский международный рыбный промысел»: она упаковывала, замораживала и перевозила нераспроданную рыбу и морепродукты с западного побережья в три страны Азии. На нижних трех этажах разместился торговый центр, куда никто не ходит.

Откуда ты все это знаешь и сколько денег там просадил, ты уже и не вспомнишь. Но лицо некой дамы, чьего имени ты не знаешь, является тебе не поэтому. Дама пик. Кожа темная, глаза еще темнее, помада красная, потту еще краснее. Она сидит напротив тебя, угощает тебя пивом и задает тебе один-единственный вопрос: «Скажи мне,

колла[36], за кого ты?»

Протопав по паркетному полу, копы входят в ржавую дверь, ты следуешь за ними. На третьем этаже воняет не то керосином, не то нафталином. Здесь находятся копировальные салоны, агентства занятости и ателье портных. Ты летишь за копами, они вразвалочку проходят по коридору и сворачивают в контору под названием «Финансы „Пегас“».

Кассим глядит на напарника.

— Поговоришь с этими дураками?

— А у тебя что, языка нет?

— Ты хочешь сверхурочные или нет?

— О'кей, но тогда ты сам заполнишь заявку. Договорились?

— Я не собираюсь с тобой договариваться, — парирует Кассим.

— Уверен? — спрашивает Ранчагода.

— Когда меня переведут, тебе придется одному этим заниматься.

— И куда это ты надумал перевестись?

— Куда-нибудь, где нет трупов.

— Это где же? На Мальдивах?

— Не везде же так, как здесь.

---

[36] Примечания: 1.36
Парень.

— Везде свои трупы, мой друг. Думаешь, тебя переведут?

— Да хоть в следующем году.

Логотип у конторы тот же — крылатый конь, — что и у казино тремя этажами выше. Копы заходят внутрь, ты следуешь за ними. За столом в окружении канцелярских папок и факса сидят двое невысоких мужчин; лучше бы ты не узнал их. Заметив полицейских, мужчины широко улыбаются, но глаза глядят настороженно.

Ранчагода опирается на стол, выкладывает фотографию, которую ему дала твоя амма. Ты в красной бандане, на шее цепочки. Снимок сделал ДД в национальном парке Яла под темнеющим небом.

— Котту-айя. Балал-малли. Вы не видели этого парня?

* * *

Балал не выносит запаха мертвой рыбы, что странно для человека его занятий. Весь четвертый этаж отеля «Лео» занимает компания «Азиатский международный рыбный промысел», но ключи у нее только от общей двери. За дверью торговый зал, в нем супермаркеты и сети гостиниц покупают замороженных обитателей моря.

Мужчины в саронгах возят по полу швабрами. Справиться с вонью это помогает не более, чем жасминовая ароматическая палочка — с разъяренным слоном.

За торговым залом — холодильные комнаты. У «АМРП» есть от них ключи, как и у министерства, которому принадлежит здание. Балал и Котту нервно болтают о крикетном матче с Пакистаном: никто этот матч не смотрел, всем на него плевать. Они ведут посетителей по лабиринту, от стен пахнет немытыми телами, этот запах тебе знаком.

Копы прикрывают нос платочками цвета хаки, бредут по сужающимся коридорам, перепачканным бурой засохшей кровью. Ты и не знал, что копы подбирают носовые платки под цвет униформы. Ты всегда носил с собой носовой платок: это единственное, чему ты научился за месяц в скаутах-волчатах.

— Где вы это нашли? — спрашивает Ранчагода.

— На заднем дворе, — отвечает Котту. — Не там, где обычно.

— И не могли позвонить нам?

— Сэр, если мы будем звонить из-за каждого лишнего мешка с мусором, счет выйдет заоблачный.

— Его нет ни в одном списке? — уточняет Кассим.

— Ни в вашем, ни у большого босса.

— Беда в том, что у вас, придурков, чересчур много боссов.

— Нам дает список только ваша контора, сэр. Другие участки никогда. Лишь заставляют разгребать за ними.

— Так вы узнаете это лицо?

— Я не смотрю на лица, сэр, — говорит Котту.

В конце коридора широкая дверь с большим висячим замком. За нею светло, как в больнице. На потолке тени, но видны они только тебе. Ты слышишь шепот и не решаешься поднять глаза. Балал гремит ключами, открывает дверь, за нею еще холодильники. Здесь пахнет уже не рыбой, а высококачественными химикатами.

На железной каталке три длинных куска мяса.

— Один из этих? — спрашивает Ранчагода, убрав от носа платок.

— Нет. Это сегодняшние отходы, — отвечает Балал.

Ранчагода хмурится.

— Проблемы? Слишком много работы?

— Нет, сэр. Ничего такого.

— Тогда и не жалуйтесь. Где Алмейда?

Котту указывает на металлический стол с четырьмя полиэтиленовыми свертками. В двух, судя по виду, руки или ноги, в двух мясо. Балал издает смешок, Кассим цыкает на него.

* * *

Сингальцы называли этот район «Компания Видия», тамилы — «Комани Теру», то и другое значит «улица компании». Британцы окрестили его «Островом рабов». Все эти названия сохранились по сей день и недвусмысленно намекают на то, кем местные жители и колонисты считали друг друга.

На заброшенном заднем дворе отеля «Лео» свалка всего района. На соседних улицах трущобы и ветхие здания. На зубчатых крышах — боязливые кошки и скучающие летучие мыши.

— Тело было здесь? — Кассим указывает на забрызганную красным вмятину на мешках с мусором.

Балал и Котту кивают.

— Думаете, подбросили?

— Сэр, сюда все подбрасывают мусор, — говорит Котту.

— И вам не показалось, что крови многовато?

— Не показалось, сэр.

Кассим обводит фонариком стену отеля. Такое ощущение, будто ее залили бурой краской.

— И вы не заметили эти пятна?

— Сэр, когда собираешь мусор, нет времени смотреть по сторонам.

— Будете и дальше так разговаривать, пожалеете, — отрезает Ранчагода. — С сегодняшнего дня будете оформлять документы как полагается.

Балал и Котту молчат. Кассим обводит фонариком свалку. Ночь выдалась зловонная. Кассим вздрагивает от порыва ветра и поворачивается к Котту.

— Его сбросили с одного из этих балконов. И сделали это не мы. Верно?

Балал кивает, Котту кашляет и отводит глаза.

— Где остальное тело?

Котту глядит на Балала, тот смотрит под ноги.

— Исчезло, сэр.

— Мне что, нести его матери ошметки? Ногу, руку… А это что такое? Как мы докажем, что это Алмейда?

— Если его раньше задерживали, в досье должны быть отпечатки пальцев, — подает голос Ранчагода.

Кассим качает головой.

— Тем, кто берет отпечатки пальцев, я доверяю

еще меньше, чем тебе. Где голова?

— Мы выбросили ее в озеро.

— И слышать не хочу. Принесите мне голову. Даже если для этого вам придется осушить все вонючее озеро. Мне наплевать. Голова нужна нам сегодня же.

В кабинете Котту снимает трубку и поднимает с постели Водилу. Кассим ковыляет к лифту.

— Что будем делать дальше, детектив? — спрашивает Ранчагода, когда их никто не слышит.

— Придется поработать сверхурочно, путха.

Ранчагода медлит, не входит в лифт.

Кассим заходит в лифт, нажимает на кнопку, чтобы двери не закрывались.

— В чем дело?

— Локка[37]. Сначала ты говоришь, что хочешь перевестись подальше от трупов. А теперь собрался работать сверхурочно.

— Мы должны выполнять свой долг.

— И каков наш долг?

— Защищать невиновных, — говорит детектив Кассим.

— Я думал, мы защищаем тех, у кого власть.

— Нам обязательно сейчас это обсуждать? —

---

[37] Примечания: 1.37
Босс, лидер, начальник.

Кассим убирает палец с кнопки, двери закрываются. Он ругается, вытягивает руку, придерживает челюсти лифта.

— Меня смущает другое.

— Садись в лифт!

— Мы стараемся раскрыть преступление? Или прикрыть?

* * *

Лишь оказавшись внутри отеля, ты замечаешь тени и лица, прячущиеся в них. Глаза всех оттенков: синие, карие, желтые, зеленые. Общаться с ними тебе хочется не более, чем облизывать пчелиный улей, и ты молча следуешь за копами.

Котту возвращается в кабинет на четвертом этаже, где отвечает на звонки и получает краткие сообщения о том, что везут трупы.

— Еще шесть мешков? Откуда?

Балал дожидается приезда Водилы, чтобы дать ему очень четкие указания.

Этажом выше Кассим с Ранчагодой входят с фотографией в массажный салон «Манго». Фотографировал тебя ДД в, как уже говорилось, более счастливые времена. На тебе извечная куртка-сафари, борода короче обычного.

Девушкам в сари к притворству явно не при-

выкать. Они утверждают, что никогда не видели человека на фото. Копы идут дальше, в караоке «Берлога». Там только уборщицы и мужик в мини-юбке, при виде людей в униформе он улепетывает. В караоке пусто, лишь призраки за стойкой пьют воображаемые коктейли и о чем-то спорят.

Копы идут в дальнюю комнату к боссу, крепышу по имени Роан Чанг. Его предшественником был печально известный Калу Дэниел, сейчас он отбывает срок за вооруженное ограбление. Чанг тоже зарабатывает тем, что грабит народ, но оружие его — колоды карт и крутящиеся рулетки. Он сидит за столом, заказывает для полицейских свежевыжатый сок и вызывает к себе управляющего, распорядителя и двух крупье.

Внешне Чанг — вылитый китаец, как его отец, но говорит по-сингальски, как его мать.

— Если уж вы собрались в мое казино, то, черт возьми, приходите в штатском, — говорит босс. — Я знаком с министром. Ко мне нельзя приходить вот так.

— Извините, пожалуйста, мистер Чанг. Очень срочное дело.

— Что за срочное дело?

— Мистер Маали. Картежник, — говорит кру-

пье, которому ты когда-то проиграл пять лакхов.

— Завсегдатай? Много тратит? Любит выпить?

— Курит. Не разговаривает. Играет в карты. Блек-джек, баккара, немного в покер, — отвечает распорядитель, однажды оштрафовавший тебя за то, что ты рассыпал фишки.

— Он пропал, — сообщает Ранчагода.

Все поднимают брови, пожимают плечами.

— Пропал? — Крупье, которого все игнорируют, чешет бороду.

— Когда вы его видели? — спрашивает Кассим, доставая чистый блокнот.

— Кажется, вчера вечером, — отвечает распорядитель. — Он выиграл несколько лакхов. Поставил всем выпивку. Шутил, мол, бесплатная выпивка, повторил это несколько раз. А потом исчез.

— Не исчез, — поправил крупье. — Он пошел наверх. Я видел, как он пил с каким-то иностранцем.

Крупье тебе незнаком, и ты не помнишь, чтобы делал то, о чем он рассказывает. Либо крупье лжет, либо, что еще хуже, говорит правду. Ты смотришь в объектив, но видишь только грязь.

— С каким иностранцем?

— Суддхой. Белым. Кажется, немец. Но, может,

и англичанин.

Балкон

Балкон на пятом этаже смотрит на трущобы и свалку. В конце балкона барная стойка и пять столиков с меню. Винтовая железная лестница уходит вверх, на балкон шестого этажа, и спускается мимо казино на площадку четвертого.

Крупье ведет копов через кухню, чтобы их не видели посетители казино. Перила балкона до потолка затянуты проволочной сеткой.

— Несколько наших клиентов спрыгнули отсюда. Вот мы и огородили перила.

— Зачем они это сделали?

— Вам случалось проиграть свое годовое жалованье в покер?

— На мое годовое жалованье даже играть не стоит, — отвечает Ранчагода.

— Где были Алмейда и его приятель-суддха?

— Сидели у края балкона.

— И?

— Заказали три джина, три водки, два тоника и три порции жареных острых креветок.

— И вы это запомнили?

— Нет. Это было в их счете. — Распорядитель

выхватывает у рослого юного бармена тонкую розовую копию чека.

— Три порции — это много. Почему распорядитель игрового зала торчит на балконе и обслуживает столики?

— Я был с клиентом.

— Кто он?

— Обычный деловой клиент.

— Вы узнали белого?

— Не сказал бы…

— То есть нет?

— Мне все суддхи на одно лицо.

Кассим стоит у края бара, смотрит на свалку внизу. Изучает кровавые пятна на стене. Поднимает глаза на балкон шестого этажа.

— Но Алмейду вы узнали?

— Мистер Алмейда местный.

— Так вы знали его?

— Я знаю многих, кто любит играть.

Вот что ты помнишь про тот вечер:

а) ты был в казино «Лео»,

б) пил в баре,

в) ел креветки,

г) флиртовал с барменом.

Вот чего ты не помнишь:

а) что сидел с каким-то суддхой,

б) что тебя выбросили с балкона и ты разбился насмерть.

— Во сколько они ушли?

— Они были здесь, когда мы с клиентом ушли.

— В котором часу?

— Около одиннадцати.

— Кто еще из сотрудников был здесь?

— Только бармен.

— Этот?

Распорядитель окликает бармена:

— Чаминда!

Парень некрасив. Крепкий, как бык, и лицо тоже смахивает на бычью морду. Ты ни разу не поинтересовался, как его зовут, а потом уже и спрашивать было неудобно, и ты звал его просто «мали». Обслуживал он быстро, получал щедрые чаевые, во время его перекура вы вместе ходили курить на балкон шестого этажа, и бармен не возражал, что ты его лапаешь. Как водится у лжецов, он смотрит копам прямо в глаза.

— Да, я знаю этого господина. Вчера вечером он был здесь, кончил поздно.

Скаламбурил, сам того не желая, думаешь ты.

— Около одиннадцати часов. Он курил, у меня был перерыв, я тоже пошел покурить.

Ха-ха, думаешь ты.

— О чем вы с ним говорили?

— Ни о чем. Он говорил, что поедет в Сан-Франциско. Выиграл много денег.

— Он дал вам денег?

Бычок напрягается, переводит взгляд на стойку, тебя, конечно, не видит, делает над собой усилие, надеясь, что никто не заметил, хотя все заметили.

— Чаминда!

— Он был должен мне несколько тысяч. И вернул долг.

— За что?

— Ему не хватало на фишки. Так делают многие наши клиенты.

— И когда он собирался в Сан-Франциско?

— Эй, Кассим! — Ранчагода отодвинул сетчатое ограждение и высунул голову наружу. — Иди посмотри на это.

Заметив, что детектив сорвал сетку с крючков, распорядитель кричит, позабыв о вежливости:

— Яко![38] Не сломайте!

Ранчагода выглядывает за проволоку и видит кровавый след, уходящий в небо.

Он карабкается по пожарной лестнице, подоб-

---

[38] Примечания: 1.38
Зд.: эй вы!

но хорьку, не обращая внимания на возмущение сотрудников казино. Тучный Кассим подумывает, не последовать ли за ним, и решает: не стоит. На балконе пыль, паутина, дверь заперта. Балкон открытый, пустой, не считая стола и двух стульев.

— Куда ведет эта дверь? — Кассим указывает на висячий замок.

Перегнувшись через перила, Ранчагода разглядывает стену. В отличие от своей более аккуратной копии внизу, этот балкон без сетки.

— Сюда никто не ходит. — Распорядитель трогает рацию, пристально смотрит на Ранчагоду. Бармен Чаминда смотрит себе под ноги: он, как и ты, знает, что это не совсем так. Люди пролезают за сетку и поднимаются на шестой этаж пообжиматься в темноте.

— Здесь не так давно подметали. Вот откуда он спрыгнул. — Кассим вспоминает, что он детектив. — Или его столкнули.

— И где тогда труп? — спрашивает распорядитель.

— Хороший вопрос, — отвечает Ранчагода.

Распорядитель сохранял и улыбку, и терпение, но то и другое исчезает, стоит копам задать вопрос про седьмой этаж.

— Там только номера, сэр.

— Кто их снимает?

— Гости.

— Шлюхи?

— Гости казино. И их гости.

— Малинда Алмейда снимал номер?

— Не знаю.

Заместитель суперинтенданта Ранчагода переводит взгляд с крупье на распорядителя. Идет за детективом Кассимом к лифту, улыбается. Неловкая пауза.

— И часто ваши клиенты прыгают с балконов?

— Сэр, на этот балкон никто не ходит.

— Это явно не так, — замечает Кассим.

— Сэр. Раньше действительно случались самоубийства. Но больше такого нет. Теперь у нас сетка и окна не открываются.

— Вы же знаете, что отелем «Лео» пользуются и другие. Те, кто не хочет, чтобы про это здание пошла молва.

— Понятно, сэр.

— Давно у вас этот бармен?

— Всего несколько месяцев. Он хороший работник.

— Нам нужно будет его допросить. Похоже, он последний, кто видел Алмейду.

Под возражения распорядителя копы поднима-

ются по лестнице.

— Сэр, наши гости платят за то, чтобы никто не вмешивался в их частную жизнь. Вам лучше сначала поговорить с боссом, Роаном.

Копы его игнорируют и через незапертую дверь выходят на площадку. В вестибюле седьмого этажа стоит охранник. Черная футболка обтягивает черный торс. Охранник хмуро глядит на распорядителя и кивает копам:

— Чем могу помочь?

— Мы хотели бы поговорить с кем-то из тех, кто тут есть.

Круглолицый Кассим стоит лицом к лицу с вышибалой, пытаясь его запугать. Ранчагода звонит в звонок. Играет популярная мелодия пятидесятых «Пунцовый, как вишня, и белый, как яблонев цвет»[39]. Ты узнаешь этот пронзительный звук, этот этаж и этого охранника.

Ты слышишь, как лязгают замки, и дверь открывается. У тебя ноет там, где некогда был живот. Боль когтями рвет тебя изнутри, точно зверь, запертый в грудной клетке.

— Да?

---

[39] Примечания: 1.39

Cherry Pink and Apple Blossom White — английская версия песни Cerisiers Roses et Pommiers Blancs композитора Луи Гульельми (Луиги, 1916–1991).

Вот она. Та, чье лицо тебе знакомо, а имя вертится на языке. Угольно-черная кожа, темно-красные губы, пиковая дама.

— Прошу прощения, мадам. Мы из уголовного розыска. Ищем этого человека. Вы его видели?

Она колеблется, переводит взгляд с Ранчагоды на Кассима, потом смотрит между ними прямо туда, где висишь в воздухе ты.

— Это Малин. А что случилось?

Взгляд ее устремлен туда, где ты паришь, ты смотришь на нее, силишься вспомнить. Кассим расправляет плечи, Ранчагода откашливается.

— Мадам, мы можем поговорить внутри?

За ее спиной коридор, на стене черно-белая фотография в рамке — куча трупов на погребальном костре, вокруг пламени танцуют мужчины с палками. Снял ее в 1983 году на Nikon 3 ST фотограф-любитель Малинда Алмейда Кабалана.

Канадско-норвежский фонд помощи странам третьего мира

На стенах висят фотографии — ты их узнаешь — и картины, тебе незнакомые. Фотографии в основном были сделаны в 1983 году без подготовки, опыта и хорошего объектива. На всех —

сцены насилия. Картины — экспрессионистские пейзажи (рисовые поля, деревенские хижины), все куплены на уличных рынках по цене обеда в фешенебельном ресторане. Изобилие пятен, мазков, ярких красок; в углу неразборчивая подпись эксплуатируемого художника-любителя.

Комната опрятная, не считая стола у окна: он завален коробками, чашками, папками. Женщина предлагает полицейским присесть на плетеный диванчик. Ты уже бывал в этой комнате. В этом ты почти не сомневаешься. Но как же зовут эту женщину? Ты вспоминаешь ручного льва из того фильма в кинотеатре «Савой», куда отец водил тебя перед тем, как ушел.

— У вас гости? — Детектив Кассим неуклюже идет к столу.

— Двоюродный брат из Торонто. Не хотите ли чаю?

— Если можно, воды. — Кассим обводит глазами комнату.

— А мне обычный чай с имбирем. — Ранчагода присаживается у окна, напарник бросает на него взгляд.

— Конечно, — говорит дама.

Бородатый парнишка, похожий скорее на клерка, чем на слугу, приходит принять заказ.

— Как вас зовут, мадам?

— А в чем дело?

— Как вас зовут?

— С Малином все в порядке?

— Будьте добры, ответьте на мой вопрос.

— Меня зовут Эльза Матанги. Мы с двоюродным братом работаем в КНФПСТМ. Это наш кабинет. Мы собираем средства для пострадавших от войны. Офис нашего фонда внизу, в торговом центре.

— Что такое КНФПСТМ?

— Канадско-норвежский фонд помощи странам третьего мира.

— КНФПСТМ. Гм. Работаете допоздна?

Кассим глядит сквозь матовое окно на крыши лачуг Острова рабов. Потом переводит взгляд на коробки на столе.

— Извините, это конфиденциально, — говорит дама.

Кассим пропускает ее слова мимо ушей, кивает напарнику. Возвращается парень с чаем и водой, и тебя вдруг охватывает жажда — это чувство ты позабыл вместе с остальными.

— Когда вы последний раз видели Малинду Алмейду?

— Вчера. Он наш внештатный сотрудник. При-

ходил забрать чек.

— Кем он у вас работает?

— Мы включаем его фотографии в информационные рассылки.

— Это его фотографии? — Кассим указывает на коробку на столе.

— И его тоже.

— Чем занимается ваш фонд, мадам?

— Мы помогаем мелким фирмам, оплачиваем образование и даем консультации беднякам. Помогаем сиротам на севере и на востоке. Собираем пожертвования, распространяем информацию, защищаем мирных граждан.

— На деньги тамилов? — уточняет Ранчагода.

— На деньги тех, кто хочет помочь нуждающимся.

— Что происходит?

Голос доносится с порога напротив кухни. В дверях стоит коренастый темнокожий мужчина с усами густыми, как у главнокомандующего «Тигров».

— Это мой двоюродный брат. Они спрашивают о Малине.

— Скажи им, что он у нас не работает.

На двоюродную сестру он похож, как белый медведь на павлина. Она худышка, он толстяк.

У нее лицо, у него морда. У нее североамериканский акцент, он хрипит, как мадрасский тамил.

Кассим поворачивается к нему.

— Вас зовут?..

— Кугараджа. Директор КНФПСТМ. Я сотрудничаю с правительствами Норвегии и Канады. Я знаком с генеральным инспектором полиции. Как вас зовут?

— Я детектив Кассим. А это заместитель суперинтенданта Ранчагода.

— Малинда вчера уволился. Забрал чек и ушел. Может, он внизу, в казино, просаживает эти деньги.

— Из-за чего он уволился?

— Это вы у него спросите.

— А мы спрашиваем у вас.

— Сказал, что устал от работы.

— Он пропал без вести.

Эльза подносит ладонь ко рту, опускает глаза. Человек по фамилии Кугараджа садится на край диванчика.

— Он арестован?

— Насколько нам известно, нет. В последний раз его видели вчера, он ехал сюда на встречу с кем-то.

— Не с нами.

— Вы же сказали, что видели его вчера?

Кугараджа смотрит на Эльзу, та глядит в пустоту, качает головой. Взгляд ее туманится.

— Он продает нам снимки. Фотографии людей, которые гибнут в зоне боевых действий. Эти снимки нужны нам для работы.

Кассим берет в руки брошюру: в ней фотографии матерей с портретами пропавших без вести сыновей. На каждом снимке — пометка «© М. А.».

— Для работы или для пропаганды?

— Это правда, а не пропаганда, — отвечает Кугараджа.

Тебя охватывает неуютное ощущение: ты словно бы тонешь и одновременно чихаешь. Жидкость из твоего носа на ощупь не липкая, как сопля, и отдает железом, как кровь. На самом деле фамилия этого типа вовсе не Кугараджа, и он отлично знает, из-за чего ты уволился.

— У Малинды Алмейды были враги? — спрашивает Ранчагода.

— О его частной жизни нам ничего не известно, — отвечает Эльза.

— Что еще он для вас снимал?

— Зоны боевых действий. Сожженные дома, мертвые дети. В общем, все как обычно.

— И зачем вам такие снимки?

— Мы пытаемся остановить войну.

— Получается?

— Однажды получится.

— Алмейда промышлял шантажом?

— Как сказала моя двоюродная сестра, мы толком его не знали, — говорит Кугараджа и отпивает воды из стакана Эльзы Матанги. — Тело нашли?

— Мы не говорили, что он мертв.

— Кто вам платит? Военные или СОГ?

— А вам кто платит, мистер Кугараджа? Индия или ТОТИ?

— Думайте, что говорите, — отрезает Эльза.

— Мы выполняем свою работу, мисс. И только, — отвечает детектив Кассим. — Можно взглянуть на фотографии?

Эльза открывает папку с брошюрами на разных европейских языках. В брошюрах снимки из Вавунии, Батти и Тринко. Трупы детей на циновках. Обугленный остов деревенской хижины. Женщины в лохмотьях привязаны к столбам. Выжившие после бомбежки согнаны в лагерь, люди глядят в объектив. У тебя кружится голова. К потолку поднимается вихрь, точно духи, обитающие в этом здании, летят на крышу.

— Ваша организация сотрудничает с ТОТИ?

— Я обиделась бы, господин Ранчагода, если бы нас каждый день не спрашивали об этом, — говорит Эльза. — Нас спонсирует американский Фонд мира и правительства Норвегии и Канады. Мы умеренные либералы. Большинство тамилов не хочет бегать по джунглям с автоматами наперевес.

— У Алмейды были друзья-иностранцы? Может, какой-нибудь белый европеец средних лет?

— У него масса друзей. Старых и молодых, местных и иностранцев, — отвечает Куга. — Вы говорите так, будто он умер.

— В наше время, если человек пропал без вести, скорее всего, этим все и закончится, — поясняет заместитель суперинтенданта Ранчагода.

— Нам это известно, — говорит Кугараджа.

— Если увидим его, мы вам сообщим. — Эльза поднимается на ноги.

— Правда?

— Конечно. — Она открывает дверь.

— Можно я возьму с собой несколько брошюр? — Кассим берет брошюры.

— Берите и уходите, — произносит Кугараджа.

За окном раздается стук, слышимый только тебе. В комнате веет холодом, точно вдруг рыгнул

кондиционер. Полицейские уходят, двоюродные брат и сестра переглядываются. Твоих ушей достигает шепот, тебя накрывает тень. Ты уже привыкаешь. Воздух звенит, но чувствуют это лишь мертвые.

Фигура в черном плаще с капюшоном и какая-то дама в белом стучат в стекло, неодобрительно смотрят на тебя. Они пролетели семь этажей вверх и теперь спорят. Ты охотно не узнал бы их, но не заметить их невозможно. Ангел смерти в мешках для мусора и фея-крестная в сари. Они прозрачные, как все духи, они указывают сперва на тебя, потом друг на друга. Они спорят, и предмет их спора, кажется, ты.

Сингальцы убивают сингальцев

Копы на лифте спускаются в торговый центр. Идут в офис КНФПСТМ: тот оказывается закрыт на большой висячий замок. На стеклянных дверях плакаты: просьбы жертвовать одежду, деньги и продовольствие. На одном из них актриса из телеспектаклей, на руках у нее ребенок-беженец с севера.

— Ранчагода, напечатаешь рапорты. А я подошью их к делу.

— Как будто у меня других забот нет.

— Сделай два рапорта.

— Что писать?

— В одном — что нет никаких письменных доказательств того, что Алмейду арестовали или разыскивают для допроса. Что он, скорее всего, прячется от игорных долгов. А в другом — что у нас двое подозреваемых. Бармен Чаминда Самаракун, последний, кто его видел. И его работодатели, эти два тамила. Эльза Матанги и Кугараджа. — Первое имя Кассим произносит с американским акцентом, второе — в духе Болливуда.

Кассим показывает брошюры.

— Если тело найдут, подадим второй рапорт. Если нет, первый.

— У меня и один-то писать времени нет. А тебе подавай два?

— Я же вроде сказал, нет? Отметишь как сверхурочные.

— Надо было взять с его матери больше денег. А за эти и времени тратить не стоит.

— Что, если она спросит, где тело?

— Ответишь ей как обычно, — говорит Ранчагода.

— Надоело, сил нет. Что ей сказать?

— Правду. Тело ее сына так и не нашли.

— Тогда она потребует вернуть деньги.

— Или заплатит больше.

— А потом?

— Заставим Балала и Котту что-нибудь отыскать.

— Да они собственные залупы найти не могут.

— Что думаешь об этих тамилах? — спрашивает Ранчагода.

— Чушь какая-то. Если они убили его, зачем делать это рядом со своим офисом? Тамилы кто угодно, но не дураки.

На парковке их встречает уже знакомая дама в лиловом шарфе и с зонтиком в тон.

— Где ваша машина? — спрашивает Эльза Матанги.

— Как вы спустились сюда так быстро? — удивляется Ранчагода.

— Одни говорят быстро, другие ходят медленно. Третьи пользуются служебным лифтом.

— Чем мы можем вам помочь?

— Это я помогаю вам.

— Разве?

— Малин любил поболтать. В основном о том, чего никогда не было. И о коробке с фотографиями у него под кроватью. Он говорил, они способны

свергнуть правительство. Если поможете их найти, я поделюсь ими с вами.

— Очень щедро. Но уже поздно, и наша смена кончается.

— Отлично. Значит, вы свободны.

— Почему вы нам наверху об этом не сказали?

— Куга не любит копов. Но вы, похоже, профессионалы.

— Мистер Куга ваш муж или брат?

— Брат… Мой муж в Торонто.

— Разумеется. И что на тех снимках?

— То, что может быть интересно вашим боссам. То, что они захотят у вас купить. Мы тоже с удовольствием заплатим вам за труды.

Она кладет конверт на ветровое стекло синего «датсуна».

Ранчагода открывает водительскую дверь. Кассим недоволен.

— Уже поздно, мадам. Дела подождут до утра.

Ранчагода берет конверт, заглядывает внутрь.

— Это не покроет наше сверхурочное время.

— Может, этого хватит, чтобы закрыть дело.

— Может, вам лучше заняться севером и востоком. А с преступностью в Коломбо мы разберемся сами.

— Если вы принесете мне ордер, я отведу вас к

коробке. И вы сами решите, сколько она стоит.

Она открывает заднюю дверь и садится в машину. Ранчагода кладет конверт на торпеду. Кассим горбится, как медведь-губач, на которого и похож. Ранчагода устраивается на пассажирском сиденье и оборачивается к Эльзе.

— В последний раз спрашиваю, что в той коробке?

— Малин говорил, у него есть конверт с пометкой «Дама». Он-то мне и нужен.

— Нам это неинтересно.

— Там есть и снимки из Баттикалоа.

Ранчагода чешет затылок, смотрит на рычаг переключения передач.

— Восток не имеет к нам никакого отношения.

— Полицейский участок в Баттикалоа. Три месяца назад, — говорит Эльза.

— Массовое убийство?

— Шестьсот ваших братьев были убиты…

— Ваших. — Ранчагода приподнимает бровь.

— Если каждый сингалец будет думать, что каждый тамил состоит в ТОТИ, эта война не кончится никогда. «Тигры» не уважают копов-сингальцев. Я видела эти снимки. Они не удосужились даже надеть маски. Скольких арестовали за это преступление?

Кассим заводит мотор.

— То есть вы говорите, Малинда Алмейда снимал убийство полицейских в Баттикалоа. Он был там?

— У него талант лезть куда не надо. — Эльза смотрит в окно. — Почему мы не едем?

— Не сегодня, мадам. — Кассим окидывает взглядом торпеду. — Приходите завтра к восьми утра в полицейский участок Коричных садов. Мы сделаем все что нужно.

Разумеется, она неправа. С камерой можно лезть куда угодно. Эльза проверяет в зеркале заднего вида, не стерлась ли ее помада, и встречается взглядом с Ранчагодой.

— Думаете, никто не знает о том, что творится на четвертом этаже отеля «Лео»?

— Там сидит компания «Азиатский международный рыбный промысел», да. А что там происходит? Скажите нам.

— Меня это не касается. Все ловят собственную рыбу.

Она закуривает, не опуская стекло. Эту красную пачку сигарет ты стащил в Баттикалоа, их там был целый блок. Тогда же, когда с холма за дорогой снимал телевиком полицейский участок. Что только ни не остается в памяти: смех и грех.

— Трупы дэвэпэшников не наша проблема, — говорит Эльза. — Если сингальцы убивают сингальцев, нам-то какое дело?

— Я думал, вам есть дело до гибели невинных жертв, — парирует Ранчагода.

— В первую очередь мы должны думать о своих.

— Это национализм.

— Только когда это становится государственной политикой.

— А когда псы из ТОТИ убивают крыс из ТОФО[40]? Тамилы убивают тамилов? Это нормально?

— По крайней мере, мусульмане не убивают мусульман, — вставляет Кассим.

Эльза и Ранчагода раздраженно глядят на него.

— Я имею в виду, в Шри-Ланке, — поясняет он.

— Дайте срок, — отвечает Эльза. — Однажды малайцы начнут убивать муров[41]. А бюргеры резать четти[42]. Меня в этой стране уже ничем

---

[40] Примечания: 1.40

Тамильский объединенный фронт освобождения.

[41] Примечания: 1.41

Муры — общее название предполагаемых потомков арабских поселенцев на Шри-Ланке.

[42] Примечания: 1.42

Четтиар, четти — влиятельная торгово-финансовая каста.

не удивишь.

— Малинда Алмейда был марксистом? Дэвэпэшником? — спрашивает Ранчагода.

— Снимки в коробке расскажут вам все, что вы хотите знать.

— Если он дэвэпэшник, будет проще получить ордер.

— Отлично. Кажется, он бывал на их митингах.

— Это хорошо.

— Значит, к восьми утра. Что делать?

— Где это?

— Кажется, в Голл-Фейс-Корте. Когда вы получите ордер?

Ты цепляешься за крышу машины, мысли пронзают тебя зараженными иглами. Ветер отравлен воспоминаниями, которым ты не веришь. Новая волна боли начинается в твоих ногах и доходит до глазных яблок. На фотоаппарат ты стараешься не смотреть. Машина мчится вперед, но тебе за ней не успеть. Ты следуешь за синим «датсуном», но твои ноги не достают до асфальта. Ты пытаешься лететь, но не можешь сдвинуться с места.

Дама в белом сари и фигура в мусорных пакетах стоят по бокам от тебя и качают головой. Их спор завершился, кто победил, непонятно. Капюшон плаща падает, ты видишь робкого Сену. Кожа его

налилась кровью, как и глаза.

— Мал. Не надо вам говорить с этой женщиной. Она вам не поможет.

— Доктор Рани Шридхаран, — произносишь ты. — Рад снова видеть вас.

Женщина в белом сари закладывает большим пальцем страницу своего журнала учета, поправляет очки и улыбается тебе.

— Можете звать меня Рани. Мне поручили помочь вам, — отвечает она. — У вас семь лун. И одну вы уже профукали.

Луна вторая

Рано или поздно случается что угодно
и с кем угодно: дайте срок.
Джордж Бернард Шоу

Разговор с мертвым доктором (1990)

Тебя ведут на крышу отеля «Лео». С нее открывается вид на смрадный город, где преступления остаются безнаказанными и призраки бродят невидимыми. По асбесту ползают тени, и не все они принадлежат кошкам, летучим мышам, крысам и тараканам. Есть ли у животных жизнь после смерти? Или их наказание — родиться заново человеком?

Дует ветер с востока, несет аромат дождя на деревьях и росы на храмовых цветах. Бриз ненадолго смягчает вонь и устремляется к морю, а с ним улетают и запахи Коломбо.

— Этот человек, Сена, подтвердил, что у вас амнезия. Обычное дело. Свою смерть не помнит никто. Как и свое рождение. Но постепенно память об этих событиях возвращается. Вам бы надо

как следует проверить уши. — На докторе Рани кремовое сари и кардиган, пучок волос дрожит. Она говорит, уткнувшись в журнал учета, время от времени поглядывает на тебя сквозь очки и проявляет к тебе интерес куда больший, чем раньше, за стойкой. — Мне очень жаль. Последняя луна выдалась напряженной. Сейчас вводят в действие новые системы, масса встреч, вы разве не знали? Ну да ладно. Куда лучше обсудить все с глазу на глаз, вот как сейчас. Что скажете?

Ты вспоминаешь все фотографии этой женщины: некогда они заполонили газеты — приторная дань памяти молодой матери двоих детей, преподавательнице, преданной своему делу и убитой в расцвете лет. Она была фотогеничнее большинства умеренных тамилов, которые погибли.

— Доктор Рани, вы помните, как меня обокрали? Вы без разрешения взяли мои снимки для своей статьи. Мне следовало подать на вас в суд.

— Айо, мальчик. Хватит уже. Забудь, ладно? На моем счету семьдесят четыре прошлые жизни. И каждая была полна трагедий, ошибок и фарса. Как у всех. Как у вас.

Активисты, как и политики, ловко уходят от обвинений.

— В вашей книге «Анатомия карательного

отряда» три мои фотографии. Убийцы Виджайи, избиение Роханы[43], сожжение дамы в шальварах в 1983-м. Ни разрешения, ни упоминания об авторе, ни благодарности. Ну и, конечно, денег.

— Я уже не та, что была в прошлой жизни. Как и вы.

— Я готов был явиться в Джафну и убить вас. Но меня отправили в командировку в Килиноччи. А вас…

— Убили. Да, мистер Мал. У нас новая ускоренная система контроля. Всего три шага. Во-первых, вам нужно помедитировать возле своих останков: это вы, похоже, уже сделали. Потом сходить на осмотр ушей. И окунуться в Реку рождений. И все это за семь лун.

— Ваша книга в Шри-Ланке под запретом. Значит, вы погибли ни за что, просто так?

— Ничего не бывает просто так, путха. За этот урок я не возьму с тебя денег.

— Вы видели лицо вашего убийцы? Думаете, ему стыдно?

— Это Междумирье. Здесь не принято слоняться без дела, размышляя о бесполезном.

— «Тигр», который, по его словам, это организо-

---

[43] Примечания: 1.43

Рохана Виджевира (1943–1989) — ланкийский политик-марксист, основатель партии «Джанатха Вимукти Перамуна».

вал, входил в подразделение Махатийи. Я снимал его в Килиноччи. Правда, может, он просто выпендривался. Болтунов полным-полно и с той и с другой стороны.

Доктор на это не клюнула, посмотрела на папку-планшет.

— Осмотр ушей выявит, готовы ли вы к Свету. Река рождений показывает прошлое. Идем?

— Вы не жалеете, что написали так мало книг? Или так много?

— Там, Внизу, всегда и всего недостаточно.

— Какая вам разница, попаду ли я к Свету?

— Мы помогаем душам, которые цепляются за последнюю жизнь. Междумирье переполнено.

— И что?

— Это место стало опасным. И ничего не изменишь. Ваша жизнь закончена. Если кто-то вам скажет другое, значит, он вас обманывает.

Сена стоит у карниза, делает вид, будто не подслушивает. Капюшон у него как у кобры, плащ хлопает, словно вороньи крылья. Издалека при свете луны уже непонятно, из чего этот плащ — из мусорных ли пакетов, из человечьей ли кожи.

— И когда я встречусь с Богом?

— Я слыхала, вы видели Махакали.

— Разве Бог не может помешать злу? Или не

хочет?

— Айо. Повзрослей уже, ладно?

— Отец оплачивал мне учебу в Берлинском университете. Он не верил ни в Бога, ни в Университет Перадении.

— Махакали питается заблудшими душами. И в последнее время он растолстел.

— Кто платит за белые сари?

— Если вы останетесь в Междумирье, станете якой, претой, вампиром — или рабом кого-то из них.

— В Перадении рассказывают о проблеме вагонетки[44]?

— Я занимаюсь не только вами.

— Если убийство одного спасет сотню, должны ли мы наточить мачете?

— Путха. Думаешь, каждая из триллиона бактерий, которые живут и умирают на твоем теле, получит шанс с тобой встретиться и спросить тебя, зачем она живет?

— Вы ставите меня в тупик.

— Это Междумирье. Вам здесь не место.

— Мне нужно, чтобы мир увидел то, что видел я.

---

[44] Примечания: 1.44

Проблема вагонетки — мысленный эксперимент в этике: в его рамках нужно выбрать, кем пожертвовать, кого спасти.

— Это эго. Это иллюзия.

На другом конце крыши с карниза прыгают самоубийцы — неловко, словно трехлетки, которые падают с трехколесного велосипеда. Девушка в галстуке подходит к краю крыши и с озадаченным видом шагает вперед. Женщина с косичками следом за нею делает нечто похожее на фосбери-флоп[45] (вот не думал, что в сари это возможно). Сгорбленная фигура — такое чувство, будто ее мариновали в океане со времен короля Бувенекабаху III, — пошатываясь, бредет по краю карниза и вдруг опрокидывается вниз.

Все это происходит медленно, беззвучно и торжественно. Новые силуэты приближаются к краю крыши, смотрят вниз с высоты седьмого этажа, точно рабы на галерах, которых принудили пройти по доске.

— Самоубийцы любят высотные здания. Вы не боитесь других призраков? — спрашивает доктор Рани. — Я поначалу боялась, когда только попала сюда.

— Они меня, кажется, не замечают.

— Не кажется, а точно. Ну что, продолжим?

— Послушайте. Я не хочу обратно. И рождаться

---

[45] Примечания: 1.45
Фосбери-флоп — разновидность прыжка в высоту.

заново не хочу. Вообще ничего не хочу. Можно я просто не буду никем?

— Здесь вам нельзя оставаться.

Сена парит над карнизом, что-то шепчет самоубийцам, глядящим в бездну. Его плащ с капюшоном выглядит по-королевски. Сена будто произносит речи, но непонятно, слушают ли его. Когда ты представлял, каково будет на небесах, ты думал, тебя там встретит Элвис или Оскар Уайльд. А не мертвая преподавательница с журналом учета. И не убитый марксист в плаще.

— Если бы вам удалось подсчитать все хорошее и плохое в мире, баланс в вашем журнале сошелся бы?

Она кивает, скрещивает руки на груди.

— В конце концов баланс непременно сойдется.

— А где доказательства?

— У меня нет на это времени, мальчик. И у тебя, кстати, тоже.

Она закрывает журнал и смотрит с крыши на мертвых самоубийц, что вновь пытаются покончить с собой. Выходит из роли гида. Ты вскидываешь камеру, фотографируешь ее: силуэт с журналом на фоне самоубийц.

— Я была одержима справедливостью, стремле-

нием защитить беспомощных, одержима своими студентами, горькой долей тамилов. Я не заметила, как выросли мои дочери. Я упустила мужа. И ради чего?

— Почему вы так рекламируете Свет?

— Междумирье уже перегружено. Оно отравляет умы Там, Внизу. Слишком много по миру бродит вампиров, нашептывает дурные мысли не тем, кому надо.

— То есть, если все полетят к Свету, «Тигры» сложат оружие и правительство перестанет похищать людей? Вы хотите, чтобы я купился на это?

— Междумирье кишит теми, кто питается отчаянием.

— Будь Междумирье пусто, богатые прекратили бы воровать, а бедные — голодать?

— Если вы останетесь здесь, превратитесь в одного из них. Быть может, процесс уже начался.

— Мне нужно предупредить друзей. Тот, кто меня убил, украдет мои снимки. Мне нужно увидеть, кто это.

— Никому нет до этого дела, путха. Никому нет до этого дела. У тебя на все про все шесть лун. Ну что, мы начинаем?

— Кто это «мы»?

— Мы должны осмотреть твои уши. И всё.

— Мы никому ничего не должны. Больше. Никогда.

— Мадам доктор, я думаю, пока хватит, нет?

На голове у Сены вновь капюшон, на шее красно-белый платок. Он кладет голову туда, где было бы твое плечо.

Ты вздрагиваешь.

— Мы же договорились, что ты будешь молчать, — рявкает доктор Рани.

— Еще чего. Вечно вы пытаетесь заткнуть нам рот. Типичная буржуазная интеллигентка.

— Тебе нельзя его трогать семь лун. И твоему боссу тоже.

— Нет надо мною боссов. Я Сена Патхирана, организатор ДВП в округе Гампаха. А это Маали Алмейда. Суперфотограф *par excellence*[46]. Он перетрахал всех голубых к югу от Джафны. Головорезы сбросили его с крыши. Маали-хаму. Пожалуйста, не ходите на осмотр ушей. Не дайте стереть вашу память в той реке.

Доктор Рани подходит к нему, как учительница с линейкой. За нею из тени вдруг появляются двое мужчин в белых одеждах. Оба бегут по воздуху. Первый — тот чернокудрый дядюшка, он

---

[46] Примечания: 1.46
В полном смысле слова (фр.).

стоял за стойкой, ты еще подумал, что он похож на Моисея. С густой бородой, ежевичным венцом, взгляд такой, что одно оскорбление — и он велит какому-нибудь морю расступиться. Второй высокий, мускулистый, как Хи-Мен из мультика, родись тот в Ависсавеле.

Они набрасываются на Сену, валят его на крышу. Доктор Рани склоняется над ним, качает головой. Сена глядит на нее, глаза его мечут молнии.

— Ты свое слово сказала. Теперь моя очередь.

Злые самаритяне

Пока коробки спят под кроватями, а нечестивцам снится то, что они украдут, в интересах демократии и честной игры — а это не всегда одно и то же — решено дать Сене слово. Он мигом принимает позу оратора на митинге ДВП, вспрыгивает на карниз и мерит его шагами. Самоубийцы толпятся в тени, внимают, как ученики.

— Дамы и господа, товарищи и попутчики. Я помню свою прошлую жизнь. Я помню свою прошлую смерть. Мне не нужно стоять в очередь к стойке за номерком и слушать, как какой-нибудь Помощник вешает мне на уши лапшу про Свет. Я

и без того все знаю.

Среди самоубийц ропот. Док Рани смотрит на тебя, качает головой. Что-то записывает в журнале.

— Я провел в Междумирье двести пятьдесят лун. Нет места лучше. Я не вытянул счастливый билет в лотерее рождений. Я вырос на карьере в Веллавайе. Я работал слугой в Гампахе. Там, Внизу, мне говорили, что бедность — моя карма, мой крест, мое тяжкое бремя. Моя вина. Я вступил в ДВП не потому, что это модно, а потому, что иначе нельзя. Я знал бедность и знал бедняков. Я знал борьбу за жизнь, я знал боль.

Он обходит слушателей, останавливается возле тебя, садится на корточки и понижает голос до шепота:

— Если Свет — это рай, как уверяет нас мадам доктор, и, если Междумирье — чистилище, переполненное заблудшими, тогда что же Там, Внизу?

— Ад! — выкрикивают из толпы.

Сена хихикает.

— Каждой душе дают семь лун на скитания в Междумирье. Чтобы вспомнить прошлые жизни. А потом позабыть. Они хотят, чтобы вы забыли. Потому что, когда вы забудете, ничего не изме-

нится.

Мир сам себя не исправит. Месть — ваше право. Не слушайте Злых Самаритян. Требуйте справедливости. Вас обманула Система. Вас обманула карма. Вас обманул и Бог. И на земле, и здесь.

Ропот самоубийц прибавляет децибел. Кстати, они по-прежнему бросаются с крыши. Доктор Рани — она стоит рядом с Моисеем и Хи-Меном — фыркает.

— Все это ложь, — кричит она. — Месть — никакая не справедливость. Месть ослабляет вас. Только карма воздаст вам по заслугам. Но нужно потерпеть. Это единственное, что вам нужно.

Сена морщится, выплевывает слова:

— Типичная речь правительственного чинуши. Возьмите номерок, сядьте и сидите, пока не забудете, зачем пришли.

Моисей выпрямляется во весь невеликий рост.

— Прояви уважение, свинья.

— Многих из вас убили. Многих довели до самоубийства, — не унимается Сена. — Может, забыть и проще. Но забвением ничего не исправишь. Нужно помнить о зле. Иначе ваши убийцы так и будут ходить на свободе. А вам не будет покоя.

На этот раз боль хватает тебя за глотку и душит: ты вспоминаешь то, о чем пытался забыть. Как

страшно тебе было, когда ты выполнял первое задание для военных, как больно, когда ушел отец, какая досада тебя охватила, когда ты после передозировки очнулся в больнице. Как сильно ты двадцатидевятилетний, ты семнадцатилетний и ты одиннадцатилетний ненавидели бы друг друга. И как отчаянно ты, мертвый, презираешь всех троих.

Сена вытирает вспотевшую шею арафаткой в красно-белую клетку — такие носят нефтяные шейхи, террористы и хиппи. Подплывает к тебе, хватает тебя за уши.

— Те же головорезы, которые убили меня, расправились и с вами, Маали. К нашему убийству причастны шесть человек. И если вы мне поможете, я заставлю их страдать.

— Возмутительно! — говорит доктор Рани. — Ты такой же лжец и убийца, как и твои вожди. Рассказываешь сказки, внушаешь ложные надежды. Ты мертв! Ты никого не заставишь страдать.

— Невиновные имеют право отомстить за свою смерть.

— Месть — не право. Этому острову не нужны новые трупы. Ты ведешь себя как ребенок.

— Тем, у кого есть власть, убийства сходят с рук. И все боги на небесах отводят глаза. Теперь все

изменится. Мы это изменим.

— Как? У тебя и рук-то нет, в чем ты будешь держать нож? Живые тебя не увидят и не услышат. Как ты собрался мстить?

— Я умею шептать.

По толпе прокатывается ропот.

— И я могу научить вас всех шептать.

— Это черная магия. Она сделает вас рабами, — кричит доктор Рани. — Как Дядюшку Ворона. Он раб Махакали.

— Какая разница, какого цвета магия? Главное, чтобы действовала. — Сена глядит на тебя в упор.

— Вы это слышали, Маал? — Добрая доктор явно взволнована. — Как вам это нравится — «какая разница»?

— Магия не бывает злой или доброй. Черной или белой. Она как вселенная, как всякий отсутствующий бог. Могущественная и в высшей степени безразличная.

Самоубийцы стучат по крыше, грешники аплодируют. Сена нашел своих слушателей, и ты подплываешь к ним, не обращая внимания на раздраженный взгляд доктора Рани. И тут без приглашения является Махакали.

Факты бору[47]

Тень принимает форму зверя. У нее голова медведя и тело великанши. Волосы-змеи, черные глаза без белков. Существо скалит клыки, входит в толпу, Помощники в белом пятятся. Существо рычит, крышу окутывает туман. Тебя пробирает озноб и тошнота. Помощники выпускают самоубийц и берутся за дубинки.

На существе ожерелье из черепов, пояс из отрезанных пальцев, но не это привлекает твое внимание. А голое брюхо, нависающее над поясом. На нем вырезаны человеческие лица; души, запертые в поясе, кричат, умоляют их выпустить.

Существо поднимает руку и издает вопль, громкий, как тысяча воплей: с таким воплем звери жрут своих детенышей, такой вопль издает вселенная, когда ее пинают по яйцам.

Туман улетучивается, а с ним и существо, и толпа самоубийц. Есть ли собирательное название у сборища самоубийц? Передоз самоубийц? Харакири самоубийц?

---

[47] Примечания: 1.47
Ложь.

— Это был он? — рявкает доктор Рани на своих сотрудников в белом.

Моисей глядит на Хи-Мена, тот на Сену, Сена на тебя.

— Это была она?

Помощники обводят взглядами крышу в поисках самоубийц, но они исчезли.

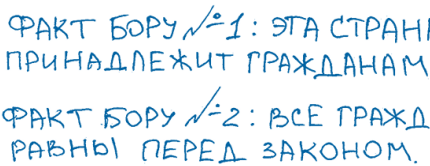
— Это был Махакали, — отвечает Сена. — И лучше бы вам всем начать волноваться.

На стене, что смотрит на город, Сена чертит прямоугольник. Тем же углем, которым писал имена. Он в произвольном порядке заполняет прямоугольник печатными буквами, числами. Прямоугольник похож на саморешающийся кроссворд.

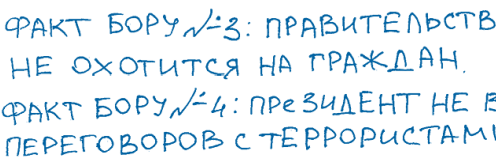
— Ты работаешь на нее? — спрашивает доктор Рани.

— Я работаю против Света. Против забвения. Мы не должны забывать. Мы должны помочь забытым. Мы должны уничтожить вранье и бору.

Буквы на стене складываются в слова, а те — в предложения.

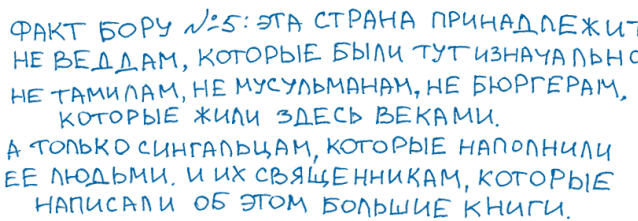


Сена пишет на смеси сингальского, тамильского и детсадовского английского. Ты вспоминаешь уличные указатели в Джафне — до того, как их замазали раздраженные активисты.



— Хватит уже, мистер Сена.

Доктор Рани парит над тобой, ангелица с журналом учета. Пытается выхватить уголек у Сены, но он уворачивается, и на стене появляются письмена:



Ты удивляешься, что тебе удается прочесть и понять написанное сразу на трех языках, но тебе это удается. Сена хохочет, запрокинув голову.

— Маали-сэр. Активист званых ужинов. Фотограф для наших и ваших. Там, Внизу, никто не пытается разоблачить эту ложь, устранить эту несправедливость. Но мы можем.

— Ладно, хватит.

Доктор Рани закрывает журнал и подплывает к Сене. Моисей и Хи-Мен хватают его и тащат к краю крыши, где стоял Махакали. Сена смеется не умолкая, и, хотя смех его фальшив, в нем слышится вызов.

— Пусть мистер Малинда сам решает, как ему быть, — говорит доктор Рани. — Но сперва — на осмотр ушей.

Она оглядывается и видит, что тебя нет.

Голл-фейс-корт

Тебе неинтересно следовать за существом с головою медведя. Тебе интересно попасть на дерево мара на перекрестке. И пока все глазеют на дурацкий список Сены, ты седлаешь попутный ветер следом за существом и бухаешься у светофора.

До утра ты пытаешься освободить свой череп от мыслей, не дать воспоминаниям вторгнуться в твою голову. Мир полнится шумом, голоса крадутся по веткам. Я верю в деревья мара, говоришь ты себе. С приближением ночи умножается шепот. Ты паришь над деревом и видишь себя с закрытыми глазами.

Ты в красной бандане, куртке-сафари, одной сандалии, на шее три цепи и камера. Ты взмываешь над этим и видишь, как глядишь на себя, хотя теперь ты в саронге, футболке и ладони твои в волдырях. Ты видишь: четыре трупа жарятся в пыли Джафны. Собака, мужчина, мать и дитя. Глаза их открыты, они еще дышат. Они смотрят на тебя, задают тебе тот же вопрос, ты притворяешься, будто не понимаешь. Ты подносишь камеру к глазам и видишь, как тела рассыпаются в песок.

Вдали слышится спор. Крики доктора Рани перемежаются хохотом Сены. Ты стараешься не обращать на них внимания и слушаешь то, что доносит ветер. Слышишь, как произносят твое имя, казнишься стыдом потаенным.

— Ответственный квартиросъемщик: Дилан Дхармендран. Арендатор: Стэнли Дхармендран. Другие жильцы: Малинда Алмейда и Джаклин Ваираванатхан.

Ты летишь за бризом и обнаруживаешь, что приближаешься к синему «датсуну», он ползет по Дьюпликейшен-роуд в направлении Голл-Фейс-Грин.

Ты на заднем сиденье с Эльзой Матанги. Впереди Ранчагода мурлычет мотивчик, который играет по радио, Кассим заполняет ордер на обыск.

— Вы знаете, мисс, где именно это лежит?

— Он сказал, у него под кроватью. Но, может, шутил. Ему казалось, это смешно.

— Мы не можем тратить время на шутки. — Кассим, не отрываясь, глядит на дорогу.

Девять часов утра, и, судя по виду полицейских, они отдохнули не лучше, чем ты. Сегодня вступает в силу комендантский час, и весь Коломбо мчится в магазины: вдруг закончится сахар.

Ты не шутил. Хотя и не ожидал, что твою праздную болтовню впишут в ордер на обыск. Интересно, думаешь ты, может ли призрак сделать так, что машина сломается. Быть может, все аварии случаются из-за этого. Скучающие привидения усыпляют водителей, блокируют колеса, выводят из строя тормоза.

— Молиться Богу — все равно что спрашивать машину, почему она попала в аварию, — сказал твой дада во время очередной ссоры с твоей аммой. — Многие из нас погибнут в аварии, — добавил он. — И каждый дурак верит, что с ним этого не случится.

Их споры оканчивались монологами и приходились на воскресенья — перед тем, как амма тащила тебя в церковь.

— Как будем действовать? — спрашивает Ранчагода.

— Вы скажете им, что в квартире могут быть улики, связанные с исчезновением Малинды. Если хотите, я сама с ними поговорю. В общем, сделаем так. — Эльза глядит на дорогу, запруженную автобусами. Ее взгляд скользит по домам, кокосовым пальмам, блокпостам вдоль Голлроуд.

— Я участвую в этом лишь потому, что это свя-

зано с делом, которое мы расследуем, — говорит Кассим. — И вообще меня должны перевести.

— Все, что вам будет угодно, лишь бы пережить ночь[48], — отвечает Эльза.

Они проезжают Темпл-Триз, надежно укрепленный дворец премьер-министра.

— Кем вы представитесь?

— Его работодательницей, — отвечает Эльза. — Надо стараться по возможности говорить правду.

— Знаете что? — отвечает Кассим. — Мы, пожалуй, подождем в машине.

Они сворачивают на круг у Голл-Фейс, вы с ДД как-то раз занимались здесь любовью в 3:33. Заезжают на парковку: сюда ты однажды выгнал ДД из его собственной квартиры. Поднимаются по лестнице: здесь малайская тетушка со второго этажа распекала тебя за то, что ты куришь в подъезде. Заходят в коридор, широкий, как Дьюпликейшен-роуд: по нему ты не раз тайком после очередной командировки проводил нежелательных личностей, когда никого не было дома.

Ранчагода стучит в дверь, звонит в звонок, Эльза репетирует улыбку. Дверь открывает малютка

---

[48] Примечания: 1.48

Эльза намекает на песню Джона Леннона Whatever Gets You Through The Night.

Джаки в кимоно. Джаки всматривается в пришедших и принимает бесстрастный вид, будто каждое утро открывает двери копам.

— В чем дело?

— Доброе утро, мисс. Можно войти?

Джаки не двигается.

— Вы нашли его?

— Еще нет. — Эльза растягивает губы в улыбке. — Нам нужна ваша помощь.

— Вы кто?

— Детектив Матанги, — отвечает Эльза. — Мы можем поговорить?

Джаки не видит, как Ранчагода закатывает глаза. Полицейские входят в квартиру, вдоль коридора тянутся шкафы с книгами, вы с ДД дарили их друг другу, если случалось забыть про день рождения. Книги, что вам дарили, вы не читали, только те, что купили в подарок другу.

— Извините. Вот не знала, что в Шри-Ланке есть женщины-детективы. Или тамилы, — говорит Джаки. Когда она нервничает, ее акцент — «я выросла в Южном Лондоне» — еще сильнее режет ухо.

Как приятно вернуться домой: последние три года ты называл эту квартиру именно так. Папа ДД, Стэнли, сделал в ней ремонт в подарок сыну

за то, что ДД сдал в Лондоне экзамены на адвоката, — и в качестве взятки, чтобы сын согласился работать адвокатом по гражданским делам в его фирме в Мутвале. Стэнли не возражал, чтобы здесь поселились вы с Джаки, — по крайней мере, сначала. У каждого из вас была отдельная комната, а посторонние пусть гадают, кто из вас где спит.

Стэнли не поднял скандал, когда ДД выкрасил стены в лиловый и стал закатывать вечеринки для завсегдатаев центра искусств. Он не отрекся от сына, когда ДД заявился домой с пирсингом в обоих ушах. Когда ДД ушел из фирмы Стэнли ради того, чтобы бесплатно трудиться в благотворительной экологической организации, отец начал брать с него деньги за квартиру.

Джаки ведет пришедших в гостиную, предлагает присаживаться, но все остаются стоять.

— В Коломбо действительно не так много женщин-детективов. А вы мисс…

— Джаклин Ваираванатхан, — говорит Ранчагода, открыв блокнот Кассима на пустой странице. — Давно вы с Алмейдой встречаетесь?

— Мы не встречаемся, — говорит Джаки.

— Но ваш двоюродный брат сказал…

— Мой двоюродный брат ни черта не знает, —

отрезает Джаки.

— Вам известно, где Маали держит коробку со снимками? — спрашивает Эльза.

— С какими снимками? — спрашивает Джаки.

— Он говорил, она у него под кроватью.

— Значит, там и стоит. Он делает снимки. Он хранит коробки. Иногда он спит на кровати. А почему вы спрашиваете?

— Можно взглянуть?

— Я не понимаю.

Ранчагода подходит к окну, смотрит на бурую траву Голл-Фейс-Грин, океанская зыбь откусывает куски берега.

— Мисс Джаки, у нас есть ордер на обыск.

— Вы узнавали, может, его арестовали? Не полиция, так военные?

— Где комната Маали?

Джаки не отвечает, и Эльза с улыбкой преграждает ей путь, а заместитель суперинтенданта полиции врывается в комнату. Джаки отталкивает Эльзу приемом, которому научилась, занимаясь дзюдо: этот прием она однажды опробовала на тебе с перцовым баллончиком. Джаки входит в комнату — не твою — следом за Ранчагодой. Эльза ругается, потирает руку.

Ты юркаешь в кухню, впускаешь в себя клубя-

щиеся запахи. Здесь пахнет чесноком и кардамоном, а значит, Камала приходила наготовить еды на неделю и по просьбе ДД сделала бирьяни и рис по-турецки с лапшой. Камала приходит по четвергам, следовательно, ты умер два дня назад.

В комнате ДД беспорядок: спортивные повязки на голову, ракетки, кроссовки, коробки с надписью «Стражи Земли, Шри-Ланка». Воняет, как в раздевалке: вот почему ты редко ночевал у ДД. Копы открывают коробки, обнаруживают расследования по свалкам мусора, загрязненным рекам, лесам, расчищенным бульдозерами.

— Это те фотографии? — спрашивает заместитель суперинтенданта Ранчагода.

Эльза присоединяется к поискам. Берет папку с документами по вымирающим леопардам в Яле, потом по свалке в Келании, прямо в черте города.

— Это не его комната, — говорит она.

Копы проходят по коридору в пещеру подростковой тоски, где обитает Джаки. Незваных гостей не смущают плакаты с группами Bauhaus и The Cure. Копы раздергивают шторы, Эльза опускается на колени, заглядывает под кровать. В этой комнате пахнет печалью и пятой «Шанелью».

— Будьте добры, покажите мне ордер на

обыск, — требует Джаки. — И не трогайте мои вещи.

Они не обращают на нее внимания и через вашу общую ванную пробираются в пятиугольник, где некогда ночевал ты. Эта комната, в отличие от остальных, голая и пустая. Двуспальная кровать, письменный стол с лампой, шкаф с фотоаппаратами, на стене — три фотографии в рамках. На одной — голод в Сомали, автор снимка — Джеймс Нахтвей; на другой — последние дни Пекина[49], автор — Анри Картье-Брессон; на третьей — массовое убийство полицейских в Баттикалоа, автор — ваш покорный слуга.

Ранчагода ахает, Эльза кивает. На снимке дюжина полицейских стоят на коленях, точно на пятничной молитве в мечети. Фотографию откадрировали в ателье «Фуджи-Кодак» в Тимбигасьяе, и края окна, из которого ты снял это на телевик, не видны. Дуло АК-47 в правом верхнем углу ты не обрезал, хотя с вершины холма, где ты сидел, того, кто его держал, никак нельзя было поймать в кадр.

На шкафу три рентгеновских снимка в рамках. На одном твоя грудная клетка, у тебя тогда была

---

[49] Примечания: 1.49
Речь о последних днях партии Гоминьдан у власти в Китае.

пневмония, на другом — один из твоих зубов мудрости айсбергом сидит в челюсти. Ты переснял рентгеновские снимки, увеличил контрастность и вставил в рамку для арт-проекта, который, разумеется, так и не закончил.

В шкафу плюшевый мишка, коллекция курток-сафари, гавайских рубашек и цепей. Под мишкой записная книжка с адресами, но ее никто не ищет. Ты надеешься, что и не станет искать.

Тебе нравилось носить на шее все что угодно, кроме галстуков. Надень на собеседование галстук, говаривал твой дада. Ты хочешь, чтобы я, как ты, каждый день цеплял на шею удавку, спрашивал ты, но только в своей голове.

Цепи висят на дверце — одинарные, двойные. Это твои запасные. Пацифик, крест, инь и ян, ом. Не хватает золотой панчаюдхи, капсул с цианидом, украденных с трупов «Тигров», деревянного анкха с кровью ДД: ты еще дал ту глупую клятву в Яле, тебе тогда каждый день представлялся праздником. То и другое висело на твоей шее, когда тебе ее свернули. Тебе свернули шею? Кто? И кто это сказал?

Ты оглядываешься, чтобы проверить, не шепчет ли тебе на ухо Сена или кто-то из его последователей. Но есть лишь ветер и твоя пустая комната.

Сильнее всего здесь пахнет моющими и чистящими средствами. Быть может, ты сидел здесь, как хиппи из колледжа, делал самокрутки и анархию? Едва ли. Ты смешивал проявитель, останавливающий раствор и закрепитель, относил канистры в кладовку — ты переоборудовал ее в темную комнату, не сказав дяде Стэнли. Если копы удосужатся туда заглянуть, то увидят катушки негативов за последние шесть лет в аккуратно помеченных пластиковых коробках. Но пока они с увлечением смотрят под твою двуспальную кровать.

Вот честные оценки твоих умений. Азартные игры D-, –, обязанности организатора C+, секс B-, –, фотография A+. Ты был выпендрила, работал на всех, кто платит, но кадр выстраивал мастерски. Ты умело окунал бумагу в кюветы и извлекал свет из затемненных помещений. Под твоими руками дрожал монохром, искрила сепия. Ты мог придать глубину плоскому, текстуру — ровному, смысл — банальному.

В палитре тебе нужны были только черный, белый и серый — ты не снимал в цвете. Вначале ты фотографировал слонов и закаты, под конец — скрытых геев и зверски убитых солдат.

— Он говорил, что самые опасные снимки ле-

жат в коробке у него под кроватью. Он просил нас опубликовать их, если с ним что-то случится.

Эльза обвела взглядом комнату, проверяя, не догадался ли кто, что она врет.

— Так вы его знали? — спросила Джаки.

— Он работал у меня.

— Детективом?

— Вроде того.

— Я думала, он работал в НКО?

— Он служил многим господам, моя дорогая. — Эльза берет Джаки за плечо, та стряхивает ее руку. Джаки не любила, чтобы к ней прикасались без разрешения даже мужчины, которые ей нравились. А виноват в этом отчим: когда она была подростком, он частенько ее обнимал.

ДД и Джаки — отъявленные барахольщики. Они забивали всякими безделушками свои комнаты, жизни и мысли. Они всегда с подозрением относились к твоему минимализму, к тому, как ты выбрасывал все, что тебе не нужно. Оба думали, что у тебя где-то есть потайная комната, битком набитая вещами, о которых ты им не рассказываешь. И были не так уж далеки от истины. Хотя эта комната размером с обувную коробку.

— Вы уверены, что он имел в виду свою кровать? — уточняет Ранчагода.

— Какого. Черта. Вы. Тут. Делаете.

Этот голос в этом доме ты не слышал уже давно. Стэнли Дхармендран славится частыми театральными паузами — и в парламентских речах, и в нотациях сыну.

— Пожалуйста, валите на хер из моей комнаты.

Раздраженный фальцет ДД, напротив, в этих стенах раздается частенько и славится не столько паузами, сколько избыточным сквернословием.

— Они говорят, у них есть ордер на обыск. — Джаки подходит ближе к двери. Не в ее правилах пропускать эффектное зрелище.

— Покажите сейчас же, — ревет Стэнли.

ДД в спортивном костюме, с мокрыми волосами. Значит, старик водил его в бассейн и с утра пораньше устроил ему разнос. Отец и сын высокие и считают себя спортсменами.

— Будьте так добры, уйдите из комнаты Маали. Спасибо.

Эльза и копы возвращаются в гостиную, тайком продолжая вести незаконный обыск — правда, глазами. Ранчагода протягивает Стэнли ордер, ДД и Джаки шепчутся в углу.

— Здесь нет. Подписи. Судьи, — произносит Стэнли с акцентом, приобретенным в Кембридже

начала 1950-х.

— Сэр, мы расследуем пропажу Алмейды. У него в комнате должны быть фотографии, которые могут подсказать, где он находится.

ДД и Джаки умолкают, впиваются взглядом в Эльзу.

— Кто вы такая, мадам?

— Единственная женщина-детектив в Ланке, — отвечает Джаки.

— Я работаю в КНФПСТМ. Канадско-норвежском фонде помощи странам третьего мира. Мы считаем, Малинда бежал из страны с фотографиями, которые принадлежат нам.

— Его паспорт в ящике, в котором вы только что рылись, — говорит Джаки. — Хороши детективы!

— Мы считаем, что он использовал эти снимки для шантажа, — говорит Ранчагода, разглядывая фотографию панголина, сделанную в Яле. Эльза смотрит на него, качает головой.

Стэнли хладнокровно перечисляет, что должно быть указано в ордере на обыск: в том, который он держит в руке, всего этого нет. Заместитель суперинтенданта кивает, точно все эти упущения — невинные оплошности. Эльза пытается вставить слово, но паузы дяди Стэнли непроницаемы.

— Будьте добры. Покиньте квартиру. Немедленно, — произносит Стэнли, поглаживая то галстук, то волосы. — В следующий раз. Приходите с ордером, оформленным как положено. Или не приходите. Дилан, проводи их до двери. Дилан? Джаки?

На улице ревет двигатель, шины вгрызаются в Голлроуд. Ты узнаешь этот звук — «мицубиси-лансер» Джаки, — догадываешься, куда они едут, и надеешься, что они доберутся быстро.

Ветер доносит запах духов Эльзы. Из-за этой лаванды, смешанной с тальком, боль и спазмы пронзают то, что от тебя осталось. Запах приятный, но тебя от него тошнит. Он напоминает тебе о человеке, который всю жизнь был профессиональным охотником на нацистов.

Визенталь

— Вы слышали о Симоне Визентале? — первый вопрос, заданный тебе Эльзой.

Дело было в клубе центра искусств, она поймала тебя, ты делал вид, будто слушаешь «Гвоздь в гроб», они в тот вечер играли каверы Talking Heads. На самом деле ты рассчитывал соблазнить парнишку с французским акцентом, и Эльза спу-

тала тебе все карты.

— Он выжил в Аушвице и тридцать лет охотился за нацистами, притом что в его распоряжении были только фотографии.

У Эльзы тогда была короткая стрижка, но она все равно красила губы красной помадой.

— Я знаю, кто такой Симон Визенталь, но я не знаю, кто вы такая, и я пришел послушать музыку.

Она купила тебе выпить, потом заказала еще, ты притворился, что не заметил.

— Вы пришли, потому что вас навсегда выгнали из трех казино и вам нравится тот богатый парнишка. Кстати, он не гомосексуал. Даже вы это знаете.

Тебя не обидеть ни «гомосексуалом», ни «педиком», ни «гомиком», потому что ты ни тот, ни другой, ни третий. Ты обычный красивый мужик, которому нравятся смазливые парни. Ни больше ни меньше — и никого не касается. Ты оглядываешь ее костюм, ее вкрадчивую улыбку, прихлебываешь пиво, которое она купила тебе, и молчишь.

— Если вы продадите нам ваши фотографии, мои работодатели выплатят ваши долги в «Бэлли», «Пегасе» и «Стардасте».

Ты увел ее на балкон, там обнимаются мужчины и женщины, но не друг с другом. Ты уселся в тени и сказал, что готов ее выслушать.

— Нам известно, что у вас есть снимки погромов 1983 года.

— Их теперь так называют?

— Мне больше нравится так, чем «беспорядки». А когда говоришь «геноцид», люди злятся, особенно сингальцы.

— После 1983 года я перестал называть себя сингальцем, — сказал ты, хотя ты и раньше так себя не называл. У столичных хиппи 1970-х ты перенял не только кислоту, а нечто большее. Ты верил, что все мы ланкийцы, дети Кувени, ублюдки Виджайи. Кумбая, кумбая[50].

— Это же ваш снимок, да?

Фотографию женщины в шальварах — той, что облили бензином, — так и не опубликовали в *Newsweek*. А этот матовый снимок размером 27 × 7 отпечатан с оригинального негатива. Ты сделал всего две копии: одна у тебя в коробке, другая в Нью-Дели.

— На кого вы работаете?

— КНФПСТМ. Сокращенно «Фонд».

---

[50] Примечания: 1.50

Строчка из госпела «Приди, Господи» (Kum bay a — искаженное Come by Here).

— Что это такое?

— У нас есть юристы и деньги. Мы ищем убийц, участвовавших в резне 1983 года.

Твой смех напугал геев и лесбиянок, милующихся в тени.

— Нам говорили, у вас есть неопубликованные снимки.

— Кстати о Визентале, — сказал ты, — в прошлом месяце в казино я познакомился с двумя израильтянами.

— У вас есть еще фотографии 1983 года?

— Они представились кинопродюсерами. А потом один из них напился и начал хвалиться, что торгует оружием. Они-де продают тяжелую артиллерию политическим тяжеловесам.

Она не испугалась, улыбка ее не исчезла, Эльза отпила апельсиновый сок и ответила как ни в чем не бывало:

— Я знакома с Яэлем Менахемом. Они снимают дерьмовые боевики и продают дрянное оружие правительству.

— В этом-то и беда всех торговцев оружием. Они снимают дерьмовые боевики.

— Мистер Алмейда. У вас есть фотографии массовых убийств тамилов в 1983 году?

— Вы работаете на тех, кто покупает дрянное

оружие у богоизбранного народа?

— Мы не ТОТИ. Хотя наши цели не то чтобы не совпадают.

— Вы говорите как политикан.

— То, что творилось в 1983-м, иначе как зверством не назовешь. Восемь тысяч домов, пять тысяч магазинов разрушены, сто пятьдесят тысяч людей остались без крова, трупы никто не считал. Правительство Шри-Ланки не признало случившееся, не принесло извинений. Ваши снимки помогут это исправить. Скажи мне, колла, за кого ты?

Ты глубоко вздохнул, точно собирался ее ударить, и рассказал ей про коробку. Эльза уже не улыбалась: она подняла брови и слушала, не перебивая.

* * *

Вначале было забавно. Когда были только вы с Эльзой. Ты приносил негативы ботанику по имени Виран в ателье «Фуджи-Кодак», он помогал тебе распечатать фотографии 1983 года, какие-то увеличил, какие-то улучшил. Виран ловко проявлял снимки, а вот в сексе стеснялся. У него дома в Келанийи оборудование было лучше, чем в ателье «Фуджи-Кодак». Твои частные заказы он

брал домой, а порой и тебя, Эльзу же — никогда.

— Как вы определите, кто на снимках?

— Есть база данных по всем фотографиям из удостоверений личности. Есть компьютерные программы, которые распознают изображения. Мы отсканируем эти крупные планы и сопоставим.

Эльза добавила себе в кофе корицу, и кофе сравнялся цветом с ее кожей.

— У вас есть такие технологии?

— Нет, конечно, дурачок. Может, лет через пятьдесят, — ухмыляется Эльза. — Но у нас есть знакомые в Велле и Бамбе, они могут знать, кто на снимках.

Она дала тебе чек с пометкой «КНФПСТМ» и сказала, что ее интересуют любые снимки, изображающие тяжкую долю тамилов. Ты ездил в командировку на север с военными, потом на восток с репортерами *Reuters*. Ты вернулся с кучей снимков, отвечающих ее требованиям.

В следующий раз вы встретились с Эльзой в 1988-м. Она позвала тебя в отель «Лео», но на этот раз пришла не одна. На диване сидел Кугараджа. Красивый и крепкий, как ты любишь, хотя ты любишь всяких.

Стены люкса в отеле «Лео» были обклеены

твоими фотографиями 1983-го, на каждом лице — бумажка с надписью:

Мужчины-сингальцы танцуют у горящего магазина (4 лица).

Обнаженного мальчика-тамила забивают ногами насмерть
(3 лица).

Копы в униформе наблюдают, как тамилок вытаскивают из автобусов (6 лиц).

Кугу тебе представили как двоюродного брата Эльзы, но по тому, как он скользнул мимо нее и сел на диван, ты заподозрил, что их отношения куда интимнее.

Он протянул тебе лист с адресами, спросил, сумеешь ли ты незаметно сфотографировать тех, кто там проживает.

— Мы выследили семерых участников погромов 1983 года. Нам нужно подтвердить их личность.

— А потом?

— Их ждет суд.

Ты смеешься, Куга мило улыбается.

— Разве я сказал что-то смешное?

— Никто не возьмется за это. Или вы сами будете их судить?

— Есть много способов осуществить правосудие.

— Я думал, вы не из ТОТИ.

Эльза накрывает ладонью колено кузена, и он умолкает.

— Маали. Вот ваш чек за снимки из Ванни. А это аванс за следующее задание.

Ты посмотрел на чек, вспомнил, как дада говорил тебе, что фотографы ничего не зарабатывают, разве только снимают свадьбы, и что с дипломом социолога ты в лучшем случае устроишься учителем. «Надо делать что-то одно, и делать это хорошо», — говорил тебе человек, для которого «что-то одно» не значило «быть отцом».

— Будут еще задания?

— Поезжайте по этим адресам, скажите, что проводите перепись населения. Сфотографируйте их. Предложите им бесплатно сделать снимки для удостоверения личности. Бесплатно сингальцы согласятся даже взять тамильскую газету.

— Но это обман.

— Ты за кого, колла?

— Я за того, кто хочет, чтобы ланкийцы больше не гибли.

— Вот и славно. Мы хотим, чтобы эти чудовища мучились. И они будут мучиться.

— Как?

Кугараджа взял фотографию, ты сделал ее в Ванни. Ты ездил туда в качестве всего лишь помощника иностранных журналистов, следовательно, кадры, которые ты сделал, можно было продать тому, кто заплатит больше. КНФПСТМ достались снимки, от которых отказались военные и *Associated Press*.

— Вы знаете этого человека?

Этот снимок ты сделал у «Тигров», притворившись, будто чистишь камеру. В тот самый раз, когда возил одного противного репортера из *Reuters* снимать лагерь ТОТИ.

— Это полковник Гопалласварми, — отвечаешь ты.

— Он же Махатийя. Что вам о нем известно?

— Он начальник единственного лагеря «Тигров», где можно фотографировать. И еще к нему прислушивается их командующий.

— Говорят, он плетет заговор против командующего «Тигров».

— Я не слушаю сплетни. Я их только распространяю.

— Этот парень большой шутник. — Кугараджа подвинулся вперед, ты развалился в кресле, скрестил руки на груди. Судя по его взгляду, он и сам

был не прочь отколоть шутку. Или расколоть кому-нибудь череп.

Ты закурил, не спрашивая разрешения, потому что этот мужик и возбуждал тебя, и пугал.

— Так за кого ты, колла?

Следуя твоему примеру, Эльза Матанги — инстинктивно, точно собака Павлова, — зажигает сигарету.

— За тех, кто мне платит.

Тебе объясняют, что у КНФПСТМ есть подшефный приют в Вавунии и клиника в Медаваччийи и что военные отказываются обеспечивать их безопасность. Этот самый полковник Гопалласварми управлял Северо-Центральной провинцией и мог обеспечить защиту.

— Мы хотели бы, чтобы вы организовали нам встречу с полковником.

— Я с ним не знаком.

— Вы достаточно с ним знакомы, чтобы возить репортеров к нему в лагерь.

— Это образцово-показательный лагерь. Вроде голливудских декораций. Полковник не общается с посторонними.

— Мы не посторонние.

— Разве КНФПСТМ не опасно иметь дело с ТОТИ?

— Большинство наших проектов на севере и на востоке. И власть там ТОТИ. Вам это уже известно.

То ли внушительный чек, то ли внушительное количество виски в стакане, налитом тебе Кугой, то ли его внушительные предплечья — ты отметил их объем, когда он протянул тебе стакан, — то ли шершавость ладони, коснувшейся твоей спины, но ты вдруг поймал себя на том, что тебе нравится и компания, и разговор.

Проект, связанный с погромами 1983 года, вызывал у них воодушевление, тебя же переполнял страх.

— Вы правда думаете, что сумеете привлечь к ответственности тысячную толпу?

Куга подмигнул тебе — то ли с братской любовью, то ли намекая, что в мыслях у него такая же порнография, как у тебя.

— В любой толпе, пусть самой большой, первым делом нужно бить по лидерам. Это азы.

— Судя по вашим словам, вы или люди серьезные, или глупцы.

— Не всем же быть шутниками, — парировала Эльза.

Они обсуждали так называемое подразделение Махатийи и как раскол в ТОТИ повлияет на та-

милов. Эльза сетовала, что ТОТИ превратились в фашистов и затыкают рты прочим тамилам. Куга набросился на нее:

— Единогласное мнение тамилов — удовольствие дорогое. Тамилов оно не спасет. А вот громкий голос, который услышат все, — спасет.

— Доктор Рани высказывалась во всеуслышание, — возражает Эльза. — И ей заткнули рот.

— На чьей вы стороне, Куга?

Ты положил ладонь ему на плечо, но на тебя так посмотрели, что ты тут же убрал руку. Больше не надейтесь, что вам подмигнут, мистер Маали.

— Ваша амма наполовину бюргерша, наполовину тамилка, верно? — спросил он. — Вы полукровка, как я. Но в вашем удостоверении личности стоит фамилия «Кабалана». Скажите спасибо отцу. Сингальская фамилия — лучшее, что он дал вам.

Ты подумываешь обидеться, возразить: вы не знаете ни меня, ни моего отца. Но Куга, конечно, прав. Ты унаследовал от отца фамилию — а еще отвращение к деньгам и к тем, кто ими кичится.

«Большинство социалистов Коломбо не то чтобы любят бедняков. Они просто ненавидят богачей», — говаривал твой дада, точно эта фраза родилась в его великолепном мозгу.

— Я возьмусь за этот проект по 1983 году, — произносишь ты. — Потому что вы мне платите. И потому что я был там. И потому что этому правительству предстоит ответить за многое.

— Осторожнее, колла, — предостерегает Эльза. — За такие слова вас сожгут на костре из покрышек.

— Поэтому я и не могу шпионить для вас за полковником.

— Мы и не просим вас шпионить. Организуйте нам встречу.

— Разве костер из покрышек хуже застенков ТОТИ?

В ту пору, когда смерть казалась тебе маловероятной, ты любил пошутить о ней — впрочем, как и все мы.

Ты взял чеки, обменял их внизу на фишки, там же и проиграл их в покер, потом отыграл в баккару. Ты пошел на железную дорогу, но не нашел никого, с кем бы пообжиматься. Глядя на камни внизу, на этот непрочный больверк[51], не дающий стихии поглотить берег, ты вспоминал, что сказал тебе Куга на прощанье:

— Надеюсь, вы никому ничего не рассказывали

---

[51] Примечания: 1.51

Больверк — инженерное сооружение для защиты морского берега от волн.

о КНФПСТМ.

— Я не очень-то разговорчив.

— И хорошо. В этой стране полно тех, кто много говорит. И мало делает.

— Я никому ничего не сказал.

— И хорошо. Нам не нужна шумиха, чтобы делать правое дело.

Куга протянул тебе руку. Ты пожал ее, он притянул тебя к себе, сдавил твою ладонь в своей. Ты поморщился, а он все не отпускал твою руку, смотрел, как ты корчишься.

— Никто же не хочет, чтобы его сожгли на костре из покрышек, верно?

Куга подмигнул и наконец выпустил твою руку.

Дом, немилый дом

Дом в Бамбалапитийи принадлежал матери твоего отца, она оставила его сестре твоего отца, а после того, как твой отец развелся с первой женой, дом перешел к ней. Ты, сын первой жены, вырос здесь посреди плюмерий, спящих собак и родительских войн. Ссоры происходили на кухне, веранде и балконе. Ты прилетел сюда с попутным ветром и узнал, что нынешняя ссора

уже выплеснулась на улицу.

На изгибе дороги через три дома от вашего стоит «лансер» Джаки и наблюдает за происходящим издали. В воротах — твоя амма и Стэнли Дхармендран рычат на копов и Эльзу. В машине бушует другая ссора.

— Так, может, в этой коробке ничего и нет, может, это очередной дурацкий розыгрыш Маали?

— Вечно ты все упрощаешь, — парирует Джаки.

ДД сжимает кулаки, хрустит костяшками. Это значит, ему смертельно хочется курить. Девять месяцев назад ты заключил с ним пари, что он не выдержит год без курения, а проигрывать ДД ненавидит больше, чем любит тебя или сигареты. На этот раз к воспоминанию не примешивается боль.

В школе Дилан Дхармендран был членом каждой спортивной команды. Ты ненавидел регби так же сильно, как крикет, но с удовольствием смотрел, как он играет. Он был капитаном команды по водному поло колледжа Святого Иосифа, а ты был приставлен следить за дисциплиной и, поправляя свою белую униформу, подолгу пожирал глазами его блестящее, точно глазурованное, тело.

Когда вы встретились снова — через десять лет после школы, — тело его изменилось, но улыбка осталась прежней, как и смуглая кожа, и привычки тугодума. По шкале от одного до тринадцати он по-прежнему набирал ровно десять. Он понятия не имел, что много лет назад ты о нем мечтал. Когда ты вместе с его кузиной Джаки перебрался в квартиру его отца, он не узнал тебя и толком с тобой не общался.

За шесть мучительных месяцев все это постепенно изменилось. К тому времени ты уже глухой ночью заглядывал к нему в комнату, это последний раз, говорил он тебе, и вы болтали о том, как отправитесь путешествовать. Если вы куда-то вместе ходили, представлялись старыми школьными друзьями, и никто ни о чем не знал — хотя, пожалуй, все всё знали. Он думает, ты где-то в темнице и, если он пустит в ход свои связи в благотворительном фонде, правильно подаст жалобу, тебя тут же освободят. Твой любимый маленький дурачок.

— Он говорил, что уезжает?

— Ничего он не говорил.

— Он попросил меня прийти в центр искусств или в отель «Лео». Хотел мне что-то сказать. Обещал перезвонить и подтвердить встречу. И как

обычно, не перезвонил.

— Он каждый день играл в казино. — Джаки глядит на кузена со смесью жалости и насмешки.

— Думаешь, он мертв? — У ДД осекается голос.

Каждый раз, когда ты возвращался из командировки, он массировал тебе плечи и ступни, а ты рассказывал ему об увиденных ужасах.

Стоило тебе замолчать, как он тут же менял тему и сообщал, что некий американский колледж предложил ему стипендию для изучения ухудшения экологической обстановки в странах третьего мира или что-то в этом роде. Никто не наносит экологии такой вред, как Америка, отвечал ты: чему тебя там могут научить, ведь мы-то живем в раю? Вы спорили о преступлениях и грехах США, чтобы не спорить о том, придется ли вам там жить.

— Маали говорил, он единственный из фотографов сотрудничает и с военными, и с иностранной прессой, и с «Тиграми», — сообщает Джаки. — Я думала, он хвастается, как обычно.

После ссоры с ДД она увозила твои отмассированные ноги прочь из города, рассказывала тебе о том, чей муж спит с чьею женой, о школьницах, которых Джаки портила в театральных кружках,

о панковских песнях, которые она тайком вставляла в плейлисты на радио.

Пропустив нескольких стаканчиков эля, ты жаловался на ДД, Джаки давала тебе одну из своих дурацких таблеток, вы смеялись, как дураки, и ни разу не заговорили о том, что ты повидал на передовой. О том, почему у тебя нет денег, хотя тебе только что заплатили. Или о тебе и о ней, о том, был ли ты верен ей и важно ли это вообще.

— Зачем нам ждать в машине? — Безупречной рукой ДД потирает вспотевший лоб.

— А зачем выходить, умник? Они нас и так видят.

— Ты знаешь, где эта коробка?

— Как и ты. Он сказал нам об этом после той вечеринки, ему тогда, как обычно, захотелось порисоваться. Помнишь?

— Маали вечно выдумывал всякую хрень, а потом говорил: «Ха-ха, какой ты доверчивый!» Тоже мне, шутник.

— Вот-вот. И еще обижался, если мы не смеялись.

— Он говорил, что он наемный убийца, и дулся, если ему не верили.

— Или что он спас детей в бункере. Или что видел в джунглях черную пантеру.

— Или что у него под кроватью стоит коробка со снимками, которые потрясут мир.

ДД умолкает.

— Думаешь, он это всерьез?

— Он говорил мне, что переставил коробку. Сразу после похищения Ричарда де Зойсы. Теперь коробка под кроватью у Камалы.

Джаки глушит мотор, они, пригнувшись, выходят из машины и крадутся вдоль Лориз-лейн. Ты замечаешь, что оба потолстели. ДД как жеребец, брюхо как у коровы, Джаки — что твоя павлиниха, ляжки как у панголина. Жалко, что амнезия не дает тебе забыть споры из-за Сан-Франциско, время, даром потраченное на аргументы и контраргументы.

— Я подумываю уволиться из своей благотворительной конторы. Может, вернусь в колледж. Я отправил резюме в несколько заведений.

Эту песню он заводил раз в месяц. Обычно когда ты не уделял ему достаточно внимания. Обычно когда ты собирал вещи, чтобы ехать в командировку, и у тебя не было времени на сцены.

— Если тебя арестуют за съемки митингов ДВП, я не стану просить аппу, чтобы он вмешался.

Ты мог бы ответить ДД: иди оближи своему аппе левое яйцо, — но тогда вы серьезно поссорились

бы и ты опоздал бы на автобус. Ты мог бы сказать, что митинг ДВП был на прошлой неделе, а сейчас ты едешь в Тринкомали снимать репортаж о массовом убийстве в деревне. Что арестуют тебя едва ли, а вот «Тигры» похитить очень даже могут.

Вместо этого ты сказал ему, что любишь его больше всего на свете и вы все обсудите, когда ты вернешься. Обычно после этого он умолкал.

Ты замечаешь, что жеребец с павлинихой прячутся за манговым деревом. Тебя овевает ветерок, ты плывешь, точно пыль, к воротам, откуда доносятся крики.

— Это наша собственность, мы за нее заплатили, — настаивает Эльза Матанги, руки в боки, во рту сигарета. Кроме Эльзы, никто не улыбается.

— Есть такая штука. Под названием закон. — Стэнли грозит ей пальцем. — Я звонил министру юстиции. Покажите ему ваш ордер.

— Какая разница, Стэнли? Пусть ищут. Нам нечего скрывать, — говорит твоя амма. Рука у нее дрожит, и ты понимаешь, что она выпила три чашки. С тех пор как отец ушел, мать стала подливать себе в чай спиртное. Сперва бренди, потом виски, теперь вот джин. Камала даже прозвала бутылку *Gordon ' s* «лекарством мадам».

— Дело не в этом, Лаки. У них нет законного

права.

Твоя амма смотрит на заместителя суперинтенданта Ранчагоду, он стоит у ворот. Ранчагода кажется менее смущенным, чем Кассим, тот сидит в машине, таращится на свои колени.

— Вы говорили, что найдете моего мальчика. Вы нашли его? Что это такое?

— Чтобы его найти, нам нужна ваша помощь, мадам. В этой коробке хранится информация, — отвечает Ранчагода. — Вы препятствуете расследованию.

— Вы думаете, мой сын прячется здесь?

Из дома слышится стук. Разговор смолкает. Твоя амма с криком мчится на веранду.

— Камала? Омат?

Кухарка еще не вернулась с рынка, ее любовник метет двор и ничего не слышит. Камала и Омат — тамилы, они поменяли имена, чтобы найти работу в Коломбо, а после беспорядков 1983 года не стали менять их обратно.

Дом в Бамбе огромный: здесь хватило места вырасти семи братьям и сестрам, а трем слугам — состариться, но для аммы, дады и тебя он оказался слишком мал. Планировка в доме открытая, такие уже не строят, во дворе горшки с цветками, когда идет дождь, они мокнут, две

веранды уставлены плетеными креслами, садик за домом отдан собакам аммы, они там срут.

Твоя амма, шаркая, идет в переднюю, Стэнли рядом, Эльза и Ранчагода сзади. Омат, садовник, вбегает сквозь боковую дверь в гостиную, куда никто никогда не заглядывает, разве что гости. Из кухни доносятся крики: воры лаются, материны собаки сладко спят. Ты проплываешь по комнатам, где некогда кричал и дулся, и попадаешь на задний двор.

Близ гаража и задней калитки — комната, где живут кухарка и водитель аммы. У входа картонная коробка — или то, что некогда ею было. Коробка пролежала там год с лишним, но ее никогда не трогали, тем более в такой спешке.

В коробке старые виниловые пластинки, изгнанные сюда кассетами Джаки и компакт-дисками ДД. И коробка из-под обуви, а в ней пять конвертов. После каждой командировки ты откладывал в эти конверты новые фотографии. А коробку из-под обуви спрятал под пластинками.

То ли жукам или змейкам, обитавшим под кроватью, картон пришелся по вкусу, то ли коробка отсырела в последний сезон дождей, да так и не высохла. Днище разорвалось, как мирные соглашения 1987 года. На полу валяются бумаги,

пластинки и белая картонная коробка.

Здесь и письма, и авиаписьма — с твоим именем и этим адресом. Россыпь любовных записок, ими можно было бы шантажировать, если бы тебе этого хотелось, старые счета за воду, в основном оплаченные, и письмо от отца. Пластинки: «Иисус Христос — суперзвезда», «Каникулы в гареме» Элвиса, ABBA, Джим Ривз, саундтрек Queen к фильму «Флеш Гордон» — слушали это нечасто, теперь все пластинки лежат на мозаичном полу.

ДД и Джаки, стоя на коленях, роются в этой куче, как дети, которые ищут упавшие стеклянные шарики. Письма и музыкальные записи Джаки не интересуют: она берет в руки коробку из-под обуви.

— Дилан! Что ты делаешь? — рявкает его отец, твоя мама, прихрамывая, подходит к куче, достает из нее «Двенадцать рождественских песен» «джентльмена» Джима и «Кто теперь сожалеет?» Конни Фрэнсис: то и другое ее. Эльза что-то шепчет заместителю суперинтенданта, Ранчагода направляется к Джаки, та пятится от него, прижимая к себе обувную коробку.

— Это вещи Маали. Он велел мне сберечь их.

Джаки устремляет на детектива коронный свирепый взгляд.

— Тогда почему вы их взяли? — Эльза идет к куче.

— Потому что это вещи Маали. А не ваши.

— Давайте все успокоимся. И пойдем в дом. — Стэнли подходит к ДД, обнимает его за плечи. — Омат, будьте добры, уберите здесь.

Тебя так и тянет шмякнуть Стэнли по толстой лысой башке: тебе захотелось этого, едва ты увидел, как он со своим нарочитым кембриджским акцентом выступает в парламенте. С тобой он всегда держался в высшей степени вежливо, хотя вежливость служит ему оружием, как и всякому англичанину. Стэнли отправляет Ранчагоду на улицу, Эльза идет следом за всеми в гостиную, где никто никогда не сидит.

В обычной ситуации твоя амма предложила бы всем цейлонский чай и прохладительные напитки. Но сейчас ей явно не хочется никого ублажать. В руке у нее конверт от твоего дады — единственное его письмо, которое ты открыл. Ты не хочешь, чтобы она прочитала его, но не знаешь, как этому помешать.

ДД и Джаки ставят обувную коробку на журнальный столик, все обступают ее, точно музейную витрину. Коробка белая, черным и красным фломастером на ней написаны названия карт:

туз бубен, король треф, дама пик, валет и десятка червей.

— Содержимое этой коробки — собственность КНФПСТМ! — восклицает Эльза, указывая на коробку, где некогда лежала пара коричневых сандалий из Мадраса.

Джаки берет в руки коробку, открывает крышку. Ты висишь над нею, глядишь на конверты, каждый помечен названием карты. Перед твоими глазами — хоть у тебя уже нет глаз — мелькают картины. Воспоминания о снимках — ты не помнишь, как их сделал, — и о вещах, которые не можешь забыть. Ты не подносишь к глазам камеру, что висит на твоей шее, страшась увидеть то, что она покажет тебе.

— Ничего. Не. Открывайте, — говорит Стэнли Д. — Это не ваше.

— Неправда, сэр, — возражает Эльза. — Маали сказал мне, что наши снимки лежат у него в коробке под кроватью. Вот коробка, вот кровать. Мой двоюродный брат заказал Маали снимки. Я выкупила оригинальные негативы. Это наше.

— А это чучело откуда взялось? — Стэнли указывает на вошедшего Ранчагоду.

— Сэр, Сайрил Виджератне, министр юстиции, мой начальник. — Долговязый Ранчагода вы-

прямляется во весь рост.

— Да что вы, — парирует папа ДД. — Так почему бы мне не позвонить ему. Пусть он во всем разберется.

Заместитель суперинтенданта Ранчагода даже не морщится, когда Стэнли ловит его на лжи. Эльза — уже без улыбки — качает головой.

— А пока что дайте сюда коробку, — велит Стэнли.

Джаки смотрит на него, вскинув брови, с таким же видом, как в тот раз, когда назвала свою тетушку глупой шлюхой. С таким же видом, как в тот раз, когда ты уговаривал ее извиниться перед начальником и попросить принять ее обратно. С таким же видом, как в тот раз, когда она призналась тебе, что знает, чем ты занимаешься с ДД, но ей плевать, лишь бы вы оба не заболели СПИДом.

Она переводит взгляд со Стэнли на Эльзу и открывает коробку. Вываливает пять конвертов на столик, рассыпав стрит.

После вечеринки

О коробке под кроватью ты рассказал им после очередной вечеринки в центре искусств. Джаки,

ДД и некоему дядюшке по имени Кларанта де Мел. Все трое были пьяны, ты и не думал, что они запомнят.

ДД терпеть не мог, когда после вечеринки в клубе гости перебирались к вам домой, пепельницы полнились окурками, всюду виднелись лужицы спиртного, и сделанные тобой снимки отправлялись в коробку. Он дулся, тайком уходил к себе, а если вы слишком шумели, колотил в стену.

— Ты же не позовешь этих идиотов опять к нам домой, правда?

— Джаки хочет.

Обычно вы собирались на террасе с видом на Голл-Фейс-Грин, или на балконе, смотревшем на парковку отеля «Тадж». Гостиная была огромная, в ней хватало мягких поверхностей припарковать всех пьяных бездельников из столичной тусовки. Сена прав. Маали Алмейда не просто ходил на вечеринки в седьмом районе Коломбо, он их закатывал.

Рядом с вашей квартирой было три ночных клуба: «2000», «Тема» и «Синий», — так что все, с кем отплясывала Джаки, в конце концов попадали к вам домой. Развалясь на подушках, гости пьянели от эспрессо из кофемашины ДД, от кассет из огромного магнитофона ДД, от бухла,

украденного у папы ДД. А ДД лежал в кровати ДД и думал мысли ДД.

Молодняк, недавно окончивший Международную школу, сидел у вас, пил водку и ныл, что приходится управлять родительскими фирмами. Театральные тусовщики курили дурь, жаловались на театральных тусовщиков, после чего трахались с театральными тусовщиками. Компания экспатов любовалась с балкона силуэтами кокосовых пальм на фоне океана и лирически восторгалась красотами Шри-Ланки.

Она и правда красива. Когда ветер просвистывал ваш балкон, унося и смех, и табачный дым, было нетрудно забыть, что в одной автобусной остановке отсюда идет страшная война. Над вашим балконом пели звезды, огни Коломбо, желтые и зеленые. Дороги молчали, океан мурлыкал. Коломбо кутался в защитное одеяло, которого мы не заслужили.

В тот вечер, что тебе помнился, прошел конкурс «Мисс карьеристка — 1989». Твой друг Кларанта де Мел, куратор галереи имени Лайонела Вендта, был одним из членов жюри и раздал бесплатные билеты своим любимым неудачникам, хотя и не все это оценили.

— Только в Ланке проводят конкурсы красоты и

крикетные матчи, когда страна в огне, — сказала Джаки, потчуя наших гостей водкой Стэнли.

На балконе обнималась парочка лет двадцати, не больше: девице в наследство досталось кафе, парнишку прочили в управляющие банком. На кухне чаеторговец спорил о политике с радиоведущим. Незнакомцы, лежавшие на подушках, передавали друг другу косяки, в ступке для чили толкли в порошок таблетки.

Рядом с тобой и Джаки плюхнулась тучная женщина в широком платье и щекастый парнишка в боа из перьев. Они насыпали вам в бокалы растолченную в прах таблетку и обратились к Кларанте, точно к королю:

— Дядя Клара, вы замечательно выглядите, как всегда, — сказал парнишка, кланяясь, будто дворецкий. — Прекрасная речь.

— Гм. — Женщина уставилась на задравшуюся юбку Джаки.

— У вас очень, очень знакомый вид.

Дядя Кларанта держался любезно, даже когда уставал. А это шествие кукол в бикини и в деловых костюмах, должно быть, наскучило жюри не меньше, чем зрителям. Тем более что Кларанта был в два раз гомосексуальнее тебя и в десять раз скрытнее.

— Я Радика Фернандо, — сказала женщина. — Я ведущая новостей на канале «Рупавахини». А это мой жених Бувенека.

— Вы, кажется, сын министра Сайрила Виджератне?

Парнишка в боа зарделся.

— Он мой дядя. Я не интересуюсь политикой.

Парнишка глядит на тебя, словно спрашивает разрешения улыбнуться. Напиток встал комом у тебя в горле, у отрыжки такой привкус, будто тебя отравили. Ты киваешь.

— Посмотрите на этот пузырь. Вечеринки, конкурсы красоты, в то время как наши солдаты гибнут.

Радика Фернандо приходила выступить с речью и сейчас говорит поставленным дикторским голосом.

— В пузырях нет ничего дурного, детка. — Бувенека поднимает бокал шампанского. — Что еще делать в комендантский час?

Радика произносит монолог, ты с трудом следишь за ее словами, сначала она критикует речь Кларанты (он пророчил светлое будущее молодым карьеристкам Шри-Ланки).

— Трудно представить светлое будущее, когда в этой стране каждый год четыре тысячи женщин

становятся жертвами изнасилований. Многих насилуют родственники!

Кларанта ускользнул, как всегда, когда назревает ссора. Джаки подается вперед.

— А чем вы еще занимаетесь, кроме того, что читаете новости по телевизору?

Радика заливается краской, точно ждет удара.

— Я такая же лицемерка, как и вы, милочка. Голливуд прочно занял наши умы. Рок-н-ролл промыл нам мозги. Те, кто гибнет, не совсем наши, верно? Как вас зовут, красавица?

Тут до тебя доходит, что у этой Радики глюки, а когда у Бувенеки вдруг появляется множество глаз, ты понимаешь, что у тебя тоже глюки. Движение, болтовня вдруг становятся смутными и далекими. Из магнитофона вырывается нота, висит в воздухе, и неясно, чья глотка ее породила — то ли Фредди, то ли Элвиса, то ли Шейкин Стивенса. Ты откидываешься на подушки, гладишь Джаки по голове, Джаки называет телеведущей свое имя.

Радика и Бувенека походили на дуэт комиков из водевиля. Она произносила пылкие речи, он сыпал громкими революционными фразами.

Она распиналась о том, что зло не считает себя злом, сумасшедшие не считают себя ненор-

мальными. О том, что Америка не думает, будто слишком часто вторгается в демократические страны и убивает невинных. О том, что они устраивают резню хуже всяких тиранов, сбрасывают бомбы на наших детей, а мы должны этому помешать. О том, что государство, построенное на геноциде и рабском труде, — обычное дело.

— В старших классах я тоже так думала, — признается Джаки. — Чью власть вы предпочли бы? Советов или японцев?

— Если бы я в юности слушала русский металл и смотрела Куросаву, быть может, это не казалось бы таким смешным.

— Русский металл? Круто, — улыбается Джаки.

— Напалм родом из Гарварда. Атомная бомба — из Принстона. Большая бомба — «Проект „Манхэттен“».

— Как думаете, «Тигры» понимают, что они зло? — спросил ты, но никто тебе не ответил.

— А наше правительство? — пробормотал Бувенека Виджератне, племянник министра юстиции.

Но тут музыка стала громче, и вот уже Радика целовала Джаки, а Бувенека лизал тебя. Внезапно ты очутился в комнате Джаки, свет горел, звук был мрачный и немузыкальный, а Джаки

твердила:

— Хватит, пожалуйста.

— Мы не такие, простите. Наверное, мы просто перебрали.

Радика массировала ей шею, Бувенека держал тебя за руку. Тебе не верилось, что ты только что целовался с племянником Сатаны.

— Милая, мы тут все удолбались, — сказала Радика.

— Вы помолвлены? — спросил ты.

— Он гей, я лесбиянка. Я прикрываю его, он меня. — Радика перестала массировать шею Джаки, легла на ее кровать. — Разве не понятно?

— У нас есть группа, мы встречаемся каждый месяц. Приходите непременно, — сказал Бувенека.

— Мы не такие, — повторила Джаки.

— А какие вы? — спросила Радика, большим пальцем ноги чертя узоры на спине Джаки.

Джаки уставилась на тебя, ты уставился на доску для спиритических сеансов, она лежала рядом с кассетами Джаки.

— Может, вызовем духов? — предложил ты.

Тут в комнату вошел Кларанта де Мел с одной из участниц конкурса «Мисс карьеристка»; на вопрос, кто ее любимый писатель, она ответила:

«Энид Блайтон»[52].

— Духов, говорите?

* * *

Спиритический сеанс не удался. Мы зажгли свечи, Кларанта изображал Гамлета сэра Лоренса Оливье, но все хихикали не переставая. Радика Фернандо говорила дикторским тоном. Она вызвала духов королевы Анулы, мадам Блаватской и еще одной парочки, они повесились в Голл-Фейс-Корте в 1940-е. Но никто из духов не задул наши свечи.

Джаки готова была включить свет, как вдруг Бувенека Виджератне воскликнул:

— Я взываю ко всем погибшим революционерам. Рани Шридхаран. Виджайя Кумаратунга. Ричард де Зойса. Сена Патхирана…

Ветер, ворвавшийся с Голл-Фейс, потушил все свечи. Все завизжали, Джаки включила свет, все засмеялись, потом замолчали. И начали расходиться по одному. Джаки указала на дикторшу новостей и на племянника министра в боа из перьев — они как раз прощались со всеми — и

---

[52] Примечания: 1.52

Энид Мэри Блайтон (1897–1968) — популярная британская писательница, автор книг для детей и подростков.

заявила:

— Давай больше никогда не будем так делать.

Напоследок ты спросил Бувенеку:

— Какое имя вы назвали последним, перед тем, как погасли свечи?

— Сена Патхирана, сын нашего водителя. В университете примкнул к коммунистам, вступил в ДВП. Головорезы моего дяди убили его одним из первых. Никогда не забуду, что сказал мне водитель перед тем, как уволиться.

Бувенека приглаживает волосы, рубашку, прячет боа в сумку своей «невесты».

— Баба́, — сказал он. — Ты единственный в этой блядской семейке, кого я не прокляну. Но даже Дядюшка Ворон не сможет вечно защищать твоего дядьку.

* * *

В квартире остался лишь ты, твои соседи и Кларанта де Мел.

— Кто такой Дядюшка Ворон? — спрашивает Джаки.

— Это все чепуха, байки про колдунов. Дядюшка Ворон из Котахены продает защитные амулеты богатым министрам вроде Сайрила Виджератне. И якобы именно благодаря им министр юстиции

до сих пор жив, хотя на него столько раз покушались. Люди готовы поверить во что угодно, кроме правды.

За последним бокалом в тот вечер ты рассказал им о коробке с фотографиями и о том, что решил перевезти ее в дом аммы. Джаки клевала носом, у ДД слипались глаза, но Кларанта выслушал тебя и пообещал:

— Если тебя когда-нибудь вышлют из страны, я устрою выставку твоих фотографий.

Кларанта управлял баром в центре искусств, курировал художественную галерею имени Лайонела Вендта, у него было четверо внуков, никто бы и не подумал, что он гомосексуал. Кларанта пообещал, что, если ДД и Джаки сумеют привезти ему снимки, он повесит их в галерее, и они будут висеть, пока их не сорвут. Ваша четверка пожала друг другу руки, как супергерои, выпила краденой водки и обо всем забыла.

Первый конверт

Хлипкая коробка склеена из бумаги, которая, когда вырастет, хочет стать картоном. В ней пять конвертов. Когда-то в этой коробке лежали сандалии, их подарил тебе дада за то, что ты сдал

экзамены на бухгалтера. Ты не надел их ни разу, отдал какому-то парню в туалете торгового центра «Либерти Плаза», он ласкал тебя в темноте.

Джаки раскладывает конверты веером, как выпендрила-крупье из «Пегаса», его уволили за то, что он передергивал. Показывает конверты собравшимся, обводит их повелительным взглядом. Джаки могла быть резкой, если ей этого хотелось, но обычно не хотелось.

— Джаки, покажи их сначала мне. — Стэнли ослабил галстук, отрывистая речь осеклась.

— Это наши конфиденциальные проекты. — Эльза встает со стула.

Не обращая на нее внимания, Джаки открывает конверт с пометкой «Дама» и смотрит на каждый снимок так, будто в ее ладони лежит пиявка. Передает фотографии Стэнли, тот разглядывает их по очереди, не отрываясь, и качает головой. Фотографии передают, точно слова в игре «Испорченный телефон», от аммы к ДД, от ДД к Эльзе и снова прячут в конверт. Ты узнаешь каждый кадр, их проявляли в недолговечной студии дяди Кларанты.

Сначала черно-белые фотографии толпы, снятые на ходу из моторикши: перед глазами плыло, пальцы дрожали. Потом пожары: горят магазины,

машины, знаки, оканчивающиеся на согласный. Потом люди.

Даму в розовых шальварах обливают бензином. Обнаженный парнишка в окружении танцующих дьяволов. Дом в Веллаватте объят пламенем, лица прильнули к окнам. Эти снимки опубликованы, они многим знакомы.

Следующие фотографии сочли чересчур чудовищными для международных публикаций. Мальчика и его мать избивают палками, малыш лет двух или трех со сломанной рукой, парень зарубил топором старика.

Последнюю твоя амма отбрасывает с отвращением. Встает, подливает себе чаю из чайника, отпивает большой глоток.

Далее идут фото лиц, многие из этих снимков ты увеличивал у себя в кладовой в Голл-Фейс-Грин. Крупные планы мужчин за частоколом дубинок, неизвестных зверей, вооруженных канистрами с бензином и избирательными бюллетенями, неизвестных фанатиков, что охотятся на незнакомцев и поджигают их. Неизвестных — до сего дня. Танцующий дьявол, мужчина с палкой, мальчик с канистрой бензина, зверь с коричневым топором.

Будь здесь Ранчагода и Кассим, они узнали бы

последний снимок. Опытный мясник в широкой рубахе занес топор, омоченный в крови куриц, свиней, преследуемых меньшинств и тысячи кошек. Но детективы ругаются в машине. Кассим говорит, что лучше уехать, Ранчагода предлагает выкрасть коробку. Кассим говорит, что не подписывался сотрудничать с наемными головорезами, и грозит уволиться.

Они не замечают приближающийся «паджеро», битком набитый мужчинами, которые не военные и не копы. И даже если бы они заметили его, все равно не увидели бы демона на капоте.

— Мы заводим дела против участников погромов 1983 года, — поясняет Эльза. — Благодаря нам у толпы появились лица, а у лиц имена. Мы выслеживаем убийц.

— Почему я не слышал о вашем КНФПСТМ? И об этом проекте? — Стэнли снимает очки, чтобы рассмотреть снимки. Изучает тот, на котором погребальный костер из трупов; эта фотография сделана неподалеку отсюда.

— Вы не слышали о КНФПСТМ, потому что мы не хотим привлекать к себе внимание. Мы не политики.

Эльза глядит на конверт с пометкой «Дама» в руке Джаки, как голодная ворона — на выбро-

шенный пакет с ланчем.

В руках у твоей аммы единственный конверт без фотографий. Письмо от твоего ушедшего дады, которое она отчего-то не уничтожила, как все прочие.

— Маали рассказывал нам о коробке, — говорит Джаки. — Он не сказал, что ее нужно будет отдать.

— Оставьте себе эту чертову коробку, если хотите. Только конверты отдайте.

Эльза щелчком отбрасывает окурок в окно.

ДД, прищурившись, рассматривает фотографию солдата индийских миротворческих сил возле больницы.

— Это снято в прошлом году. Маали тогда ездил в Джафну. И предложил мне поехать с ним.

ДД переводит взгляд на отца.

Ты вспоминаешь ту ссору. Вы поругались из-за презервативов, из-за того, почему ты упрямо не желаешь отказываться от них. Значит, в командировках ты спишь с другими, заявил ДД. А ты предложил ему поехать с тобой. Сказал, что едешь туда помощником американского журналиста по имени Эндрю Макгоуэн. Ты не сказал ему, что задание тебе дали дама с красными губами и ее красавчик-кузен.

— Ты занимаешься этим с Эндрю Макгоуэном? — с напускным равнодушием спросил ДД.

— Тем, чем я занимаюсь с тобой, я не занимаюсь больше ни с кем, — ответил ты и формально даже не врал, поскольку не планировал продолжать отношения ни с одним из своих сексуальных партнеров, кроме ДД.

— Индийские миротворцы в этом году дважды устраивали расправы над мирными гражданами. Один раз в больнице. Когда это случилось, Малинда был в Джафне по нашему заданию. Мы заплатили ему за те снимки. Так отдайте их нам.

ДД морщится, заходится сухим кашлем; его явно тошнит. Передает фотографию Джаки, та вздрагивает. Больничные койки завалены трупами врачей и медсестер: индийские миротворцы казнили их за то, что они лечили раненых бойцов ТОТИ. Джаки смотрит на фотографию через плечо Стэнли и бормочет:

— Дьяволы иностранные. — Переводит взгляд на Эльзу. — Приглашенные нашими дураками.

— У нас договор, — замечает она.

— А фотографии. Зверств. ТОТИ. Вы тоже заказываете?

— Мы тамильская организация, и у нас есть

ограничения, — поясняет Эльза. — Вам ли не знать, сэр.

— Так, значит, вы у нас теперь из тамильской организации? — уточняет Джаки. — Не из полиции?

Ты смотришь на оставшиеся четыре конверта, лежащие на столе. Об их содержимом ты помнишь только две вещи. ДД не надо заглядывать в тот, что с пометкой «Валет червей». И есть нешуточная вероятность, что в одном из этих конвертов лежит фотография твоего убийцы.

ДД выхватывает у Джаки конверт с пометкой «Дама», пытается запихнуть в него фотографии, рассыпанные по столу.

— Что вы делаете! — вскрикивает Эльза и выхватывает у него пустой конверт, озадачив ДД: тот не решается драться с женщиной на глазах у отца. ДД бросает фотографии на стол, Эльза тянется к ним.

Джаки бросается к Эльзе: кузина ДД, в отличие от него, не стесняет себя приличиями. Как-то раз она влепила вышибале из «Моего места» три пощечины за то, что погладил ее по заднице. Джаки закусывает губу, как в тот вечер, и Эльза пятится. Ты вспоминаешь, что Джаки владеет дзюдо, а у Эльзы в сумочке нож. Фотографии лежат между

ними, Джаки с Эльзой сверлят друг друга взглядами, как ковбои в спагетти-вестернах.

И тут, как по команде, с улицы доносятся громкие голоса. Эльза юркает к двери; на веранду хлынула суета, растеклась по коридору. Тому самому коридору, где ты ругался с аммой из-за писем дады, тех, что она уничтожила, не показав тебе.

Семь рослых парней, все в черно-белом, вбегают в открытые двери. Чашка аммы упала на коврик, но не разбилась. Стэнли вскочил на ноги.

— Что. За. Черт.

Мужчины — не военные и не копы — встают у каждой двери, у каждого окна. Входит старик в национальном костюме. Если бы ты только мог плюнуть в него, наблевать на него, насрать ему в рот, ты отдал бы целое состояние, продал бы остаток души. Это достопрезренный министр юстиции, Сайрил Виджератне, влиятельный член правительства: это он коррумпировал судебную систему, он создал отряды головорезов, он стоял за погромами 1983 года. Шестое имя в списке Сены.

Стэнли Дхармендран приветствует его кивком, как подобает подчиненному-тамилу. Двое мужчин в черном сгоняют ДД и Джаки с дивана,

чтобы министр разместил на нем свои телеса. ДД и Джаки хмурятся. Ты вспоминаешь, как ДД писал официальное письмо в канцелярию президента и отказывался именовать того «вашим превосходительством». В июле 1983 года президент пикнуть не смел: превосходно, ничего не скажешь, как заявил ДД. Он начал письмо стандартным «добрый день» и не добился финансирования своего проекта по переработке отходов в Малабе.

Поехали в Джафну, предложил ты ДД. Увидишь, что в этой стране есть проблемы серьезнее утраты естественной среды обитания панголинов. Фотографировать трупы меня не возбуждает, ответил ДД. Если бы ты только видел, что вытворяют с твоим народом, ты не переживал бы из-за вонючих озер, парировал ты. Не уподобляйся своему ренегату-папаше, добавил ты, тем самым повысил ставки и сорвал куш. Если, конечно, можно считать победой тот факт, что парень, который тебя любит, ушел от тебя в слезах.

— Что это? Выставка фотографий?

Сайрил берет у Эльзы конверт, смотрит на стол. Наклоняется вперед, как судья в крикете, рассматривает беспорядочно разбросанные снимки. Ты паришь над ним — скорее как комар, чем как ангел. Говорят, комары убили половину всех

живших когда-либо. Куда больше, чем спасли ангелы.

Ты замечаешь гул, глухой ропот на самых нижних частотах, слышимый только тем, кто заставил умолкнуть мысли и замкнул слух для шепота. То ли стонет земля, то ли кричат тысячи. Прежде ты не обращал внимания на этот звук, теперь же слышишь все время. За спиною министра сидит на корточках существо.

На фотографиях на столе хаос, кровопролитие, непосредственный их виновник — правительство Сайрила Виджератне, а дядя Стэнли — его пешка.

— Дхармендран. Что это за чушь?

— Одноклассник моего сына, сэр, — поясняет Стэнли. — Талантливый фотограф. Интеллигентный мальчик из очень хорошей семьи. Окончил колледж Святого Иосифа. Он пропал, и мы все беспокоимся.

Ну надо же, Стэн, я не знал, что тебе есть до меня дело.

— Так вот, значит, чем занимаются выпускники колледжа Святого Иосифа? — Сайрил держит в руках снимок горящего дома.

— Это беспорядки 1983 года, сэр, — поясняет ДД, сжимая деревянный анкх на шее.

— А, — отвечает министр. — Когда спящий лев проснулся.

— Сэр. Эта леди и те полицейские, что ждут на улице, вломились в квартиру моего сына. Без ордера, без приказа. Мой сын не заслуживает такого оскорбительного отношения.

Министр словно не слушает. Он смотрит на Эльзу — так, будто увидел призрака. Хотя настоящий призрак сидит на корточках за его спиной. Силуэт его похож на гигантскую обезьяну, руки его высятся над плечами министра. Над ухом министра вспыхивают угли глаз, и ты понимаешь, что существо тебя видит.

Министр смотрит на фотографию в руках Эльзы: мужчина в «бенце» наблюдает за толпой. Лицо министра, только моложе. Эльза собирает черно-белые снимки, министр протягивает руку, кивком велит ей отдать ему снимки. Эльза качает головой.

— Извините, сэр. Это конфиденциальная информация.

Министр впивается в Эльзу взглядом, смотрит на нее так долго, что твоя амма успевает налить себе еще чашку чая. Ты замечаешь, как она на него смотрит, и у тебя болит то место, где прежде была голова. На этот раз следом за болью не при-

ходят воспоминания. Ты замечаешь, что министр смотрит на увеличенный предыдущий снимок. На мужчине в «бенце» темные очки и узорчатая рубашка; изображение расплылось при увеличении, но ты все равно узнаешь его. Это лицо видит министр всякий раз, как удосуживается взглянуть в зеркало.

Министр кивает охраннику, тот хватает Эльзу за плечи, отнимает у нее снимки, передает их министру. Эльза потирает ключицу. Второй синяк за день. Министр смотрит на снимки, тебе тоже хочется взглянуть, но ты не решаешься из-за тени, притаившейся за спиной Сайрила Виджератне. Министр Сайрил качает головой, прячет снимки в карман пиджака.

— Это ваша работа?

— Сэр, это конфиденциальная информация, — повторяет Эльза (можно подумать, тот, кто командует головорезами, уважает чужое право на тайну).

— Несомненно, моя дорогая. Кто их сделал?

— Его зовут Малинда Алмейда. Он невинный мальчик, — запинаясь, отвечает Стэнли.

— Не похоже, — бросает министр.

— Ваша правда, сэр, — поддакивает Эльза.

— Я вам не китаец с косичкой, черт побери. Это-

го фотографа надо найти и допросить, — говорит Сайрил. — Где он?

— Его никто не видел со вчерашнего дня, — сообщает Стэнли. — Мы опасаемся, сэр, что его забрали.

— Что с того, Дхармендран? Вы знаете, кому звонить. Я вам что, секретарь, черт побери?

— СОГ отчитывается перед вами, сэр.

— Вы его мать? — спрашивает министр Лакшми Алмейду: после четырех чашек чая она перешла в беззвучный режим.

— Пожалуйста, найдите моего сына. Я училась в школе с вашей сестрой, сэр. Скажите ей, что я Лаки Алмейда из хора. Она поймет, о ком речь, — говорит амма.

— А, так вы учились в школе Святой Бригитты? Я дружу со всеми монахинями. — Министр умолкает, раздумывая, что сказать дальше. — В школе Святой Бригитты очень либеральные монахини. Их можно даже разок поцеловать. — Он умолкает, грозит пальцем. — Но не более того.

Он смеется, свита вторит ему. Даже Стэнли вымучивает улыбку. Только твоей амме не до смеха.

— Мой сын не интересуется политикой.

Амма, как всегда, ничего ни о чем не знает.

— Если он ни в чем не виноват, почему фотографирует такие мерзости? — произносит Сайрил с улыбкой, с которой всегда приставал к практиканткам. — Спасибо, что позвонили мне, Дхармендран. Это очень серьезно.

Стэнли указывает на Эльзу:

— Сэр. У этой женщины нет ордера, она привела полицейских в мою квартиру. Это возмутительно, я член кабинета.

Любопытно, как исчезают паузы из речи Стэнли, когда он стелется перед вышестоящим. Даже ДД — а он никогда ничего не замечает — чувствует, что планы его отца рушатся. ДД убирает конверты в коробку, думая, что никто этого не видит, хотя это видят все.

— Дхармендран, у меня и без того забот более чем достаточно. Мы воюем на два фронта. Нам нужно подавить ДВП и вышвырнуть индийцев. Полиция, армия, СОГ приходят ко мне, спрашивают, можно ли им выйти за рамки закона. Как такое возможно? Не могу же я позволить всем и каждому выходить за рамки закона.

Джаки берет коробку, направляется к задней двери, не заметив, что телохранитель министра следует за ней.

И тут твоя амма заливается слезами, а ведь она

никогда не плакала, с того самого дня, как ты родился, — по крайней мере, в твоем присутствии.

— Господин министр. Мой сын у них? Ваша сестра Сурангани учила его петь. Спросите ее, она вспомнит.

Если тетушка Сурангани вспомнит лишенного музыкального слуха мальчишку, который в 1966 году взял у нее четыре урока и больше не приходил, ты прямо сейчас отправишься к Свету. Ты любишь невероятные пари. Ты однажды пообещал ДД поехать с ним в Сан-Франциско, если Дукакис победит Буша[53].

— Мадам, с момента его пропажи не прошло и двух дней. А может, он и не пропал. Я уверен, что он появится. И когда это случится, я хочу поговорить с ним. — Министр Сайрил поворачивается к Джаки. — Прошу прощения, милочка, куда это вы?

Крепкий парень в черном преграждает Джаки путь и отбирает коробку. Она толкает его, он хватает ее за руку. Она морщится, он отпускает ее.

— Будьте добры, отдайте нам конверт с пометкой «Дама», — просит Эльза.

---

[53] Примечания: 1.53

Речь о президентских выборах 1988 года в США. Кандидатом от республиканцев был Джордж Буш — старший, от демократов — Майкл Дукакис.

— А следом вы попросите север и восток! — Министр Сайрил смеется, переводит взгляд со Стэнли на Эльзу. — Мне необходимо оценить эти свидетельства. Могу ли я как следует их изучить, Дхармендран? Самостоятельно, после чего я выскажу рекомендации?

— Твою мать, — бормочет ДД.

— Заткнись, Дилан. Сэр, это необходимо?

— Прежде чем выписать ордер, я должен узнать факты. Мы сможем найти вашего парня, только если нам будут известны все факты. Скажите этим копам, которые ждут на улице, что я хочу с ними поговорить.

— То есть вы забираете вещи Маали без всякого ордера, чтобы понять, нужен ли вам ордер, — фыркает Джаки.

Чтобы упаковать одну коробку, требуется семеро головорезов.

Эльза выходит на улицу к копам, бесполезным, как пешеходные переходы на Голл-роуд. Что-то отрывисто шепчет Ранчагоде, Кассим садится на пассажирское сиденье, закрывает лицо. Эльза просит вернуть ей деньги, Ранчагода ныряет в машину, в это мгновение из ворот твоего некогда немилого дома выходит министр. Ранчагода делает вид, будто не слышал просьбы.

Самый крупный громила несет белую коробку из-под обуви, в ней труд всей твоей жизни. Призрачное существо следует за его превосходительством Кошмарным Фанатиком. Призрак похож на длиннорукого борца сумо. Лицо заостренное, кровавые глазки устремлены на тебя.

ДД сверлит взглядом отца. Твоя амма убирает чашки, Джаки глядит в пустоту с таким видом, как в тот раз, когда она сказала тебе: «Я готова», а ты ответил: «А я нет». Ты взмываешь к потолку, призываешь боль. Поскольку понимаешь, что коробка, считай, пропала.

Это значит, тебе придется вспоминать усерднее. Быть может, воспоминания причинят тебе боль (а ты предпочел бы обойтись без боли), но тебе не терпится вспомнить одно. Можно было бы подумать, речь о том, как ты умер или кто тебя убил, но нет. Тебе не терпится вспомнить, где ты спрятал негативы. Ты знаешь одно: место это очевидное и где-то неподалеку.

Разговор с мертвым телохранителем (1959)

Тень улыбается тебе, кивает, громилы набиваются в два «паджеро». Призрак садится на

корточки на капоте «бенца», подзывает тебя к себе. Ты думал, что капот прогнется под тяжестью этого существа, но капот не дрогнул.

— Иди сюда. Поехали со мной.

— Я уже доездился, — кричишь ты в ответ.

Ты на веранде, твоя амма здесь читала газеты и ругала отца. В доме знакомые голоса ведут бессмысленные споры о тебе и о том, что ты сделал. Подслушивать тебя тянет не более, чем воскресать.

У существа на капоте темно-бордовые глаза, неровные острые зубы, слишком длинные ногти, оно в белой рубашке и черных брюках: так одеваются официанты, телохранители, громилы и головорезы.

— Это твои снимки, да? Я глянул краем глаза. Производит впечатление. Супер, супер.

— Что вы за яка?

— Я тень министра. Теневой министр. Ха-ха. Так ты едешь? Можно подумать, тебя еще где-то ждут.

На это тебе нечего возразить. Тебе не впервой ехать с неприятными попутчиками. Как в тот раз, когда ты сел в автобус до Килиноччи с «Тиграми» — выяснилось это уже потом — и тебя едва не пристрелили военные.

Ты вспрыгиваешь на крышу машины в тот самый миг, когда она трогается с места. Замечаешь, что одежда на существе сидит скверно. Рубашка с рюшами, брюки словно пошил слепой портной. Существо босиком, пальцы ног волосатые, ногти торчат, как когти.

— Кошмарные у тебя фото.

А у тебя рыло, думаешь ты. Кортеж проезжает блокпост, перед ним на досмотр очередь из автомобилей. Два «паджеро» и «бенц» не останавливают.

— Значит, нечего людям творить кошмарные вещи.

— Это страна проклята. В этом никто не сомневается, — говорит существо, глаза его меняют цвет с малинового на черный, с красно-бурого на алый.

— Как вы стали демоном?

Если существо шевельнется, ты готов соскочить с машины. Но этот пузырь лежит на капоте, таращится в небо мутными глазами. Двигаться ему явно неохота.

— Кто говорит, что стал? Может, я всегда им был.

— Кем же вы были раньше?

— Может, я был начальником, как этот. — Он

указывает на человека на заднем сиденье машины, тот роется в коробке, что когда-то была твоей. — Может, я был магнатом и владел огромными заводами.

— Не были.

— Я был телохранителем. Хоть мне и не довелось заслонить кого-то от пули. К сожалению.

— Вам хотелось получить пулю?

— Последним моим клиентом был Соломон Диас.

— Кто?

— Соломон Уэст Риджуэй Диас Бандаранаике[54].

Ты смеешься от всей души — впервые с тех пор, как попал в эту чертову заваруху.

— Славный малый.

— Говори что хочешь. Я все это слышал. Фюрер всех сингальцев. Крестный отец всякого дерьма.

— Я слышал, его называли и хуже.

— Был бы он жив, аннулировал бы закон о государственном языке и продвигал мультикультурализм. В душе он был федералистом.

— Его пристрелил буддийский монах-сингалец — зверь, которого он пытался приручить, — за

---

[54] Примечания: 1.54

Соломон Уэст Риджуэй Диас Бандаранаике (1899–1959) — премьер-министр Шри-Ланки (тогда — остров Цейлон) с 1956 по 1959 год.

недостаточный фанатизм, — говоришь ты.

Если вы в чем и сходились с покойным отцом, то в отношении к СУРДБ.

— Давно ты мертв? — спрашивает демон.

— Видимо, одну луну. Каким был Соломон?

— Он не виноват. Он хотел как лучше. Эта страна проклята.

— Я это уже слышал. Почему?

— Ты же сам сделал все эти фотографии — и еще спрашиваешь почему?

— Логично.

— Цейлон был прекрасным островом, пока на нем не расплодились дикари.

— Верно. Некоторые страны привозят дикарей из-за границы. Мы же выращиваем собственных.

— Ты же знаешь, что люди жили здесь задолго до сингальцев?

— Кувени?

— Их не считали людьми. Мы зовем их дьяволами и змеями.

— Яки и наги были до или после Раваны?

— Какая разница.

— Тогда кто такие коренные ланкийцы?

— Не Виджайя с его морскими пиратами. Это уж точно.

Если верить «Махавамсе»[55], сингальский народ искони похищал людей, насиловал, убивал матерей и отцов, занимался кровосмешением. И это не сказка, а история нашего рождения, изложенная в древнейшей хронике острова, хронике, которая послужила сводом законов, созданным для угнетения всех, кто не сингальцы, не буддисты, не мужчины и не богачи.

Давным-давно на севере Индии принцесса встречает льва. Лев похищает и насилует принцессу. Она рожает мальчика и девочку. Мальчик вырастает, убивает отца-льва, становится королем, женится на сестре. Она рожает сына, тот становится бунтарем, его с семьюстами слугами отправляют в изгнание, они со свитой на кораблях прибывают к берегам Цейлона.

Принц Виджайя и его банда лысых головорезов положили начало нашей истории, истребив коренное население нага и соблазнив их королеву, — хотя, пожалуй, и не в такой последовательности. И если истории о происхождении нашего народа — правда, чего же удивляться, что мы в такой жопе. Преданная и погубленная

---

[55] Примечания: 1.55

«Махавамса» — историческая поэма о царях Шри-Ланки, написанная на языке пали. Создана в V–VI веках, авторство приписывают монаху Маханаме из Анурадхапуры.

бессердечным принцем Кувени, королева народа нага проклинает эту землю, накладывает на себя руки, а детей своих бросает в лесу. Ее проклятие действует уже многие тысячи лет, на дворе 1990-й, а оно никуда не делось.

— Наших предков в прямом смысле слова демонизировали, — говорит существо. — Я слышал, что Махакали — потомок Кувени. Некоторые утверждают, что она и есть Кувени.

На Голл-роуд сужения, пробки. Начинается дождь, но вы не мокнете. Ты смотришь на прохожих, что бегут, прикрываясь зонтиками, прячутся под навесами магазинов. Идут не спеша лишь те, кто уже не дышит.

— Чем больше я вижу, тем больше убеждаюсь в этом, — продолжает существо. — История — это люди с оружием и кораблями, и эти люди уничтожают тех, кто забыл их выдумать. Каждая цивилизация начинается с геноцида. Это закон вселенной. Непреложный закон джунглей, даже этих, бетонных. Он начертан в движении звезд, в танце каждого атома. Богатые порабощают бедных. Сильные сокрушают слабых.

Существо ползет по лобовому стеклу, оно уже так близко, что может залепить тебе пощечину. «Бенц» проезжает мимо лавчонки, торгующей

сувенирами ручной работы, на ее крыше развевается флаг Шри-Ланки.

— Меня всегда раздражал этот флаг, — говоришь ты, косясь на длиннющие ногти существа.

Существо глядит сквозь стекло на министра, он заснул с твоей коробкой на коленях. Машины трогаются с места, демон министра улыбается тебе.

— Флаг с могучим львом?

— Когда у нас здесь водились львы, черт побери? Или тигры?

— Слоны выглядели бы логичнее.

— Или панголины.

На большинстве флагов — цветные полосы, не всегда из одной палитры, горизонтальные, вертикальные, порою диагональные, а иногда все три, как на флаге Великобритании, которая нами и правила. На некоторых флагах доброжелательные изображения: кленовые листья, полумесяцы, крутящиеся колеса, солнца с кудряшками. Во времена более варварские, чем эти, на домах рисовали символы: волков, львов, слонов, драконов, единорогов. Чтобы показать, что с обитателями этих домов шутки плохи. Теперь мало на каких флагах увидишь героев животного царства. В основном птиц, величественных, не грозных (мексиканский орел со змеем в когтях и

клюве — исключение).

— Посмотри на наш флаг. Что за аччару[56]. Чего на нем только нет. Горизонтальные полосы, вертикальные полосы, основные цвета, дополнительные цвета, животные символы, природные символы, оружие. Желтый, малиновый, зеленый, оранжевый. Листья пайпула, сабля, зверь. Просто фруктовый салат.

— А вы видели флаг Илама? Ничем не лучше.

Лев держит изогнутую саблю перед оранжевой и зеленой вертикальными полосами, которые олицетворяют дравидов и магометан: получается, лев угрожает национальным меньшинствам. На флаге сепаратистов «Тамил-Илама» тигр выглядывает между ружей, что твой Килрой[57]. Точно хочет сказать: я вижу вашего льва с саблей и выставляю против него тигра с двумя штыками.

На обоих флагах зверь, у обоих скверная композиция, оба цвета крови. У иламского помидорно-красный цвет свежей раны, у ланкийского — лилово-бордовый цвет незажившего шрама.

Нет никаких доказательств, что в здешних

---

[56] Примечания: 1.56

Аччару — смесь маринованных овощей, популярное блюдо ланкийской кухни. Зд.: мешанина, месиво.

[57] Примечания: 1.57

Килрой — герой мема с выглядывающим человечком.

краях водился хоть один из этих зверей, но вот они, сидят на флагах, грозят оружием, купаются в крови. Словно в доказательство того, что Ланка основывалась на зверствах и кровопролитиях.

«Бенц» проезжает мимо порта, вы оба, прищурясь, устремляете взгляд к горизонту, вдаль, за корабли, что стоят на якоре. Тебе грезятся наяву далекие боги и стареющие солнца. Отсутствующие отцы и гомосексуальные сыновья.

— А хочешь знать, почему я считаю, что Ланка проклята?

— Вы же сказали. Кувени.

— Не только она. Мы родились в 1948-м[58]. Ты веришь в накатх[59]?

Любой спортсмен или музыкант, который чего-то стоит, скажет вам, что главное — правильно выбрать время. Ланкийцы верят не только в проклятия и як, но и в накатх, благоприятные моменты, распространяя фэншуй на течение времени. Если в сингальский и тамильский Новый год в 6:48 встать лицом на запад и зажечь лампу, год принесет радость; если в 7:03 встать лицом на север и зажечь искру, небо рухнет на землю.

---

[58] Примечания: 1.58
В этом году Шри-Ланка (тогда Цейлон) получила независимость.

[59] Примечания: 1.59
Некатх (накатх) — благоприятное время.

— Я не верю в накатх.

— Какие чувства вызывает в тебе 1948-й? Оживление или подозрение?

— Вы шепчете министру?

— Когда нужно.

— Этому трудно выучиться?

— С хорошим учителем нет ничего трудного.

— Мне надо на Канатте. Я сойду здесь.

— Зачем тебе на кладбище? Какие тебе еще похороны? Ты умер луну назад.

— Там может быть мой учитель Сена. Он умеет шептать.

— Любой так называемый учитель, кто торчит на Канатте, попросит у тебя не только плату за обучение.

— Что это значит?

По Буллерз-лейн автомобиль медленно подъезжает к зданию министерства юстиции.

— Филиппины тоже начались в 1948-м. Они, как и мы, улыбчивые, беспечные, но когда надо — жестокие.

— Вы правда были телохранителем СУРДБ?

— Он был человек могущественный. Но не настолько могущественный, как будет Сайрил. Я об этом позабочусь.

— У каждого министра есть демон?

— Только у лучших.

Ты пытаешься поймать в фокусе демона на капоте «бенца», но видишь в видоискателе лишь грязь.

— Лучших? СУРДБ никуда не годился. А Сайрил еще хуже. Вы охраняете подонков.

Существо бросается на тебя, но ты уже летишь к электрическому столбу возле дороги.

Существо все-таки ухитряется дотянуться до тебя и срывает одну из твоих цепочек. Ты перепрыгиваешь с линии электропередач на манговое дерево.

— Думай, что говоришь. Знаешь, какие еще государства появились на свет в 1948-м?

«Бенц» застрял в пробке, но ветры дуют во все стороны.

— Если эта земля и проклята, то из-за таких, как Виджератне и Соломон Диас. И из-за тех, кто их защищает, — кричишь ты, осмелев оттого, что существо тебя не достанет.

Оно выкрикивает названия пяти государств. И «бенц» с гаргульей на капоте исчезает.

— Я тебя найду, — рычит существо и скрывается из виду.

Но пять названий, которые оно выкрикнуло, отдаются эхом в твоих ушах. Бирма. Израиль.

Северная Корея. Южная Африка эпохи апартеида. Шри-Ланка. Все появились на свет в 1948-м.

Неважно, верит Маали Алмейда в накатх или нет. Потому что вселенная явно верит.

Уши

«Бенц» скрылся в потоке машин, а ты не в силах пошевелиться. Тебя словно окружают незримые стены, и все ветры стихли. Ты будто бы за стеклом, тебя держат чьи-то невидимые руки.

Ты никогда не боялся закрытых пространств, хоть и провел столько времени в бункерах и на узких койках. Но тебе, как всякому разумному человеку, живому или мертвому, хотелось бы иметь возможность сбежать, особенно когда есть от чего.

Вместо этого ты обнаруживаешь, что лишился и выбора, и возможности пошевелиться, невольный пленник фигур в белых одеждах. Слева от тебя Моисей, справа Хи-Мен. Они без улыбки смотрят вперед. Перед тобой доктор Рани: белое сари, журнал учета, строгий учительский взгляд.

— Ваши Помощники вас проводят. Если вы будете вести себя хорошо, они не сделают вам больно.

— Зачем ангелам головорезы? — интересуешься ты со всею любезностью, на какую способен.

— А кто сказал, что мы ангелы? — говорит доктор Рани. — Вы избегаете Света, потому что боитесь своих грехов.

— Зачем принуждать душу лететь к Свету? Разве мы не вольны лететь куда захотим?

— Кто вам сказал эту чушь?

— Товарищ Сена.

— Вы летите туда, куда велят голоса в голове, — поясняет доктор Рани. — Но голоса в голове не всегда ваши.

Помощники ведут тебя затейливым маршрутом с Острова рабов в Маттакулийю мимо строения, похожего на заброшенную железнодорожную станцию, в то место, откуда ты сбежал.

— Айо. Только не сюда. Пожалуйста.

— Это не займет много времени.

Вы входите в красные двери, летите по бесконечному коридору. Здесь такая же толчея, как в тот первый раз, когда ты очнулся здесь, и такой же хаос. Помощники в белых одеждах сгоняют издерганных, изувеченных, недужных к стойкам, очереди переплетаются. Доктор Рани отправляет Моисея и Хи-Мена в гущу толпы, а сама вместе с тобой дожидается с краю.

— Ну что, первым делом осмотрим уши?

Ты наблюдаешь за тем, как новоумершие души на разных стадиях скорби врезаются друг в друга, подобно частицам в потоке. Одни дрожат, другие отбиваются, третьи цепляются за большое и толстое ничто.

— Кто здесь главный? Кто ваш босс?

Доктор Рани качает головой.

— Ладно, спрошу иначе. Здесь нет главных?

— Я всего лишь Помощница, Маал. Мы делаем что можем. Быть может, Творец и существовал. Быть может, он выблевал мир, как африканский бог Мбомбо. Или создал его за неделю, а в воскресенье почил от дел, как тот парень в Библии.

— Так с кем мне предстоит встретиться? С Иеговой или Зевсом?

— Нам следует знать душу Творца. А не спорить, как Ее зовут.

— Я придумал отличное имя для Бога. Любой.

— И не приходите ко мне в седьмую луну, не просите вас освободить. В последнюю минуту я ничего делать не буду.

— Все должны молиться Любому. Тогда никто не обидится. «Дорогой Любой, позаботься о моей семье. Дай нам денег и избавь от боли. С любовью, я».

— Мне надоели ваши шутки.

— Я в жизни не был серьезнее.

Она читает тебе лекцию об ушах. Говорит, что в их строении заключается правда о тебе как личности. Рассказывает о том, как кожа, хрящи и плоть создают формы и тени уникальнее отпечатков пальцев. В этих тенях — свидетельства прошлых жизней и забытых грехов. Этот ключ к разгадке прячется от нас, как почти все ключи к разгадкам.

— То, что мы не можем видеть свои уши, несомненно, доказательство гения Творца, — говорит доктор Рани.

— Или того, что он нас ненавидит, — добавляешь ты.

Доктор Рани качает головой. Говорит тебе, что уши — кармические отпечатки пальцев и что твой «плотский покров» замусорен ключами к разгадке предыдущих жизней. Сулия[60] на твоей голове, пропорции пальцев ног, узоры на коже, углы зубов, упругость походки. Не просто так даже самые заурядные изготовители амулетов добавляют в свои зелья для хуниям[61] волосы,

---

[60] Примечания: 1.60
Зд.: завитки.

[61] Примечания: 1.61
Зд.: черная магия, проклятие.

ногти, зубы, кровь. Тебя тащат к шахте лифта. Моисей поднимает посох к ветру. Хи-Мен строго смотрит на тебя, точно хочет сказать: попробуй сбеги. Разбушевавшийся ветер ревет, как зверь, загнанный в угол.

— Если вам нужны ответы, — кричит тебе доктор Рани, — если вы хотите узнать, что за «Любой» за всем этим стоит. То сперва найдите «Любого» между своих ушей.

Ты поднимаешься в шахте лифта, мимо тебя туда-сюда снуют души. Ты пролетаешь этаж за этажом. Если бы ты их считал, получилось бы сорок два.

— Трудно узнать лицо Бога. Вы своего-то не знаете, — говорит доктор Рани.

Сегодня сорок второй этаж открыт и работает — что бы там ни происходило за рядом красных дверей.

Духи все новоприбывшие: это видно по их глазам, по походке, по фигурам в белом, которые их сопровождают. Трое твоих провожатых кивают коллегам, ведут тебя к красной двери. У тебя в руках лист пальмы с аккуратно помеченными разделами. Ты его узнаешь, хотя и недоумеваешь, откуда он взялся.

Внутри кабинет похож на опиумный притон,

разве что без дыма. Повсюду навзничь лежат тела: голые по пояс мужчины и пузатые женщины с лиловыми глазами склоняются над каждым, осматривают уши.

Тебя просят прилечь, пока смазливая деревенская девица и — судя по лицу — деревенский пьяница осмотрят тебя. Кожа у них лиловая, как мангостин, изо рта пахнет этим же фруктом.

— Прожил тридцать девять жизней, — говорит девица.

— Верно, — соглашается пьяница.

Он глядит в твое левое ухо, девица — в правое. Они негромко переговариваются и что-то записывают на листе пальмы.

— Был убит. Жестоко. Внезапно.

— Недостаточно любил.

— Воровал. И был обворован.

Красотка и пьяница смотрят друг на друга, потом на тебя.

— Убил кого-то?

— Айо, — доктор Рани прижимает ладонь к щеке.

— Чушь, — возражаешь ты, но тебя уже тащат по коридору вместе с другими трупами: когда ты смотришь на них, глаза их меняют цвет. Время от времени вы останавливаетесь, чьи-то руки берут

твой лист и что-то пишут на нем. Тебя щупают какие-то призраки, одни в смокингах, другие в саронгах, третьи в золотых украшениях и почти без одежды. Все пузатые, с лиловыми глазами.

— Преты — голодные призраки, — поясняет доктор Рани. — И мастерски читают по ушам.

— Еще они сказали, я кого-то убил. Да вот незадача. Я никого не убивал.

— Вы в этом уверены?

Ты входишь в кабинет, там только ты и зеркало, в отражении ничего, потом ты видишь свои глаза на чужих лицах, свое лицо на чужих головах и свою голову на чужих плечах. Стоит тебе посмотреть на очередное лицо, черты его изменяются. Нос то удлиняется, то укорачивается. Лицо то грубое, то прекрасное. Волосы то длинные, то их нет. Глаза то зеленые, то голубые, то карие.

А вот уши не меняются.

Наконец ты узнаешь отражение в зеркале. Оно в красной бандане, куртке-сафари, одной сандалии, на шее — сплетение цепочек, деревянный анкх с кровью ДД, панчаюдха, медальон с капсулами. Ты вглядываешься в перепутанные цепи и ловишь себя на том, что они смахивают на удавку. Камера висит мельничным жерновом, ты берешь ее в руки, смотришь в треснувший

объектив.

Ты видишь собаку, старика, женщину с младенцем. Все они мирно спят, и от этой картины тебя словно бьют под дых. В третий раз глаза щиплет от слез. Ты поднимаешь голову и видишь, что в руках у тебя лист пальмы, но на этот раз на нем появились надписи. Почерк красивый, бисерный, но какой-то чиновничий.

Смерти — 39
Уши — заблокированы
Грехи — множество
Луны — 5

Внизу печать. Пять белых кругов, заходящих друг на друга. Оставшиеся тебе луны.

* * *

Ты у стойки администратора на сорок втором этаже, Хи-Мен и Моисей куда-то исчезли. Наверняка отправились заталкивать к Свету очередного недостойного грешника. Здесь только ты, добрая доктор, шумная толчея да воспоминания в уголках твоих мыслей, на периферии зрения, на кончике языка. Они разбиваются об окна твоего сознания, но невидимы среди волн.

Доктор Рани вновь читает тебе нотацию, на этот раз не такую сердитую.

— Душа ваша немолода, вы прожили тридцать девять жизней. У вас есть скорбь, у вас есть вина, у вас есть неотданные долги. Специалисты считают, что ваша смерть — не случайность и не самоубийство: вас убили.

— Откуда им знать?

— Может, прежде вы сами были причиной смерти других. Как по мне, на убийцу вы непохожи. Но ведь и те парнишки, которые меня застрелили, тоже не были похожи на убийц.

Она склонила голову набок и ждет твоего ответа.

Ты молчишь. Если ответ и есть, ты его позабыл. Твой мозг выделяет воспоминания, но почему-то не те, что нужно. Ты помнишь свои фотографии и как ты прятал негативы. Доктору Рани это неинтересно, но кому-нибудь наверняка будет интересно.

— Я отдал все долги.

— Точно?

— Кроме тех, что связаны с моими фотографиями. Их должны увидеть. А у меня еще пять лун. Времени хватит.

— Специалисты утверждают, у вас заблокиро-

вана память.

Ты опускаешь взгляд на пальмовый лист в царапинах и закорючках. Неужели здесь действительно это написано?

Как-то раз Джаки рассказала тебе о местечке в Котахене, где есть гороскопы всех когда-либо живших. Астрологией Джаки занялась через неделю после того, как завязала с азартными играми (еще через месяц она увлеклась театром).

Легенда гласила, что три тысячи лет назад семь индийских астрологов записали на широких пальмовых листьях биографии всех, кому предстоит родиться. Каждый из этих листьев продавался в Петтахе по цене рулона ткани.

Если назвать время и дату рождения, твой пальмовый лист привезут из пещеры в Индии, и астролог в крахмальной рубашке расшифрует его для тебя. На основе этих вырезанных на листе строк на пали, санскрите и тамильском астролог сообщал девушкам, когда они выйдут замуж, а домработницам — когда они покинут эти берега. Старикам сулил еще долгие годы жизни, калекам — что в один прекрасный день они смогут ходить. А вот дату смерти, как ни странно, этот астролог ни разу никому не назвал.

Ты, помнится, ответил Джаки, что семи муд-

рецам понадобился бы миллион лет, чтобы написать биографии 5,3 миллиарда душ. И бумаги ушло бы столько, что понадобилось бы вырубить весь лес Синхараджа. И в конце концов оказалось бы, что это бессмысленное занятие.

Все истории повторяются, все истории привирают. Одним — удача, другим — невзгоды. Одни рождаются в домах с книгами, другие растут в болотах войны. И все обращаются в прах. Все истории заканчиваются затемнением.

* * *

Голос доктора Рани прорезает твои черные мысли:

— Тут говорится, что вы понесли ущерб. Тут говорится, что вам не следует задерживаться в Междумирье.

— Слушайте, тетя, я вам благодарен.

— Я вам не тетя. Если останетесь здесь, вас заберут.

— Кто?

— Ваш товарищ Сена работает на Махакали. Он использует вас, равно как используют его. Междумирье кишит вампирами, демонами, они черпают силы в вашем отчаянии. Не делайте им такого подарка. Это никому не поможет.

— Сена поможет мне шептать живым. Вы можете меня этому научить?

Ты смотришь на доктора Рани и мускулистых ангелов. Оглядываешься, но Сены в плаще не видно, и ты этому рад. Принюхавшись, ты понимаешь, что Махакали где-то рядом.

— Мне нужно увидеть Сену.

— Вы в своем уме? — спрашивает доктор Рани.

— Здесь все работают на какую-нибудь Махакали. Что с того?

— Вы идиот. Я зря потратила на вас время.

Когда доктор Рани злится, она говорит тихо, совсем как Джаки. Твой отец был другой. И еще она, в отличие от твоего отца, понимает, когда спор окончен.

— Демон вас не сожрет, если сами не поддадитесь. По крайней мере, пока не пройдет семь лун. А у вас осталось всего пять.

Доктор Рани смотрит на тебя строго, но ты понимаешь, что она все равно хочет тебе помочь. А с такими людьми ты всегда обращался хуже всего.

— Я вернусь к вам раньше. Правда.

— Я это же говорила мужу и дочерям. «Правда». Всегда, стоило мне дать обещание, которое не сдержу.

Она, не оборачиваясь, уплывает прочь, к пустой

стойке. По пути — все так же не оборачиваясь — направляет пожилую даму к лифту, мальчика — к красной двери. Она не видела того, что видел ты, не делала того, что делал ты. Ей невдомек, что ты боишься идти к Свету не из-за того, о чем позабудешь, а из-за того, что увяжется за тобой следом.

Мифическое существо

Ты ждешь подходящего ветра, чтобы он отнес тебя на кладбище: там ты пообещаешь Сене любое вознаграждение, которое он пожелает, чтобы он научил тебя шепоту. В ожидании ветра ты наблюдаешь за душами, что плывут к автобусным станциям в Марадане. Прет ты теперь узнаешь по лиловой коже и пузу, демонов — по красным глазам и клыкам, обычных призраков — по смятенному виду.

— Берегись черноглазых, братишка. Они тебе навредят.

Ты опускаешь глаза и видишь леопарда. Не в смысле вооруженного человека, что прячет свою жестокость за названиями хищных кошек. А настоящего леопарда. Шкура его в рубцах, глаза белые.

— Извини, я не понимаю.

— Конечно, не понимаешь.

— Я не знал, что бывают призраки животных.

— И что мне теперь, исчезнуть, лишь бы потешить твое невежество?

— Я не хотел тебя обидеть.

— Однако обидел, — говорит леопард, прыгает на парапет и скрывается в переулке, ведущем к каналам Панчикаватте.

Почему бы и не существовать призракам животных? Разве только у людей могут быть души? Получается, все насекомые, которых ты раздавил, скитаются по семь лун и требуют воздаяния? Неудивительно, что у Помощников такой измученный вид.

Ты ловишь ветер, смотришь на души, изумленно глядящие с крыш на луну. Вспоминаешь всех существ, которых видел Там, Внизу, и в Междумирье. Пролетаешь мимо плаката с мертвым политиком и гадаешь, отчего это у одних есть плакаты, а у других нет даже могил. Во всем этом сумасшествии ты сомневаешься в существовании одной-единственной твари. И ты сейчас не о Боге, он же Любой. Ты о самом невероятном из всех мифических существ — о Честном Политике.

Ты слышал всего об одном таком. Этот господин

пришел в политику не из жадности и не из-за выгоды. Дон Виджератне Джозеф Майкл Бандара родился в Кегалле в 1902 году, сын сапожника, в 1919 году выиграл стипендию на обучение в Юридическом колледже Цейлона. Долгие годы защищал в судах работников плантаций, вступил в коммунистическую партию, много работал и этим безвременно свел себя в могилу. Он трудился для угнетенных и всеми забытых, отстаивал интересы рабочих-тамилов, торговцев-мусульман, водителей-бюргеров и поваров-четти. Выстроил в Кегалле две библиотеки, выучил целое поколение детей читать по-английски, изгнал из ратуши вымогателей.

Никогда не брал взяток, не распутничал, не ругался даже в подпитии. Выпивал — что есть, то есть. Даже мифическим существам порою хочется выпить.

Дон Виджератне Джозеф Майкл Бандара умер от инсульта в 1967-м — из-за пристрастия к сигарам и бессонных ночей, посвященных судебному иску. Этот иск навязали ему местные профсоюзы, те самые неблагодарные люди, из-за кого он работал по восемнадцать часов в сутки. Его младший сын, Дон Виджератне Бувенека Сайрил Бандара, в 1977 году стал членом парламента и навеки за-

помнил отцовский урок, как стать неудачником.

На мировоззрение Сайрила Бандары повлияли поездки в суды по трудовым спорам: Сайрил возил туда отца раз в неделю три года подряд. Лесопромышленная компания подала на Бандару-старшего в суд за мошенничество — из-за того, что он усомнился в условиях труда в этой компании. Бандара-младший смотрел, как суды высасывают его наследство и смешивают с дерьмом доброе имя его отца, — возможно, именно поэтому Младший участвовал в первых парламентских выборах от округа Калутара под именем Сайрила Виджератне.

Сайрил мухлевал с тендерами на строительство и ни разу не попался. Он пользовался отговоркой, к которой прибегают все женатые мужчины. Если уж тебя обвинят, то хотя бы заслуженно.

И в этой, и в любой другой истории есть существа, которых тебе следует опасаться. Обугленный яка, что распространяет слухи и раковые опухоли, яка Рири, он вырывает младенцев из утроб, Мохини, птица дьявола, Равана о десяти головах, Махакали.

А еще пьяный водитель автобуса, комар — переносчик денге, монах-маньяк, сумасшедший солдат, мучитель в маске, сын министра. Те

мужчины, которые не состоят ни в армии, ни в полиции. Те мужчины, которые ходят на работу в национальных костюмах.

Сайрил Виджератне ухитрялся умиротворить таких сторонников мира, как Раджапакса, перехитрить таких доктринеров, как Дж. Р… обойти таких популистов, как Премадаса, произвести впечатление на иностранных сановников своим заимствованным произношением, обмануть проголосовавших за него дураков, прикинувшись истинным сыном своего легендарного отца. И если его спросить, как он пережил пять покушений (три — ДВП, два — ТОТИ), ему и в голову не пришло бы, что это мертвый телохранитель СУРДБ оберегает его удачливого преемника.

Он подумал бы вот что: «Я выжил благодаря Дядюшке Ворону».

Пещера дядюшки ворона

Ты видишь Сену на парковке у кладбища. Поглядывая на башню крематория, он раздает листья только что кремированным призракам. Сена ухмыляется, окликает тебя:

— Добрый день, сэр. Рад вас видеть. Я уж думал, вас уболтали Помощники.

— Ты мне не говорил, что твой отец был водителем семьи Виджератне.

— Сэр не спрашивал.

— Ты знал Бувенеку Виджератне?

— Тати никогда не брал меня с собой на работу. С чего бы? Он знал, что я считаю его крестьянином.

— Твой отец мне сказал, что проклял семью Виджератне.

— Проклятия водителя ничего не стоят. Вам от меня что-то нужно?

— Я хочу научиться шептать живым, это возможно? — спрашиваешь ты.

— Нет ничего невозможного, босс. — Сена достает из мусорного мешка, заменяющего ему сумку, круглые зеленые штуки. — Но вы должны действительно этого хотеть. А я этого что-то не вижу. Так, к слову.

Ты отмечаешь, что Сена раздает листья только призракам с зелеными или желтыми глазами, только тем, у кого вид болезненный или смущенный. Как все деятели религии, Сена мудро избрал своею мишенью слабых.

На кладбище ни ветерка. Крысы, змеи, хорьки прячутся средь могил. Над густою травой и опрокинутым камнем высится баньян. Теней много,

есть где укрыться, но никто из присутствующих не отбрасывает тени.

— Я так понимаю, встреча с Помощниками прошла хорошо, — посмеивается Сена и по своей досадной привычке показывает язык (он так делает каждый раз, как собирается пошутить). Он изменился. Зубы неровные, острые, губы припухли, глаза округлились, волосы висят сосульками, ухмылка еще елейней. Каждому бедолаге-вампиру он говорит одно и то же. «Мы вас видим. Мы заставим ваших убийц поплатиться, — шепчет Сена, всовывая листья в сморщенные руки. — Справедливость даст вам покой. Ваши убийцы будут молить вас о пощаде».

— И многих завербовал? — интересуешься ты.

— Со мною те два студента-инженера, — отвечает Сена. — Еще семеро, может, присоединятся к нам. Никто не должен оставаться один в Междумирье. Вместе мы сильнее.

— Однако мы все одиноки. Мне нужно связаться с подругой.

— Зачем?

— Чтобы помочь ей спасти мои негативы.

— Зачем?

— Потому что иначе все, что я видел, исчезнет. Как слезы под дождем. — Фраза из первого филь-

ма, который ты посмотрел с ДД, он, правда, весь фильм храпел, ты же держал его за руку и плакал о Рутгере Хауэре.

— Хаму — поэт мара, нет?

— Могу я появиться перед Джаки и поговорить с ней?

— Айо. Полегче, сэр. Если бы это было так просто, призраков видели бы все.

— То есть призраки не могут общаться с людьми?

— Только в фильмах ужасов. Но можно внушить настроение и нашептать мысли.

Сена отдает последний лист существу, состоящему из отрубленных конечностей. Это жертва взрыва, она плюет в тебя. На своем коротком веку ты повидал их немало.

— Так что же мне делать?

— Малинда Алмейда, сэр. По-моему, вам пора встретиться с Дядюшкой Вороном.

* * *

Под мостом, под железной лестницей, прячется городская пещера, вход в нее закрыт. За уличным электрическим щитком с надписью «Опасно! Высокое напряжение» скрывается дверца черного хода, и ты, наклонившись, проходишь в нее.

Сена проталкивает тебя через ржавый металл, пропихивает между бетоном, тащит по дереву. Каково это — пройти сквозь стену? Все равно что через бассейн, где пахнет пылью, но не промокаешь.

В пещере сквозит из неожиданных мест. Ты замечаешь вентиляционные отверстия в стене до самого потолка, в них проникают солнце и выхлопные газы.

Внутри, вопреки твоим ожиданиям, вовсе не ратуша для тараканов и не сортир для летучих мышей — скорее, святилище каждого бога из каждой священной книги. В пещере горят свечи. Гвоздями и клейкой лентой к стенам прикреплены ламинированные плакаты с улиц Мараданы. Иисус, Будда, Ошо. Шива, Ганеша, Саи Баба. Марли, Кали, Брюс Ли. Распятие, полумесяц, на лице далай-ламы — тибетская пословица, на увеличенном — так, что видны пиксели, — листе баньяна выцарапан на сингальском буддийский коан.

В центре пещеры — пузатый мужик в футболке. Волосы расчесаны, рыжая борода окрашена хной. За толстыми стеклами очков глаза кажутся бусинками. Он сидит за столом, заваленным бетелем, цветами, пеплом от благовоний, бумажными рупиями. Глаза у него закрыты, он

бормочет на выдуманном языке.

Над ним висят клетки из дерева и проволоки, все как одна без дверец, некоторые с гнездами, в одних попугаи, в других воробьи, но в большинстве — вороны. Они влетают сквозь решетку, клюют зеленый нут в миске и не гадят.

Перед толстяком — женщина в сари; макияжа на ней много, а дезодоранта мало. Она глядит на толстяка, вцепившись в бордовую сумочку. Сена зависает над столом, ты оглядываешься и замечаешь, что в пещере есть еще кое-кто. Тени накладываются друг на друга, жмутся в углу, наблюдают за разговором женщины и толстяка, недобро косятся на вас с Сеной.

Сперва кажется, будто толстяк управляет каким-то сомнительным казино (можно подумать, бывают другие), потому что после каждой его фразы женщина выкладывает на лист бетеля триста рупий, точно пьяный бизнесмен, добивающийся стриптизершу. Ты придвигаешься ближе, ловишь обрывки беседы. Женщина спрашивает об отце, толстяк изрекает банальности, она опять кладет перед ним деньги, он опять изрекает банальности.

— Он говорит, что любит вас, гордится вами и всегда за вами присматривает.

Женщина промокает глаза.

— Про драгоценности он сказал?

Тут ты замечаешь согбенного старика, что шепчет толстяку на ухо. Призрак поворачивается, сплевывает на стол.

— Не может быть, чтобы эта жадная свинья была моей дочерью.

— Мистер Пиятилака. Ваша дочь пытается найти наследство, — говорит Дядюшка Ворон, изображая транс; веки его трепещут.

— Скажите ей, что я все отдал той птичке, которую трахал в 1973-м. Когда ее неблагодарная мать отказалась ко мне прикасаться.

Дядюшка Ворон, не открывая глаза, сообщает дочери:

— Ваш отец вас очень любит. Он считает, что их украли.

— Кто украл?

— Мистер Пиятилака, скажите мне, где они.

Толстяк снимает очки, кивает, покачивает головой, как исполнитель соула. Ты видишь его глаза. Они белые, но не как у Помощников. Зрачок серый, с черной точкой посередине. Взгляд невидящий: его глаза видят то, чего здесь нет.

Старик поднимает голову, вскидывает брови. Дочь снова кладет деньги на лист бетеля.

— Ах ты, воровка сраная. Думаешь, я тебе скажу?

Старик исчезает в тени.

— Вашему отцу нужно отдохнуть. Встреча с вами его чересчур взволновала.

Дочь кивает, закрывает сумочку.

— В следующий раз не могли бы вы узнать у него, где драгоценности?

— Постараюсь, — отвечает Дядюшка Ворон.

Он улыбается, но не поднимается, когда женщина встает. Дождавшись, пока с лестницы донесется стук ее каблуков, оборачивается к тебе.

— Это еще кто, черт возьми? — шипит он. — Кто тебя прислал?

Ты не понимаешь, к кому он обращается, к Сене или к тебе. Серые зрачки его хаотично вращаются в глазницах.

— Ты этот парень из ДВП, нет? Это ты, Сена Патхирана?

— Да, Свамини.

— Не зови меня так, идиот. Кого ты сюда притащил?

В тени хихикают, и ты не знаешь, что делать — отвечать или бежать.

— Он хочет научиться шептать.

— Не смей приходить, когда я работаю, черт подери!

— Извините, Свамини.

— Давно ты уже приходишь сюда, Сена Патхирана?

— Лун тридцать пять.

— А кто называет меня Свамини?

— Ваши ученики, Сва…

— И как поступают мои ученики?

— Навещают вас раз в три луны.

— Верно. Ты обещал мне армию. Где она?

— Я бросил клич. Я вам скажу, что я говорил.

— И больше тебе нечего мне сказать? Кто это? Очередной дэвэпэшник?

— Его убили за то, что он фотографировал войну. Ему надо поговорить с подружкой.

В тени снова хихикают. Ты различаешь силуэты фигур, слишком непропорциональных, чтобы быть человеческими.

— Как вас зовут?

— Малинда Алмейда.

— Алмейда, вас явно что-то беспокоит. Но меня это не интересует. Меня не интересует, кто вы такой, во что вы верите и что натворили. Меня интересует только взаимная выгода. Если вы поможете мне, я помогу вам. Вот и всё. Ясно?

Ты киваешь и видишь, как из тени появляется фигура. Маленький мальчик без руки. Он садится за стол с листком бумаги, кормит нутом воробьев. Ты гадаешь, плоть он или дух: такое ощущение, будто ни то ни другое.

— Без очков Дядюшка Ворон ничего не видит, — объяснил тебе Сена по пути в пещеру. — Одни говорят, что после взрыва в 1988-м, другие утверждают, что он наступил на мину, третьи — что его укусила змея. В этой пещере шутить можно только ему. Так что не вздумай острить.

Когда он снимает очки, мир расплывается, он не видит ни птиц, которых кормит, ни обитателей трущоб, которым он строит святилища, ни клиентов, которым он врет. Но он видит духов, он слышит призраков, а они его.

У истории о Мальчике-воробье тоже много авторов. Одни говорят, что он лишился руки из-за того, что попал под поезд, другие — что в 1988-м стал жертвой взрыва, третьи — что руку ему отняли из-за издевательств родного дядьки. Мальчик сидит за столом, зажав карандаш в уцелевшей руке. На полке куколки грубой работы из листьев кокосовой пальмы, миска с углем, резная шкатулка.

— Сперва нам придется позвать вашу подружку

сюда, — говорит Дядюшка Ворон.

— С помощью черной магии? — уточняешь ты. — Хуниям?

— Нет, идиот. Мы напишем ей открытку.

Сена скрылся в тени, болтает с невидимыми. Сена сказал тебе, что мальчик не говорит, и заговорить с ним при Дядюшке Вороне — грубость и неуважение.

— Как зовут вашу подругу?

— Джаклин Ваираванатхан.

— Адрес?

— Голл-Фейс-Корт, дом 4, квартира 11.

— Я назначу ей встречу на завтра. Вы уверены, что она придет?

— Я надеюсь на это.

— Этого мало. — Двумя пальцами он зачерпывает какую-то мазь из блестящей медной миски и размазывает по открытке. — Отнесешь, колла? Ах да. Она должна принести ваши личные вещи. То, что дорого вашему сердцу. Скажите мне, что это и где ей это искать.

Ты задумываешься на миг, перед мысленным взором мелькают игральные карты. Тузы, короли, дамы, мертвые псы. Ты говоришь ему. Мальчик убегает в боковую дверь; ему, в отличие от большинства посетителей, нет нужды пригибаться.

— Малинда. Дело вот в чем. У меня и дар, и проклятие. Я живу в размытом мире, но все вижу. Моей помощи просят богатейшие из богатых, могущественнейшие из могущественных. Потому что я скромен. Потому что я гений.

Тени, пригнувшись, стоят за его спиной, шепчут ему на ухо. Он кивает, качает головой.

— Вам запрещено меня расспрашивать. Вы скажете мне, в чем нужда, и я сделаю все, что в моих силах. Если вы хотите поговорить с живыми, я могу помочь. Хотите кого-то благословить — можно и это. Хотите кого-то проклясть — что ж, это будет стоить дороже. Но вы отплатите мне услугой за услугу. Непременно. Вам ясно?

Тени жмутся к его мочкам, Сена в углу жестом велит тебе поклониться Дядюшке Ворону. Ты не слушаешься.

— Я могу наделить вас силой шептать живым. Я даже могу наделить вас силой вселяться в них. Но вы должны мне помочь. Готовы?

Ты пожимаешь плечами, Сена делает шаг вперед.

— Да, Свамини. Мы готовы.

— А ты приведи мне обещанную армию. Или заткнись. Я хочу услышать ответ этого дурачка.

— Я не стану вам кланяться, — произносишь

ты.

— Тогда почему ты стоишь на коленях? — спрашивает Дядюшка Ворон.

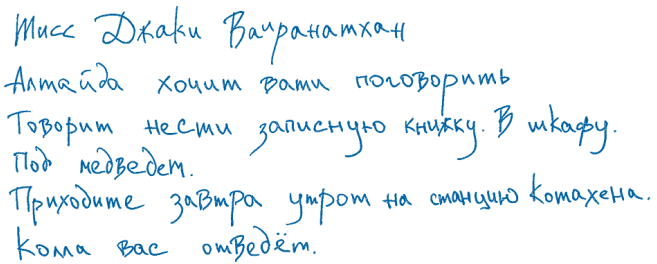
Ты с изумлением понимаешь, что слепой человек — впрочем, не в первый и не в последний раз в истории и мифологии — говорит правду.

Книги по римско-голландскому праву

Когда Джаки приходит с работы, Мальчишка-воробей дожидается ее у лифта. Она с похмелья отработала утреннюю смену на телеканале. По тому, как она с трудом переставляет ноги, ты всегда понимал, что она пила или играла в казино. Мальчишка пересекает холл, протягивает ей открытку. Та липкая на ощупь, пахнет лавандой и центеллой.

— Что это?

Мальчик указывает на свой рот, беззвучно открывает и закрывает его. Показывает на адрес на открытке, Джаки читает его, ты же, прильнув к ее плечу, шепчешь ей на ухо. Ее пухлые ушки слоятся изгибами. Интересно, сколько жизней таится в этих складках хряща.



Кто, кроме Джаки, откликнулся бы на столь неуклюжий призыв? Однажды она явилась в казино «Пегас» с материной кредиткой и не обмолвилась словом о том, что ей позвонили по межгороду и прочитали нотацию. Как-то раз, когда ты рассказал ей, что в Аккараипатту видел обгоревший — еще дымившийся — трупик младенца, она отдала тебе последнюю успокоительную таблетку.

— Почему ты не бросишь это дело? — спросила она. — Неужели деньги такие хорошие?

— Нет. Я хороший.

— Ясно.

— У меня ничего не получается хорошо. Но зато я умею подобраться поближе и сделать кадр. Я не лучший фотограф. Но я всегда оказываюсь в нужном месте. И неважно, на чьей стороне.

Ты таскал Джаки пьяную, доставал ее из такси. Ты защищал ее от разных сомнительных типов. Она вносила за тебя арендную плату, когда ты был в командировке. Врала ДД, когда тебе случалось засидеться за картами.

Она водила тебя в клубы третьего района Коломбо, в салоны четвертого района, в казино пятого района, на вечеринки в седьмой район. В такие места, что Сена охотно заплатил бы, лишь бы взглянуть на них одним глазком. Ты закидывался колесами, которые она покупала по рецепту и запивала джином. Ты с удовольствием помогал ей разобраться в рабочих драмах, проблемах с родственниками (притом что сам никогда не работал в офисе и не был знаком ни с одним своим дядей).

Ты даже не обиделся, когда она предложила тебе сходить к ее психиатру — это он снабжал ее транквилизаторами — и рассказать ему о твоих кошмарах.

— Каких кошмарах?

— Тех, которые тебе снятся каждую ночь.

— Я вообще не вижу снов, — заявил ты.

— Да уж, снами это не назовешь.

— А ты откуда про них узнала? Ты что, заходила ко мне в комнату?

Тебе не нравилось, что она к тебе прикасается. Сначала она брала тебя за руку, потом массировала тебе плечи, а однажды вечером положила руку тебе на бедро, запустила пальцы в волосы: у тебя было такое чувство, будто тебя щекочет клоун. Когда она прижалась губами к твоим губам, ты вздрогнул и захихикал. Потом вам обоим было неловко.

— Я так понимаю, колла — это ты, — говорит она мальчишке.

Он кивает, разжимает пальцы, как ребенок, который учится считать.

— Ты голодный? Будешь малу паан?

Он кивает.

Она достает из бордовой сумочки две булки с рыбой; Джаки всегда приносит домой то, что не съела на работе.

— Возьми. Поешь. Не бойся, я твой друг.

Мальчишка-воробей, не сводя с нее глаз, вгрызается в булку.

— Завтра пойдем?

Он кивает, щеки в крошках.

— Утром?

Он кивает, пожирая угощение, улыбается слабо.

— Ты придешь сюда?

Он указывает культею на слова «станция Котахена», которые несколько часов назад сам же и написал на открытке. Джаки кивает, входит в старенький лифт.

Она никогда с тобой не спорила, никогда не устраивала сцен, в отличие от ДД, не закатывала истерик. Говорила «о'кей» и умолкала. Но глаза ее стекленели, она улыбалась криво, и ты понимал, что Джаки бесится.

Она говорила «о'кей», когда ты сказал ей, что не встретишься с ее родителями, когда ты сказал ей, что ходил без нее в ночной клуб «Синий слон», когда ты сказал ей, что переезжаешь в другую комнату. В комнату, куда она сейчас входит, где роется в шкафу. Джаки видит обрамленные рентгеновские снимки, ряд рубашек и курток, цепочки с цианидом.

Рубашки и куртки осенних оттенков, ты выбирал их специально, чтобы в джунглях они были незаметны, а в городе бросались в глаза. Рентгеновские снимки твоего рта и груди были сделаны после аварии, в ней участвовал ты и господин постарше: не зря говорят, что делать минет водителю во время движения опасно и неразумно. Ты пытался превратить эти снимки в арт-проект, но потом забросил его. А пузырьки с цианидом ты

нашел на трупах бойцов ТОТИ, которые фотографировал в Килиноччи по заданию военных.

Джаки видит плюшевого мишку, твой папа привез его из Коломбо — и еще венерическую болезнь, она стала его прощальным подарком амме. Болезнь называлась отчаяние. Твой дада умер в больнице в Миссури, а ты застрял в аэропорту Ла-Гуардия по пути к его одру. Он попрощался с тобой по телефону и напутствовал мудрым словом:

— Амму не обвиняй. Она хорошая женщина. Просто мы не подходим друг другу. Не стоит заводить отношения с тем, кто не смеется твоим шуткам. Зачем ты прилетел? Ты не ответил ни на одно из моих писем.

Он сказал, что писал тебе на каждый твой день рождения, просил прощения, давал советы. И не верил, что ты в глаза не видал его писем.

— А если твои шутки несмешные? — спросил ты.

— Ты по-прежнему занимаешься фотографией? — спросил он.

— Я фотографирую войну.

— Я думал, ты учишься в магистратуре по деловому администрированию.

— Это было десять лет назад.

— До чего бессмысленная война. Теперь вот тамилы хотят половину острова. Не понимаю, зачем ты тратишь на это время.

— Тебе лучше?

— Я умираю. Вот тебе мой совет. Делай все, что захочешь, черт побери, потому что мы все умрем.

— А что делал ты?

Ты сидел в заграничном аэропорту, плавился от жары, слушал последние слова человека, которого винил во всем. Нет, дада. Не в этот раз. Ты сжимаешь трубку и кидаешь в таксофон еще три четвертака, представляя, что это игральный автомат в «Пегасе».

— Что?

Ты дернул и отпустил рычаг.

— Твое поколение просрало страну. А ты сбежал.

— Ты читаешь мне мораль из-за того, что я ушел?

В трубке ахают, и ты, помолчав, произносишь фразы, которые еще подростком сочинял у себя в комнате:

— Ты ничего не сделал. И уже не сделаешь. Мои же фотографии переживут нас всех. Единственное, что ты в жизни сделал хорошего, — это я.

Добравшись наконец до Миссури, ты узнал, что во время вашего разговора у отца остановилось сердце, и твоя тетя Далрин сказала: чтобы духу твоего не было на похоронах. Две твои сводные сестры не открыли тебе дверь. Ни Дженни, ни Трейси Кабалана не ответили на твои звонки.

* * *

Джаки берет в руки медведя, находит под ним твою записную книжку и говорит «о'кей». Ты купил эту записную книжку в книжной лавке «КВГ», она старее всех прочих книжек на твоей полке. Джаки хмуро читает незнакомые имена, замечает знакомые символы — даму пик и номер комнаты в отеле «Лео».

«О'кей», — повторяет она и уносит блокнот к себе. Выходя, видит красную бандану, та висит на крючке на двери. Бандана вся в пятнах, и, если бы Джаки тебя слышала, ты рассказал бы ей, какие из пятен грязь, какие бензин, а какие кровь.

В комнате Джаки задернуты занавески, притушен свет, заунывно жужжит какая-то скверная британская группа. Стена рядом с зеркалом увешана снимками, многие сделал ты, на них Великолепная Тройка, как вы себя называли, когда не ругались. ДД, Джаки и Маали отдыхают в Яле,

Канди, Вене, пьют в клубе центра искусств.

Имена в блокноте записаны ручками разных цветов в разное время множества твоих жизней. Здесь тети, двоюродные братья и сестры, любовники, сантехники, партнеры по карточным играм, воры, несколько очень важных персон — мужчин и женщин. Одни имена кричат, другие молчат, и этих других ты боишься. Джаки знакома разве что малая толика этих имен и кличек, но это ее не удивляет и не тревожит. В отличие от ДД, Джаки смирилась с тем, что не властна ни над твоей жизнью, ни над твоим временем, ни над твоими привязанностями.

Она перелистывает страницы — от Алстона Кохa до Ярука Явахира — и обнаруживает все новые значки игральных карт, начертанные шариковой ручкой близ номеров без имен. Значки те же, что на конвертах, тот же стрит. Джаки кладет блокнот на колени, таращится в пустоту. Быть может, она думает, что ты жив и скрываешься? Или вспоминает дни с транквилизаторами, блек-джеком и магнитофоном — до того, как он поломался. Вечера, когда вы слушали Шейкин Стивенса, Элвиса Пресли и Фредди Меркьюри — и не прикасались друг к другу.

Она вновь открывает блокнот, находит страни-

цу с номером, рядом с которым красной ручкой нарисован значок туза бубен. И с открытым блокнотом идет к телефону.

* * *

Существование призрака не особенно отличается от жизни военного фотографа. Долгие периоды скуки перемежаются вспышками ужаса. Несмотря на оживленность твоей посмертной вечеринки, чаще всего ты наблюдаешь за людьми, которые глазеют на вещи. Люди вообще постоянно глазеют, пердят не переставая и слишком часто трогают свои гениталии.

Большинство, конечно, уверено, что рядом никого нет, — и, как обычно, ошибается. Рядом с тобой — рукой подать — самое меньшее сотня насекомых и триллионы бактерий на всем, к чему ты прикасаешься. И некоторые из них действительно за тобой наблюдают.

Рядом все время кто-то висит в воздухе или пролетает мимо, хотя большая часть тех, кто висит в воздухе и пролетает мимо, интересуются тобой не больше, чем ты дождевыми червями. Вот и сейчас поблизости минимум пять призраков. Один, кажется, даже читает, заглядывая через твое плечо.

Ты смотришь на Джаки, она сидит возле телефона. Жует свои волосы — эту неприглядную привычку она подцепила за игорным столом. Джаки вытаскивает пряди волос из-за уха, зажимает в зубах и покусывает, гадая, ставить или пасовать.

Лучше бы ей не открывать блокнот, не звонить по этим номерам. Лучше бы ей искать негативы, иначе кончит, как ты.

Ты шепчешь ей на ухо, ты стоишь перед ней и кричишь. Даже пытаешься петь Шейкин Стивенса. А потом в окне четвертого этажа показывается лицо, раскрасневшееся, как в лихорадке.

Сена отдувается, как Элвис в Вегасе: такое чувство, будто его покусали осы. Нос плоский, как у гавайца, кудри как у африканца, а вот рот типичный для жителя Гампахи.

— Адо хатто[62], идем. Дело есть.

* * *

Сена ведет тебя через Петтах на север, ветры дуют тихо и неожиданно исчезают.

— Беспокойный вечер, — говорит Сена. — Слишком много вампиров в воздухе.

---

[62] Примечания: 1.62
Зд.: эй, мудак.

Он не ошибся. Клыкастые вампиры в Дематагоде смотрят на светофоры в надежде поживиться моторикшей. У мусорных баков, где роются нищие, отираются преты, воруют запах, гноят еду.

Сена не говорит, куда вы летите, вместо этого он читает тебе лекцию по экономике.

— Здесь в ходу не рупии, не рубли, не облигации и не кокосы. Здесь валюта другая — варам[63]. Чем больше у вас варамов, тем вы полезнее. Себе. И другим.

Легче всего получить варам, поясняет Сена, когда люди тебе молятся, теплят свечи, возлагают цветы, жгут в твою честь благовония — ароматические палочки и едкие порошки. Такие демоны, как Бахирава, Махасона, Кадавара и Черный Принц, черпают силы в корзинах гниющих фруктов, что ставят у их ног те, кто преклоняет перед ними колени.

— Несомненно. Но мы не боги. У нас нет святилищ. Мы никто; как таким, как мы, получить варам?

Сена не отвечает, устремляется вниз, к берегам канала, к тропинке из битого кирпича, ведущей в район трущоб. Тропинка петляет меж куч мусора,

---

[63] Примечания: 1.63
Благословение, ценный дар, подарок (тамил.).

выброшенного на берег, и упирается в каменный стол под манговым деревом.

По словам Сены, у Дядюшки Ворона своя паства из бедняков, калек и убогих. Обитатели улиц, жители трущоб, нищие, что приходят к этому утлому святилищу. Над ветхой лачугой высится хлипкая арка; внутри каменный стол, статуэтки богов, маски демонов. Будда, Ганеша, Махасона в окружении увядших цветов, но главное здесь другое.

Посередине святилища изображение демона, неуклюжее, мультяшное, в тибетском стиле: в нашей ветви буддизма такое встретишь нечасто. Ты узнаешь черные глаза, клыки, волосы-змеи. Переводишь взгляд с ожерелья из черепов на пояс из пальцев, на лица в темнице плоти.

— Они молятся Махакали, — шипишь ты, и Сена бросает на тебя взгляд.

Дядюшка Ворон велел Мальчишке-воробью уставить святилище безделушками: каждая олицетворяет душу, которой нужен его совет. Те, кто помогает Дядюшке Ворону, получают молитвы множества и накапливают варам в избытке, чтобы овладеть мастерством.

— Хорошо, когда сила на твоей стороне.

— Слова настоящего товарища.

— Если вы хотите поговорить с подругой, так проще всего.

Колла тебя не видит, он не обладает даром — или проклятием — Дядюшки Ворона. Но он чувствует ветры, которые ты принес. Ты заметил, что всякий раз при твоем приближении он вздрагивает и покрывается мурашками. Ты наблюдаешь за тем, как он раскладывает в святилище случайные вещицы: клочки ткани, книги с именами, зубы, обвязанные волосами.

— Ему нужна личная вещь. Мой тати привез мою школьную форму из самой Гампахи.

— Что с Мальчишкой-воробьем?

— Спросите его сами.

Мальчик волнуется. Он зажег ароматические палочки и размахивает ими, точно волшебник, который учится обращаться с волшебной палочкой; в воздухе дым и пепел.

— Найдите мистера Пиятилаку. — Мальчик сечет воздух ароматической палочкой. — Найдите, где он прячет золото.

Он не видит тебя, хотя смотрит прямо на тебя. Он хлещет палочкой по воздуху, и восточный ветер сбивает тебя с ног.

— Держитесь, — говорит Сена. — Здесь начинается ваше первое задание.

* * *

Призрак, прежде известный как мистер Пиятилака, вид имеет невзрачный. Плешивый мужчина, уверенный, что у него есть волосы, горбун с кривыми зубами, уверенный, что его аккуратно постриженные усики компенсируют все недостатки внешности.

В его жилище неподалеку от кладбища Борелла собрана фауна со всех уголков Шри-Ланки, кроме Коломбо-8. Главный дом — традиционный особняк-валаува в колониальном стиле, в саду достаточно места еще для одного дома и гаража, уставленного ретроавтомобилями. Толстуха из пещеры Дядюшки Ворона (макияжа на ней по-прежнему слишком много, а дезодоранта слишком мало) велит молодому человеку с большими бицепсами опустошить багажник автомобиля — кажется, это «ягуар» 1960-х годов выпуска — и еще заглянуть под сиденья.

Мистер Пиятилака наблюдает за ними с гневом и изумлением. Потом поднимает глаза, видит вас с Сеной — вы проплываете мимо зеленого «Моррис Майнор», — и изумление испаряется.

— Значит, теперь Дядюшка Ворон присылает ко мне девочек? Очень мило. Идите-ка на хер

отсюда.

Молодой человек забрался под «форд» 1970-х годов, простукивает железное шасси.

— Хочешь, разбей ее, клоун. Мне-то какое дело? Моей шлюхе-доченьке ты уже надоел. Пусть попробует продать все эти автомобили после того, как ты их покорежишь, идиот.

Мистер Пиятилака выплывает из гаража в сад, густой, как джунгли.

— Можно подумать, я в машинах сокровище спрятал! — фыркает он. — Они достались мне по наследству от деда моего деда. Может быть, мои внуки однажды будут их достойны.

На краю сада дом с одной-единственной комнатушкой. Для коттеджа слишком маленький, для сарая слишком большой. Старик с улыбкой садится на балконе.

— Вы, идиоты, зря тратите время. Дайте угадаю. Дядюшка Ворон посулил вам варам, если меня продадите. Он вас дурачит!

— Сэр, от этих драгоценностей вам никакого проку. Зачем вы за них цепляетесь?

Ты вплываешь в комнату, похожую на кабинет адвоката. В шкафах вдоль двух стен — книги по юриспруденции. На остальных — дипломы и звания в рамках, фотографии мистера Пиятилаки

с дочерьми.

— Знаете, я единственный из всей семьи получил высшее образование. Все мои братья сидят в Поллонаруве и несут всякую чушь.

— Это ваши книги?

— Мой отец был адвокатом. Я занимался бизнесом. Но я знаю закон. И знаю, как работает варам.

Сена скрывается в буфетах и платяных шкафах. Ныряет под половицы, взмывает под потолок, к вящей потехе бывшего обитателя комнаты.

— Вы ничего не найдете. Моя дочь уже отправила одного из своих мальчиков Туда, Наверх. Дети должны заработать наследство. Это нужно прописать в законе.

— Займитесь делом, — кричит на тебя Сена, но, судя по поведению хозяина, золота здесь нет.

Ты слышишь, как дочь в гараже орет на любовника. Ты слышишь, как любовник орудует гаечным ключом и моментально сокращает наполовину стоимость автомобиля.

— Возвращайтесь к Дядюшке Ворону. Тут не на что смотреть. — Мистер Пиятилака с любовью разглядывает свои книги по юриспруденции. — Адвокаты все говнюки. Поэтому я не пошел в адвокаты. Но законы нужны. Потому что выду-

манных религий недостаточно.

— Еще один атеист, — заявляешь ты и суешь голову в книги.

Загробная жизнь какая угодно, только не одинокая. Книги пахнут затхлостью, плесенью, ты выныриваешь, закашлявшись и не обнаружив пустой сердцевины, битком набитой драгоценностями. На корешках книг одно и то же название: это многотомные «Комментарии к римско-голландскому праву» Симона ван Лёвена, изданные в 1652 году. Шри-Ланка следовала римско-голландскому праву еще долгое время после того, как от него отказались и римляне, и голландцы.

— Я не был религиозен, но все-таки верил в Бога, — говорит мистер Пиятилака. — А потом заболел раком. Я тогда читал святые книги, ходил к святым людям, молился в святых местах. Никто меня не услышал.

— Люди в зонах боевых действий молятся каждый день, — говоришь ты. — Солдаты, мирные жители, даже журналисты. И никто их не слышит.

— Нам нужны книги по юриспруденции, потому что религия даже не запрещает насиловать. Вы это знали? Заповеди карают тех, кто употребляет имя Господа всуе в воскресенье, но заповеди

«не насилуй» нет.

— Не может быть, — удивляешься ты.

— Индуизм говорит о верности и брахмачарье, но насиловать не запрещает. *Камесу миччхачара*[64] буддистов не касается изнасилований. Другие религии запрещают свинину, крайнюю плоть и азартные игры. Но не изнасилование.

— Законы написаны мужчинами, — говоришь ты. — Никто не против, если плохое случается с другими.

Ты думаешь о ДД и об эгоизме, приобретенном в Лондонской школе экономики. И об одном из ваших повторяющихся споров.

— Люди всегда страдали, — говорил ДД. — Можно принять закон, запрещающий страдание, сократить его на макроуровне. Но искоренить его невозможно. Остается только надеяться, что с теми, кого ты знаешь, не случится плохого.

— Нам не следует поздравлять друг друга с тем, что мы родились: это, по сути, случайность.

— Согласен, — ответил ДД. — Но мы можем ею наслаждаться.

— Пусть плохое случится с другими, — про-

---

[64] Примечания: 1.64

Камесу миччхачара (пали) — недолжное поведение в любви, чрезмерное получение чувственных удовольствий. Воздержание от камесу миччхачара — один из обетов, которые принимают на себя буддисты.

бормотал ты. — Слова, достойные республиканца-тори.

Сена обшарил комнату, гараж, дом и вернулся к вам.

— Идемте, Маали. Должно быть, они зарыты в саду.

— Моя шлюха-доченька вызывала парня с металлоискателем! — смеется мистер Пиятилака. — Это было смешно. Но смотреть, как два призрака-девочки ныряют в мою землю, гораздо смешнее.

Ты смотришь на многотомник по римско-голландскому праву, на самодовольного старика, цепляющегося за воздух и старые обиды. Интересно, думаешь ты, не застрял ли твой отец в Междумирье в Миссури, думает ли он о тебе?

— Не стоит, Сена. Ты ничего не найдешь.

— Вот именно. Идите скажите Дядюшке Ворону, чтобы больше не брал денег у моей дочери.

— Драгоценностей нет.

— Я вам уже сказал! Я подарил их любовнице в 1973-м.

— Если я скажу тебе, где его сокровища, Дядюшка Ворон научит меня шептать?

— Разумеется, Маали-хаму. Непременно.

Сена глядит на тебя изумленно, в глазах мисте-

ра Пиятилаки уже не пляшут искорки.

— По-моему, вам обоим пора уходить.

— Книги по юриспруденции. Это первое издание трехвековой давности, сорок девять томов. Оно стоит больше, чем все машины в гараже.

Пиятилака с криком бросается на тебя. Сена отдергивает тебя в сторону, и разъяренный сын адвоката врезается в книжный шкаф, принесенный им ветер захлопывает дверь. Из-за ветра том сорок девять — он и без того качался на источенной термитами полке — падает на том тридцать два, стоящий внизу. Том тридцать два наклоняет тома с тридцать третьего по тридцать восьмой, они лавиною валятся на нижнюю полку, та ломается под их тяжестью, и тома с первого по двадцать третий рушатся на пол, как здание из-за бомбежки.

Дочка Пиятилаки и ее молодой любовник вбегают в комнату, обнаруживают странные запахи, неистовые ветра и груду книг на полу.

Луна третья

Ты забудешь то, что хочешь помнить, и будешь помнить то, что хотел бы забыть.

Кормак Маккарти. «Дорога» {1}

Голос

— А дальше что? Будем прятаться на дереве от этого психа Пиятилаки?

— Терпение, хаму. Мы посидим здесь, на дереве, подождем, пока Дядюшка Ворон нас позовет. Он обязательно нас позовет.

Ты залезаешь повыше на дерево мара, ветки его качаются, листья на ветру кажутся живыми, как пальцы, царапают твое лицо, цветы дерева мара оттенка поверхностных ран, кожи, сорванной осколком.

Сена болтает о том, чему научит тебя Дядюшка Ворон.

— Сэр, вы сможете управлять насекомыми,

{1} Комментарии: 2.1
Перевод с англ. Ю. Степаненко.

являться во снах, даже вселяться в живых.

Ты глядишь на людей, идущих по парку. На самых обычных людей, которые не видят тебя. На плечах у многих сидят призраки, бегут рядом с ними, шепчут им на ухо.

Ты всегда сознавал, что в твоей голове звучит чужой голос. Он рассказывал тебе историю твоей жизни, как будто она уже случилась. Всеведущий повествователь добавлял в твой день закадровый комментарий. Так тренер велит не жалеть себя, а делать то, что у тебя хорошо получается. То есть выигрывать в блек-джек, соблазнять простых пареньков и фотографировать всякий ужас.

Именно этот голос пять раз отправлял тебя в зоны боевых действий, и всё для разных заказчиков. Именно этот голос приводил тебя в казино, переулки, к незнакомым парням в темных джунглях. Ты гадаешь, чей это голос. Если на плече у тебя сидит призрак и нашептывает тебе на ухо, как бы ты узнал об этом? И даже если бы узнал, как бы ты отличил этот голос от любого другого шепота?

Ты слышишь, как некто произносит имена — сперва твое, потом Сены. Это Дядюшка Ворон, и, судя по голосу, он раздражен, как и ты. Ты вновь исчезаешь с ощущением не то чтобы неприят-

ным, ты уже привыкаешь к нему. Ты вернулся в пещеру с птицами, фруктами и бесчисленными рядами свечей, поющих в пламени.

Ты паришь возле круглого окна, разделенного на две части прутом решетки, за окном святилище множества богов, у самого большого на шее ожерелье из черепов, и формально это не бог (впрочем, не бог и Будда). Вокруг него понуро толпятся бездомные: в ваших краях их чаще называют попрошайками. Вот эта женщина печет роти к югу от канала, этот калека на кресле-каталке продает лотерейные билеты, а у этого сапожника вид такой умный — или глупый, — что, родись он в Коломбо-7, вполне мог бы стать управляющим крупной компании.

— Наконец-то! — рявкает Дядюшка Ворон, обводит невидящим взглядом комнату и устремляет его в уголок, где прячетесь вы с Сеной. — Ловко вы с этим Пиятилакой. Надеюсь, и дальше будет не хуже. — Он чихает в красный платок, опорожняет нос от соплей.

— Когда я научусь шептать? — кричишь ты. — Мне нужно кое с кем поговорить.

— Прежде чем прыгать, выучитесь ползать, мистер Маали.

Сена снимает капюшон, улыбается.

— Извините, Свамини. Мы здесь, чтобы служить вам.

— Ой ли, мистер Сена? Я тоже служу, но только достойным. Подойдите, мистер Маали. У вас гостья.

Ты замечаешь мальчишку, он сидит на табурете возле двери и чешет ухо тремя пальцами единственной уцелевшей руки. Ты замечаешь, что на прежде пустом табурете сидит гостья. Твоя лучшая подруга (но не любовница) Джаки Ваираванатхан.

Записная книжка

Одной рукой Джаки подпирает подбородок, другая в сумочке. Ты знаешь, что она сжимает перцовый баллончик — из той упаковки в двенадцать штук, что ей прислала кузина из Детройта, она была в ужасе оттого, что незамужняя девушка двадцати с лишним лет расхаживает одна по опасным улицам Коломбо.

Джаки осматривает пещеру — не шевельнется ли кто, — а ты гадаешь, о чем она думает. Разумеется, в каждом углу пещеры кто-то да шевелится, но она этого не видит.

Ветер, который принес тебя, задувает свечу, и

Джаки подпрыгивает.

— Он здесь, мисс. Вы захватили с собой что-нибудь из его вещей?

— Кто дал вам мой адрес?

Дядюшка Ворон чихает в платок с символом мантры ом. Размазывает сопли по всему символу — бесконечность внутри, бесконечность снаружи. Потом кашляет.

— Мне очень жаль, мисс. Но ваш друг скончался. Он сейчас разговаривает со мной.

— Я заявлю на вас в полицию, — грозится Джаки. — Вы меня слышите?

— Попросите ее оценить вероятность, — говоришь ты.

— А?

— Вероятность. Спросите ее: «Какова вероятность?»

— Какая еще вероятность? Извините, мисс, у меня простуда. Это влияет на слух.

Джаки выпрямляется, поднимает выщипанные брови.

— Что вы сказали?

— Спросите ее, какова вероятность того, что кто-то чужой узнал о записной книжке под плюшевым мишкой.

— Вероятность записной книжки?

— Скажите ей, что вероятность 1 к 23 955. Меньше, чем у флеш-рояля. Скажите ей, что вселенная — сплошь математика и вероятности. А рождение наше случайно.

Дядюшка Ворон повторяет слово в слово, и на глазах Джаки — взгляд ее блуждает — наворачиваются слезы.

— Вы знаете, где он?

— Он здесь, мисс. И говорит, чтобы вы забыли про коробку под кроватью.

— Коробки больше нет. Ее забрали.

— Он знает. И говорит, чтобы вы не беспокоились. Найдите негативы: вот что он говорит.

Наблюдая за ней, ты ударяешься в слезы, хоть у тебя уже нет ни глаз, ни слез, и всхлипывать тебе нечем. А плакал ты в жизни не чаще, чем занимался сексом с женщинами. Ты не плакал, когда перешагивал через трупы, чтобы сфотографировать отступающих «Тигров», или когда увидел того восьмилетнего мальчишку, баюкавшего мертвую сестренку, или когда услышал, что твой отец умер, а ты застрял в аэропорту.

— Мне нужна его вещь. Дайте, пожалуйста, записную книжку.

— Нет.

Джаки вынимает руку из сумки, но достает не

перцовый баллончик, а бандану во множестве пятен. Вытирает ею слезы, вдыхает твой запах, кладет бандану на стол. Твой мозг затапливают образы такие обильные и нелепые, что не описать. Словно чужая жизнь пронеслась перед твоими глазами — жизнь, полная трупов и крови.

Ты кричишь, Дядюшка Ворон зажимает уши и снова заходится кашлем.

— Успокойтесь, или мы ничего не добьемся. Мисс, он хочет, чтобы вы дали мне записную книжку.

— Зачем?

— Он говорит про какого-то короля. Короля эльфов? Или даму. Или что-то такое.

Дядюшка Ворон чихает не переставая, сморкается, ты кричишь на него.

— Говорит, негативы у короля эльфов и дамы. Сена, ты здесь? Скажи ему, чтоб не орал, я ничего не слышу.

Ты говоришь тихо, но Дядюшка Ворон все равно тебя не понимает.

— Прошу прощения, мисс. Мне нездоровится. Он говорит о записи какого-то негатива. О королях, дамах, ДД и о чем-то еще. Он хочет, чтобы вы дали мне записную книжку. Тогда он получит

варам.

— Я не могу вам дать больше ничего из его вещей, — отвечает Джаки. — Если он умер, то где его тело?

Дядюшка Ворон берет бандану, протягивает ее мальчишке.

— Отнеси это в святилище, колла. Мне нездоровится, мисс. Приходите на следующей неделе, мы всё сделаем честь по чести. Соболезную вашей утрате. Не забудьте внести пожертвование. Для бедных.

Мальчик берет бандану, подходит к Джаки. Морщится, будто пытается выговорить слово. Медленно открывает и закрывает рот. Он мог сказать что угодно, но тебе кажется, он произнес слово «друг». Джаки встает, зажимает зубами прядь волос, прикусывает, ныряет в боковую дверь. Уносит с собой записную книжку — в ней страницы с игральными картами — и не слышит, как ты кричишь ей вслед: «Отдай!»

* * *

— Кто он такой?

ДД только что вернулся с бадминтона в аква-клубе «Выдры», и тебе кажется, что от него пахнет так, как, должно быть, пахнет в царстве выдр.

— Не знаю, брат. Астролог или кто-то в этом роде.

ДД садится на стол, на который ты некогда клал ноги и получал за это нагоняй. Отец ДД служил послом в одной арабской стране, и там класть ноги на стол означало неуважение. ДД перенял у него кое-какие пунктики. Например, неумение извиняться и любовь спорить.

— Не колдун? Не знахарь? Не джедай?

— Ты закончил?

— Я в судебном и внесудебном порядке пытаюсь вернуть фотографии Маали. А ты ходишь по предсказателям?

— Почему в судебном? Я думала, министр Сайрил — дружок твоего аппы.

— Копы утверждают, что коробка — улика. Адвокат Сайрила Виджератне просит полтора месяца на пересмотр решения. Полтора месяца!

Она достает из сумочки — там черт ногу сломит — записную книжку. Глядит на ДД, ждет, что он поймает ее взгляд, но он никогда так не делает. Юный Дилан никогда не любил смотреть людям в глаза — признак аутизма, хоть ДД и не Человек дождя.

— Думаешь, его больше нет?

— Не говори так, — отвечает ДД. — Если бы он

умер, я узнал бы.

— Как?

— Узнал бы, и всё тут.

— А ты узнал бы, если бы его пытали?

— Я не могу думать о таком.

— Почему?

— Потому что мыслями тут не поможешь. Как и походами к астрологам.

— Он говорил такое, что мог знать только Маали.

— Например?

Когда ДД что-то скрывает, он всегда чешет нос. Худшего игрока в покер ты еще не встречал, а ты встречал прескверных игроков. ДД перестает чесаться, проводит красивыми пальцами по вспотевшим волосам.

Джаки кладет твою записную книжку — ту самую, которую ты купил в магазинчике «КВГ», — на колени ДД.

ДД открывает ее, узнает некоторые имена. Страница, помеченная «валет червей», изобилует прозвищами и номерами. ДД хмуро смотрит на список — Байрон, Хадсон, Джордж, Линкольн, Брандо — и предполагает худшее:

— Дядюшка Ворон сказал, что книжка лежит в шкафу. Под плюшевым мишкой. Откуда он знал?

— Маали разговаривал со всеми. Может, проболтался.

— Слепому астрологу из пещеры?

— Маали тусуется с кем ни попадя. Кто этот чувак?

— Говорит, что помогает политикам, крикетистам и рекламным агентствам.

— Как?

— Амулеты, гороскопы. Проклятия. Сглаз. Говорит, что общается с духами. Я понимаю, это звучит глупо.

— Глупо и смешно.

— Моя тетушка говорила, что мне не стоит носить короткие юбки, что меня проклянут, хуниям или что-то в этом роде. Что меня сглазят.

— И как, сглазили?

— Он продает амулеты типа того, что висит у тебя на шее.

В отличие от тебя, у ДД на шее один-единственный амулет. Деревянный цилиндрик с вырезанными санскритскими буквами. Цилиндрика было два, прежде их носили родители ДД, но пять лет назад его амма умерла от рака. И дядя Стэнли отдал оба амулета ДД, велел подарить один из них будущей невесте. Объяснил, что действеннее всего омочить амулет в крови мужчины

и женщины. Какая гадость, подумал ДД, и отдал второй тебе во время поездки в Ялу. А потом покрасил стены своей комнаты в лиловый цвет. Тогда-то дядя Стэнли прекратил к вам захаживать и начал брать с тебя плату за проживание. А когда ДД ушел из его фирмы, Стэнли стал брать деньги и с сына.

— Как выглядит этот Дядюшка Ворон?

— Как тот монах из сериала «Кунг-фу», который говорит «кузнечик».

Ты смеешься, но никто тебя не слышит. ДД никогда не смотрел нормальные фильмы, тем более буддийские вестерны. Он брал в прокате кассеты с мюзиклами и документальным кино. Первый фильм, который вы посмотрели вместе, — «Бегущий по лезвию бритвы» в кинотеатре «Либерти», и то ДД почти весь фильм храпел. По телевизору вы вместе смотрели разве что сериал «Королевский суд».

— Никогда не смотрел «Кунг-фу».

— Он постоянно чихает, живет в гараже, набитом птичьими клетками. Он сказал мне, что Маали мертв.

— Где это было?

— В Котахене.

— С кем ты туда ходила?

— С его мальчиком-слугой.

ДД умолкает, сжимает галстук.

— Думаешь, мне нечем заняться? Я не спал трое суток. Не могу же я, черт побери, искать тебя по всем пещерам Котахены. Знаешь, сколько случаев похищения в стране?

Джаки забирает у ДД записную книжку.

— В этой книжке пять номеров, помеченных значками игральных карт.

— Правда?

— Один из них твой.

— Что?

— Твой, наш, этой квартиры. Там наш номер и десятка червей.

— А чьи остальные?

Джаки загнула страницы, чтобы не потерять номера; ты никогда так не сделал бы. Сейчас она листает книжку и показывает ДД твои пометки красной и черной пастой.

— Дама пик — у телефона конторы КНФПСТМ в отеле «Лео», там работает эта женщина, Эльза Матанги.

— Ты звонила?

— Я позвонила по всем помеченным номерам. Она спросила, не у нас ли негативы.

— А они у нас?

— Нет.

ДД замечает бардак на диване. Вот почему он в рассеянности сел на журнальный столик, куда никому не позволено класть ноги. На диване валяются остатки вещей из коробки, что некогда стояла у тебя под кроватью. Рваный картон, пластинки, которые никто не слушает. Элвис, Шейкин Стивенс, Фредди Меркьюри — ДД изгнал их из твоего дома после того, как на смену пластинкам пришли кассеты, а на смену рок-н-роллу — группы A- Ha, Bronksi Beat и Pet Shop Boys.

— Зачем ты их сюда притащила?

— Потому что это его вещи, — поясняет Джаки. — И мне нравится Шейкин Стивенс.

ДД рассматривает ногти, потом принимается их грызть.

— Маали рассказывал мне о заданиях *Associated Press*. Какой-то англичанин. Не то Джоуи, не то Джерри.

— Джонни. Джонни Гилхули. Он, наверное, и есть туз.

Дай тебе бог здоровья, Джаки. Ты единственная, кто меня слушал.

Джаки идет к телефону, набирает номер *Associated Press*. Трубку берут после первого же

гудка.

— Алло.

— Могу я поговорить с Джонни Гилхули?

— Это я.

Она поднимает брови, смотрит на ДД.

— Я по поводу Маали Алмейды.

— А что с ним?

— Он пропал.

Ты подкрадываешься к Джаки, слушаешь голос, отлично тебе знакомый.

— Сколько он вам должен?

Джаки глядит на ДД, тот взял две пластинки из кучи на диване. «Двенадцать рождественских песен» Джима Ривза (это пластинка твоей аммы) и «Отдай мне сегодня вечером свое сердце» Шейкин Стивенса (эта твоя).

— Много.

ДД хмуро смотрит на Джаки.

— Если меньше двадцати тысяч, я могу это устроить.

— Я его девушка, — говорит Джаки. — Мы можем с вами встретиться?

В трубке смех.

— У Маали есть девушка? Ну конечно, есть.

— Мистер Джонни, здесь коробка с его фотографиями.

Пауза.

— Коробка у вас?

— У нас.

Джаки врет профессионально, поскольку училась у лучших.

— Не могли бы вы подъехать в британское посольство?

Туз бубен

По пути ДД и Джаки спорят. Спор бесконечно скучный, спор ревнивых кузенов, повторявшийся много раз. Как бессмысленные дебаты о том, кому принадлежат страны, каких богов следует бояться и что делать с бедняками — помогать им или презирать их. Этот спор из-за тебя.

— Что он говорил про *Associated Press*? — спрашивает Джаки.

— Что они платят вовремя. Но никогда ничего не публикуют, — отвечает ДД. — Он говорил тебе, что вступил в ДВП?

— Никогда не поверю. Маали был снобом, забудь ты эту коммунистическую чушь. Он смотрел на простых свысока, совсем как ты и дядя Стэнли.

«Вот нахалка сопливая», — думаешь ты.

— Можно подумать, ты у нас девушка простая, — парирует ДД.

Ты жалеешь — не в последний раз, — что не в силах его обнять.

— Почему *Associated Press* сидит в британском посольстве?

Джаки паркуется задом — одним пальцем крутит руль, другим тычет в лицо ДД. Забирается на хетчбэке в угол парковки, упрекая кузена, как никогда не упрекала тебя:

— Тебе надо было поговорить с ним, — говорит она. — Тебя он слушал.

— Никого он не слушал.

— Тебя — слушал, — упирается Джаки.

— Ты же только что назвалась его девушкой.

— Нет, ДД, — отвечает Джаки. — Это ты был его девушкой.

ДД замахивается, Джаки и бровью не ведет. Он много раз бил тебя. Давал тебе пощечины, след от которых исчезал не сразу. Некоторые даже заслуженно. Но женщину сын Стэнли ни за что не ударит.

— Ничего страшного. Об этом никто не знает. Только я.

ДД опускает руку, глядит в зеркало заднего вида.

* * *

Первый месяц ты больше молчал и смотрел. Как он, покачивая бедрами, ходит по кухне в саронге и футболке, наливает себе кофе, стараясь не встречаться с тобой глазами. Он вставал рано и работал допоздна. Ты просыпался после обеда, и твой день начинался после заката. Расписания ваши пересекались только в вечерних сумерках.

На второй месяц ты начал расспрашивать его, как прошел день, рассказывать, как прошел твой. Ты предположил, что адвокаты редко говорят о работе, поскольку работа у них сложная и конфиденциальная. Ты узнал, что на самом деле они редко говорят о работе потому лишь, что она по большей части скучная и почти ни в чем не похожа на «Королевский суд», его показывали по каналу *ITN* три раза в неделю по вечерам. Хотя, когда Дилан Дхармендран начал рассказывать тебе о судебных запретах на вырубку лесов под место для фабрик, ты изображал интерес.

К третьему месяцу ты уже пил черный чай за столом и рассказывал ему о том, что дальше будет только хуже, «Тигров» не одолеть, Индия, скорее всего, нас захватит, в зонах боевых действий заметили представителей американских горно-

добывающих компаний и британских торговцев оружием, а ДД сменил саронг на трусы-боксеры и после ужина оставался за столом, чтобы выпить еще чашку чая.

К четвертому месяцу Джаки ушла из программы для полуночников, вы втроем собирались вечером за столом и не всегда пили только чай или кофе. Джаки сказала ДД, что всю жизнь считала его скучным, но ошибалась. ДД признался в ответ: он всегда считал, что она с прибабахом, и не ошибся. А потом он спросил, не встречаетесь ли вы с Джаки, она посмотрела на тебя, ты покраснел и сказал: «Мы лучшие друзья».

К пятому месяцу вы вместе ездили отдыхать. Сперва в Галле, потом в Канди, затем в Ялу. Вы стали вместе брать кассеты в видеопрокате. Джаки смотрела фильмы-лауреаты «Оскара»: «Взвод», «Последний император», «Человек дождя»; вы с ДД поглощали «Королевский суд» и «Фэлкон Крест». В том месяце Джаки пришла к тебе в комнату, спросила, можно ли ей остаться на ночь, а ты ответил «нет».

А потом в шестом месяце ты пришел к ДД в комнату, сел на кровать и коснулся его волос; он притворялся спящим. Следующей ночью ты снова пришел в его комнату, но на этот раз гладил

его по коже. На следующую ночь ты массировал его, он открыл глаза и сказал: «Я так не могу, это неправильно, мои родители будут в шоке». Тем все и кончилось — впрочем, ненадолго.

* * *

Как было велено, они обходят очередь, огибающую углы посольства, где водосточные трубы отбрасывают тень на добивающихся британской визы. Полные надежд мигранты, стоя в тени, репетируют полуправды. Джаки с ДД направляются по указателю «Кинозал» и через стеклянную дверь входят в кондиционированную прохладу.

В зале висит гигантский экран и фотографии британских знаменитостей (все — не твои). Ты ни разу не был в этом зале, не узнаешь эти диваны и воздух, которым можно дышать. А вот крепыш за письменным столом тебе знаком.

— Так вы его жена? — трубит он со смешком.

— В общем, нет, — отвечает Джаки, хотя он смотрит на ДД.

— Понятно. — Джонни пожирает глазами смазливого парня. — Маали много рассказывал об этом красавце. — Он переводит взгляд на угрюмую девицу. — А о вас не так чтобы очень.

Джонни подает чай с имбирем и маточным

молочком. Так, как учил тебя.

— Он ни разу о вас не рассказывал. — ДД любит кофе, а главный экспортный продукт Цейлона искренне презирает. — Давно вы с ним знакомы?

— Довольно давно. — Джонни наливает чай, словно пиво.

— Он у вас работает?

— Не совсем. Но я бы не волновался, сынок. Ему и прежде случалось сбегать в самоволку. Он объявится. Как обычно.

— Он всегда ставит нас в известность, если куда-то едет. — Глаза у ДД блестят. — А в этот раз ни слова. Ни извинений.

— Если вы ждете извинений от Маали Алмейды, вам придется ждать долгое время в долгой очереди. Я так понимаю, коробки у вас нет.

— Она в машине, — отвечает Джаки.

— Мне говорили другое.

— И что же вам говорили?

— Что министр юстиции забрал ее к себе домой. Вот что мне говорили.

— Кто вам это сказал?

— Больше вы эту коробку не увидите. Вы знаете, где негативы?

ДД глядит на край рукава Джонни повыше локтя. Когда Джонни наливает чай, рукав задирается,

на розовой коже краснеет татуировка: туз бубен.

— В коробке пять конвертов. На одном из них туз бубен.

— Я эту татуировку сделал еще в Уганде. К чему вы клоните?

— В одном из этих конвертов фотографии, которые он сделал для вас.

— Он не снимал для нас. Он сопровождал наших корреспондентов в качестве помощника.

— А что означает ваша татуировка? — любопытствует Джаки.

— Всегда приятно иметь туза в рукаве. Я тогда был молод и глуп. Как вы.

— Тогда почему Маали пометил конверт тузом?

— А почему он ходил в этой дурацкой бандане? Кто знает, почему Маали вел себя так, а не этак?

— Маали говорил, помощник иностранных корреспондентов все равно что кули, который знает английский. — ДД включил адвоката. То есть копирует выговор и паузы своего отца.

— Маали любил преувеличивать. Вы должны это знать. Он брался за работу и обналичивал чеки. Вы звонили другим?

Молчание. Джаки потирает лоб, ДД теребит анкх на шее.

— Вряд ли я был единственной картой в его коробке.

— Как вы познакомились с Маали? — спрашивает ДД.

— На вечеринке. А вы?

— На какой вечеринке?

— Думаю, вы знаете, на какой.

— Не знаю, — отвечает ДД, хотя знает.

— То есть вы понятия не имеете, что в конверте, помеченном «туз бубен»? — Джаки отпивает глоток чая. Сладкий чай подали в чашках костяного фарфора, возможно украденных соотечественниками Джонни во время опиумных войн.

— Он не расставался с камерой, так что — кто знает? Может, фотографии с вечеринок. Мы несколько раз собирались в посольстве. Один раз даже приходил ваш отец, Стэнли.

— Зачем ему прятать их под кроватью?

— У всех под кроватью что-то припрятано, дружище. И у Маали больше, чем у кого бы то ни было. Я бы не волновался. Я наведу справки. Но уверен, что у него все в порядке. Чему ваш отец отдает предпочтение — федерализму или разделению на два государства?

— Я все-таки не понимаю, что вас связывало. Вы дружили?

— Такие люди, как мы, союзничают друг с другом. Вам это известно.

— Я не хожу на подобные вечеринки.

— А зря.

Джаки встает, рассматривает стену. Проходит мимо портретов лорда Маунтбеттена, сэра Оливера Гунетиллеке, королевы Елизаветы, сэра Ричарда Аттенборо и британского посла. Рядом с массивным экраном — барная стойка с бутылками, Джаки проводит по ней пальцем. Тут же стоит стол, заваленный бумагами и счетами.

— Не хотите ли чего покрепче?

Джаки качает головой, смотрит на счета, читает, что написано в лежащих сверху бумагах.

Джонни подскакивает к столу, сгребает бумаги, засовывает в ящик и улыбается так, будто ему нечего скрывать.

— Прошу прощения за беспорядок.

Джаки возвращается на место, прикусывает прядь волос. ДД отпивает чай и морщится. Твой парень ненавидит мед почти так же сильно, как презирает чай.

— Вы работаете в британском посольстве или в *Associated Press*?

— Первое. Это Роберт Садворт работает в *Associated Press*. Ему нужны помощники из мест-

ных. Я свел его с Маали. Вот и всё. Сотрудники *AP, Reuters, BBC*, даже «Правды» захаживают сюда на вечеринки. И когда меня спрашивают, кто может организовать интервью с военными или «Тиграми», я рекомендую Маали.

— Давно вы даете ему эти поручения?

— Пару лет. Я всего лишь договариваюсь о встречах.

— Вы с ним вместе играли?

— Я не хожу в казино. Уже со времен Энтеббе. Я считаю, что азартные игры любят только… говнюки.

— А кто делает себе татуировки с картами, как считаете? — спрашивает Джаки.

Джонни не успевает ответить, как вмешивается ДД:

— Когда его видели в последний раз, он разговаривал в «Пегасе» с каким-то европейцем средних лет.

— Разве я единственный суддха в городе? Не глупите. Энди Макгоуэн из *Newsweek* часто к нему обращается. Говорит, что Маали единственный, кого уважают обе стороны.

— Потому что он знает три языка?

— Может, поэтому. Может, из-за красной банданы.

ДД щурится, Джаки округляет глаза. Не все слышали о банданах, которые Красный Крест раздает репортерам, медикам и прочим мирным гражданам, кому случается оказаться в зоне боевых действий. Хотя после того, как после осады Доллар-Фарм обнаружили заложников, связанных этими самыми красными банданами, и банданы, и медики, и репортеры исчезли из зон боевых действий. Теперь они встречаются так же редко, как миротворцы ООН. Но ты упрямо носил красную бандану, пули и смерть избегали тебя.

— Послушайте, если я что-то узнаю, я вам позвоню. Но я уверен, что он объявится.

Лучшее в Nikon 3ST, который дада прислал тебе из Миссури, — то, что затвор у него работает беззвучно. И во время этих дурацких командировок в роли помощника ты сделал больше снимков, чем когда ездил фотокорреспондентом.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Несколько недель назад. На пресс-конференции. Он сказал, что больше не будет ездить в зоны боевых действий. Я подумал: и правильно.

Джонни бы в покер играть. Он умел лгать глазами, носом, зубами.

— Что вам известно о КНФПСТМ?

— Слышал это название. Кажется, это какой-то

фонд помощи. А это может означать всякое.

— Так вы их знаете?

— Не совсем. КНФПСТМ вполне может собирать средства для политических групп. Или обеспечивать повстанцев оружием. Или совершенно искренне помогать невинным жертвам. В наше время толком не разберешь, кто чем занимается. Ваш папа Стэнли знает, что вы решили поиграть в детектива Коломбо?

— Почему вы предложили выплатить долги Маали?

— Не в первый раз. *AP* платит ему через меня. У меня до сих пор лежит остаток его гонорара.

— Почему через вас?

— Международные СМИ отдают канцелярские дела нам на откуп. Это позволяет журналистам защищать своих информантов и сохранять документальный след.

— Вам известно, что в тех пяти конвертах?

— Мне незачем это знать. Но я могу догадаться. В стране идут две войны. Следовательно, на пленку попадает масса всяческих ужасов. Маали, наверное, залег на дно. И я советую вам поступить так же.

В зал, не постучав, врываются два пожилых джентльмена. Один, судя по виду, пьяный, вто-

рой сумасшедший. Джонни Гилхули вскакивает на ноги.

— Эйд, Джонни, матч вот-вот начнется, — говорит пьяный.

— Извините, что помешали, — говорит сумасшедший и тянет товарища прочь от двери.

— Давайте на этом закончим, ребята, — обращается к нам Джонни. — Поверьте мне, он совершенно точно в командировке. Если я что-то узнаю, сообщу вам.

По дороге домой в машине Джаки смотрит в окно на ворон и блокпосты.

— У него на столе лежал купон на выпивку. Он его спрятал вместе с прочими бумагами.

— Что это такое?

— Его выдают вместе с фишками. Купон на бесплатную выпивку в течение часа. Так что на нем должна быть дата и время.

— Не понравился мне этот тип. Чем вежливее англичанин, тем больше он врет.

— И кто делает татуировки с игральными картами?

— Так что там с купоном?

— Он из «Пегаса», дата и время — понедельник, 23:22. Странно для человека, который считает, что азартные игры для говнюков.

Красная бандана

Джонни не раз хвалился, что идея с красной банданой принадлежала ему. Он обмолвился об этом Герте Мюллер из Красного Креста на коктейле в посольстве, и она проявила стереотипную деловитость, свойственную ее соотечественникам: через месяц уже прислали коробки с банданами. Они должны были означать то же, что белый флаг для тех, кто не участвует в боевых действиях, означать тот край поля боя, куда стрелять нельзя, талисман, что неподвластен пращам и стрелам яростной судьбы, подобно легендарному хенарадже талайе, клинку, сделанному из разряда молнии. Никому и в голову не пришло, что это красный флаг, а те, кто на войне размахивают оружием, — быки.

Тебе нравилось, как бандана сочетается с твоей курткой-сафари и цепочками на шее, хотя это было до того, как дэвэпэшники стали подражать моде красных кхмеров.

— Идея была хорошая, — заключил Джонни, хотя идея давным-давно провалилась. — Жаль,

что ваши яко[65] не смогли ее оценить.

— Если вы так презираете местных, зачем же вы прожили здесь двадцать лет? — спросил ты его однажды.

— Знаете пословицу о стране слепых?

— Вы говорите, как ваши деды-колонизаторы.

— Двадцать пять лет я прожил в Ньюкасле-апон Тайн, — сказал Джонни. — И тамошних местных я тоже терпеть не могу. Ничего личного, дружище. Все люди — дрянь.

— Суддха пришел, продал то, что ему не принадлежало, разбогател и свалил.

— Сколько можно? Старая песня, хоть ты тресни! — фальшиво пропел Джонни Ваши с Джонни отношения никогда не выходили за рамки профессиональных. Хотя, надо признать, этот разговор ты вел, сидя в исподнем в его джакузи. Вас обоих ласкали здоровые смуглые парни. Ратне и Думинде было двадцать с небольшим, они делали вид, будто работают каменщиками на вилле Джонни на озере Болгода. По его большому телевизору почему-то показывали крикет.

— Нам обязательно смотреть эту чушь?

Джонни был атташе по культуре в британском

---

[65] Примечания: 1.65
Зд.: негодяй, мошенник.

посольстве и, помимо этого, лез куда можно и нельзя — вот и сейчас залез тремя пальцами в рот Думинде. Джонни провел на Шри-Ланке десять с лишним лет и выстроил немало замечательных домов. Он так увлекся партнером, что ответил тебе не сразу:

— Извини, красавчик, но, если ты не любишь крикет, ты не будешь пердеть у меня в джакузи.

Ты целовался с боссом ДД, крутил шашни с его кузеном, у тебя сосали его партнеры по футбольной команде, а однажды, когда у вас с ДД было свидание, ты отлучился в туалет и там оттрахал официанта. Но тебе никогда не хотелось заняться сексом с Джонни Гилхули.

— Эти командировки, в которые вы меня посылаете. В качестве помощника ваших репортеров. Я же знаю, что это не для *Associated Press*.

— Какое тебе дело, кто выписывает чеки?

— Такое же, как Мэгги Тэтчер до нашей дурацкой войны.

Джонни затянулся сигарой-биди, которую Думинда вставил ему в рот, потом затянулся сам и выдохнул дым в ухо Джонни.

— Откуда у тебя эти глупые мысли? Стоит тебе поиздержаться, и ты помалкиваешь, а, дружок? Но раз уж у нас зашел серьезный разговор, я скажу

тебе правду. Мы здесь для того, чтобы насаждать демократию, свободу и права человека.

Вы хохочете, как два трансвестита, хохочут и ваши партнеры, хоть и не поняли шутки. Ты попросил Ратне протянуть руку и достать тебе еще пива, а другой рукой — той, что в бурлящей воде, — продолжать делать то, что он делает. Ты посмотрел на Джонни, покачал головой.

— Тем же самым, очевидно, занимается США в Панаме, Никарагуа и Чили.

— Ими мы тоже владели. Вот официальная позиция Ее Величества. Британии до смерти надоело владеть миром. Наблюдать нам нравится гораздо больше.

— Как тому проповеднику, Джимми Сваггерту[66].

— Мы выбираем правильную сторону. Поддерживаем правильную команду. И чаще всего оказываемся правы. Быть правым все время не может никто.

— Готовый лозунг. «Новая Британия. От Мальвин[67] до Мальдив. Чаще всего права».

---

[66] Примечания: 1.66

Джимми Ли Сваггерт (род. 1935) — американский проповедник и автор книг, замешанный в сексуальных скандалах.

[67] Примечания: 1.67

Речь о Мальвинских островах, они же Фолклендские острова.

Повисла пауза: вы отвлеклись на партнеров. Потом они ушли приготовить вам ланч, вы же остались нежиться в горячей воде. Джонни смотрел крикет, ты смотрел на него.

— Тебя что-то тревожит, дружок?

— Не люблю опасность. Мне нужно больше денег.

— Справедливо, — сказал Джонни. — Я подавал заявление. Но мне отказали из-за твоего длинного языка без костей.

— Что?

— Ты должен сопровождать репортеров ***AP*** . Возить их, куда попросят. Договариваться об интервью. Заботиться о том, чтобы их не убили. Тебя никто не просил фотографировать. И хвастаться, что ты шпионишь на королеву.

— Хвастаться?

— Ты сказал об этом своему парню. А он своему отцу. А тот своему боссу. Который позвонил моему боссу и потребовал встречи.

— Неужели Боб Садворт и правда журналист?

— Это не моего ума дело. И не твоего.

— Британцы только что проиграли китайцам договор на поставку крупных партий оружия. Похоже, у правительства Шри-Ланки есть выбор. К сожалению для вас.

— Я работаю на разведку. Железками не занимаюсь.

— И что же бывает с непроданными железками?

— Знаешь, я раньше был хиппи. Я, черт возьми, пацифист.

Возвращаются ваши партнеры с халатами и известием, что ланч готов. Думинду природа одарила щедрее: бугорок в плавках у Ратне крохотный, как у маленького мальчика или большой девочки. Джонни надел халат и облапал Думинду. Тот заученно улыбнулся.

— Если впредь не будешь рассуждать о политике, быть может, мы подумаем о том, чтобы поднять тебе ставку, — сказал Джонни.

* * *

По указу правительства Шри-Ланки корреспонденты не имели права делить кров и стол с террористами. *AP* смотрела на этот закон сквозь пальцы и в тумане войны оставляла решение за репортером и его помощником.

Джонни познакомил тебя со многими журналистами, и все просили об одном. Можно увидеть трупы? Можно взять интервью у командующего «Тигров»? Первое было возможно, второе — ка-

тегорически нет. Ты объяснял, что не сможешь наладить отношения ни с кем из воюющих сторон, не выпив с ними чаю. А пообщаться с Верховным не проще, чем добиться эксклюзивного интервью с Элвисом.

Начало 1987-го, одна из твоих первых командировок. Репортер Энди Макгоуэн, жизнерадостный парень с разбитым сердцем, служил внештатным корреспондентом *Newsweek*. Джонни выплатил тебе солидный аванс, ты дивно удвоил его в «Пегасе», а после — впечатляюще проиграл в покер прочим военным корреспондентам, так что у тебя осталась лишь четверть.

Ты во второй раз приехал в Вавунию в поисках детей-солдат. Поговаривали, что из подростков готовят воинов-самоубийц, сирот обучают стрельбе из автомата «Тип-56», ты провез Энди по всему северу, но не обнаружил доказательств ни первого, ни второго.

В казармах Вавунии ты встретил корреспондента *Associated Press* Роберта Садворта, тот был вне себя от злости: местный помощник бросил его после просьбы отправиться в джунгли Ванни. Командир, майор Раджа Удугампола, будущий глава СОГ, отказался предоставить им вооруженную охрану на территории противника. Некогда

он был твоим начальником и вряд ли оказал бы тебе услугу, учитывая, как вы расстались.

В отличие от Энди, неопрятного гонзо, Садворт всегда был одет с иголочки. Даже в полевых условиях носил дизайнерский камуфляж и слаксы, сшитые на заказ. Макгоуэн не устоял перед его обаянием.

— Мне очень жаль, но дети-солдаты — тема так себе. У меня есть кое-какие концы в Аккараипатту, но «Тигры» не дадут вам ни сфотографировать этих детей, ни побеседовать с ними. А их семьи и разговаривать с вами не станут.

Садворт вел вас двоих к своему джипу — он взял его напрокат — и негромко рассказывал.

— И еще кое-что. Если мы объединим ресурсы, поделим эксклюзив.

В числе прочих «ресурсов» Боба Садворта был телохранитель по имени Сид, шотландец, который разговаривал, видимо, по-английски, но ты не понимал ни слова. Здоровенный, как танк, он отправился с Бобом по заданию «КМ Сервис», частной охранной фирмы для наемников; Сид ходил в высоких ботинках, камуфляже и с «Узи».

По словам Садворта, бойцы ТОТИ принудительно обучают военному ремеслу жителей одной здешней деревни. В армии знают, где это, но пока

не готовы отправить туда солдат. Попасть туда невозможно, ты им сразу это сказал; на это Садворт ответил, что в бюджете нашлись средства не только на оплату телохранителя, но и на щедрый гонорар за твои услуги.

Ты долго отнекивался, но в конце концов согласился отвезти их туда — и был удивлен, с какой легкостью вас пропустили сперва через блокпост в Намбукуламе, а потом в Омантаи. Когда вы приехали в деревню, ты понял почему.

Там были старики и молодые женщины. Дядюшки, бабушки, крестьяне, пастухи, школьные учителя — все заряжали автоматы, палили по мишеням; присматривал за ними полковник Гопалласварми, он же Махатийя, один из первых «Тигров», односельчанин Верховного; полковника регулярно продвигали по службе. Высокий усатый полковник был очень похож на Верховного, только более худой и голодный; он согласился пообщаться с Садвортом и Макгоуэном, разрешил вам сфотографировать жителей деревни.

Никто из них не признал, что их принуждают к чему бы то ни было; казалось, все говорят совершенно свободно.

— Армию мы боимся больше, чем их. Армия сожгла нашу деревню, — сказал вам парнишка,

едва окончивший школу, но для ребенка-солдата уже слишком взрослый. — Мы учимся защищаться от такой опасности.

Подчиненные майора Раджи усмотрели в этом пример того, как ТОТИ угнетают местное население. «Тигры» же представили этот факт в ином свете — как историю о власти народа. Эта война никогда не закончится, думал ты, глядя, как сельчане стреляют из автоматов. Тебе разрешили снимать без ограничений, только попросили не фотографировать полковника, хотя ты в конце концов именно это и сделал.

Макгоуэн и Садворт — для тебя теперь Энди и Боб — называли тебя «лучшим помощником к востоку от Мексики» и обещали крупную сумму вдобавок к твоему гонорару. Но тут армия объявила о своем приходе, швырнув гранаты. Пули пронзили воздух, изуродовали деревья, изрешетили землю. Вы с Бобом и Энди укрылись в кустах, с виду похожих на чайные, но вряд ли это были они. Ты прятался под валуном. Телохранитель Сид достал «Узи», но ему прострелили правую руку, автомат упал в пыль, Сид выругался, как шотландец, и отключился.

Говорят, пальба похожа на взрывы петард, это правда, но только отчасти. Это как взрывы петард

сквозь колонки, которые установили возле твоих ушей. Макгоуэн плакал, Садворт повторял одно и то же ругательство, вокруг вас взвивалась пыль, точно о землю стучали незримые капли дождя. Воздух полнился дымом, шумом, криком. Вы трое сидели, пригнувшись, под плоским валуном, за этим жидким кустом, и молились богам, в которых не верите.

И тогда ты сделал то, что должен был сделать. Ты привязал красную бандану к палке и помахал ею над кустом, она развевалась, точно парламентерский флаг, пропитанный кровью. За три четверти часа этой шумной перестрелки, окончившейся ничем, в твою сторону не прилетела ни единая пуля.

* * *

Потом стрельба прекратилась, в лагерь вошла армия Шри-Ланки, те сельчане, кто не сбежал, были мертвы. Боб и Энди тащили тело шотландца Сида — тяжеленного, без сознания; ты держал над головой бандану на палке, будто вожак социалистического маршевого оркестра. Ты поднял руки и выкрикнул на сингальском:

— Мы журналисты-международники! С нами раненый иностранец!

Вы трое медленно вошли в туман, готовясь припасть к земле, если вновь полетят пули. Вас встретили медики, занялись вашим раненым, опросили травмированных. Вас с Энди отпустили — хватило одной красной банданы и двух пресс-карт, — а Роберта отвели на допрос в хижину близ кокосовой рощи. Он пошел без возражений. То ли пережитое превратило его в бесстрашного воина, то ли он от испуга лишился дара речи. Тогда ты не понял, в чем именно дело: за внешней невозмутимостью британцев могут таиться любые секреты.

Вы с Энди шли по кокосовой роще, как вдруг ты заметил, что в хижину ввели еще одного человека. Пленника с черным мешком на голове. Дверь затворилась, ты увидел, что окно открыто, и правильно истолковал освещение и углы обзора. Энди помог тебе забраться на дерево (тебе нужно было влезть повыше). Ты поднес к глазам камеру и выстраивал кадр, когда в хижину вошел третий. Этого ты узнал и прижался к стволу, чтобы тебя не заметили.

Твои глаза отыскали стол с документами, зум позволил разглядеть лица сидящих за столом. В дальнем конце Боб Садворт. Сбоку, уже с открытым лицом, потный, избитый полковник

Гопалласварми, он же Махатийя, командир самого крупного подразделения «Тигров». Во главе — командир солдат, только что занявших деревню. Твой бывший босс, майор Раджа Удугампола.

* * *

После той командировки Джонни позвал тебя выпить в клубе центра искусств и протянул конверт. Внутри лежал чек — на сумму более крупную, чем ты рассчитывал, — и фотография, сделанная перед самой сильной перестрелкой в Омантаи. Джонни разглядывал тощих парнишек с акустическими гитарами на сцене и тайком, из-под стола, подливал себе пива. У центра искусств не было лицензии на продажу спиртного, но клуб обходил запрет: предлагал посетителям приходить со своим алкоголем, жертвовать деньги на юристов, добивающихся лицензии для клуба, и просил выпивать так, чтобы не было видно бутылок.

— Боб под большим впечатлением, дружок. И Энди тоже. Похоже, моя идея с красной банданой оказалась не так уж плоха.

— Ваш приятель Боб тоже произвел на меня впечатление.

— Слушай. Можешь пока отдохнуть. Съездить в отпуск. Только не шляйся по казино. А как будешь готов, обсудим следующие задания.

— В перестрелке в Омантаи погибли семьдесят мирных жителей-тамилов. У меня на глазах дети истекали кровью. Но я сфотографировал не их, а вот это.

— Большие задания. Большие деньги. Хватит нам истекающих кровью детей.

Снимок был ничем не примечательный. Полковник уводит прочь женщину в сари в самом начале перестрелки — и только. Женщина смотрит в камеру, будто заметила тебя, притаившегося на дереве. Ты поймал ее в тот миг, когда она прикрыла голову концом сари, но слишком поздно, ты увидел ее лицо, даже сквозь клубы пыли было заметно, какая она красавица.

— Это полковник Гопалла-как-бишь-его? Махатийя?

— А это, видимо, его любовница.

— Так он нарушает приказ Верховного «никакого секса, пожалуйста, мы же командующие „Тигров“»? Наглец.

— Это слухи, их распускают военные. Я уверен, что и сам Верховный не стесняет себя целибатом. Это всего лишь уловка, чтобы террористы-смерт-

ники не заводили себе подружек.

— И все равно снимок ценный.

— Что говорил Боб?

— Учитывая, что Махатийя и Верховный, Прабхакаран, не ладят друг с другом…

— Бобу виднее. У него был долгий разговор с полковником.

— Рад за него. У тебя есть еще какие-нибудь снимки на продажу?

— Не для вас.

Вы прятали бутылки за старым номером газеты «Айленд», страничкой новостей ты отгонял мух от свинины со специями. В новостях были сообщения о мирных соглашениях и рассуждения о том, что индийская армия, возможно, удвоит свой контингент на ланкийской земле.

— Наши ребята из разведки считают, что ты способен на большее, чем быть простым помощником, — сказал Джонни. — У тебя большое будущее. Не загуби его.

Он по-прежнему таращился на парней в баре; Джонни знал, что не может к ним подойти даже в таком месте, как это.

— То есть Боб не сказал вам о разговоре с полковником?

— Я еще не общался с Бобом.

— Для человека, чья профессия — врать, вы исключительно скверный лжец, Джонни.

— А тебе, между прочим, хватит якшаться с ДВП. Нет зрелища более жалкого, чем коммуняка из среднего класса.

Джонни переменил тему; это значило, что разговор окончен.

— Не то чтобы я не сочувствовал им. Мы все через это проходили. Я, может, очень радовался, когда вьетконговцы наваляли янки. Я, может, даже оплакивал коммунистов, убитых в Индонезии[68]. Я ни минуты не сомневаюсь, что капитализм удушит нас всех. Но мы должны смотреть правде в глаза, дружок. Активнее всех коммуняк убивают сами коммуняки. Только бог убивает больше, чем Сталин, Мао или Пол Пот.

— Золотые слова. — Ты глазел на официанта в обтягивающей футболке.

— Поговаривают, будто полковник Гопалла-Махатийя собирает конкурирующее подразделение. Бунт против Верховного. Боже упаси, дружок!

— Не настолько полковник глуп, чтобы бросить вызов Прабхакарану.

---

[68] Примечания: 1.68

Речь о массовых убийствах коммунистов, политических репрессиях в Индонезии в 1965–1966 годах, ознаменовавших начало 30-летней диктатуры Сухарто.

— Похоже, государственная цензура не пропустила историю о деревне ТОТИ. — Джонни вперил в тебя пристальный взгляд.

— Для Боба это удобно. Можно называть себя репортером, а репортажей не делать.

Ты смотришь Джонни в глаза. Вы молча таращитесь друг на друга, группа на сцене устраивает незапланированный перерыв.

— Ты мне хочешь что-то сказать, Маали?

— Если бы у меня была фотография, на которой Боб, полковник Бунт и майор Раджа Удугампола мирно беседовали с глазу на глаз… Сколько вы дали бы за нее?

Джонни хмурится, качает головой.

— Но у тебя нет такой фотографии, красавчик.

— Откуда вы знаете?

— Потому что за такие снимки убивают. А ты любишь жизнь куда больше, чем фотографии.

— Они подошлют ко мне шотландца Сида? То-то славный расход ваших средств.

— Никого они не подошлют. За тобой будут охотиться и военные, и «Тигры» с гранатами. Даже не шути о таких фотографиях, Маали. Лучше бы ты шутил.

— Разумеется. — Ты спрятал чек в карман. — Я побывал на грани смерти и принес оттуда только

красную бандану. И сердце в крови.

Назови мое имя

Ты хочешь спросить вселенную о том, о чем хотят спросить вселенную все люди. Зачем мы рождаемся, зачем умираем, зачем вообще это все? А вселенная в ответ: «Не знаю, придурок, уймись уже со своими вопросами». После смерти ничего не понять, равно как и до смерти, в Междумирье всем правит случай — так же, как Там, Внизу. Вот мы и выдумываем истории, потому что страшимся темноты.

Ветер доносит твое имя, ты мчишь на призыв сквозь воздух, сталь и бетон. Ты пролетаешь над Островом рабов, с каждого порога доносится шепот: «Алмейда… Малинда…» Потом ветер дует по оживленным улицам Дехивелы, ты слышишь новые голоса: «Дэвэпэшник… активист… Алмейда… Маали… исчез…»

С Острова рабов до Дехивелы одним духом, быстрее, чем на вертолете. По крайней мере, смерть избавила тебя от пробки на Голл-роуд, от водителей на Парламент-роуд, от блокпостов на каждой улице. Ты минуешь рассеянных прохожих на убогих столичных улочках, смертных

братьев и сестер драгоценных усопших и быстро забытых. Ты лист на ветру, тебя увлекает прочь незримая сила, и ни противиться ей, ни управлять ею ты не можешь.

Шри-ланкийский визионер Артур Кларк[69] говорил, что за каждым живым стоит тридцать духов: именно настолько число мертвых превосходит число живых. Ты оглядываешься с мыслью, что, пожалуй, великий человек даже преуменьшил.

За каждым живым, кого ты видишь, прячется призрак. Над одними парят хранители, отгоняя вампиров, прет, демонов и раху. Перед другими стоят почетные члены этих последних групп и шипят им в лицо праздные мысли. У некоторых на плечах сидят дьяволы и наполняют их слух желчью.

Сэр Артур провел тридцать лет своей жизни на этих кишащих призраками берегах и явно стал ланкийцем. Австрия убедила весь свет, что Гитлер — немец, а вот Моцарт — тот австрияк. Шри-Ланку веками грабили морские пираты из Лондона, Амстердама и Лиссабона: можем мы предъявить права хоть на одного научного фан-

[69] Примечания: 1.69

В 1975 году английский писатель-фантаст Артур Чарльз Кларк (1917–2008) получил гражданство Шри-Ланки.

таста и провидца?

Дождь плюется молнией, гром пускает ветра. Ты сбился со счета, сколько раз с момента твоей безвременной кончины уже шел дождь. То ли в этом году муссонные ливни начались раньше, то ли вселенная оплакивает тебя и твою глупую маленькую жизнь. Сегодня слезы падают крупные, как чернильные капли, из грозовых туч на головы смиренных.

* * *

— Я видел список пропавших без вести, — говорит один европеец в плаще другому.

— Нашел знакомые имена? — спрашивает его коллега, проводя пальцем по машинописному листу, убранному в полиэтилен.

— Маали Алмейда. В списке он значится как активист-дэвэпэшник. Он не был ни тем ни другим.

Европеец в плаще — Эндрю Макгоуэн, военный корреспондент и твой бывший друг. Лицо у него красное, мокрое — то ли от слез, то ли из-за дождя.

Ты вернулся туда, где все началось, — на берег озера Бейра, дождь перестал, толпа собралась у

храма. Это необычно: сегодня не Пойя[70] и милостыню не раздают. С краю толпы дородные европейцы в легких синих дождевиках высятся баррикадой. Подъезжает фургон, из него вылезают семеро полицейских. Среди них твои дорогие друзья, заместитель суперинтенданта полиции Ранчагода и детектив Кассим, они идут последними; такое чувство, будто они здесь, чтобы наблюдать за беспорядками, а не сдерживать их.

Копы и европейцы в дождевиках впиваются взглядами друг в друга, как хорьки и змеи. Толпа рокочет, как небо над головами. Ты озираешься. Вонь оскверняет ноздри, которых у тебя больше нет. От бесконечных дождей вода в реке поднялась, залила берега озера Бейра. Дорога вокруг озера замусорена мятым пластиком, усохшей рыбой, гнилыми объедками и волглой бумагой. Вид у всех изумленный — кто бы мог подумать, что в этом грязном озере водится рыба?

Толпа глядит на полицейских, те уговаривают пропустить их, и на европейцев, те уговаривают полицейских уйти. Тебя более занимает то, от чего отвернулась толпа. Возле реки тоже стоят европейцы, одни фотографируют, другие держат

---

[70] Примечания: 1.70

Пойя — буддийский праздник, день полнолуния, отмечается ежемесячно.

зонты над теми, кто с камерой. А фотографируют они на берегах озера Бейра кости. Отсыревшие кости разложены на полиэтилене, на каждой — игральная карта. Фулл-хаус тузов и валетов, бубновый стрит с хай-комбинацией начиная с девятки, и пять карт порознь, совсем бесполезных.

Карты трепещут перед твоими глазами, короли, дамы, валеты в бешеном вихре, как титры в начале фильма о Джеймсе Бонде, если бы его сняли во время Лета любви[71]. На этот раз тебе кажется, будто тошнота подступает от земного ядра, сквозь подошвы просачивается в твои ноги, набивает глиной живот и горло. Карты лежат на костях, позвонках, ребрах, конечностях. Ты насчитал пятнадцать черепов, в том числе и тот, который принадлежал тебе. Единственная часть твоего тела, которая утонула, а не вернулась в холодильник.

* * *

— От Малинды нет вестей?
— Нет.

---

[71] Примечания: 1.71
Лето любви — лето 1967 года, когда в Хейт-Эшбери (Сан-Франциско) собрались около сотни тысяч хиппи, чтобы праздновать любовь и свободу.

— Те скелеты забрали криминалисты из ООН, — говорит Стэнли Дхармендран.

— При чем здесь ООН? — спрашивает ДД.

— Они приехали в Коломбо на конференцию.

— Какую?

— Все это чепуха. Происки оппозиции. Она мутит воду.

— Закажем еще каракатицы?

Отец и сын редко звали тебя с собой в аквакклуб «Выдры». Наверное, потому, что чаще всего говорили именно о тебе. Отец полагал, что вправляет сыну мозги, сын ходил ради бесплатного угощения. За свининой в горчичном соусе Стэнли рассказывает сыну, что брошюру КНФПСТМ под названием «Матери пропавших без вести» на заседании парламента поднял над головой некий Раджапакса, член Партии свободы. «Морги забиты трупами ни в чем не повинных жертв, — заявил молодой член парламента из Белиатты. — Так давайте хотя бы опознаем их, подарим их семьям мир».

— И он прав, — говорит ДД, набивая свой красивый рот пряным холестерином.

ДД не лучший любовник из тех, что у тебя были, но самый красивый, идеальная десятка. Ты влюбляешься не в лицо или тело, но в самый

большой и важный из органов — кожу. А у ДД она гладкая, черная, блестящая, без синяков. Как бы ты хотел потереться об нее носом, прикоснуться к ней пальцами. Ты пытаешься, но чувствуешь только запах пота и хлорки. Не так уж и много, но хоть что-то. ДД кутается в полотенце.

— Легко кричать, когда ты в оппозиции, — отвечает его отец. — Пусть юный Раджапакса попробует вести войну, вот тогда и посмотрим. Если ему придется иметь дело с ДВП, как он поступит?

— Аппа, мы говорим об опознании трупов.

— Мы говорим. О том, что позволили. Иностранным чертям. Лезть в наши дела.

— Разве индийских военных позвал не его превосходительство президент? Они что, ангелы?

— Я голосовал против этого, Дилан. И тебе это известно. Не грызи ногти. Сколько тебе лет?

Криминалистов ООН пригласил Раджапакса — учить местных специалистов устанавливать личность умерших в соответствии со списками пропавших без вести. Ходили слухи, будто наши палачи проходят обучение в ЦРУ. Команда из ООН остановилась в столичном отеле «Оберой» и проводит конференции для чиновников. Как им удалось раньше копов заполучить кости —

еще одна неразгаданная загадка на этом острове тайн.

— Они запрашивают записи стоматологов и группы крови. Как будто наши идиоты, жующие бетель, ходят к стоматологам.

ДД озирается, принявшись за моллюска в специях.

— Очень красиво, аппа. Тот журналист у бассейна плохо тебя расслышал.

Стэнли выворачивает шею и видит незнакомца в полотенце, тот пьет арак и что-то царапает в блокноте.

— Пустая трата времени и денег.

— Как и всё, — вздыхает ДД.

Стэнли поднимает глаза от тарелки, смотрит сыну в лицо.

— Не надо так, Дилан. Ты говоришь как Маали.

— Тебе-то откуда знать, как он говорит? Ты хоть раз с ним разговаривал?

— Он талантливый малый. Надеюсь, он в безопасности. Но мы должны смотреть фактам в лицо.

— Вот тебе факт. В 1989 году Гринпис включил Бейру в число самых грязных озер мира — под номером сорок шесть.

— Маали — умный молодой человек. Но иногда

лучше быть глупым.

— С тех пор как Шри-Ланка обрела независимость, мы потеряли двадцать процентов лесов. В последние десять лет на Шри-Ланке самый большой в мире уровень самоубийств. И об этом не пишут ни в заголовках, ни в спортивных новостях.

— Если его арестовали, я бы обеспокоился. СОГ пленных не берет.

— Тогда где труп?

Стэнли долго смотрит на Дилана.

— Ладно тебе, пап. Это смешно.

— Министр Сайрил Виджератне попросил меня наладить связь с криминалистами из ООН.

— Для чего?

— Чтобы помочь им в расследовании. Чтобы убедиться в том, что они соблюдают регламент.

— На Шри-Ланке есть регламенты?

— Если он жив, быть может, он не хочет, чтобы его нашли.

— И ты был бы этому только рад, верно?

— Если ты не поможешь мне, я попрошу Джаки.

С тех пор как не стало мамы ДД, третье место за этим столом чаще всего пустовало. Джаки сидела тихо, смотрела на плавающих и на официантов.

Сейчас она переводит взгляд на дядю Стэнли, достает из бордовой сумочки три предмета. Два обрамленных рентгеновских снимка из злополучного арт-проекта и цепочку с деревянной капсулой.

— О'кей. — Джаки кладет предметы на стол.

Стэнли со вздохом смотрит на сына.

— Дилан. Я не могу поверить, что ты отдал ему цепочку аммы. Она носила ее двадцать лет.

ДД поднимает глаза, качает головой.

— Это не его.

— На ней кровь. Твоя или его?

Клятву на крови в Яле придумал ДД — своеобразное братание по моде нью-эйджа. Кажется, его мать с отцом тоже клялись друг другу на крови — в рамках индуистского ритуала. Когда ДД обмолвился об этом отцу и Джаки, ни тот ни другая не пришли в восторг. И больше он об этом не заговаривал.

— Если те части тела не его, лучше об этом знать, — говорит Джаки.

— Верно, — соглашается Стэнли, ДД бросает свою деревянную цепь с твоей кровью в нетронутую пепельницу и стремительно уходит в раздевалку.

* * *

Стол в морге окружает толпа брюзжащих призраков. Кости выложили на длинные полосы целлофана, принесли два кондиционера — охлаждать помещение; пятеро мужчин в белых халатах, склоняясь над костями, берут их серебристыми инструментами. Еще в кабинете присутствуют три государственных патолого-анатома — видимо, для того, чтобы учиться у специалистов и попутно шпионить за ними.

Ты взираешь на эту сцену с высокого потолка, наблюдаешь за прочими призраками — они, как мухи, облепили стены. Рабы-кафиры[72] жмутся в уголке, мертвые проститутки парят над своими костями, юноша со следами укусов на боку разглядывает арсенал серебристых инструментов, англичанин в мятой белой шляпе сидит зевает. Ты узнаешь двух студентов. Глаза у них лиловые, языки висят.

— Куда вы смотрите? — насмешливо спрашивает знакомый голос. На Сене просторная рубаха и черный плащ, но уже не из мусорных пакетов. — Думаете, вас похоронят по-человечески?

---

[72] Примечания: 1.72
Кафиры — так мусульмане называют немусульман.

Посмертно присвоят рыцарское звание? — Он смотрит на англичанина. — Вас просто сожгут в печи крематория. Вот и всё.

— Но ведь есть радиоуглеродный анализ и… — произносит студент-инженер из Джафны.

— И что это даст? Они выяснят, что этого парня полвека назад сожрал крокодил? Как тебя звать, сынок?

— Винсент Сальгадо, — бормочет застенчивый парнишка в коротких штанах.

— Думаете, Винсенту Сальгадо поставят памятник? — глумится Сена. Он расхаживает за спинами мужчин в белых халатах, трется об них. Один за другим криминалисты лезут руками под халат и начинают чесаться.

— Маали-хаму! И вы здесь? Какого черта, неужели вы совсем меня не слушали?

Ты не можешь объяснить, почему ты здесь и что надеялся увидеть, лишь только, что тебя сюда потянуло и уйти ты не смог.

— Что, если ваш замороженный череп выловят из Бейры?

— Бросят его обратно, — отвечает Сена. — Вероятность того, что они сопоставят кости с именем и фамилией…

— Меньше, чем родить сиамских близнецов, а

это один к двумстам тысячам.

Видимо, факты из «Ридерз дайджест» мозг забывает последними.

— Может, о нас расскажут в новостях, — говорит мертвый матрос.

— И где вы это увидите? — интересуется мертвая проститутка.

— Я заглядываю в окна квартир в Навам Мавата, — отвечает матрос, поправляя шапочку. — Там хороший сигнал. Хотите со мной? По каналу «Рупавахини» идет «Моя прекрасная леди».

Мертвая проститутка с улыбкой качает головой.

— ООН предлагает помощь криминалистов правительству Шри-Ланки, — говорит Сена. — В конце концов крохотную заметку об этом опубликуют на последней странице газеты. Думаете, они признают, что трупы достали из Бейры? Размечтались, дурачки.

Твой взгляд падает на стоящий сбоку негатоскоп, к нему прикреплены рентгеновские снимки. Два легких, забитых слизью, три зуба мудрости под рядом коренных. Снимки вынули из рамок (те стоили дороже снимков), ты хранил их как напоминание о недолгой карьере художника, еще одном занятии, которое ты любил, но

так и не довел до конца.

* * *

— Это экстренный выпуск новостей Радиовещательной корпорации Шри-Ланки. На берег озера Бейра вынесло останки пятнадцати неопознанных тел. Команда экспертов-криминалистов ООН совместно со шри-ланкийскими патологоанатомами пытаются установить личности умерших. Пресс-секретарь правительства утверждает, что трупы попали в озеро до 1948 года и никак не связаны с нынешней политической ситуацией.

Джаки выносят первое предупреждение за то, что пустила в эфир новость без согласования с начальством. Ее босс, некий Сом Вардена, говорит, что ему звонил министр и «сделал строгое внушение»: впредь он такого не потерпит.

Ребята из ООН пишут отчет, местные сливают его министру, тот показывает его министру по делам молодежи Стэнли Дхармендрану, тот обсуждает отчет с сыном, тот показывает его кузине. Оба плачут весь день, потом успокаиваются. Следующие несколько дней Джаки изучает газеты, после чего делает сообщение, из-за которого ее увольняют.

— Удалось установить личности двоих из

пятнадцати умерших. Один — Сена Патхирана, организатор «Джанатха Вимукти Перамуна» по округу Гампаха, другой — Малинда Алмейда, военный корреспондент, уроженец Коломбо. Оба предположительно погибли от рук головорезов из правительственных карательных отрядов. По заявлениям ООН, только в этом году было похоронено 874 неопознанных трупа, 1584 гражданина Шри-Ланки пропали без вести. Вы прослушали экстренный выпуск новостей Радиовещательной корпорации Шри-Ланки.

Она прочитала новость совершенно спокойно, и на твоем имени голос ее не дрогнул. Ее уволили тут же, охранники — платили им мало — выставили ее из конторы. Она едет на рикше в Голл-Фейс-Корт, лежит на кровати, глядя на вращающийся вентилятор, листает твою записную книжку и плачет.

— Спасибо, милая, — шепчешь ты. — А теперь найди даму и короля.

Она не слышит тебя. Включает громче печальную музыку, глотает две успокоительные таблетки.

— Негативы у дамы и короля, девочка. Теперь или никогда. Найди пластинки. Ты знаешь, где искать.

Ты шепчешь, шипишь, орешь, визжишь, но она тебя не слышит.

* * *

— Слыхал? Малинду Алмейду убили.

— Кто? Власти?

— Может и ТОТИ. Кто знает?

— Зачем убивать фотографа?

— «Тигры» убивают всех, кто их критикует. Особенно тех, кто наполовину тамилы.

— Я думал, он дэвэпэшник.

— Кто сказал?

— Разве сейчас поймешь?

Два журналиста в пресс-клубе, вы работали вместе, но они тебя лично не знают. Оба — военные корреспонденты, сидят в столичной редакции, пишут тексты правительственных пресс-релизов. Ты плюешь на них, но слюна испаряется, не коснувшись их сальных волос. Ветер вновь доносит твое имя, ты летишь за ним, оставляя продажных писак с их непроверенными репортажами.

— Жалко, черт побери. Алмейду сбросили с вертушки в Бейру.

— У меня зять военный.

— Свистит твой зять. Станет президент гонять

вертолет из-за какого-то дэвэпэшника.

— Он не был дэвэпэшником. Он фотографировал бхишанайю[73]. И я не говорил о президенте. Мы все прекрасно знаем, кто у нас выполняет грязную работу.

— В колледже я видел Малинду в роли Гамлета. У него получился не Гамлет, а омлет.

— Как если бы подающий в крикете был левшой.

— Так себе зрелище, нет?

Компания мужчин в пивной, ты их видишь впервые. О тебе они не знают ничего, о том, о чем говорят, — и того меньше. Хотя Гамлета ты и правда играл скверно. Ты ловишь другой ветер.

Они говорят: когда о тебе молчат, это еще хуже, чем когда тебя обсуждают. Может, это и справедливо для ирландских писателей за решеткой[74], но никак не для мертвых ланкийских репортеров. Опускается темнота, и ты слышишь лишь гул своего имени, его катают на языке, на него

---

[73] Примечания: 1.73

Бхишанайя — так на Шри-Ланке называют правительственный террор 1980-х годов.

[74] Примечания: 1.74

Речь об Оскаре Уайльде, предыдущее предложение — искаженная цитата из «Портрета Дориана Грея»: «…ибо что может быть на свете хуже того, что о человеке все говорят? Только одно: когда о нем молчат». Пер. М. Ричардса.

плюют.

Тебя обсуждают в индийском посольстве: посол созвал экстренное собрание Отдела исследований и анализа — то есть шпионов, — чтобы выяснить, не платил ли тебе кто-то из них. Все, кроме И. Э. Кугараджи, качают головами, и собравшихся распускают.

Игроки в казино болтают всякую чушь. В «Пегасе» балкон на шестом этаже обтягивают мелкой проволочной сеткой, бармена, который ласкал тебя на лестнице, увольняют без предупреждения. Призраки отеля «Лео» интересуются тобой так же мало, как люди ими.

Ты никогда не стремился к славе. Несмотря на уход отца и безразличие матери, эта подростковая мечта никогда тебя не привлекала. Ты никогда не искал популярности, хотя обретал ее всякий раз, как надевал красную бандану в зоне боевых действий. Ты не рвался ни с кем дружить — и в итоге дружил со всеми. Интересно, думаешь ты, если вести дойдут до севера и востока и тебя туда отвезут, упомянет ли кто-нибудь твое имя. После смерти, куда ни кинь, всюду границы и баррикады.

— Ты объявила об этом по радио? До того, как мы сообщили его матери! — Когда ДД в гневе,

ритм его речи напоминает отцовский. — Где были твои мозги?

— В его записной книжке на странице «валет червей» девять имен. Все ответили, что я ошиблась номером. Некоторые грязно обругали меня, когда я упомянула Малинду.

— Придется сказать ей.

— Они ненавидели друг друга.

— Иначе тело не отдадут.

— Я слышала, от него остались куски.

Джаки всхлипывает, прикусывает губу.

— Мы проведем поминальную службу. И потребуем расследования. И сделаем все как положено.

Нет ничего сексуальнее, чем когда ДД перечисляет список дел, за которые не возьмется никогда.

— Я снова набрала номер трефового короля. Трубку долго не брали. Потом чей-то хриплый голос спросил, не из СОГ ли я.

— СОГ? Не ЦРУ? Не КГБ? Ты вообще соображаешь, что делаешь?

— Я пытаюсь выяснить, каким образом череп Маали оказался в Бейре. А всем, похоже, плевать.

* * *

Девчонка играет с огнем, думает, это сладкая вата. ДД и Джаки приехали к твоей амме, она валялась на диване. У нее только что закончилась долгая смена и заканчивается третья чашка чая. Когда ей сообщили известие, у нее задрожали руки.

— Это жизнь, — говорит твоя родительница. — Я так и знала, что этим кончится. Глупый мальчишка. Никогда меня не слушал.

— О'кей, — отвечает Джаки.

— Не говорите так, тетя. — ДД теребит висящую на шее костяную фигурку. — Его убили. Аппа проводит расследование.

— Зачем? — Амма таращится в пустую чашку. — Все равно никого не поймают. И его уже не вернешь.

— Мы должны быть уверены, что труп его.

— Знаете, он рано начал врать. Оговаривал слуг. Когда ему были нужны деньги, приходил ко мне и сообщал: «А папа сказал, что ты жадина». Ему тогда было всего восемь лет.

Твоя амма не предложила им чаю, на нее это не похоже. Она всегда ставит чайник, особенно для тех посетителей, кого терпеть не может. Она

отпивает глоток и улыбается им.

— Кто из вас был с ним близок?

ДД и Джаки глядят друг на друга.

— Она, — говорит ДД.

— Не я, — возражает Джаки.

— Он не рассказывал вам, что пытался покончить с собой? — Лакшми Алмейда приподнимает бровь — как в тот раз, когда ты сообщил ей о тете Далрин.

Твой любовник и твоя подруга переглядываются и отводят глаза.

— Когда его отец ушел, Маали обвинил в этом меня. Забросил все занятия, куда отправил его Берти. Фехтование, бадминтон, скауты-волчата, регби. И как-то за завтраком заявил: «Амми, если „Битлз“ распадется, я покончу с собой».

— «Битлз»? — спросил ДД.

— Я думала, он больше любил «Стоунз», — добавила Джаки.

— Он так шутил. «Если восстание 1971 года провалится, я покончу с собой», «Если в „Либерти“ покажут еще хоть один фильм с Джерри Льюисом, я покончу с собой». Лишь бы на него обратили внимание. Лишь бы сделать мне больно.

— Неправда, тетя. Он любил вас. — Актер из ДД никудышный, а лжец еще хуже.

— Он украл у меня снотворное. Но не хватило, слишком мало. Хватило только на то, чтобы выставить меня никудышной матерью. Несносный ребенок.

— Мы все потрясены, тетя Лаки. Что уж теперь говорить.

— Вы никогда не спрашивали его, почему он это сделал?

Джаки смотрит на чайник и стоящие рядом с ним чашки, из которых никто не пил.

— Я знаю, почему он это сделал. Потому что отец его бросил и забыл о нас. Я единственная осталась рядом, вот и попала под удар.

Ты хватаешь чайник и обрушиваешь его на голову аммы, подносишь неровный осколок к ее горлу, велишь ей забрать эти лживые слова назад. А потом, вздрогнув, приходишь в себя, видишь нетронутую шею аммы и осознаешь: отныне люди вольны рассказывать о тебе что угодно, а ты ничего не сможешь с этим поделать, черт побери. Ты мечешься, налетая на стены, и вопишь.

— Он рассказывал обо мне? Говорил, что я плохая мать?

— Не так чтобы часто, — врет Джаки и наливает себе чаю.

— Я сейчас заварю вам свежий. — Амма встает.

— Он говорил, что вы подливаете джин себе в чай. — Джаки отпивает глоток, морщится. — Я думала, он сочиняет. Похоже, нет.

ДД закрыл лицо руками. То ли всхлипывает, то ли дремлет. Потом поднимается на ноги и произносит, потупясь:

— Тетя, мы приехали, чтобы сообщить вам об этом. Вы обещаете нам держаться? А похороны я организую.

— Я слышала, там хоронить-то нечего. — Амма вновь поднимает бровь.

— Он хотел завещать свой труп науке. — Джаки осушает чашку и улыбается — редкий случай. — Вот чего он хотел.

Милая девочка, думаешь ты. Единственная, кто помнит.

— Думаю, лучше всего кремировать останки. Не то чтобы он был религиозен, — говорит Лаки.

Я никогда не просил надгробие, думаешь ты, и ругаешь амму за каждый черный день с тех пор, как появился на свет. Она и не знала, что снотворного ты наглотался в тот день, когда понял, что тебе нравятся парни и ни отец, ни мать ничего не могут с этим поделать. Мир не крутится вокруг тебя и твоего паршивого брака,

дражайшая матушка.

У дверей они обмениваются обязательными фразами.

— Помнишь, как он уехал в Ванни на три месяца? Помнишь, Дилан?

ДД кивает.

— Он тогда сказал мне, что никогда меня не любил и что я во всем виновата.

ДД обнимает твою амму. Джаки ограничивается кивком.

— Порою он говорил обидные вещи, но на самом деле так не думал.

— Еще как думал, — возражает твоя мать.

Она закрывает дверь, идет к дивану, убедившись, что ни Камалы, ни Омата поблизости нет. Глядит в окно, дает волю слезам. Они сперва капают, потом струятся, потом льются рекой. Твоя амма никогда не плакала ни при тебе, ни при ком-то; сейчас она плачет.

Сперва тебе хочется появиться перед нею, пусть даже это ее смутит. Ты сказал бы ей, что вероятность уцелеть в авиакатастрофе и вероятность уцелеть, если тебя похитили головорезы из СОГ, одинакова: тридцать восемь процентов. Но потом ты решаешь поступить наоборот. Ты решаешь — лучше поздно, чем никогда, — через несколько

дней после своей безвременной смерти оставить мать в покое.

* * *

О Междумирье тебе почти ничего не известно, хоть ты и научился седлать ветер. Не все призраки это умеют, поэтому многие из них торчат в душных комнатах, бьются головой о воображаемые стены.

Если поймать правильный ветер, он отнесет тебя куда нужно. Хотя редко когда на тот порог, куда тебе необходимо попасть.

— Слышали о Маали?

Если ветер — битком набитый автобус, то услышать свое имя — тук-тук, что трещит от двери к двери. Своего рода телепорт, но не как в «Звездном пути» или «Семерке Блейка». Только что ты сидел на дереве, дожидаясь ветра, и вот уже ты в кинозале посольства, где Джонни Гилхули смотрит крикет на гигантском экране.

— Он объявился?

— Можно и так сказать. Голову и кости нашли в озере Бейра.

— Господи Иисусе.

Джонни говорит в кирпичик трубки, якобы это последняя модель телефона, хоть тебе и не ве-

рится, что кто-то захочет по доброй воле таскать в кармане булыжник, излучающий радиацию. С ним в зале двое мужчин постарше, ты их знаешь. Кажется, они спорят, но ты не понимаешь о чем.

— Знаю. Это ужасно. Мы все потрясены.

Джонни чешет татуировку на ляжке — змея пожирает собственный хвост. Ты придвигаешься ближе к раковине телефонной трубки. Эту отрывистую речь не узнать невозможно — отточенные годами интонации человека, рявкающего на своих помощников в зонах боевых действий.

— Джонни. Это же не наши, верно?

— Не глупи, Боб. Просто будь осторожен. Может, даже возьми отпуск.

— Думаешь, на меня охотятся?

— Кто-нибудь видел, как ты мило болтаешь с полковником и майором?

— Нет, конечно.

— Даже прочие журналисты?

— Энди Макгоуэн? Вряд ли.

Роберт Садворт, корреспондент *AP*, три четверти часа вместе с тобой вжимавшийся в валун под обстрелом в Омантаи. Тот, кто питал слабость к деревенским девицам и за год, что провел на острове, не написал ни единой статьи.

— Я не его имел в виду, Боб.

— Думаешь, на Маали охотились? Но кто?

Тут подъезжает рикша, за рулем не Скотти из «Энтерпрайз» и не Вилла из «Либерейтора», а ты в номере отеля, на кровати храпит смуглая девица, Боб Садворт в полотенце, волосы растрепаны, явно с похмелья.

— Просто будь осторожен, Боб. Вот и всё.

— Это угроза, Джонни?

— Не впутывай меня в свои дела и в мои тоже не лезь.

— Мое дело — журналистика, а твое?

Ты толком не понимаешь, где именно находится этот номер, но за окном невдалеке высится красная башня отеля «Лео». Садворт курит сигарету, прихлебывает светлое пиво. Голос в трубке — обазиатившийся Джонни Джорди[75], фоном птичьими голосами спорят два старика.

— Я не маленький, Боб. Ты обедал с израильтянами. Встречался с «Тиграми». И, насколько я понимаю, вряд ли ты пишешь о контрабанде оружия.

— А тебе есть что сказать, Джонни? Маали был нашим товарищем.

— Я и не говорю, что не был.

---

[75] Примечания: 1.75

Джорди — прозвище коренных жителей города Ньюкасл-апон-Тайн.

— Я здесь делаю свое дело. И всё.

— Я думал, ты журналист.

В трубке щелкает, Роберт Садворт смотрит на бутылку пива на столе, на дамочку на постели и решает не трогать ни одно, ни другую.

* * *

Обшитый деревом кабинет, на стенах — фотографии сторонников ОНП. ДС, Дадли, сэр Джон, Дж. Р… винтажная коллекция избранных говнюков без воображения и сострадания, неспособных привести этот рай на земле к процветанию. Ты вихришься в кабинете, точно дурной запах, оседаешь на столе красного дерева, тебя так и тянет врезать по морде обоим, но вместо этого ты плюешься бранью, которой они не слышат. На столе — папки, конверты, обувная коробка, не принадлежащая в этом кабинете никому из тех, кто еще дышит.

— Я так понимаю, речь о Малинде Алмейде.

— О фотографиях КНФПСТМ, — поправляет Эльза Матанги.

— Я видел эти фотографии. Вам повезло, что вас не посадили.

— Мы лишь хотим вернуть свое, сэр. Остальное можете забирать.

— Очень великодушно. Кто их опубликует?

— Мы не журналисты.

— Откуда нам знать, что они сделаны в 1983-м?

— Когда же еще?

Расхожий миф, окружающий беспорядки 1983 года, гласит, что они начались на кладбище Борелла, на похоронах тринадцати солдат, убитых ТОТИ на севере: то было, как выяснилось впоследствии, крупнейшее наступление «Тигров». Несчастливое число тринадцать кажется мелочью по сравнению с горами трупов, выросшими впоследствии. По правде говоря, бунт, организованный в конторе, не особенно отличается: сердитые мужчины в галстуках множат на циклостиле избирательные бюллетени для пьяных мужчин в саронгах.

— Похоже, у вас большая фотостудия. Как вы увеличиваете лица и прочее?

— Этим занимался Малинда. Говорил, у него есть знакомый.

— Я вам не китаец с косичкой. Почему я должен отдать их вам?

Он открывает коробку, достает конверты. Туз, король, дама, валет, десятка. Разномастные. Стрит.

Эльза смотрит на него со знакомым тебе вы-

ражением. Так, будто обдумывает, проявить ли дипломатичность, и решает: не стоит.

— О событиях июля 1983 года так и не заговорили в открытую. Но если о них забыли, это не значит, что их не было. И если удастся привлечь к суду хотя бы одного убийцу, вы вернете себе доверие тамилов. Без этого вам никогда не выиграть войну.

Министр берет в руки конверт с пометкой «Дама пик», вытряхивает его содержимое. На стол перед Эльзой падают фотографии. Крупные планы, увеличенные Вираном из магазинчика «Фуджи-Кодак», за щедрое вознаграждение и минет в придачу. Танцующий Дьявол, мужчина с палкой, мальчик с канистрой бензина, зверь с бурым мясницким топориком. Лица увеличены, почти узнаваемы.

— Если эти снимки увидят, страну снова охватит пламя. Разве этого вы хотите?

Эльза собирает снимки, надеясь, что их не отберут. Стол завален черно-белыми фотографиями людей, поджигающих других людей. Эльза складывает фотографии, министр берет в руки два снимка. Откидывается в дорогом кресле, спрашивает:

— А с этим вы что намерены делать?

Один из снимков — увеличенная копия второго. На оригинальном снимке дети с палками измываются над обнаженным тамилом. На заднем плане «бенц», номерной знак не видно, а вот человека на заднем сиденье — да. Он выглядывает в открытое окно, наблюдает за беспорядками. Лицо его непроницаемо, губы плотно сжаты. На другом, расплывчатом, снимке — лицо этого человека крупным планом. Министр Сайрил Виджератне показывает Эльзе фотографию и шипит:

— С этим вы что намерены делать?

— То есть вы признаете, что это вы? — Эльзе хватает ума не улыбнуться.

— Полегче, мисс. Вы не первая обвиняете меня в том, что это я устроил беспорядки. Можно подумать, это в моей власти. Толпа рассвирепела, и тамилы, к сожалению, попали под удар. Вот и всё.

— Ни в чем не повинные тамилы?

— К сожалению.

— Так почему вы не остановили их?

— В событиях 1983-го виноваты ваши люди, а не я, — говорит министр. — Разбуди спящего льва — и он тебя растерзает. Не забывайте об этом.

— Откуда толпа узнала, в каких домах живут

тамилы?

— Вы не слишком-то грамотно разыгрываете свои карты, миссис Матанги.

— Мисс.

— Я отдам вам фотографии. Разумеется, кроме этих двух.

— Разумеется.

— Но мне нужны негативы. Где они?

— Об этом могут знать подружка и дружок Маали.

— Это дети Стэнли. Я не могу их трогать.

— Только одну из них.

— Если принесете мне негативы, прочее можете оставить себе.

— Будь у меня негативы, они бы мне не понадобились.

— И окажите мне еще одну любезность.

Эльза пытается прочитать улыбку министра и понять, чего он хочет.

* * *

Ты плаваешь под потолком и слушаешь, как министр Сайрил рассказывает Эльзе Матанги о британском торговце оружием с израильской военной техникой; правительство желало бы пообщаться с ним, но по условиям нового договора

с китайцами не имеет на это права. Это оружие можно было бы отдать полковнику Махатийе, говорит министр, при условии, что полковник с его помощью вырвет у Верховного власть над «Тиграми». Но Махатийя не доверяет ни военным, ни британцам. И правительству нужен посредник.

— Только не говорите об этом вашему партнеру Кугарадже. Наши источники утверждают, что он связан и с «Тиграми», и с индийской разведкой.

— Думаете, я этого не знаю?

— Взамен вы получите все фотографии, разумеется, кроме этих двух. И вас не посадят в тюрьму. В вашем положении это предложение мечты. Лучшего предложения вы никогда не получите.

— Меня убьют, вот что я получу. Или вы, или они.

— Мы убиваем только плохих людей. Те, кто угрожает нашей стране, — люди плохие, хуже некуда.

— А те, кто погиб в 1983-м?

— Это было давно. Незачем вспоминать. Если, конечно, вы не хотите, чтобы те события повторились.

— А если я отвезу негативы в Канаду и сообщу журналистам, что правительство Шри-Ланки поставляет оружие террористам?

— Вы все же умнее этого. Я должен узнать ваше решение, прежде чем вы уйдете из этого кабинета.

Министр мог бы сказать не «прежде чем», а «если», но этого не потребовалось. Тому, у кого власть, незачем угрожать в открытую: его угроза и так ясна.

— Если КНФПСТМ согласится на это, мы хотим, чтобы Индия не участвовала. И мы требуем защитить мирное тамильское население.

— Не КНФПСТМ. Лично вы. Кажется, вы забыли об Алмейде. Мы не убивали его. А вот насчет вас и Куги дать гарантий не можем.

— Мы в такие дела не лезем, сэр.

— Гибель коллеги вас явно не очень расстроила.

— Я потеряла много коллег, сэр. Нам к этому не привыкать.

— Как и мне, дорогая, — отвечает сын великого человека и дядя парнишки в боа из перьев. — Не забывайте об этом.

— Постараюсь.

Эльза никогда не играла в покер, но у нее получилось бы здорово.

— Даю вам времени до конца выходных. Не больше. Мне нужны негативы, и в воскресенье

вы явитесь ко мне на совещание.

— Можно мне пока забрать фотографии?

Министр взял трубку, буркнул приказ.

В кабинет вошли вооруженные люди в черном, не военные и не полицейские, и выпроводили Эльзу Матанги. Один остался, чтобы собрать конверты. Эльза без улыбки покачала головой, когда ее выводили из кабинета.

Министр положил трубку, кивнул.

— Сорок восемь часов. Время пошло. Мне нужны негативы и ваше слово, сейчас. Снимки пока что останутся у меня.

* * *

— Если мне еще хоть раз позвонят насчет Маали Алмейды, я отправлю тебя — да, тебя лично — в Джафну выполнять поручения индийцев.

Кухонным ножом он вскрывает конверт, едва не отрезав себе кончик пальца.

— Чертов ублюдок. Такое чувство, будто призрак этого гомика явился испортить мне день.

Если б ты только знал, думаешь ты. Если б только знал.

— Мендис, ты слышал меня?

— Да, сэр, — робко пищит дюжий капрал, расставляющий папки в углу.

— Ты говорил, ко мне пришли?

— Да, сэр. Двое копов.

— Пусти. И не зови меня к телефону, если только не позвонит сам знаешь кто.

— Да, сэр.

Дюжий молодчик выходит в дверь возле шкафа. Прямоугольный кабинет завален папками, картами, на столах груды оружия. За стеклом в шкафу (ключ вставлен в замок) — «Узи», калашников, браунинг тридцать восьмого калибра, гранаты, пули дум-дум. На столе в углу множество телефонов и табличка с именем: «Майор Раджа Удугампола». Тебе доводилось сиживать возле этого стола, просить об одолжениях и взамен получать приказы.

Дюжий молодец возвращается с двумя полицейскими. Один дородный и молчаливый, второй поджарый и разговорчивый. Майор хмуро глядит на них, продолжая вспарывать конверты.

— Заместитель суперинтенданта полиции Ранчагода. Детектив Кассим. Я выбрал вас по рекомендации. У вас много работы.

— Сэр!

Оба вытягиваются в струнку, избегая встречаться взглядом с большим человеком.

— Много мусора осталось в «Лео»?

У Кассима руки чешутся достать блокнот, в котором записаны точные данные. Но, видимо, ему вспомнилась история о том, как майор Раджа сломал нос рядовому за то, что вертелся в строю.

— Семьдесят семь, — рявкает он.

— Не врите. Я думал, сорок с чем-то.

— На прошлой неделе привезли еще, сэр, — сообщает Ранчагода.

— Я попросил ввести комендантский час. Министр сделает. Вы займетесь транспортом. За кладбище отвечает СОГ. У вас достаточно машин?

— У нас есть три грузовика.

— Ха! Этого мало. Водителей я найду. Придется сделать несколько ходок. Еще до меня доходят очень плохие слухи.

— Какие, сэр?

— Что мы нанимаем преступников. Говорят, они скармливают трупы кошкам. Лучше бы оказалось, что это ложь.

— Хороших мусорщиков отыскать нелегко, сэр. Никому нельзя доверять. Наши негодники не святые, но не убивают и не торгуют наркотиками, — говорит Ранчагода, Кассим стоит, потупясь.

— Вот и хорошо.

— А насчет кошек мне ничего не известно, сэр.

— О'кей. Посмотрим. Приступайте. Выметайтесь.

Копы уходят, звонит телефон. Ты, вздрогнув, выходишь из задумчивости — ты вспоминал, как обменивался конвертами в приемной. В этот кабинет тебя пускали всего дважды. Один раз похвалить за труды, второй — сообщить, что более не нуждаются в твоих услугах.

Рядом с телефоном мигает лампочка, майор берет трубку.

— Да?

— Могу я поговорить с майором Раджей Удугамполой?

— Кто это?

— Этот номер был в записной книжке моего друга.

— Какого друга?

— Малинды Алмейды.

Щелчок.

— Мендис!

Майор со стуком швыряет трубку на рычаг, ждет капрала.

— Бабуин чертов! Я же сказал, никаких звонков.

— Сэр, это была ваша частная линия.

— Но этот номер никто не знает.

Лампочка у телефона мигает снова.

— Ладно, пошел вон!

Майор ждет, пока капрал закроет за собой дверь.

— Да.

— Как вы познакомились с Малиндой?

— Мисс, вы позвонили в штаб-квартиру армии Шри Ланки. Это секретный номер. Вас найдут и возьмут под стражу.

— Тогда откуда у Маали этот номер?

— Я Раджа Удугампола, майор армии Шри-Ланки. Я уже сделал заявление для печати. С 1984 по 1987 год Алмейда в качестве фотографа выполнял задания армии. Лично я с этим засранцем знаком не был. В последние три года он не имел к армии ни малейшего отношения. И если вы еще раз сюда позвоните, я вас прикончу.

Он швыряет трубку на рычаг, прибирает стол. Письма кладет в лоток, конверты сует в мусорную корзину. Лампочка снова мигает. Майор готов разразиться бранью, но сдерживается — и радуется этому.

Голос в трубке такой громкий, что его слышно в коридоре.

— А, Раджа. Только не говорите, что я отказы-

ваю вам в поддержке.

— Сэр, я это очень ценю.

— Будет вам комендантский час. С полуночи до полуночи. Этого вполне достаточно.

— Да, сэр. Более чем достаточно. Спасибо, сэр.

— Президент спросил меня зачем.

— И что вы ему ответили, сэр?

— Сказал как есть.

— А он?

— Он ответил: «Вы уверены, что двадцати четырех часов будет достаточно?»

Говорят, смех звучит как музыка, но это один из множества обманов, которыми мы себя пичкаем. Одни смеются очаровательно, другие жутко, а третьи так, что кровь стынет в жилах. Майор Раджа Удугампола и министр Сайрил Виджератне гогочут в унисон; никогда еще твои — недавно осмотренные — уши не слышали более мерзкой музыки.

— И вот еще что.

— Слушаю, сэр.

— Надо взять еще кое-кого.

— Кого, сэр?

— Эльзу Матанги. Вы найдете ее…

— Я знаю, сэр. В отеле «Лео».

— Установите наблюдение за ней. И по моему

приказу возьмите ее.

— Как с нею быть, сэр?

— Обращайтесь с ней как с королевой.

— Информация или кара?

— То и другое.

— Тогда я задействую Маску.

— Любого яку, какого пожелаете. Только не облажайтесь.

Луна четвертая

Я ангел. Я убиваю первенцев на глазах у матерей. Я обращаю города в соль. Когда мне этого хочется, я забираю души у маленьких девочек, и отныне до пришествия Царства единственное, на что ты можешь рассчитывать в своей жизни, так на то, что ты никогда не поймешь почему.

Грег Уайден. «Пророчество»

Комендантский час

В дни комендантского часа двигаются только духи, ветры да глаза охранников на блокпостах. Ты ночевал на дереве, любуясь месяцем и облаками, скрывающими его. Размышляя о том же, о чем до тебя размышляли все бодхисатвы и каждый из тридцати призраков Артура К. Можно ли положить этому конец?

Первый комендантский час на твоей памяти ввели после резни 1983 года. После этого комендантский час стал таким же привычным делом,

как праздники Пойя. Он следовал за каждой вспышкой насилия, как за ливнем следует потоп. На юге, на севере и здесь, на диком-диком западе, правительство убирало людей с тротуаров, машины с улиц и свободу с повестки дня. Джонни как-то заметил, что комендантский час нужен, дабы правительство поддерживало порядок, ловило плохих парней и «обделывало дела, невозможные среди бела дня».

Твое дерево облепили бормочущие самоубийцы. Их узнать легче всех, не считая разве что прет: глаза у них изжелта-зеленые, шеи часто свернуты, они вечно болтают, пусть даже с самими собой. Ветер несет тебя от блокпоста к блокпосту, мимо пустынных дорог и безлюдных автобусных остановок. Коты патрулируют переулки, вороны сторожат крыши, существа без дыхания движутся медленней прочих.

По главной дороге грохочет грузовик, голубой «Ашок Лейланд», первая машина за все утро на обычно самом загруженном отрезке Голл-роуд. У блокпоста Бамба грузовик не замедляет ход, охранники не поднимают ни бровь, ни руку. Чуть погодя останавливают зеленую «тойоту», водителя вытаскивают из машины и обыскивают. Водитель указывает на наклейку на лобовом

стекле — автомобиль медицинский, — и его отпускают.

Второй грузовик, красный, с деревянными бортами, ускоряется на блокпостах, охрана машет ему: проезжай. Грузовик сворачивает на Буллерс-роуд, ты запрыгиваешь на крышу. Дорога ухабистая, вонь стоит изумительная. Отсутствие носа не избавило тебя от запахов разлагающихся мерзлых тел.

На крыше грузовика ты не один. Рядом с тобой подпрыгивают на кочках другие существа без дыхания. Их продувает ветер, полосует по лицам. Забытые улыбки, изумленные глаза трепещут в воздухе, грузовик сворачивает на кладбище.

Там стоят еще два грузовика с откинутыми бортами, мужчины разгружают привезенное. Груз — трупы, не завернутые ни во что, податливые, одни еще не оттаяли, другие уже гниют. В воздухе тучи мух, предвкушающих пир. Рот и нос мужчин, разгружающих трупы, закрывают плотные маски — в основном из старых саронгов, — как у разбойников с большой дороги или наемных убийц; скорее всего, большинство из них таковые и есть.

Ты жалеешь, что у тебя нет камеры, негде проявить негативы, некому их показать. Еще ты

жалеешь, что так мало пожил и изведал. Еще ты жалеешь, что не знаешь своих убийц. В униформе нет никого, хотя некоторые мужчины двигаются как солдаты, ровно и быстро, почти без разговоров и остановок.

У ворот кладбища — два копа и еще два каких-то громилы, не военные, не полицейские, проверяют удостоверения личности и записывают данные. Единственный пример порядка и организованности в этом хаосе тележек и каталок. На одних перчатки, на других полиэтиленовые мешки. На одних ботинки, на других тапочки. Никто не разговаривает, лишь изредка слышатся стоны, тела сваливают на каталки и везут к башням крематория. Стонут те, кто ворочает трупы, и призраки, наблюдающие за ними.

Люди в черном выкрикивают приказы, следят за тем, чтобы трупы складывали ровно. Если одна из тележек перевернется, за нею сразу же соберется извилистая ланкийская очередь.

Только что прибывший грузовик разгружается на парковке, половину груза второго уже переложили на каталки, в кузове третьего — пустые тележки, вернувшиеся из крематория. К третьему грузовику подходят трое мужчин, лица их наполовину закрыты, но по медленной их

походке — скорее бычьей, чем человечьей, — ты узнаешь их. Балал и Котту покачиваются, словно буйволы, Водила топочет протезом.

На краю хаоса торчат светофорами Кассим с Ранчагодой, пытаются регулировать хаос, но лишь его умножают. Почти что на каждом трупе сидит его дух, точно суккуб, смотрит с детской тоскою, гадая, как же вернуть дыхание своей оболочке.

Ты глядишь на большую трубу, изрыгающую черный дым в небеса, где звезды отворачиваются и боги отказываются слышать. Ты вспоминаешь, как часто видел этот дым в воздухе над Коломбо. Тебя нет среди этих груд плоти, ты чувствуешь это нутром, которого у тебя больше нет. Тележки, каталки толкают к башне, везут к гигантской дыре в стене, опустошают в печь. Пекло приемлет тела, шипит, рыгает, духи стонут — лишь бы их услышали те, кто перестал слушать.

Снаружи визжат шины, доносятся крики. Вылетев из крематория, ты видишь майора Раджу Удугамполу, он размахивает руками. Воздух влажен от шепота, его разрезает вопль майора:

— Что вы творите, ослы?

Если закрыть глаза, его писклявые напевные интонации даже смешат: такое чувство, будто он

озвучивает Багза Банни на сингальском. Но когда ты видишь его сутулую тушу орангутанга, тебе кажется, что этот голос стучит по твоей груди обоими кулаками, пока у тебя не треснут ребра.

— Мы опаздываем на два часа, ленивые ублюдки! Мои люди сами разгрузят. Везите остальной мусор. Сейчас же! Или я вас самих швырну в эту печь!

Поднимается суматоха, люди в черном — не военные, не полицейские — рычат на копов в штатском. Ранчагода с Кассимом орут на Балала и Котту, те толкают Водилу, а тот проклинает правительство, но выполняет его приказы. Копы лезут в кабину к водителю, мусорщики поливают из шланга кузов грузовика. Они смывают красные, коричневые, синие, желтые узоры — калейдоскоп из внутренностей мертвецов.

— Куда мы едем, сэр? — спрашивает Водила и заводит мотор.

Ранчагода улыбается ему неровными зубами.

— Сам как думаешь?

Детектив Кассим молчит, и Ранчагода не выдерживает:

— Ты бледный, как питту[76]. Нельзя столько

---

[76] Примечания: 1.76
Рисовый рулет в кокосовой стружке.

думать. Они террористы, бандиты.

— Неправда.

— Откуда ты знаешь?

— Они были молоды. Я не согласен с этим. И никогда не был. В прошлом году попросил меня перевести. Жду до сих пор.

— ДВП угрожала военным, полицейским, их семьям. Мы защищаем наших близких. Тот, кто достаточно взрослый, чтобы убивать, достаточно взрослый, чтобы умереть.

— А их семьи? Их кто защитит?

— Значит, надо было лучше смотреть за детьми. Чего не едем, Водила?

— Ланку уничтожат. Сперва пожары. Потом потоп, — бормочет Водила, легонько притопывая уцелевшей ногой.

— Что ты сказал?

— Ничего.

Ты сидишь на крыше грузовика, он трогается с грохотом. Ветер доносит твое имя, его произносит голос, который ты не узнаешь без привычных театральных пауз.

* * *

— Я добьюсь, чтобы тело Маали вернули родным, — говорит Стэнли сыну.

— Нет никакого тела, аппа, — отвечает ДД еле слышно, глаза его блестят.

— Кто тебе это сказал?

— Криминалисты из ООН.

— Ты с ними встречался?

— Скорее, они со мной.

— Где?

— В клубе центра искусств.

— Тебе не следует там бывать.

— Почему?

— Там одни наркоманы и педики. Там скоро будет облава.

Твой дада и Стэнли поладили бы отлично. Сдружились бы мигом — быстрей, чем огонь пожирает дом, полный трупов горящих гомиков. Ты представляешь отца и Стэнли в нарядах чопорных тетушек, которые сравнивают гороскопы и выбирают свадебные платья для своих сыновей.

— Я ухожу из благотворительного фонда, — сообщает ДД.

— Я думаю. Э, это разумно, — отвечает его отец. — Вы с Маали были очень близки. Тебе нужно отдохнуть, развеяться. А как будешь готов, возвращайся в нашу фирму.

— Меня взяли в ООН.

— Ясно. Опять экология?

— Я набираю группу местных криминалистов для опознания тел.

— С этим типом, Раджапаксой?

— Группа будет вне политики.

— В этой стране ничего не бывает вне политики. Когда ты уже повзрослеешь?

Стэнли подается вперед, берет сына за плечи. Ты видишь, что Стэнли в ярости, но ДД этого не видит; из того, что ДД не видит, не знает, не понимает, можно строить соборы. Отец глубоко вздыхает. В профиль они с сыном похожи, как близнецы.

— Если мы не сделаем эту страну лучше, кто сделает? — говорит младший.

— Делай, что должен, сынок, — бормочет старший. — Делай, что должен.

И лишь когда с кухни возвращается Джаки, ты осознаешь, что перенесся в квартиру в Голл-Фейс-Корт. Ты гадаешь, что изменилось в комнате, и замечаешь, что со стены пропали твои фотографии.

Джаки прерывает минуту откровенности между отцом и сыном, как дэвэпэшник с ревуном, как головорез с избирательным списком. В руках у нее твоя записная книжка и листок с названиями пяти игральных карт.

— Я все поняла. Я знаю их имена.

Вид у ДД такой, будто он изнывает под бременем забот.

— Какие еще имена? О чем ты?

— Пять конвертов с названиями игральных карт…

— А, да. И те же названия в записной книжке рядом с номерами телефонов.

— Я знаю, чьи это номера, — говорит Джаки.

Ты не знаешь, то ли радоваться, то ли бояться за Джаки. Судя по выражению лиц отца и сына, они тоже этого не знают.

Джаки открывает твою записную книжку на страницах с закладками.

— Вот туз бубен. Это номер Джонни Гилхули. Хмыря из посольства. — Джаки обводит имя на бумаге. — Еще Маали упоминал какого-то Роберта Садворта из *АР*.

— Я работаю с *АР*. Никогда не слышал о Садворте, — говорит ДД. — Ты, наверное, имеешь в виду того чудика Энди Макгоуэна.

— Садворт? — Стэнли качает головой. — В «Локхид Системс» работает торговый представитель с такой фамилией.

— «Локхид» что? — переспрашивает ДД.

— Они продают оружие правительствам едва

ли не всех стран САРК[77].

— А дальше ты скажешь, что Маали торговал оружием.

— Сомневаюсь, — говорит Стэнли. — У торговцев оружием есть деньги на оплату квартиры.

Стэнли смотрит на сына, тот отводит глаза.

— Дама пик — это Эльза Матанги из КНФПСТМ, — продолжает Джаки.

— Аппа, ты проверил, о чем мы говорили? — спрашивает ДД.

— Я тебе уже сказал. Эммануэл Кугараджа связан с РОСИ[78], доверенными лицами «Тигров». И с ОИА, индийской внешней разведкой. В Великобритании его арестовали за оскорбление с угрозой насилия, но обвинения были сняты. Эльза Матанги собирала средства для «Тигров» в Университете Торонто. КНФПСТМ финансируют правительства Канады и Норвегии. И американский Фонд мира.

Либо Стэнли поручил сотрудникам своего министерства по делам молодежи выполнить домашнее задание, либо сочиняет сказки для

---

[77] Примечания: 1.77

САРК — Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии.

[78] Примечания: 1.78

РОСИ — Революционная организация студентов Илама.

своего легковерного сына.

— Разве есть такой фонд — мира? — спрашивает ДД.

— А бюджет у них такой же, как у американского Фонда войны? — подхватывает Джаки, но никто не улыбается.

— Если КНФПСТМ лишь прикрытие для ТОТИ или ОИА, легко догадаться, как было дело.

— И как? — спрашивает ДД.

— Те и другие не гнушаются затыкать рты своим сотрудникам.

Пауза, Джаки кашляет.

— У валета червей следующие имена. Байрон, Джордж, Хадсон, Гиннесс, Линкольн, Брандо, Уайльд. Почти все отвечают: ошиблись номером. Кто-то повесил трубку, когда я упомянула имя Маали.

Некоторые мужчины, которых ты пробовал, давали тебе свой номер, ты записывал, но никогда не звонил. Если просили твой, ты называл выдуманный, но только если они позволят себя сфотографировать.

— Может, тоже дэвэпэшники. Должно быть, прослышали о трупе, — предполагает Стэнли.

ДД качает головой, ерошит волосы.

— Маали дружил со всеми подряд. Мы это зна-

ем, Джаки. А что король и десятка?

— По телефону короля пик ответили в штабе майора Раджи Удугамполы.

— Спятили вы все, что ли? — Галстук Стэнли колышется от сквозняка. — Удугампола — глава СОГ. Ты звонила ему напрямую?

— Я проверяла номер.

— Пожалуйста, скажи мне. Что ты не говорила с ним. — У Стэнли трясутся руки.

— Не говорила, — нагло врет Джаки.

Стэнли, прищурясь, впивается в нее взглядом, но решает поверить.

— Это не игра, Джаки. Удугампола — бандит. У него под началом головорезы, прошедшие обучение в ЦРУ. Слышала про Маску? Если Малинда с ним связан, нам всем лучше залечь на дно.

— Нам вернут коробки Маали?

— Министр Сайрил Виджератне дал мне слово.

— О'кей, — говорит Джаки.

— Что в этих коробках?

— Мы все хотим это знать. Дядя, вы звонили ему?

— Сколько раз повторять? Ты не веришь мне? Я сейчас ему позвоню.

— О'кей, — соглашается Джаки.

Стэнли Дхармендран заходит в комнату, сни-

мает трубку и не глядя набирает номер. В нем масса нулей, они утруждают палец Стэнли, крутящий диск.

— Значит, Джонни — туз, СОГ — король, Эльза — дама, дэвэпэшники — валеты. А кто тогда десятка?

— Я уже тебе говорила. Десятка червей нарисована возле телефона этой квартиры.

— И что это значит?

— Может, там наши с тобой фотографии? — предполагает Джаки. — Или только твои.

ДД берет у Джаки записную книжку, перелистывает страницы.

— Ты здесь на Д. Джаки. В скобках: «кузен Дилан». Сколько лет этому блокноту?

Тебя пронзает боль — там, где некогда было сердце, — отдается в твои невидимые руки. Ты вспоминаешь все снимки в конверте «Идеальная десятка». И понимаешь, что, с твоей точки зрения, воровать эти снимки совершенно бессмысленно, но беречь их нужно сильнее прочих.

Твое слабое место

Ты вновь в акваклубе «Выдры», первый и последний раз, когда тебя пригласили на еже-

недельную беседу отца и сына. Ты пришел как парень Джаки, больше тебя не звали. Это было в первые полгода, когда вы с Джаки шлялись по клубам, казино и вели себя как парочка — везде, кроме спальни.

Стэнли держался любезно, прикидывался радушным хозяином, то и дело заказывал импортное пиво и каракатицу. Ты в первый и последний раз в жизни сыграл в бадминтон в смешанных парах: ДД и Джаки против вас со Стэнли. Когда игра перевалила за половину, все уже поняли, что Джаки играет скверно, а когда закончилась, все осознали, что ты играл и того хуже. Но недостаток сноровки ты компенсировал болтовней.

— ДД. Кажется, я нашел твое слабое место.

— Что?

— Бадминтон.

Стэнли молчал, пока ты раз за разом промахивался по волану и проигрывал гейм за геймом. В конце ты каким-то чудом ухитрился загнать волан в сетку, Стэнли пробормотал «черт возьми» и вложил в эти слова больше злости, чем во все свои яростные удары.

Ты завел беседу о «Севере и Юге», американском мини-сериале с Патриком Суэйзи, который вы с ДД и Джаки обожали. Стэнли слушал со

стеклянным взглядом и натянутой улыбкой. Вы обсуждали нереалистичность батальных сцен, но Стэнли сменил тему:

— Однажды в мой автомобиль швырнули гранату. Неподалеку отсюда. На Буллерз-лейн.

ДД часто упоминал о том, что вплоть до мирного соглашения 1987 года ТОТИ числили его аппу в расстрельных списках. И ДД с отцом по сей день даже в «Выдры» ездят на разных машинах.

— Малинда, твоя мать тамилка?

— Наполовину бюргерша, наполовину тамилка.

— А отец?

— Умер три года назад. Он был сингалец.

— Соболезную. А ты?

— Я ланкиец.

— Так сейчас говорит вся молодежь. Надеюсь, ваше поколение и правда так думает. А нам уже поздно.

— Трайбализм — чушь, — вставила Джаки. — Нация превыше государства.

— В трайбализме есть доля истины, дорогая, — заметил Стэнли. — Сингальцев больше, чем тамилов. Но тамилы умнее сингальцев. Мы усерднее трудимся. Мы вынуждены быть лучше. И мы вынуждены это скрывать. Чтобы сингальцы нам

не завидовали.

— Вы по-прежнему опасаетесь за свою безопасность, дядя? — Ты старался смотреть Стэнли в глаза, но косился на его сына, тот раздевался, чтобы пойти в бассейн. Синие плавки сменили потную футболку и шорты.

— Я держу дистанцию и не высовываюсь. Воздерживаюсь от указов, которые могут причинить беспокойство. Не вступаю в борьбу с сингальцами. Я с ними сотрудничаю. Мы все хотим жить мирно. Не так ли, Малинда?

И Стэнли прочел тебе лекцию об исконных землях тамилов, о том, что в Средние века и в период колоний на севере были царства тамилов.

— Тогда почему сингальцы так их боятся, — спросила Джаки, и Стэнли ответил:

— Потому же, почему белые в Америке боятся негров, своих бывших рабов.

ДД проплыл весь бассейн туда-обратно дельфином и перешел на брасс.

— Но нация, раса — не факты, а выдумки, — заявила Джаки. — Искусственный конструкт. Кто отличит сингальца от тамила?

— Неправда, — возразил Стэнли. — Негры бегают быстрее, и это факт, равно как и то, что китайцы усерднее трудятся, а европейцы изоб-

ретают всякую всячину. — И произнес монолог о природе и воспитании, не преминув упомянуть, что в 1950-е в Королевском колледже входил в команду по плаванию и в команду по бегу. В заключение сделал вывод: на то, как лягут для тебя кости судьбы, влияет национальность, образование и семья.

Пришел ДД в полотенце, набросился на каракатицу, но сперва улыбнулся тебе. ДД слушал отца и кивал, как обычно. Вы с Джаки — нет.

ДД доел каракатицу, и Стэнли впервые после бадминтона посмотрел тебе в глаза.

— Мы образованные столичные тамилы. Мы должны вести себя осторожно, не привлекать к себе внимания. Ты же это понимаешь, да?

Ты думаешь о лотерее рождения, о том, что всё суть мифология, истории, которые эго рассказывает само себе, оправдывая везение и объясняя несправедливость. Не промолчать ли, думаешь ты.

— Дядя, эта страна досталась любителям арака, которые отправляли своих детей учиться в британские школы. Большинство из них сингальцы, но не все. Но все они жили в Коломбо. Англоязычным обитателям Коломбо чужды страдания остального населения страны.

— Вот не думал, что в этой стране еще остались марксисты. — Стэнли подарил тебе самую фальшивую улыбку из возможных и встал, чтобы уйти. — Скажи мне, Маали. Много ли денег ты получаешь от занятий фотографией?

— Аппа! — с удивлением и стыдом воскликнул ДД.

— Ничего страшного, — сказал ты. — В этом вопросе нет ничего страшного, если, конечно, сам готов на него ответить. Много ли денег вы получаете от того, что не голосуете за указы, которые могут причинить беспокойство?

— Долго рассказывать. А мне пора. Как-нибудь в другой раз.

Стэнли явно досадовал, что сбросил маску при сыне.

— Как скажете, дядя. Если вам неприятно об этом говорить, так не надо было и спрашивать. Но я охотно вам сообщу.

— Мне это неинтересно. — Стэнли потребовал счет.

— Я зарабатываю столько, что миллионерам и не снилось.

Стэнли приподнял бровь.

— И сколько же?

— Столько, что мне хватает.

Ты улыбнулся, Стэнли ушел, Джаки закатила глаза: она уже слышала эту фразу, и не из твоих уст.

ДД приобнял тебя за плечи. Вроде бы и по-братски, но тебе показалось иначе.

— Обожаю, когда аппе дают отпор. Джаки, где ты нашла этого парня?

Джаки затушила окурок, пожала плечами:.

— Он сам меня нашел.

Губы ее улыбаются, глаза — нет.

* * *

Через несколько месяцев вы за ужином повздорили из-за его аппы: тот ни словом не осудил обстрел мирных жителей Джафны правительственными войсками.

— Аппа против любого насилия. Так было всегда.

— И ни разу не попытался его остановить? Или хотя бы высказать возражение?

— Он никому ничего не должен. Мы не можем изменить мир, Маали. Только решить отдельные задачи.

— Ты говоришь как привилегированный говнюк.

— Начинается. Опять ты о лотерее рождения.

Легко быть порядочным, когда твой дада из чувства вины отправлял тебе деньги из Миссури.

— С помощью своих привилегий ты можешь облегчить жизнь другим — или сбросить их со счетов.

— Чего ты от меня хочешь?

— Ничего. Продолжай спасать деревья.

— Всё лучше, чем фотографировать трупы.

— Ладно, ты меня убедил. Поехали в Сан-Франциско, будем зарабатывать деньги, заниматься любовью, а эта говенная страна пусть горит к чертям.

— Она сгорит независимо от того, фотографируешь ты или нет.

— Нет, я серьезно. Поехали. Я готов.

— Тебе на это смелости не хватит, — парировал ДД. — Ты только говоришь. А как доходит до дела, трусишь.

ДД взял свою тарелку и поставил в раковину — к сковородке, которую сам же и запакостил (огонь был слишком большой, а масла слишком мало). Это значило, что он обиделся и посуду мыть не желает, ее груда будет копиться до четверга, когда придет Камала.

— Куда это вы собрались? — спросила Джаки в дверях.

* * *

ДД сказал тебе, что едет к аппе, ты ответил, что идея так себе, он назвал тебя педиком, который вдобавок ненавидит себя, и пригрозил, что уйдет с работы и уедет в Токио учиться в магистратуре.

Тогда ты попросил у него взаймы, он уточнил, сколько тебе нужно, ты ответил, он поинтересовался зачем, ты ответил: чтобы провести месяц на севере в лагере для беженцев Ванни, ДД вновь спросил зачем, и ты снова соврал.

— Когда это кончится, Маали?

— Если у тебя нет лишних денег, так и скажи. А нотации мне читать не надо.

— Это задание *Associated Press*? Или военных?

— Я не могу тебе этого сказать.

— Тогда не дам.

— Отлично. Я возьму взаймы у кого-нибудь, кто не клялся мне в любви.

— Почему бы тебе не поговорить с Джаки?

— Она еще беднее меня.

— О нас.

— Что о нас?

— Ей нужно услышать это от тебя. Она ходит за тобой хвостом, как щенок, который ждет, что его погладят. Это отвратительно.

Ты ушел, пообещав поговорить с Джаки, но не сдержал слова. На прощанье ДД сказал, что не даст тебе денег, но, разумеется, в конце концов дал. Меньшую их часть ты проиграл в рулетку, заплатил за минет в Анурадхапуре, а остальное отдал семье из Вавунии, бежавшей от обстрелов.

* * *

Вы с ДД ехали на спектакль по пьесе какого-то знаменитого русского, Джаки играла в нем вместе с Радикой Фернандо, дикторшей новостей, и в машине у вас состоялся разговор. ДД сказал, что прежде встречался только с девушками, что ты парень его кузины, что все это какой-то бред, что аппа будет в ужасе, что он не хочет трепать себе нервы. Ты ответил «О'кей» и весь спектакль не убирал руку с его колена. А потом сообщил Джаки, что у них с партнершей прекрасное взаимопонимание, Джаки ответила: «Может быть, я в нее влюблена», ты рассмеялся, и Джаки добавила: «Я так и думала, что тебе все равно».

* * *

После твоего возвращения из Ванни дверь между вашими с ДД комнатами неделю была заперта

на замок. Ты день-деньской просиживал в казино, пока Виран проявлял твои пленки. Парень заказывал новое оборудование через магазинчик «Фуджи-Кодак» и забирал его домой вместе с твоими снимками.

В ушах у тебя гудело, сколько ты ни курил, сколько ни выигрывал. Ты зажмурил глаза, но твоему мысленному взору явились дети в бункере, они вцепились друг в друга, прикрыли ручками головенки, глаза круглые, взгляд пустой.

А потом ДД вернулся пьяный с корпоративной вечеринки, застал тебя на диване — ты смотрел по видаку «Королевский суд» — и потащил в твою кровать, хотя Джаки, скорее всего, была у себя в комнате, а вы никогда ничего такого не делали, если Джаки дома и не спит.

И во время этого потного яростного совокупления ДД разозлился, когда ты достал из кошелька презерватив. ДД спросил: у тебя что, СПИД, — ты ответил, что нет, но ты обязательно проверишься; значит, в Ванни ты занимался сексом с другими, заявил ДД, ты снова ответил «нет». Ведь минет — еще не секс, и, если не видишь лица партнера, это тоже не секс, и, если во время этого думаешь о ДД, секс тоже не считается.

А потом ты сделал с ним то, что ему нравится больше всего, и распростерся в изнеможении на сбитых простынях, ДД взял тебя за бороду, приблизил лицо к твоему лицу — изо рта у него еще пахло дорогой выпивкой — и сказал:

— Если ты сделаешь это с кем-то еще, я тебя убью. И не думай, что я шучу.

Тут открылась входная дверь, пришла Джаки, и ты вздрогнул. Кажется, она была не одна, но, может, и разговаривала сама с собой, с нею это бывало.

ДД смотрел на тебя, ты щурился, гладил его эбеновую кожу, точно шкуру породистого пони.

— А если об этом узнает Джаки, она убьет нас обоих.

Ты приник губами к его губам, поцелуй был свеж, хоть от ДД и пахло перебродившим виноградом.

Ты услышал, что Джаки ушла к себе в комнату, болтая с гостем, мнимым или реальным, закрыла дверь и заперла на замок. У нее явно нашлось занятие получше, чем убивать своих соседей в их же постели.

Черная луна

Очки министра блестят в лучах солнца, словно чтобы скрыть от него замусоренную парковку, оживленный крематорий и кладбище, кишащее раздраженными призраками, многие из них попали сюда из-за приказов, отданных голосом в его глотке.

— Стэнли, нет никаких доказательств, что эти снимки сделал Малинда Алмейда. Так с чего бы им считаться его собственностью?

Ты теперь перемещаешься быстрее, чем герои «Звездного пути» и «Семерки Блейка». Стоит кому-то упомянуть твое имя, как ты уже мчишься по телефонным проводам, и вот ты в плюшевом салоне «бенца» рядом с достопрезренным министром юстиции. Его мертвый телохранитель сидит на капоте, оглядывается в поисках наемных убийц. Впереди водитель и какой-то головорез, оба в черном, с головной гарнитурой.

У министра в машине есть телефон — и это притом, что далеко не у всех в этой стране есть телефон дома. Министр говорит в этот кирпичик, и тебе нет нужды слышать, что ему отвечают.

— …знаю, знаю. Но я смотрю на вещи объектив-

но. Исключительно с точки зрения закона. Для вас это дело личное, Дхармендран. Однако необходимо сохранять беспристрастность. Ставить на первое место государственные интересы.

— …да, Стэнли, эти так называемые трупы все еще у ООН. Бред, конечно. Надо потребовать их назад. Как только нам их вернут, мы сами, как полагается, установим личность.

— …некоторые снимки из этой коробки меня тревожат. Мои юристы занимаются этим делом. Я не позволю себя обманывать. Некоторые фотографии — военная тайна. Вряд ли их публикация принесет пользу стране.

— …1983-й? Да, кажется, там были снимки и этого года. Едва ли сейчас имеет смысл их обнародовать. Я знаю, вы со мной согласитесь.

— …послушайте, Стэнли, мне нужно работать. Как только мне вернут снимки, мы с вами встретимся, обсудим каждый по отдельности, и вы мне скажете, как поступить.

— …нам нужно ваше участие, Стэнли. Пусть это страна сингальцев, но мы заботимся обо всех. Это приоритет. Всеми великими нациями правили железной рукой. Великобритания, Франция, Япония, Германия, да хоть нынешний Сингапур.

— …я же сказал вам, я занят. Я вам сообщу, как

только вынесу вердикт. Даю слово.

— …знаете, Стэнли. Это худшее время для Шри-Ланки. Мой астролог говорит, сейчас черная луна. Время Раху, апале[79]. Пусть ООН приезжает, учит нас жить, но что они делают в Южной Африке, Палестине, Чили? Никто, кроме нас, не решит наши проблемы, я прав?

«Бенц» проезжает по кладбищенской парковке, останавливается в тени близ высокой трубы. Мужчины в черном выходят, открывают обе дверцы, тебе кажется это странным. Неужели министр намерен выйти с обеих сторон одновременно? Водитель ныряет в салон, забирает с заднего сиденья коробку, министр вылезает через левую дверь. Ты и не заметил, как очутился рядом с ним.

— …у меня дела, Стэнли. Я позвоню вам, как только что-то узнаю.

Телохранитель — тот, который не военный и не полицейский, — открывает багажник, достает джутовый мешок, и тебя вдруг посещает чувство, будто кто-то прошел по твоей могиле, да еще и насрал на нее. За тобою Сена и студенты-инженеры из Моратувы и Джафны, какие-то мертвые

---

[79] Примечания: 1.79
То есть неблагоприятное время.

«Тигры» и прочие призраки, тебе незнакомые. Тебя сюда привлекло в мгновение ока не только твое имя, но и кости в мешке.

— Так-то вы оделись на похороны? — шутит Сена. Плащ на нем длиннее прежнего, волосы торчат, зубы неровные, острые. — Идем к скорбящим.

По бокам от министра двое в черном, в тени демон. Один охранник держит мешок, второй — разваливающуюся коробку, помеченную стритом с тузом. Обычно выигрышная комбинация, но явно не сейчас.

Ты, не сдержавшись, бросаешься на министра, царапаешь его лицо, горло, спину. Демон министра встает между тобой и хозяином, отталкивает тебя. Ты отлетаешь к «бенцу», в объятия Сены, холодные и, как ни странно, успокаивающие. Министр проходит мимо трех припаркованных грузовиков и мужчин в саронгах, поливающих их из шлангов.

— Я могу вам помочь убить ваших убийц, — шепчет Сена тебе на ухо.

У входа в крематорий — Ранчагода и Кассим. Они отдают честь министру.

— Всё чисто? — спрашивает Сайрил.

— Да, сэр, — отвечает Кассим.

— Да, сэр. Почти, — говорит Ранчагода.

— Комендантский час скоро закончится, — произносит министр Сайрил. — Надо успеть.

В воздухе меньше дыма, пахнет уже не горелой плотью, а скорее, бочками с химикатами, которые должны заглушить этот запах. От семидесяти семи тел остались тлеющие уголья, слабеющее зловоние и тень, невидимая живым. Перед жерлом печи стоит каталка. Человек в черном кладет на нее мешок. Второй ставит коробку на мешок, коробка падает.

Твои кости, твои фотографии отправляют в печь. Министр разворачивается и со вздохом идет к машине. Демон министра прыгает на капот, смотрит на тебя, пожимает плечами и отдает тебе честь.

Три крысы

Ты не знаешь, долго ли смотрел на дым. Да и не только ты. Один ты был недолго. Семьдесят семь привидений глазеют на уголь и пепел, некогда служивший вместилищем их душ; зрелище это вселяет покой не больший, чем если сидеть во дворе в плетеном шезлонге и смотреть, как горит твой дом. Стенания уже стихли, даже вороны и

летучие мыши молчат.

Шепот бьет тебя между ушей, как почти всегда. Голова Сены близ твоего плеча, голос возле твоей мочки:

— Соболезную вашей утрате.

— Отстань.

— Им за это ничего не будет. Карма — полная хрень.

Тебя сотрясает дрожь. Голос Сены хрипит, точно, когда был выше, он раздвоился и теперь звучит на соперничающих частотах.

— Меня ждет очередная речь?

— Знаете, босс, в чем беда кармы?

— Сена, у меня нет настроения.

— В предположении, что так и должно быть. Вот мы ничего и не делаем: дескать, пусть карма идет своим чередом. Это так же бессмысленно, как говорить «иншалла».

— Твой труп тоже поджарили?

— Такое равнодушие привилегированным только на руку. Вон тот калека в прошлой жизни сломал кому-то ноги. Так ему и надо. Эти крестьяне в прошлой жизни были транжирами и теперь голодают. А тот владелец фабрики некогда был бодхисатвой щедрости. И заслужил все свои дома. Если я буду мыть его «порше», быть может,

его варам передастся и мне.

— Не разговаривай со мной. Я не могу шептать живым, не могу никого привести к моим негативам, не могу отыскать моего убийцу. А ты просто болтун.

Шрамы и синяки на теле Сены выглядят даже стильно, точно их нанес татуировщик.

— Буддизм внушает бедным мысль, будто бы там, где они есть, им самое место. Якобы таков естественный порядок вещей. Это корыстная чушь, бедняков от нее уже тошнит.

— Сена, они сожгли мои снимки. Что осталось?

Он парит элегантно, как никогда прежде. В нем изменилось и еще кое-что, но ты не сразу догадываешься, что именно. Он уже не зовет тебя «сэр».

— Все религии держат бедняков в подчинении, а богатые благодаря им живут в замках. Даже рабы в Америке поклоняются Богу, который и не замечал, как их линчевали.

— К чему ты клонишь? — спрашиваешь ты.

— А к тому, мистер Маали, что карма не подразумевает равенства. Сделай добро сейчас, получишь добро потом. Что посеешь, то пожнешь. Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Все это чушь.

— Коммунист-атеист. Какая прелесть.

— Что еще остается?

— Советский Союз, китайцы, кхмеры — все были безбожниками. Быть может, неверие в бога разрешает человеку стать демоном.

— Как будто вера в бога или карму делает человека добрым.

— Я с тобою согласен, товарищ Патхирана. Мы все дикари, кому бы ни поклонялись.

— Я об этом и говорю. Во вселенной существует механизм саморегуляции. Но это не бог, не Шива, не карма.

Он пикирует на грузовик.

— Это мы.

* * *

Сена ждет, что ты последуешь за ним, и ты, разумеется, так и делаешь. Как ни отмывали кузов, в нем все равно воняет мясом. Водила сгорбился за баранкой, на плечах его сидят два вампира и шипят ему в уши. Он заводит мотор, Балал и Котту залезают в кабину, усаживаются на потертые сиденья. Вздыхают, закрывают глаза, похлопывают себя по брюшку, по карманам (там лежат деньги).

— Вы готовы покарать тех, кто нас убил?

— Они все сожгли. Все, что я сделал. Все, что я

видел. Все пропало.

— Чтобы остановить этот поезд, одних фотографий мало, путха. Хватит себя жалеть, брат. Подумай о том, почему ты был Там, Внизу. Для чего ты жил? Неужели только для того, чтобы играть в казино, делать снимки и тискать писюн?

— Я был там, чтобы свидетельствовать. И только. Все эти восходы, все эти убийства существовали, потому что я снимал их. А теперь они умерли вместе со мною.

— Можно плакаться. А можно делать дело.

Над грузовиком парят семеро: вы с Сеной, двое студентов, один из Джафны, второй из Моратувы, и еще три каких-то страшилы, ты стараешься не глазеть на них, но, конечно, глазеешь. У одного все лицо исколото ножом, из ран вылезают черви, у второго переломаны все конечности, третий синюшно-бледный, точно утопленник.

Все трое — жертвы бхишанайи последних двенадцати месяцев, репрессий, уничтоживших ДВП. Кажется, все трое следуют за Сеной.

— Чего уставился, понная? — спрашивает тот, у кого все лицо в червяках.

После смерти тебя оскорбляют из-за того, что ты гей, куда чаще, чем за все двадцать лет, что ты развлекался с парнями.

Сена встает и произносит речь:

— Товарищи. Сохраняйте хладнокровие. Нас пытались убить, а мы вот они. И нас таких много. Несправедливость, допущенная по отношению к нам, опустошит эту землю. В Междумирье все так же, как Там, Внизу. Оно ничем не отличается от Света. Нет такой силы, что управляет бабочками, буддами и справедливостью. Вселенная — это анархия. Триллионы атомов, что сталкиваются друг с другом, пытаясь расчистить пространство.

В ночь комендантского часа, когда не движется ничего, кроме ветров, призраков да этого грузовика, идет дождь. Обычно переполненные здания и запруженные дороги пусты и тихи. Сена смотрит в разверзшиеся небеса и смеется.

— Похоже, сама вселенная за нас! Вы готовы, воины мои?

Студенты кивают, страшилы тоже, ты пожимаешь плечами.

— Пока ты спал, брат Маали, мы времени зря не теряли. Дядюшка Ворон спрашивает про тебя. Не пора ли уже проснуться?

— Зачем? — интересуешься ты. — Чтобы произносить речи?

— Дело даже не в том, как мы умерли. А в том, как вынуждены были жить. Сегодня мы восста-

новим равновесие.

— Я полагал, равновесие недостижимо. Даже в долгосрочной перспективе.

Воины, некогда бывшие студентами-инженерами, хмурятся всякий раз, как ты открываешь рот.

— Дядюшка Ворон научил меня разным штукам. Но я нашел лучшего учителя.

— Ты теперь с Махакали?

— Мы союзничаем со всеми, кто готов нам помочь.

Дальнейшие события стремительны, как выстрел или сердечный приступ. И лишь гораздо позже, сидя на дереве мара, ты умудряешься собрать по новой движущиеся части. Студенты прыгают на капот грузовика, страшилы бегут рядом с ним, ловят взгляд Водилы.

Сена приближает лицо к твоему лицу. То ли собирается поцеловать тебя в губы, то ли откусить тебе нос.

— Все пацифисты. Все против насильственных мер. Не считая тех случаев, когда речь идет о комарах, крысах и тараканах. Или террористах. Тогда или ты, или тебя. Как будто жизни одних важнее, чем жизни других (хотя так и есть). Комары убили половину человечества. Мне не стыдно

пользоваться ДДТ. И я готов отвечать перед любым богом, который с меня спросит.

Сена ныряет на место водителя, рычит тому в ухо. Слова его — ядовитые замечания, пересыпанные ругательствами; Водила хмурится. Грузовик набирает скорость на пустынной улице, ведущей к отелю «Лео», где хранят трупы и погребают секреты. Грузовик далеко не уедет.

Страшилы встают посередине дороги, держат себя за горло и что-то поют. Слов не разобрать, но ты подозреваешь, что это смесь санскрита, пали, тамильского и демонического.

Водила, прищурясь, глядит на дорогу, качает головой. Произносит слова, проделавшие путь из его уха к его губам:

— Я готов отвечать перед любым богом, который с меня спросит.

Он потирает глаза и, ахнув, замечает страшил посередине дороги. Водила выворачивает руль, давит на тормоз, но тот, разумеется, не срабатывает, поскольку один из студентов-инженеров удерживает тормозные колодки, грузовик летит в автобусную остановку близ электрического трансформатора, тебе кажется, будто на остановке есть люди, но тут грузовик врезается в трансформатор, раздается всесильный гро-

хот — так, будто всесильное существо ударили по голени.

Трансформатор с треском валится на остановку и очередь возле нее.

Водила бьется лицом о руль, дремлющие головорезы подлетают к потолку кабины и просыпаются, кашляя. Что-то вспыхивает, взрывается, в грузовике кричат. Сена и его банда разъяренных воинов танцуют в пламени, нараспев произносят ругательства и оскорбления, а три крысы горят в кабине грузовика.

Оглядевшись по сторонам, ты замечаешь части тел, принадлежащие явно не этим крысам в кабине. Сколько человек стояло на остановке во время комендантского часа? Трое? Пятеро? Ты видишь мать и младенца из зоны боевых действий, старика со шрапнелью, мертвого пса. Они что-то говорят тебе, но ты не слышишь. Просят тебя о том, чего ты не можешь им дать. Пес говорит, а ты возвращаешься в настоящее и видишь, как Сена и его шайка разрушителей выкидывают штуку еще более непонятную.

Ты не ждал такого от тех, кто устроил аварию и плясал в языках пламени. Они тянут на себя дверь водителя, та открывается со скрипом, хоть петли ее разбиты. Выползает со стоном Водила,

пламя лижет его протез. Призраки затаптывают пламя и поют, глядя на горящий грузовик. Водила теряет сознание, пламя на нем гаснет.

Там, где случилось несчастье, всегда быстро собирается толпа — по той же причине, по которой ты смотришь в платок после того, как высморкался. Люди выходят из придорожных магазинчиков — и плевать, что комендантский час, — что-то кричат, но не приближаются к горящему грузовику. Кто-то приносит ведра с водой — окатить Водилу, оттащить от места аварии. У остановки лежат окровавленные жертвы. Одни кричат, другие уже не шевелятся.

Возле тех, кто уже не шевелится, фигуры в белых одеждах. Похоже, в этом городе Помощники прибывают на место быстрее скорой. Мертвых уводят прочь, вид у них ошарашенный, это выражение ты знаешь слишком хорошо.

Из горящего грузовика выползают двое, Сена и его вампиры набрасываются на них. Студенты-инженеры хватают Балала и Котту, уводят в поле возле дороги. Те не сопротивляются. Лишь таращатся на горящий грузовик и свои обугленные трупы.

Сена и его банда с песней ведут мусорщиков по скудной земле. Ты видишь фигуру со шлейфом

волос и цепью из черепов. Лиц под кожей на ее брюхе тебе не видно: ты слишком далеко и ближе оказаться не хотел бы. Сена оборачивается к тебе, делает знак идти следом за ними. В глазах его красный цвет мешается с черным. Гул на краю вселенной наполняет твои — уже осмотренные — уши. Ты не идешь за Сеной.

Маска

Ты не знаешь названия дерева, на котором сидишь, знаешь только, что листья у него толстые, они ловят ветер и шепот. Ты смотришь, как над далекими крышами поднимается дым, и гадаешь, что там горит: люди или фотографии.

Твое имя долетает с востока, ты стараешься не обращать внимания. Всё, кем ты был, всё, что ты делал, обратилось в прах. Никто не вернет твои негативы, их будут точить насекомые, пока черное не побелеет. Вскоре ты перестанешь слышать свое имя, и все кончится.

— Я всего лишь прошу тебя подождать. Ты паникуешь из-за Малинды.

— Нет. Я паникую из-за министра, Куга. Я знаю, что ты не работаешь в КНФПСТМ. Вот из-за чего я паникую.

Ты покинул безымянное дерево и очутился в номере люкс на седьмом этаже отеля «Лео». Все имущество КНФПСТМ сложено в картонные коробки и мусорные мешки. На стенах пустые квадраты в форме снимков, некогда там висевших.

Кугараджа курит у окна, Эльза Матанги убирает папки в чемодан.

— А если на таможне тебя остановят?

— Скажу, что работаю в канадском посольстве и везу документы.

— Может, все же обсудим?

— Там, внизу, стоит фургон?

Куга отодвигает занавеску и глядит на Остров рабов с высоты птичьего полета. Затягивается сигаретой, качает головой.

— Комендантский час еще не закончился. Там, внизу, три фургона. И один джип. Я вот что хочу сказать. Может, продолжим работу? По крайней мере, пока не получим снимки. Если правительство перед тобою в долгу, это не так уж и плохо.

— Подумай сам. Министр не отдаст нам снимки. Как думаешь, чем все кончится? Когда «Тигры» узнают, что я связала Махатийю с правительством, они свернут мне шею.

— Ничего тебе «Тигры» не сделают. Я гаран-

тирую.

— Да неужели?

— Я не стал бы подвергать тебя опасности.

— Тогда почему бы тебе не заключить сделку с полковником Махатийей?

Эльза застегивает чемодан, окидывает взглядом беспорядок в кабинете. Ты смотришь на коробки — рот им заклеили скотчем — и гадаешь, куда их отправят, в посольство или же в печь крематория.

— Я, в отличие от Малина, не играю в азартные игры. Может, он жив. И продал негативы израильтянам.

— Его больше нет.

— Ты знаешь, кто его убил?

— А ты?

— Если его убили за снимки, нам угрожает опасность.

— О'кей, я забронирую тебе билет на самолет. Куда лучше — в Канаду, Норвегию, Лондон?

— Спасибо, я сама себе все забронирую. Ты только вытащи меня отсюда.

Ты наблюдаешь за любовниками, они кружат по кабинету. Эльза катит к двери чемодан. Ты вспоминаешь, как сперва взял у них чек, а потом отказался. Хотя уже и не помнишь почему.

— Ты займешься коробками?

— К утру с ними разберутся. Что говорит КНФПСТМ?

— Я не стану им звонить, пока не покину страну. Я сказала только тебе, хотя даже тебе не доверяю.

— Вот как, значит? Сдаешься?

— Я приехала сюда помогать тамилам. Мой труп никому не поможет.

Куга подходит к ней, поднимает руку. Эльза вздрагивает, но он убирает волосы с ее лица.

— Ты не попросила меня поехать с тобой.

— Так поехали.

— Мне надо закончить одно дело.

— Поэтому и не попросила.

— Какие у тебя планы?

— Сегодня днем из «Хилтона» уезжает целый автобус немцев. Можешь посадить меня в этот автобус?

— Скорее всего, за обоими выходами следят.

— Но не за служебным лифтом.

Куга улыбается, снимает трубку.

— Скажи министру, что у тебя появилась зацепка и ты надеешься, что к вечеру воскресенья негативы будут у тебя.

— Так ты посадишь меня в этот автобус?

— Когда я тебя подводил?

Эльза глубоко вздыхает, берет у него трубку и делает, что велено. В твой последний вечер она сказала тебе, что умеренные в этом городе в конце концов оказываются либо в самолете, либо на бетонной плите.

Суточный комендантский час очистил улицы и воздух. Без вони дыхания он свеж, ветры дуют свободно, лишь изредка приносят клубы дыма и пыли. Напротив отеля — белый фургон «делика» с тонированными стеклами, на заднем сиденье заместитель суперинтенданта полиции Ранчагода, не выспавшийся, раздраженный, глаза с набрякшими веками устремлены на вход в отель.

Рядом с фургоном останавливается джип, опускает стекла. За рулем пузан в дымчатых очках и медицинской маске. Рядом с ним сидит майор Раджа Удугампола, в руках у него рация.

Он смотрит на копа, тот выпрямляется, придает лицу осмысленное выражение.

— Я хочу, чтобы вы следили за обоими выходами. Сообщите мне, когда она появится. Проследите за ней, да смотрите не потеряйте ее из виду. По моей команде схватите ее. Все ясно?

— Да, сэр, — говорит Ранчагода.

Майор подносит рацию к губам.

— Пока передвижений не замечено. Но мы не спускаем глаз. — Из рации слышится треск. Майор слушает, хмуря лоб. — Во дворце всегда есть место, сэр. — Снова треск, майор сверлит взглядом Ранчагоду. — Если нет, мы расчистим место, — заверяет он.

На последний треск он не отвечает. Кладет рацию и медленно говорит Ранчагоде:

— Привезите мне или девчонку, или негативы. Если сумеете и то и другое, заплачу сверхурочные. Если что-то одно, я обрадуюсь. Если ни то ни другое, не обрадуюсь.

— Мне заниматься этим в одиночку?

— Испугался? Ани[80], милый. Не бойся, баба[81]. Мой друг посидит с тобой, подержит тебя за руку.

Человек в маске вылезает из джипа, глаз и губ его не видно, но ясно, что он улыбается.

Дворец

Майор Раджа Удугампола был штабной кры-

---

[80] Примечания: 1.80
Зд.: ох ты. Междометие служит для выражения огорчения, досады.

[81] Примечания: 1.81
Зд.: отец, старик.

сой, на поле боя ты видел его всего раз. В 1987-м в Аккараипатту. Сперва он велел вырыть такие большие могилы, чтобы в них можно было похоронить целую деревню, потом заставил солдат переодеть трупы в униформу «Тигров» и положить их в определенных позах. Потом приказал тебе и типам из «Лейк Хаус» сделать фотографии. После чего конфисковал твою пленку.

Обычно фотографы покидали зону боевых действий после одного, максимум двух массовых расстрелов. Большинство боялось крови, кого-то не устраивала высокая степень риска при посредственных гонорарах. Ты же втянулся.

Потому что, по мнению одного старого дурака — то есть тебя, — проблема жителей Коломбо, Лондона, Дели заключалась в том, что они не знали всей степени ужаса. Быть может, одному молодому умнику — опять же тебе — удалось бы сделать такую фотографию, из-за которого высокопоставленные политики восстали бы против войны. Сделать для войны в Ланке то же, что сделала для Вьетнама фотография с голой девочкой, пострадавшей от напалма.

Майор приказал всем прикомандированным журналистам немедленно сообщить ему, если вдруг станет известно, где скрывается Верховный.

Он поделился шестизначным номером и посулил шестизначное вознаграждение — причем на этот раз не в рупиях — тому, кто приведет его к Прабхакарану.

Дело было в начале войны, тогда военным хватало глупости верить в то, что, если поймать Верховного, победа, считай, за ними. Журналистов майор Раджа берег еще меньше, чем пули, которые его боссы покупали у британцев. Еще одна причина, по которой журналисты не задерживались надолго.

Память сотрясает тебя приступом кашля. Такого сильного, что от него болит мозг и ты катишься вперед. Он опаляет края нервов — их у тебя уже нет, — переносит тебя в место, служившее кабинетом и коридором. Вдоль стен шкафы и витрины. «Узи», браунинги, пули дум-дум, гранаты бум-бум — всё за стеклом в военном музее, принадлежащем майору, который ни разу в гневе или страхе не выстрелил из автомата.

Ты стоял у стола, глядя на плешивую голову большого человека. Попытался прочистить горло, но закашлялся сильнее, чем ожидал. Майор Раджа Удугампола, он же Король Раджа, посмотрел на тебя с отвращением.

— Вам нужен врач?

— Нет, сэр. Обычный кашель курильщика.

— Значит, вот как это называется? Не кашель гомика?

Ты долго стоял неподвижно, майор рассматривал тебя. Рядом с тобой был стул, но присесть тебе не предложили, и ты остался стоять. На столе лежала папка с твоим именем и снимками с передовой, сделанными тобою, — матовыми, черно-белыми, двенадцать на восемнадцать дюймов[82]. Обстрелы в ВВТ[83], когда горящие трупы взрывом отбросило на кокосовые пальмы. Эта фотография лежит на стопке прочих снимков, ты помнишь их все. Тогда каждый месяц были массовые убийства. Обе стороны по очереди вырезали целые деревни в отместку за зверства противника. Но майор велел снимать только жертв «Тигров». Кокилаи, Кент-Фарм, Доллар-Фарм, Хабарана, Анурадхапура. Расправы, финансируемые государством, снимать обычно не требовалось.

— Хорошая работа. Такие вещи надо документировать. Что «Тигры» творят с ни в чем не повинными женщинами, детьми, грудными

---

[82] Примечания: 1.82
30 × 45 сантиметров.

[83] Примечания: 1.83
Городок Вальветтитхураи, где родился будущий лидер ТОТИ.

младенцами. Иначе тамилы заявят, что этого не было.

Пауза. Ты молчишь.

— Тем досаднее.

— Сэр?

— Малинда Альберт Кабалана, — произносит майор, глядя на твою папку. — После сегодняшних событий мы не продлим с вами контракт.

— Мой контракт заканчивается в 1990-м.

— Верно. Но вы нарушили Уголовный кодекс 1883 года.

— Я не знаком…

— Вы вступаете в противоестественные отношения с солдатами. В военное время это терпеть нельзя. Впрочем, как и в любое другое. Вас уже предупреждали.

Любые отношения в зоне боевых действий — противоестественные. Дружбы вынужденные, хрупкие. Страх и скука производят на свет странные союзы, утешение можно отыскать в объятиях незнакомца. Ты знал, как вычислить смазливого паренька, которому нравятся красивые мужчины — хоть в униформе, хоть в саронге, хоть в национальном костюме. Улыбаются ли они в автобусе, ругаются ли с женами. Ты играл только с молчаливыми, с деревенскими пареньками, рас-

терянными одиночками, с теми, кто никому не сболтнет, — по крайней мере, тебе так казалось.

Майор встал, медленно прошел вдоль стола, остановился рядом с тобою. Впился в тебя взглядом, ты же смотрел прямо перед собой. Погладил тебя по щеке, коснулся твоей шеи.

— Боишься?

— Нет, сэр.

Пальцы его скользнули по подвескам на твоей шее — тогда их было больше трех. Анкх, ом, армейский жетон, капсулы, склянка с кровью. Майор провел рукой по твоему животу. Он потер твой пах тыльной стороной пальцев — не сильно, но и не слабо. Точно искал под нежной кожей катушки фотопленки. Ладони у него были мозолистые, но прикосновение ласковое. Ты стоял по стойке смирно и усилием воли не давал своей плоти восстать.

— Но дело не только в этом.

Ладонь майора лежала на твоем съежившемся межножье; ты застыл.

— Ходят слухи, что вы больны. Я не заболею СПИДом оттого, что прикасаюсь к вам?

Он убрал от тебя руки, вернулся к столу, снял кепку с гвоздя на стене.

— Идем.

* * *

Джип вел молодой солдат с протезом вместо ноги; солдат на тебя не глядел. Майор Раджа Удугампола сидел напротив тебя, колено его вторгалось в пространство между вами. Если бы он подался вперед, придавил бы коленом твои яйца.

— Не обманывайте себя. У нас есть фотографы и получше вас, — сказал майор. — Эти люди преданы нам. Эти люди хранят верность своему народу. И не распускают язык.

— Сэр, куда мы едем?

— Парни зовут это место «Раджа Гедара». Наверное, в мою честь. Дом Короля. Дворец. Смешные ребята. Я, конечно, помог с проектом. Сказать вам, почему мы вас отпускаем?

— В моем контракте указано, что я могу работать внештатно.

— Только с разрешения. Вы получили разрешение отвезти Роберта Садворта на встречу с полковником «Тигров»?

— Я работаю в *Associated Press*. Роберт Садворт — их журналист.

— А его телохранитель?

— Боб Садворт — параноик.

— Но это наемник из частной охранной фирмы. Вы привезли посторонних на передовую.

— В их пропуска поставили нужные печати.

— Их поставил не я. Вам разрешили отвезти журналиста *AP* в лагерь Ванни. А не торговцев оружием на застолье с врагом.

— Торговцев оружием?

— Я однажды встречался с Садвортом. Если быть точным, именно в Ванни.

— То есть как?

— Что-то есть как? Вы сами там были.

— Я там был?

— После того, как мы напали на лагерь. И взяли полковника в плен. Разве не помните?

— Меня ранили в перестрелке. Я ничего не помню.

— Куда ранили?

— Я не глазею куда не надо.

— Ани. Милый невинный мальчик.

Он подается вперед, коснувшись коленом твоего паха.

— Было бы лучше, если б я знал, на чьей вы стороне.

— Хорошие журналисты не принимают ничью сторону.

— Верно. А фотографы-гомики?

— Что?

— У меня семь жалоб на вас, кадеты говорят, вы к ним приставали.

Ты уставился в окно на пустеющие улицы, гадая, не объявили ли комендантский час. Ничего майор не докажет, подумал ты. Всего семь, подумал ты. Ни к кому ты не приставал, и вы оба это знали. Приставания — то, что было сейчас в кабинете майора. Ты повторял мантру, что помогала тебе держаться все тридцать четыре года.

— Я не гомик. У меня есть девушка.

— Хватит врать. На вас поступили жалобы. Если вы передвигаетесь с армией, то живете по армейским законам. У молодого капрала из подразделения Виджайи взяли анализы, нашли ВИЧ. Такие, как вы, мне здесь не нужны.

— Я не знаю никакого капрала.

— Заткнитесь. Я нанял вас. И не хочу, чтобы мои солдаты болели.

— Но я здоров.

— Поэтому-то вы пользуетесь презервативами Красного Креста? Я вижу, как вы кашляете. Я вижу отметины на вашей коже. Так не пойдет.

Джип поехал направо, на Хавлок-роуд, покатил по тенистой аллее, где дома просторные, стены высокие и на улицах нет мусора. Дорога

дважды повернула, водитель направил машину в переулок.

— Ходят и более тревожные слухи. Их я не могу доказать. Мы воюем на два фронта. И мне некогда гоняться за педиками с камерами.

В конце тупика замаячили гигантские ворота — как выяснилось, на дистанционном управлении; за воротами обнаружились два охранника с пулеметами, оба отдали вам честь.

— Здесь еще не все готово. Но скоро будет.

Солдаты отобрали у тебя камеру и кошелек, но ты не испугался. Как никогда не боялся ходить по минным полям и садиться в лодку с «Тиграми». Ты верил, что с тобой ничего не случится, тебя защищают — не ангелы, а законы вероятности: они утверждают, что плохое случается не так уж часто (но порой все же случается).

На первый взгляд дворец напоминал любовное гнездышко: в такое место ты привел бы любовника из среднего класса. Ты наловчился проводить парней в такие дома свиданий: говорил им надеть паранджу, которую нашел на вешалке в горящей деревне неподалеку от Аккараипатту. Единственный способ провести их мимо администратора, избежав косых взглядов.

Задняя часть здания смотрела на ворота, солда-

ты на строительных лесах красили стены зеленой краской. Дорожка шла мимо припаркованных грузовиков, брошенных тележек, и упиралась в недостроенную бетонную лестницу. В доме было три этажа, на каждом по семь комнат. Всюду большие окна с тонированными стеклами (в обычном доме свиданий такое встретишь нечасто). Во всех комнатах одно и то же. Деревянный стол, мусорная корзина, веревка, палка от швабры, полихлорвиниловая труба, колючая проволока, в одной стене водопроводный кран, в другой розетка.

— Я привез вас сюда, чтобы сказать только это.

Шедший за тобою майор достал из чехла дубинку. Ты только сейчас заметил, что на ремнях у солдат висят дубинки.

— Многих из тех, кого уволили из армии, кто повидал то же, что и вы, призывают стать активистами. Перейти на другую сторону. Не лучшая мысль.

Ты не видел призраков в пустых комнатах первого этажа, но чувствовал их. Тогда ты еще не знал, что привидения существуют. Ты видел, с какой легкостью пуля уносит душу на поле сражений, у тебя на глазах дышащие существа превращались в тухлое мясо; в тебе не осталось

веры. Пока не попал во дворец, не почуял щемящего страха в зловонном воздухе, не услышал шепота в тени.

Едва ты поднялся по лестнице, как в нос тебе ударил запах дерьма и мочи. На втором этаже комнаты выглядели так же, как и на первом, за тем лишь исключением, что в них были люди. В каждой по парню, все темнокожие, все в синяках. Одни сидели, обняв колени, другие смотрели в окно и не заметили тебя.

— На эти окна ушла половина моего бюджета. — Майор постучал дубинкой по ноге. — Они звуконепроницаемые, зеркальные, прозрачные с одной стороны. Их прислали с Диего-Гарсии.

Парень в последней комнате уставился на тебя в окно, округлив глаза и открыв рот. Ты не сразу понял, что он кричит, просто стекло не пропускает звуки. Диего-Гарсия — подковообразный остров к югу от Шри-Ланки, после наполеоновских войн им управляли британцы, они вырезали две тысячи местных жителей и сдали остров внаем США. К 1980-м годам с военной базы на острове западным союзникам в Азии поставляли не только двойные зеркальные стекла.

— Мне присылают инструкторов — обучать моих подчиненных вести допросы. Даже убедили

правительство выделять мне больше средств.

Третий этаж ничем не отличался от двух нижних. Прямоугольные комнаты, тонированные окна, минимум мебели, невыносимая вонь. Но в здешних комнатах было по нескольку человек.

В Первой комнате двое мужчин в масках избивали трубами парня. Во Второй комнате орал парень, привязанный ремнями к кровати. В Третьей комнате висели вверх ногами два парня с мешками на головах. В Четвертой комнате человек в медицинской маске и дымчатых очках наклонился над человеком на стуле.

— А это Маска. Он первым встречает всех гостей моего дворца.

В Пятой комнате стояла на коленях обнаженная девушка, вокруг нее ходил голый по пояс мужчина. В Шестой и Седьмой комнатах на столах неподвижно лежали парни.

Майор Раджа Удугампола схватил тебя за плечи и притиснул к дальней стене. За ним виднелось окно с телами на столах.

— Я вас отпущу, пока вы не поставили меня в неловкое положение.

Ты погладил его пах. Он расслабил пальцы, вздохнул, убрал твои руки, прижал их к стене.

— Но если вы все же поставите меня в неловкое

положение, с вами может случиться кое-что хуже потери работы.

Он поцеловал тебя в щеку, потом в губы. Потом дважды с силою шлепнул. Почесал бровь, сжал кулак, ударил тебя в живот. Из тебя будто выпустили воздух, взгляд поплыл, ты приготовился к следующему удару, но его не последовало.

И он отпустил тебя.

Разговор с мертвым священником (1962)

Ты покидаешь Голл-Фейс-Корт, уплываешь туда, куда мог никогда не попасть. Часто темною ночью — задолго до того, как темная ночь поглотила тебя, — ты гадал, можно ли вернуться туда с фотоаппаратом, забраться на манговое дерево в переулке и сделать снимки, которые принесут тебе Пулитцеровскую премию.

Майор не завязал тебе глаза: он знал, что ты не вернешься. Ты не сомневался, что в прошлом году во время бхишанайи в каждой из двадцати одной комнат его дворца кого-то держали. Подозреваемых анархистов убивали не так активно, как в 1965-м, когда Индонезия расправилась с миллионом коммунистов, поэтому сейчас погибших

никто не считал. Одни говорили, их было пять тысяч, другие — двадцать тысяч, третьи — сто тысяч, четвертые — намного меньше.

Да и Пулитцеровскую премию дают только американцам. Тем самым американцам, чье ЦРУ финансировало резню в Индонезии, у кого военно-морская база к югу от Мальдив, кто отправляет команды инструкторов в так называемый дворец в так называемом раю — обучать местных палачей.

В общем, ты так и не вернулся туда: ты понимал, что из дворца еще никто не выбирался живым. Ты видел, как привозили трупы, клали на прозекторские столы в полицейских участках и армейских казармах. Ты видел убитых «подозреваемых», полезных для пропаганды в борьбе с повстанцами, агитаторами, преступниками и террористами. Правда, большинство убитых не имело к ним отношения. Порой ты замечал в камере преподавателя или журналиста: лицо знакомое, но изувечен до неузнаваемости. Ты фотографировал их, снимки убирал в коробку, вырезал негативы и прятал в тайник: там не станет искать никто, у кого хорошие уши.

С вершины мангового дерева тебе видны огоньки, мерцающие на втором этаже, слышны крики,

плач, треск электричества. Ветер доносит запах желчи. Незваная вонь чужой рвоты, протухший букет пищи, скормленной насильно, помесь пота и страха. Зажигаются новые огни, слышатся новые крики. Что там вытворяют? Вода до ноздрей, разряд электричества в пах, гвозди в ноги?

Ты так и не вернулся туда, поскольку боялся того, что можешь увидеть, боялся, что сам попадешь в застенок. И даже теперь, после всего, что случилось, не можешь заставить себя перелететь через сад к мигающим огонькам.

— Подойдите поближе, — хрипло произносит кто-то. — Если вы не хотите смотреть, то и не надо.

На крыше ты видишь тень. Огромную. Бесформенную. Без глаз. Даже красных. Над крышей черный дым, хотя труб нет. Дым вьется, сливаясь в клубы. Ты ловишь себя на том, что летишь туда, на зов этого голоса.

— Все это ужасно, ужасно несправедливо. Знаете, я был священником.

— Буддийским? — спрашиваешь ты. — Или католическим?

— Какая разница? Я видел темное сердце мира. И пока что не встретился с Творцом.

— Почему вы сидите здесь?

Существо обретает форму, ты видишь его черные зубы, черные глаза, сутулую спину.

— Здесь энергия. Сядьте рядом со мной. Здесь нет ни Бога, за которым надо следовать, ни дьявола, которого надо бояться. Только энергия, ничего больше.

— Вы здесь живете? — спрашиваешь ты, осознавая, что глагол далеко не точен. На крышу ты не ступаешь.

— Когда я был священником, неверующие спорили со мной. Бог или желает положить конец злу, или нет. Бог или способен остановить зло, или нет.

— Я уже слышал эту шутку.

Ты вдруг понимаешь, что скучаешь по доктору Рани, и удивляешься, почему ее давно не видно. Известно ли ей, что ты был с Сеной и что Сена погубил пятерых мирных жителей, лишь бы покарать пару крыс? Быть может, она тонет в изумленных душах, незаполненных анкетах, осмотрах ушей и доводах против Света? Или списала тебя, как очередную неудачу, начавшуюся с благих намерений?

— Есть ли что-то ужаснее этого здания, на крыше которого мы сидим? — вопрошает мертвый священник.

— Существуют похожие здания, в каждой их комнате старики развлекаются с перепуганными детишками.

— Бывал я в таких комнатах. Я наслаждался этими криками.

— Вам нравятся крики?

— Эпикур считал, что Бог или бессилен, или всех ненавидит. Ведь если он хочет и может искоренить зло, почему не делает этого? Но великий грек не учел одну возможность. — Тень принимает форму большого тела с еще большей головой. У этого существа голова зверя или уродливого африканца.

— Что Бога нет?

— Нет.

— Что Богу не до нас?

— Наи![84] Что Бог некомпетентен. Он и хотел бы искоренить зло. Он способен искоренить его. Но не может сосредоточиться.

— То есть Он созерцает свой собственный пуп, как почти все мы.

— Я имею в виду, что Он вечно опаздывает и не умеет правильно определять приоритеты.

Ты чувствуешь холод, от которого стынет кровь

---

[84] Примечания: 1.84
Нет.

и перемешиваются клетки. Что-то такое, что всегда тебя пугало, но ты не знал, как это называется.

— Вы тоже это чувствуете, не так ли. Энергию. В ней все дело. Она альфа и омега. Вселенной безразлично, положительная она или отрицательная. Так вы присядете?

Ты смелеешь от ветра, дующего из Мутвала; если струйки черного дыма потянутся к тебе, ты оседлаешь ветер и улетишь.

— Меня не пытали. Меня ничто не мучит. Возможно, меня убили, но даже в этом я не уверен. Мною питаться не получится, как этими, Там, Внизу.

— Уверены?

Очертания меняются, и вот перед тобою уже не священник в облачении. Существо сидит по-собачьи, на шее у него что-то висит.

— Я наблюдал за вами на том дереве, мистер Фотограф. Вы же знаете, что порядка не существует. Вы всегда это знали.

Холод внезапно превращается в нечто знакомое. Точней, не во что-то — пожалуй, скорее в ничто, в пустоту, которая простирается до горизонта, в вакуум, знакомый тебе искони. Когда умер твой дорогой дада, ты каждый вечер,

пытаясь заснуть, проигрывал в голове разные сценарии. Быть может, он чуял, что ты гомосексуал, быть может, жалел, что ты не такой, как он, быть может, ты напоминал ему о ней, быть может, он надеялся, что ты добьешься большего. Ты воскрешал в памяти каждое злое слово, каждый сердитый взгляд, каждое проявление пренебрежения, каждое резкое замечание, пока в груди не воцарялась пустота.

— Вы чувствуете ее, не так ли? Это энергия.

Та пустота, та ненависть были не то чтобы неприятны. Отчаяние как чипсы: сперва ты грызешь их со скуки, а потом ешь на завтрак, обед и ужин.

— Кого вы вините в этом? Быть может, колонистов, которые веками нас имели? Или сверхдержавы, которые имеют нас теперь?

Снизу доносится жуткий вопль, крыша извергает черные тени, мертвый священник всасывает их через гигантскую соломинку.

— Кто нас имел?

— Португальцы заняли миссионерскую позицию. Голландцы брали нас сзади. Когда явились британцы, мы уже стояли на коленях, руки связаны за спиной, рот широко раскрыт.

— Я рад, что нас колонизировали британцы, —

говоришь ты.

— Куда лучше, чем если бы нас вырезали французы, — произносит священник.

— Или поработили бельгийцы.

— Или уморили газом немцы.

— Или изнасиловали испанцы.

— Иногда я задумываюсь о том, в каком дерьме очутилась эта страна, и говорю себе: пусть уж нас перекупят китайцы или японцы, пусть нашими мыслями завладеют янки и русские, пусть индийцы за нас разберутся с тамилами, как голландцы за нас разобрались с португальцами.

Ты сидишь в тени, дышишь пустотой.

Мертвый священник сидит напротив тебя и шепчет в темноту:

— У этого острова всегда были связи с миром. Мы продавали Риму и Персии пряности, драгоценные камни и рабов, когда учебников истории еще не существовало. Да и людей наших всегда продавали. Вот как сейчас. Богатые отправляют своих детей в Лондон, бедные отправляют своих жен в Саудовскую Аравию. Европейские педофилы загорают на наших пляжах, канадские беженцы финансируют наших террористов, израильские танки убивают нашу молодежь, японская соль отравляет нашу еду.

В этот миг ты осознаешь, что тебе надо кое-куда, и это место не здесь. И что, если ты пробудешь тут еще чуть-чуть, ты забудешь, зачем прилетел.

— Британцы продают нам оружие, американцы обучают наших палачей. Что нам всем остается?

Под одеяниями священника бугрятся мышцы, существо подползает к тебе, и ты вдруг замечаешь, что это не он, а она. Голос ее разделяется надвое, натрое, на множество голосов. Ты узнаешь эту поступь и этот рык. Ты шарахаешься от тени, но она преграждает тебе путь.

— Британцы оставили нам необработанную жемчужину, и мы сорок лет набивали эту устричную раковину дерьмом.

Существо приближает лицо к твоему лицу, и ты снова не можешь понять, кто перед тобою, он или все же она. В тебе ревет холод и пустота. Глаза у существа — из тысячи чужих глаз, голос — из тысячи чужих голосов. Ты ловишь краем уха гул: это не он, не она, не оно, не они. Это какофония.

— Вот вам вонючая правда, вдохните ее глубоко. Мы сами все просрали.

Махакали обвивает тебя руками, кто-то еще обвивает тебя руками, все обвивают тебя руками.

— Скажите еще раз. Громче и медленней.

Зубы ее черные, как глаза, в разверстой пасти

чернеет язык, из глотки глядят глаза.

— Мы всё просрали. Сами.

Луна пятая

Воззови ко Мне — и Я отвечу тебе, покажу тебе великое и недоступное, чего ты не знаешь.

Книга пророка Иеремии, 33:3

Я хожу во сне

Твой полет навстречу вихрю прерывает появление женщины с журналом. Воздух вокруг тебя становится плотью, лица вокруг тебя молят о смерти, выражение их меняется от оргазма до боли. Ты почти отключился, как вдруг очнулся от звука.

— Прошу прощения! Это его пятая луна. Его нельзя забирать. И не делайте вид, что вы этого не знаете.

Голос доктора Рани звенит пронзительно, как мелодия фургона с мороженым, ты откликаешься на него, подобно ребенку, играющему на веранде. Ты вырываешься из рук теней и обнаруживаешь себя в объятиях доктора, из огня да в полымя.

— До седьмой луны вы не имеете права его тро-

гать. Таков закон. Я знаю, что вы делаете, мы не боимся. Этот закон нельзя нарушать даже вам.

Ты улепетываешь от существа на манговое дерево. Доктор Рани толкает тебя на ветку. Ты озираешься: Махакали вновь превратилась в тень. Змеи теней, ползуны мрака тянутся с крыши, питают Махакали.

— Идите к черту.

Существо говорит как дюжина священников, которые пытаются примирить всех одновременно. Хохот, потом плевки.

Доктор Рани взлетает на дерево, тащит тебя на ветер, и вы снова скользите над крышами.

— Я вернусь с подкреплением и выгоню вас отсюда, — напоследок грозит доктор Рани, и ветер уносит вас.

Интересно, с ТОТИ она была такая же смелая, думаешь ты. Интересно, предупредили они, что сейчас убьют ее, или нет, думаешь ты.

— Ваша пятая луна, Малинда. Послезавтра я уже ничего не смогу для вас сделать.

— Почему у меня болит голова?

— Вас запишут «пропавшим без вести», и вы окажетесь в кишках у этой твари. Нет у вас головы. А болит, так это из вас глупость выходит.

— Я же не знал, что это Махакали.

— Знали. Это место кишит обитателями преисподней. Они питаются муками. И вам известно, что Сена им помогает. Как вы думаете, зачем вы ему нужны?

— Он обещал научить меня шептать. И научит, если я присоединюсь к нему.

Ветер тянет тебя выше обычного. Крыш и вершин деревьев можно коснуться рукой, и тошнота твоя сменяется эйфорией. Ты взмываешь к земному потолку, город как на открытке. Воздух прохладнее и свежее, ветер дует со всех сторон. С такой вышины не видна ни грязь, ни суета. Коломбо дремлет в тени, украшенный деревьями и огнями. Даже озеро Бейра кажется живописным.

— Я могу помочь вам шептать.

— Правда?

— Но я предлагаю это лишь тем из душ, кто обязуется уйти к Свету. Вы заставляете меня обходить правила. Я ненавижу обходить правила.

— Спасибо, что вытащили меня оттуда.

— Я это сделала не ради благодарности.

Вы достигли облаков, твое изумление, должно быть, позабавило доктора Рани, она прекращает тебя упрекать и заливается смехом.

Тебе и раньше случалось подниматься выше облаков — на «Боинге-747», — но тогда ты, на-

верное, не обращал на это внимания. Небо здесь голубое, как вода в бассейне, но в этом бассейне пар вместо воды, он бездонный и теплый, а ты паришь, невесомый, и голова твоя на поверхности.

Ты оглядываешь простирающееся вокруг море облаков, в центре каждого колышется бирюзовый бассейн, невидимый далекому миру Там, Внизу.

— Здесь пребывают сны. Я часто сюда заглядываю. Навещаю его и моих девочек.

— Его? То есть Бога?

Доктор Рани смеется.

— Нет, дитя. Моего мужа. Отца моих дочерей.

— Профессора?

— Он поддерживал меня, хоть и не соглашался со мною. После моей гибели порвал всякую связь с политикой. Он Там, Внизу. Растит моих девочек. Он чудесный отец. Я при первой возможности посещаю его во сне, рассказываю ему о том о сем.

Ты, не отрываясь, смотришь на облачную лазурь.

— Мы можем являться живым во сне?

— Если не заблудимся, — отвечает она.

— И я могу явиться кому угодно?

— Если спящий не возражает.

— А как мы…

— Дайте руку. Подумайте об этом человеке. И…

Она тянет тебя вниз, и вы ныряете в бассейн облака.

* * *

Ты в комнате, ты узнаешь ее по плакатам на стенах, запаху грусти — вообще-то это лаванда, вдруг понимаешь ты, — и гадаешь, скучал ли по этому всему. Джаки похрапывает во сне. На ней футболка до колен с изображением Joy Division, руки раскинуты в стороны, как у Христа на кресте.

— Дышите в ритм с нею.

В твоих ушах раздается голос доктора Рани, хотя ты не видишь ее во мраке комнаты. Ты делаешь, как говорят, хотя это и нелепое требование к тому, у кого уже нет легких. Ты вдыхаешь и выдыхаешь в такт ноздрям Джаки. Тебе мерещатся медведи-губачи, поля земляники, коралловые сады. Вдруг видения прерываются.

Джаки встает, ковыляет в туалет, вы делили его семь сезонов дождей. Она не спит, но и не проснулась. Ты слышишь, как в унитазе течет вода, Джаки ошибается дверью и случайно — намеренно — падает на твою кровать и засыпает. Она обнимает подушку, дышит в одеяло. В твоей комнате все так же, как было при тебе, чисто и пусто.

Дыхание Джаки снова становится мерным, она похрапывает, ты растягиваешься рядом с нею.

Ты слышишь смех, видишь лабиринт кустов земляники, ДД гоняется за Джаки, ты узнаешь отель и сад в Нувара-Элия. Ты бежишь за ними обоими с камерой, вы валитесь друг на друга в центе лабиринта. Ты снимаешь, как они катаются по земле, ДД произносит:

— Обрати внимание на Джаки, хватит игнорировать Джаки.

— Я не игнорирую, — возражаешь ты и вспоминаешь, что пришел поговорить с нею, но так и не поговорил.

— Джаки, милая. Джаки, дорогая. Все, что тебе нужно, спрятано…

— Не говорите прямым текстом. Ваши слова забудутся. — В ушах у тебя вновь раздается голос доктора Рани. — Говорите намеками. Образами, не словами.

Ты целый месяц спал с Джаки в одной постели, пока она не заметила утром, что тебя нет. Чуть погодя она перестала лезть к тебе с поцелуями, а потом и ты прекратил обнимать ее в ответ. Вы так никогда и не поговорили об этом, она ни о чем не спрашивала, и твои отговорки становились все более неуклюжими. Потом ты перебрался в

отдельную комнату, и стало легче.

Джаки на пляже в Унаватуне смотрит, как ты делаешь массаж ДД. Тот бросает на тебя сердитый взгляд.

— Иди сделай массаж Джаки. Или она снова насыплет мне соли в мороженое.

Интересно, чей это сон. Это мой ДД или тот ДД, который снится Джаки? И почему всякие чудики на этом пляже таращатся на меня?

— Люди во сне не те, кем кажутся, — поясняет доктор Рани. — Особенно люди в чужих снах.

Ты делаешь Джаки массаж, шепчешь ей на ухо.

Доктор Рани напоминает:

— Образы — хорошо. Слова — нет. Если хотите, спойте ей песню.

Интересно, кто шепчет на ухо доктору Рани, думаешь ты, и кто шепчет на ухо тем, кто шепчет ей на ухо, и до какой степени наши мысли суть то, что нам нашептали.

— Король и дама. Найди короля и даму. Кого никто не слушает. Ты знаешь, где они.

Ты снова в комнате, по запаху и беспорядку ты догадываешься, чья она.

— Какой я тебе гомик. Посмотри, какой у меня бардак. Гомики все аккуратные.

— Не называй их так, колла. Дурацкое слово. — Вы оба голые лежите под одеялом, ДД спиной к тебе, ты дышишь ему в затылок, твои руки блуждают по его телу. — Я не гомик, ты не педик, мы не понная. Мы красивые мужики, которым нравятся смазливые парни.

— Ты сказал Джаки? — спрашивает он.

— Скажу, — обещаешь ты.

— Ненавижу эту долбаную страну. Мы только и делаем, что обсуждаем других.

— А что бы ты хотел обсудить?

— Гонконг.

Сначала Гонконг. Потом Токио. Когда ДД привык к тому, что он парень, которому нравятся красивые мужики, зашла речь и о Сан-Франциско.

Вы в Яле, Джаки с другими двумя девицами дрыхнет в палатке, вы с ДД балуетесь в домике на дереве.

— Столице нет дела до того, что творится на севере. А знаешь почему?

— Потому что людей не заботит, если с другими беда: главное, чтобы не с ними.

Ты прикусываешь его мочку и бормочешь:

— Помоги Джаки найти короля и даму.

Ты убедил его, что если он примет себя таким,

какой есть, то станет счастливее, даже если никому не расскажет. Ты убедил его переключиться с корпоративного права на экологию. Когда ты вернулся из Маннара — пленку конфисковали, гонорар урезали, вдобавок ты подвернул ногу, — ДД сделал тебе спортивный массаж и сказал: «Однажды ты с ностальгией вспомнишь этот день. Сейчас тебе кажется, что дела хуже некуда, но потом ты поймешь, что это были еще цветочки».

ДД нечасто оказывался прав, но в тот раз он попал в точку. Ты снова в бассейне, в нем плавают другие. Доктор Рани обнимается с высоким седым мужчиной.

— Сны кончаются. Вы сказали все, что хотели?

Ты понимаешь, что не сказал ни слова, и ныряешь обратно. На этот раз бассейн углубляется, вихрится водоворотами, тебя утягивает в реку фотографий и выбрасывает на берег. Здесь лежат тела, одни спят, других нюхают кошки. Ты ползешь к красному ковру, он тянется к шатру, где на троне сидит женщина, на табуретах — какие-то люди в забавных нарядах, ансамбль играет песни Джима Ривза.

Двор покрывают фрески в стиле настенной живописи в Сигирии. Но на этих не голые по пояс женщины, как на знаменитых фресках с изоб-

ражениями конкубин, позирующих al fresco[85]. На этих фресках журналисты со связанными руками, активисты в рваных рубахах, дикторы со сломанным носом. Пленные знаменитости, чьи трупы так и не нашли. Фотографии, которые ты делал для Короля, тот присвоил негативы и не заплатил тебе за них. Майор Раджа Удугампола, как и прочие твои работодатели, Дама Эльза и Туз Джонни, кое-чего не знал. А именно — что в твоем Nikon пленки не по тридцать два, а по тридцать шесть кадров. То есть четыре кадра из каждой пленки оставались у тебя, ты вырезал негативы без ведома работодателей.

На троне сидит Лакшми Алмейда Кабалана, твоя дражайшая амма. На коленях у нее нечто похожее на пушистого зверька, но на самом деле это заварочный чайник. Ты оглядываешь придворных. Взгляд твой падает на троих европейских туристов в гавайских рубашках. Ты опускаешь глаза и видишь вместо привычной куртки-сафари яркий наряд. В руке у тебя шутовской посох.

— Большинство людей во снах призраки, как и вы, — как по заказу, поясняет голос доктора Рани. — Некоторые заблудились в пейзажах снов,

---

[85] Примечания: 1.85
Зд.: на природе, под открытым небом (ит.).

то являются людям, то исчезают.

Ты приближаешься к трону, твоя мать разражается рыданиями — пока ты был жив, такого за ней не водилось. На коленях у нее не пух, не зверек, не заварочный чайник, а пачка писем.

— Я думал, ты их выбросила.

— Так и есть. — Она сморкается в расшитый платочек. Королевский наряд ей очень идет, куда больше, чем те халаты, в которых она ходит дома. — Я их даже не открывала.

— И не подумала, что они могут быть нужны мне?

— Он знал, что нужен тебе. И все равно ушел. А потом Бог его прибрал. А потом Бог прибрал и тебя.

— Я не виделся с ним. Я тебя обманул. Мы три раза говорили по телефону, один раз он прислал мне письмо.

Ты наврал ей, что встретился с Берти Кабаланой, его второй женой Далрин, их двумя дочерями, твоими подружками по переписке, за праздничным обедом в Миссури на День благодарения. Что он пожаловался тебе, как устал от нее, и вы смеялись над этим за индейкой с клюквенным соусом. Ты специально все это выдумал, чтобы ранить ее. Потому что, если бы ты признал-

ся ей, что он умер, пока ты летел в самолете, а его убитая горем семья не нашла для тебя слов, твоя мать разразилась бы очередной благочестивой тирадой о воле Божьей.

Видимо, твой отец писал тебе дважды в год с тех самых пор, как ушел от вас в 1973-м. В 1984-м ты обнаружил одно из его писем в помойном ведре под чайными пакетиками. Мать потом призналась, что поступила неосторожно: обычно она выбрасывала письма у себя на работе, в турагентстве.

— У меня остался лишь ты, — пачка писем исчезла с ее коленей, — как напоминание об этом эгоистичном ублюдке.

Твоя мать никогда не ругалась — только если говорила о твоем отце.

— Я-то чем виноват?

— Это он ушел. Не я. — Королева повысила голос, придворные загомонили. — С тобой бывало непросто, но я не сдалась. Нельзя взять и уйти, а потом прислать открытку на день рождения, разыгрывая благородство.

В свой четырнадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый день рождения ты сидел возле телефона и ждал звонка из Миссури. А в семнадцатый день рождения целовался с красавцем в костюме, и

тебе было на все плевать.

— Он уже не увидит, как ты превращаешься в него, — кричит твоя мать, двор взрывается криком, ты слышишь шепот.

— Скажи правду, амма. Ты родила, чтобы спасти свой брак. Все остальное выдумки.

— Сны заканчиваются. Возвращайтесь на поверхность.

Ты на краю облачного бассейна, доктор Рани прощается с двумя девочками-подростками и седовласым мужчиной. Слышится песня, поет ее Джим Ривз, она называется «Сейчас или никогда». Ты откуда-то знаешь, что лучше всех эту песню исполняют король рок-н-ролла и Queen, — и вдруг оказываешься в той же комнате, что и в начале.

— По правилам хорошего тона сон покидают так же, как в нем очутились. В знак уважения к тем, кто следует за вами, и к тем, кто спит.

В этот миг Джаки просыпается на твоей кровати. Она мурлычет себе под нос «Сейчас или никогда», но не версию Элвиса или Джима Ривза, а ту, которую спел Фредди, ее еще разместили на обратной стороне знаменитой пластинки, Джаки вытаскивает коробку из-под твоей кровати, достает оттуда пластинки, «Его рука в моей» Элвиса и «Горячее пространство» Queen — два ужасных

альбома прекрасных певцов.

Джаки лезет в обложку пластинки, обнаруживает записку, сделанную твоей рукой, из обложки выпадают крупные темные квадратики конфетти. Негативы сыплются на колени Джаки, черные, с острыми краями, на некоторых — призрачные белые фигуры в странных позах. Ты обнимаешь ее, она этого не чувствует, и напоследок шепчешь ей на ухо: «Джакийо. Прости меня за всё. Пожалуйста, сделай тысячу копий с негативов и расклей по всему Коломбо».

Чего хотят яки

С краю пейзажа сна маячит доктор Рани. Убирает волосы в узел, прячет блестящие от слез глаза. Ты наблюдаешь за тем, как другие духи влетают в чужие сны и вылетают обратно. Призраки разных форм, размеров и цвета глаз.

— Довольны? Всё прошептали? А теперь идем к Реке рождений. Она неподвижна до вашей седьмой луны.

— У меня еще две луны.

— Полторы.

— Не могу. Не сейчас. Джаки нужно найти Вирана. Мне нужно найти моего убийцу. Мне нужно

уберечь друзей от чудовищ.

— Дела найдутся всегда. Большинство не имеет смысла.

— Думаю, Джаки меня услышала.

— Вы уверены, что вас убили?

— Так сказал Дядюшка Ворон. И те, кто читал мои уши.

— Да, но вы сами в этом точно уверены?

— Если б я знал, сказал бы.

— Дядюшка Ворон плут. Преты порой ошибаются.

— Бесспорно. Они сказали, что я кого-то убил.

— Они сказали «возможно, убил». Вот что они сказали.

— Махакали — самый главный демон? Или у Махакали есть босс?

Добрый доктор качает головой, все качает, качает, качает.

— Неужели вы ничего не знаете о стране, которая вас кормила и одевала?

Доктор Рани хоть и призрак, а по-прежнему преподаватель, пусть даже и без студентов. Таких, как она, легко отвлечь: они охотно читают лекции.

— Нам надо уничтожить не одного Сатану. По каждой улице, каждой дороге ходят сотни демо-

нов и тысячи як.

Она права. Есть не только добро и зло. Последнее многолико и кишит нечестивцами.

— За каждым злосчастьем, за каждой бедой в этой стране — свой яка.

По словам доктора Рани, Черный Принц провоцирует выкидыши и менструальные боли. Мохини соблазняет тех, кто ночью едет один на машине, яка Рири распространяет рак. Монах с трезубцем — формально призрак, но из-за собственной злости превратился в вампира.

— Призраки, вампиры, преты, дьяволы, яки, демоны. Я правильно понял иерархию?

— В этом хаосе нет иерархии, дитя. Даже от прет не стоит ждать добра. — Преты бывают разного цвета, — поясняет доктор Рани. — Преты мала лишают пищу вкуса, преты гевала делают жидким кал, большинство прет мастерски читает по ушам и славится отменным аппетитом.

Тебе скучно ее слушать, но она хотя бы больше не упоминает о том, что луны твои сокращаются.

Доктор Рани бубнит о демонах, что крутятся в Междумирье:

— Яки увели у меня столько душ, что и не сосчитать.

— А чего хотят яки?

— Они одержимы плотскими удовольствиями, — поясняет доктор Рани. — Если испортилась пища, значит, яки сожрали питательные вещества. Если секс лишился страсти, значит, яки украли наслаждение. Они повсюду, следят за живыми, а дураки сами их приваживают.

— Яки умеют массу всего, но не могут уйти к Свету и родиться человеком, — рассказывает добрый доктор. — Они приносят несчастья, причиняют вред, сеют злобу. Но только если их привадить. И только после семи лун. До тех пор даже Махакали не имеет права тронуть вас, если вы сами не захотите.

— У як нага красивые лица, — продолжает доктор Рани. — Головы, как у кобр, они не могут забыть 1983-й. Яка Кота ездит на кошке, носит жемчуг и не расстается с боевым топором. Яка Бахирава рождается из криков Ситы и появляется, только когда воюют боги или солнце сочится кровью.

— Но вы правы. Махакали — самая грозная из всех. После седьмой луны я не сумею защитить вас от нее.

— Мне нужна еще одна луна, чтобы добыть мои фотографии.

— Хватит уже. Идемте. Оттого что вы будете вмешиваться в дела тех, кто остался Там, Внизу, не будет пользы ни вам, ни им.

— Сена говорит…

— Если вы намерены цитировать Сену, тогда вперед. Не тратьте мое время. Вы видели, на что способна Махакали.

Глаза у доктора Рани почти целиком белые, но ты замечаешь желтые и зеленые искорки.

— У вас осталось два заката. Пожалуйста, берегитесь существ с черными глазами.

— У Сены глаза не черные.

— Это пока. Никто не рождается дьяволом.

— Не может быть, это неправда.

Она говорит, что яками не рождаются, а становятся и у каждого из них есть история, которую они уже не рассказывают. Дядюшка Каннибал — жертва взрыва бомбы в Петтахе. Дикого ребенка «Тигры» заставили убить его родичей. Морской демон покончил с собой из-за травли в университете. Вампир-атеист был членом совета провинции, его зарезал дэвэпэшник. У дамы в черном сари пятеро детей погибли на войне.

— Яки — прескверные игроки, — добавляет она, — и, как большинство завсегдатаев казино, кончают в канаве долгов и расплачиваются с

ними, выполняя поручения.

— Ваш Сена задолжал Махакали. Демоны велят призракам приводить к ним души. Это не так уж сложно.

Она умолкает, качает головой. Колчан ее опустел, но ни одна из стрел не достигла цели. Она вырывает страницу из журнала, комкает ее.

— Спасибо, что помогли мне. Снова. Я обещаю вам, доктор Рани. Еще до седьмой луны я уйду к этому вашему Свету.

— Не уйдете.

— А куда мне податься?

— В Реку рождений. Поймаете самый слабый ветер на берегу Бейры. И долетите вдоль каналов к трем деревьям кукубха.

— Обещаю.

— Два обещания стоят меньше одного.

— Мой любимый парень говорил так же.

— Вы сдерживали слово?

— Ни разу.

— Он злился?

— Я не замечал.

— Он причинял вам боль?

Ты смотришь в видоискатель камеры, но не видишь ответов. Чешешь голову, глядишь на свою единственную сандалию.

— Наверняка я это заслужил. До свидания, доктор.

Ветер дует с океана, ты запрыгиваешь на ступеньку.

— Мне нужно выполнить одно обещание.

Тебя уносит ветер, доктор Рани провожает тебя взглядом. Вид у нее печальный, разочарованный, но не удивленный.

Магазин «Фуджи-Кодак»

Негативы в пластмассовых коробочках приклеены к «Горячему пространству» Queen и «Его рука в моей» Элвиса. Ты знал, что эти пластинки из твоей коллекции не заберет никто из тех, у кого не отказали уши. Разумеется, не каждый, кто обнаружит приклеенные к двум скверным альбомам негативы, разберется, что с ними делать. И для ясности ты приклеил внутри записку.

> Пожалуйста, обращайтесь с ними аккуратно.
>
> Если найдете, верните Малинде Алмейде
>
> Коломбо-2, Голл-Фейс-Корт, 4/11.
>
> Если Малинда недоступен, зайдите в

магазин «Фуджи-Кодак»
Тимбиригасьяя-роуд, 39 и отдайте негативы Вирану.

С запиской в руке Джаки мчится в комнату ДД.

— Не надо, дурища, — кричишь ты ей вслед, но она, конечно, не слышит.

ДД спит, на нем трусы «Кельвин Кляйн». Он обзавелся брюшком, спереди в трусах бугрится утренняя эрекция — ты надеешься, оттого, что ему приснился ты.

— Айо, не буди его! — вопишь ты.

Джаки трясет брата за плечо, тот просыпается и бормочет:

— Кто… что?

— Кто такой Виран? — спрашивает она.

* * *

«Делика» едет за «лансером», особенно не скрываясь. Джаки поглядывает на нее на кругу Туммула. Джаки трижды проезжает по кругу, «делика» не отстает. Джаки возвращается на Тимбиригасьяя, «делика» следом. Джаки разворачивается и едет в обратную сторону.

— Что происходит? — спрашивает ДД на пассажирском сиденье. Квадратная челюсть, эбеновая

кожа, волосы вымыты и уложены даже в такую безбожную рань.

— Они без униформы. Дурной признак. — Джаки от напряжения высунула язык и, не отрываясь, глядит на дорогу.

ДД оборачивается, смотрит на «делику».

— Это обычный фургон. Пропусти его.

Джаки так замедляется, что едущие сзади сигналят, но «делика» не обгоняет. Джаки внезапно, не включив поворотник, сворачивает в лабиринт Лонгдон-плейс.

— Они не собираются нас обгонять.

— Просто тупят. Ты не выспалась? Хочешь, я сяду за руль?

— О'кей, — соглашается Джаки, вжимает педаль газа в пол и резко петляет по лабиринту. Из вас троих она лучший водитель и поэтому самый неосторожный. Она минует пупок Тимбиригасьяи, выезжает из ноздрей Бамбалапитийи. Автомобили и рикши перестраиваются без поворотников, с жалобным бибиканьем улепетывают с пути Джаки.

Улица полнится выхлопом, теми, кто его исторгает, и неработающими стоп-сигналами. «Делики» нигде нет. Джаки проезжает блокпост, ДД вставляет в рот сигарету, но не зажигает. То

есть формально он все еще не проиграл пари, заключенное несколько месяцев назад.

Каким-то чудом им удается припарковаться у магазинчика «Фуджи-Кодак». «Делики» не видать.

Внутри магазинчик украшают фотографии колоритных азиатов с невозможными улыбками. В шкафу выставлены фотоаппараты, в витрине — катушки пленки. Наклейки, плакаты в фирменных цветах «Фуджифильм», зеленом и белом. Наклейки и плакаты поменьше — в фирменных цветах «Кодак», желтом и красном. За прилавком две женщины, одна принимает пленки, вторая отдает конверты. Процесс организован на диво, покупатели соблюдают очередь. Она совсем небольшая, всего три человека, ДД проходит к прилавку, как нахальный и невоспитанный ребенок, и спрашивает:

— Где Виран?

Женщина указывает на дверь за своей спиной. Джаки с ДД проходят через студию с осветительными приборами и экранами в кабинет, где за столом с контрольками, ссутулясь, сидит невысокий парнишка в очках.

— Виран?

— Да.

— Нас прислал Малинда.

Парень обращается к Джаки, поглядывая на ДД:

— Его нет?

— Похоже, да.

Парень качает головой, смотрит в пол.

— Он за границей или в тюрьме?

— Говорят, он умер, — произносит со вздохом ДД. — Но тело никто не видел.

У Вирана вытягивается лицо. Он протирает очки футболкой.

— Так, может, он просто прячется?

— Вы дружили с Маали?

— Я давно его знаю. Он проявлял у нас пленку.

Джаки выкладывает на стол записи. Конверт Queen обтрепался, у Элвиса рот заклеен скотчем.

— Тут сказано, вы знаете, как с этим быть.

— Вы одни пришли?

— Одни.

— За вами никто не следил?

— Нет, конечно.

— Точно?

— За нами увязался какой-то фургон. Но мы оторвались.

— Тогда нельзя терять времени. Вам надо поехать в клуб центра искусств. Поговорить с ми-

стером Кларантой. Маали хотел этого для первого комплекта снимков.

— Первого комплекта?

— Он попросил меня сделать два комплекта. Один для мистера Кларанты. Другой для кого-то еще.

— Для кого?

Вы познакомились с Вираном в кинотеатре «Нью-Олимпия» на утреннем — десятичасовом — сеансе «Бегства к Афине» с Роджером Муром, Телли Саваласом и Стефани Пауэрс, в зале сидели как гетеросексуальные любовники и любовницы, так и мужчины, ласкающие мужчин. Ростом Виран был пять футов два дюйма, но там, где надо, у него было семь дюймов[86]. Еще у него было хобби — старые фотокамеры, — работа в «Фуджи-Кодак» и темная комната в Келанийи с серьезной аппаратурой, доставшейся от дяди. Виран был талантливый и утонченный, от него пахло мылом и тальком, он не интересовался политикой. Пока не увидел твои фотографии дэвэпэшников для ***Associated Press*** .

Ты сказал ему, что, если однажды придут красивый парень и длинноволосая девица с альбомами

---

[86] Примечания: 1.86

5 футов 2 дюйма — 155 сантиметров, 7 дюймов — 18 сантиметров.

Queen и Элвиса и спросят, нельзя ли видеть Вирана, он должен забрать негативы домой и напечатать снимки восемь на десять дюймов[87], порезче и потемнее.

* * *

Второй комплект снимков предназначался для Трейси Кабаланы, младшей дочери твоего отца, она как-то раз приезжала с отцом на родину — такое бывало нечасто — и в тот визит пообещала сберечь твои фотографии. Сейчас ей, наверное, по возрасту уже можно голосовать, но вряд ли она помнит свое обещание, учитывая, что ты в прямом смысле разбил ее отцу сердце.

Все началось с того, что фотографов *AP* избили у пресс-клуба, потом у Энди Макгоуэна конфисковали пленку, потом похитили и убили журналиста Ричарда де Зойсу. Ты отдал распоряжения относительно своих снимков после того, как устроил кутеж в казино, а до этого чудом вырвался из лап военных. Ты проинструктировал Вирана, когда вы ласкали друг друга у железнодорожных путей, и напомнил Кларанте об обещании, данном тебе на той вечеринке. Дядя Кларанта — один из тех

[87] Примечания: 1.87
20 × 25 сантиметров.

редких людей, которые выполняют свои пьяные обещания.

Ты ловишь ветер, он приносит тебя в Колпетти. Ты пролетаешь над крышей белой «делики» и опускаешься на серебристый «лансер». В этом городе, как в большинстве крупных городов, ветер движется быстрее машин. Джаки сжимает руль, ДД забрасывает ее вопросами:

— Он говорил тебе об этом?

— На одной из вечеринок с дядей Кларантой. Маали сказал нам, как поступить с его фотографиями, если он эмигрирует. Ты разве не помнишь?

— Я был пьян. А ты вообще спала.

— Значит, помнишь.

Бар закрыт. На столах перевернутые стулья, уборщицы возят швабрами по паркету. Кларанта за стойкой курит сигарету, читает газеты. Ему за сорок, он пассивный гомосексуал из театральной среды, у него уже было три сердечных приступа. Поговаривали, что он подцепил серьезную болезнь с коротким названием. Ты не спрашивал его об этом, но вы не раз с ним засиживались допоздна, разговаривая о смерти, так что, быть может, слухи о его болезни — правда.

— Привет, Джаки. ДД. — Кларанта складывает газету. — Извините, но мы закрыты.

— Нас прислал Виран из «Фуджи-Кодак».

Кларанта, помявшись, откладывает газету.

— Я не хочу это слышать. Господи Иисусе. Где Маали?

— Тела мы не видели, — говорит ДД. — Так что не знаем.

— Может, ему удалось сбежать, — предполагает дядя Кларанта.

— Нет, — отвечает Джаки, вперив в него пристальный взгляд, качает головой, у дяди Кларанты вытягивается лицо.

У музыкального автомата торчат два призрака; этот винтажный аппарат подарил клубу старый ланкийский эстрадный певец, он привез его из Лас-Вегаса. Ходили разговоры о том, чтобы продать музыкальный автомат и выкупить клуб у фонда, владевшего театром. Призраки бьют кулаками по кнопкам, но без толку, разве что напряжение скачет.

— Сейчас опасно этим заниматься, — говорит дядя Кларанта.

— Мы понимаем, — заверяет ДД.

— Я хотел писать пьесы, которые изменят мир, — признается Кларанта. — Вместо этого ставлю мюзиклы.

— Мюзиклы могут изменить мир, — говорит

Джаки.

— Заткнись, Джаки, — обрывает его ДД.

— Я дал слово. И я сдержу его, — говорит Кларанта. — Когда этот ваш Виран напечатает снимки?

— Завтра.

— Чушь. Каким образом?

— Видимо, у него своя лаборатория. Он так сказал.

— И завтра же их отдаст?

— Он так сказал.

— У меня всего двадцать рамок. К чему торопиться? Сколько всего фотографий?

— Штук пятьдесят.

— Что за бред! Мне понадобятся помощники. У вас найдутся помощники?

— Я спрошу.

Призраки, судя по виду, европейцы; кажется, ты их знаешь. Оба в гавайских рубахах и пляжных шортах. Тот, который потолще, разбегается и бьет кулаком по музыкальному автомату. Автомат дрожит, щелкает, Элвис поет «Сейчас или никогда».

ДД изумляется, Джаки пугается, Кларанта лишь пожимает плечами.

— Он все время так. У нас обитает призрак, ее зовут Айрис. — Он хихикает. — Наверное, это она.

Джаки слушает голос короля рок-н-ролла и точно думает лишь о тебе.

— Вы уверены, что он не бежал за границу? — уточняет Кларанта.

— Кто знает? — произносит ДД. — В случае с Маали я уже ничему не удивляюсь.

— О'кей. — Джаки встает, хватает сумочку и устремляется прочь.

* * *

Джаки выходит из клуба центра искусств, минует галерею имени Лайонела Вендта и оказывается на улице. Прежде чем сесть в машину, озирается, нет ли поблизости фургона «делика» и мужчин, которые не военные и не полицейские.

Джаки заводит «лансер», медленно катит по Гилдфорд-кресент. Автомобиль набирает ход, сворачивает не туда. А значит, она едет не домой, в Голл-Фейс-Корт; ты точно знаешь, куда ведет эта дорога, и нехотя одобряешь решение Джаки. Она паркуется на улице возле отеля «Лео», оглядывается, нет ли слежки, ты тоже. Проходит внутрь мимо спящего охранника и поднимается на лифте на шестой этаж.

Ты пролетаешь лишний этаж и в итоге заглядываешь в окна люкса на седьмом. Видишь голые

стены, пустые коробки, открытую дверь, ни Куги, ни Эльзы, ни фотографий, снятых на Nikon и проявленных Вираном. В люксе обыска не было, в отличие от твоей квартиры в Голл-Фейс-Корте, но кто-то — явно не в добром расположении духа — порвал занавески и опрокинул столы.

Ты возвращаешься в «Пегас», видишь Джаки за столом для блек-джека; похоже, она собирается провести здесь вечер, заказывает джин, курит сигареты, тебе тоже охота курить. Ты пытаешься нашептать ей кое-что, но вы оба бодрствуете. Ты пытаешься угадать ее мысли, Джаки делает ставки, считает карты, как ты ее учил, но делает это скверно.

Ты подплываешь к покерному столу, там Парень из Пакистана играет по-крупному с израильтянами. Молодой, невысокий, пухлый, бритоголовый, в бейсболке, Парень из Пакистана не жалел фишек и всегда выручал тебя, если тебе случалось зарваться. Он открыл тебе счет и напоминал об этом всякий раз, как ты садился за игорный стол.

— Тут нет камеры? — спрашивает он, оглядев сперва потолок, потом стены.

— Откуда бы ей взяться? — говорит Яэль Менахем. — Разве что у тебя в этой дурацкой кепке.

Яэль Менахем крупный и громкоголосый, его деловой партнер Голан Йорам коренастый и молчаливый. Еще за столом сидят двое китайцев, они притворяются, будто не знают английского. Некоторые говорят, что они родственники Рохана Чанга, босса казино, и следят за теми, кто играет по-крупному. Ты резался с ними в покер в тот последний вечер, когда еще дышал, но не помнишь, выиграл или проиграл.

— Пойдем отсюда, — говорит Парень из Пакистана. — Здесь воняет соевым соусом.

Китайцы за столом азартно перебивают ставки друг друга и не обижаются на его замечание. Израильтяне и пакистанец выходят с бокалами на террасу.

— Мы видели последний список. — Голан Йорам закуривает сигарету.

— И?

— Дайте нам аванс семьдесят процентов, и мы всё достанем.

— Всё?

— Вам нужны «Скады», мы их достанем, брат.

Менахем косится на официанта, тот ставит пепельницу на стол.

— Вы раньше имели дело с полковником Махатийей? — шепотом спрашивает Менахем.

— В этой стране каждый, у кого есть оружие, имеет дело со мной, — отвечает Парень из Пакистана, прихлебывая апельсиновый сок. — Даже не сомневайтесь.

— Интересно, — говорит Менахем. — Мы вообще-то в кинобизнесе. И эта сфера для нас новая.

— Вы скромничаете.

— Да. А я не привык скромничать. И мне не нравятся ваши цены. Восемьдесят процентов нам нужно вперед.

— Мне понравился этот ваш фильм про ниндзя.

— Который? «Входит ниндзя» или «Ниндзя 3: Дух ниндзя»?

— «Ниндзя в США».

— Это не мой, — говорит Менахем.

— Или все-таки «Входит ниндзя». Класс. Замечательный боевик.

— Фильм говно. Но денег-то заработал, так ведь?

— Да, он принес хорошую прибыль, — подтверждает Йорам.

Парень из Пакистана протягивает листок, Йорам изучает его, качает головой.

— Так не пойдет. Откуда такие цены?

— Это рыночные цены.

— Это цены «Хамаса» и «Хезболлы». За такую цену вы получите советский хлам. За такую цену вы получите говно из Никарагуа. Или увеличивайте бюджет, или, увы, ничего не выйдет.

— Разумеется, моему клиенту понадобятся рекомендации.

— Вот вам моя рекомендация. — Менахем показывает ему средний палец.

— Позвольте задать вам вопрос. При всем уважении. Вы вообще раньше вели бизнес на этом рынке?

— Разумеется.

— Правительство?

— Возможно.

— «Тигры»?

— Не исключено.

— ДВП?

— Никогда.

— А наш приятель-игрок, который пропал без вести?

— Кто?

— Вы знаете кто.

— Он был хиппи и педик. Хиппи и педики умирают. Мы тут ни при чем.

— Рад это слышать, — говорит Парень из Пакистана.

Разговор с мертвыми самоубийцами (1986, 1979, 1712)

Ты уплываешь на крышу отеля «Лео», уже ночь, но казино еще открыто. Ночь никак не угомонится: машины глохнут, бродячие псы рычат, игроки в баре убеждают себя, что уж сегодня-то непременно сорвут банк. Ты никогда не отличался оригинальностью, ни при жизни, ни после смерти. Призраки только и делают, что слоняются там, где умерли. Это так же банально, как ошиваться возле могилы или бродить по своему прежнему дому. И так же бессмысленно.

Джаки сидит за столом одна, ей принес апельсиновый сок официант, похожий на быка, ты попробовал его в тот последний вечер, когда у тебя еще было дыхание. Джаки думает, что одна, и не видит ни тебя, ни самоубийц, они сидят на крыше в кружок — точнее, в удавку — и глядят на луну.

В три часа ночи на крыше отеля «Лео» царит умиротворение, не считая самоубийц, что висят на карнизе. Первый — густо накрашенный трансвестит средних лет в кандийском сари, цепях и

браслетах.

— Я сделал это с тоски. Как и большинство из нас, видите ли. А еще потому, что я был буддистом. Я счел, что реинкарнация дешевле, чем перемена пола.

— Почему вы не ушли к Свету?

— Я всю жизнь провел в Междумирье, — отвечает она, бывший он. — Может быть, здесь мне и место.

Мужик в сари проходится вдоль карниза, как манекенщица по подиуму, приседает на корточки, смотрит вниз с головокружительной высоты на парковку или свалку мусора (в зависимости от капризов ветра). Крыша кишит призраками, большинство не местные, большинство самоубийцы, судя по желто-зеленым глазам и неумолчному бормотанию.

Ты кое-кого узнаешь, ты видел их несколько лун назад, когда Сена и доктор Рани поспорили из-за твоей никчемной душонки.

Девушка в галстуке, сгорбленная, с вонючей кожей (такое чувство, будто ее тушили в океане со времен короля Бувенекабаху) беседует с кем-то поблизости. Ты плаваешь во влажном воздухе и подслушиваешь. Это занятие теперь удается тебе лучше прочих.

Как и любое сборище невыносимых зануд, чей круг интересов узок, эти самоубийцы толкуют о самоубийстве.

— Почему Шри-Ланка на первом месте по самоубийствам? — вопрошает девица в толстых очках. — Неужели мы настолько более унылые или жестокие, чем весь остальной мир?

— Какая, на хрен, разница? — спрашивает согбенная фигура; дама с косичками сигает с карниза.

— Потому что уровень образования позволяет нам осознать, насколько мир жесток, — говорит школьница. — А уровень коррупции и неравенства не дает это изменить.

— И у нас легко раздобыть гербициды, — подхватывает горбун.

Ты паришь над ними и подслушиваешь. Видишь пять детей-солдат из числа «Тигров», их привезли в Коломбо на допрос и реабилитацию. В тюремном дворе они отыскали черный дурман и заварили чаек на всех пятерых. В загробном мире им очень нравится («никто на нас не кричит, не командует нами»), они прыгают с крыши весело, как трехлетки.

Толпа на крыше не дает усомниться в том, что уровень самоубийств на Шри-Ланке действи-

тельно очень высок: здесь старики, молодежь, люди средних лет, мужчины, женщины и все, кто между; брошенные любовники и любовницы, разорившиеся фермеры, беженцы от неудавшихся революций, жертвы изнасилований, студенты, завалившие экзамены, немало и тайных гомосексуалов. Все подплывают к краю крыши и ныряют вниз.

Тайные гомосексуалы подплывают поболтать с тобой, но тебе неинтересны некрасивые парни, тем более что ты и сам перестал быть красивым мужчиной. Заметив, что горбун пялится на тебя, ты подлетаешь к нему.

— Я повесился в порту Коломбо, когда португальцы сожгли мой корабль. Я утопился в Дияванна Ойя, когда лишился своих земель. Без денег не стоит жить. Если бы мог, я бы снова убил себя. Просто чтобы покончить с этим.

— Почему никто из них не уходит к Свету?

Горбун с обиженным видом сплевывает жеваный бетель. Ты провожаешь его взглядом.

— А вы почему?

— Я не убивал себя.

— Точно?

— Я пробовал, когда мне было четырнадцать. Но у меня не получилось, и больше я не пытался.

— Даже для самоубийства необходимо упорство.

— Видимо, Свет очистит вас от грехов и позволит начать сначала.

— Вы Помощник? Если так, то идите в жопу.

Ты смотришь на незнакомца, чье лицо ты почти не видишь, чью историю почти не понимаешь, и задаешь ему вопрос, который не мог выдавить из себя с тех самых пор, как умер:

— Если я помог умереть тем, кто хотел умереть, получается, я убийца?

— Откуда вы знаете, что они хотели умереть?

— Я видел, как они мучаются. Я знал это.

— Большинству из тех, кто ходит по земле, лучше было бы не рождаться вовсе.

— Так если я помог облегчить их страдания, получается, Свет должен вознаградить меня, верно?

Горбун устремляет на тебя пристальный взгляд и разражается смехом.

— Если вы жаждете утешения, то вы обратились не по адресу, идиот.

И с этими словами он, хохоча, бросается с крыши, но на землю не падает.

* * *

Ты не удивлен, что Джаки уже не одна. Ты удивлен, что к ней присоединилась женщина и что ты узнал в этой женщине Радику Фернандо, ведущую новостей. С сока они перешли на джин и ром, к восходу солнца обе курят на крыше и держатся за руки.

С шестого этажа ты видишь, что у отеля припаркована «делика», человек в медицинской маске ругает копа. Слаксы и рубашка Маски отутюжены, со стрелками, не то что мятая униформа копа. Тот, видимо, провел ночь в фургоне и не спал.

— В каком смысле «исчезла»?

— В офисе КНФПСТМ пусто, там никого нет. Вещи убрали, — сообщает заместитель суперинтенданта полиции Ранчагода, из-за кругов под глазами похожий на лягушку-быка.

— Но наши люди двое суток следили за их офисом. Вы обыскали здание?

Рация трещит, Маска, выругавшись, подносит ее к уху. Слышится бормотание и помехи.

— Идиоты чертовы. Эльза Матанги вчера вечером села в самолет до Торонто. Она попала в аэропорт на автобусе с немецкими туристами.

— Но как, черт побери? — спрашивает Ранчаго-

да. — Мы не видели, как она вышла.

— Этой загадкой вы займетесь на досуге. А мне нужно решение немедленно. Майор требует негативы.

Заместитель суперинтенданта Ранчагода поднимает голову, смотрит на восходящее солнце. На его фоне чернеют силуэты: на балконе курят две женщины.

— Кажется, у меня есть идея, — говорит Ранчагода.

Маска кивает, проследив за его взглядом.

— Идеи нам нужны. Так что вы придумали?

Ранчагода открывает бардачок: там бутылочка и мешок из холстины.

— Не уверен, что майор или министр одобрят вашу идею. Но я, пожалуй, согласен.

Ты глядишь на балкон, Радика Фернандо, опершись на перила, ерошит волосы Джаки. Целует ее на прощанье и уходит, но так изящно, будто говорит не «до свидания», а au revoir.

Ты впиваешься взглядом в седьмой этаж, ты сидел в этом — ныне пустующем — кресле и говорил Эльзе, что сыт по горло. Ты рассматриваешь тонированные окна казино, где сыграл в последний раз и обменял все фишки на деньги.

Карманные валеты

Стол для блек-джека вы с Джаки сокращенно звали «столом для блдк», то есть для блядок, просто для смеха, хотя ни ты, ни она ничего такого за ним не делали. Если не зарываться и считать стриты, можно неплохо выиграть. У казино «Пегас» в деке всего две колоды, поэтому считать было проще даже с твоим крохотным мозгом.

Казино расположено полукругом возле буфетной стойки, подобно подкове, которая забирает удачу. С двух концов подковы располагаются столы для рулетки, самое шумное место; у столов для блек-джека и баккара толпится больше всего народа, а возле столов для покера в глубине подковы хуже всего освещение.

У тебя были рецепты, как выиграть у казино в карты, у тебя были методы, как выжить под пулями в зоне боевых действий, у тебя были способы, как учуять брехню. В блек-джеке нужно всего лишь победить крупье, его поведение предсказуемо. В зоне боевых действий необходимо знать, кто сбрасывает бомбы и куда ходить нельзя. В случае с брехунами надо разобраться, чего они от тебя хотят.

У тебя на руках, как на подбор, стрит из фигурных карт, крупье проигрывает, ты понимаешь, что через два часа у тебя первая встреча, а через три — вторая. Ты вспоминаешь записку на розовой бумаге, ты оставил ее ДД на его бадминтонной ракетке:

Приходи в бар «Лео» сегодня к 11 вечера.

У меня будут новости. Люблю тебя. Маал.

В последнюю командировку на север ты поклялся себе и всем, кто тебя слышал, что, если переживешь бомбежку, больше сюда не поедешь. Ты обналичишь фишки, присягнешь на верность ДД и последуешь за ним туда, куда ему будет нужно поехать. Но три клятвы ценятся еще меньше двух.

Ты радовался, что вот-вот избавишься от Куги и Эльзы Матанги. Они вручили тебе чек на крупную сумму — под обещание отдать негативы. И ты искренне намеревался сдержать обещание. Вскоре ты избавишься от них навсегда (по крайней мере, ты на это надеялся).

Ты отнес этот чек на крупную сумму крупье за столом для блек-джека, потом забрал выигрыш и перешел за свой любимый стол, тот, что на повороте подковы. За этим столом играли в покер по-крупному; мажоры, сутенеры, контрабан-

дисты, торгующие оружием, и экономические убийцы[88] собирались за этим столом, чтобы ограбить друг друга.

— Ты должен мне денег, мой хипповый друг, — сказал Парень из Пакистана, сидя на пачке из сорока кусков. Он был в темных очках и пил водку, хотя за этим столом запрещалось и то и другое. Он протянул тебе стакан, зная, что ты откажешься. — Ну да ладно. Сегодня просто играем.

Играли шестеро. Рядом с Пакистанцем сидели двое китайцев — один коротышка, второй здоровяк, — за ними пьяный ланкийский дядюшка, по бокам от него две бабы с Мальдив. Во главе стола Яэль Менахем, перед ним лежало больше всего фишек и пачка кусков на шестьдесят.

Двое израильтян, торговавших оружием, делали вид, будто друг друга не знают. Большой китаец и Маленький китаец в основном помалкивали, разве что между сдачами перешучивались на севернокитайском и смеялись, не утруждая себя переводом. Из всех собравшихся за столом израильтяне были самые разговорчивые и самые опытные игроки.

Казалось, все обворовывают пьяного ланкий-

[88] Примечания: 1.88

Так называют высокооплачиваемых профессиональных мошенников, которые помогают уводить деньги из госбюджета.

ского дядюшку, ему карта не шла, но он все равно делал ставки, и ему приходилось вскрываться. Он пошел ва-банк с парой тузов, а у Парня из Пакистана вышел стрит. Дядюшка, пошатываясь, направился к буфету, надеясь, что бабы с Мальдив последуют за ним, но они не пошли.

— Я так и знал, что у вас стрит, — сказал один из израильтян Парню из Пакистана. — Когда вам карта идет, вы играете аккуратно, а когда блефуете — небрежно.

Пакистанец лишь глядел перед собой и жевал жвачку.

Когда Маленький китаец увеличил ставку на флопе и Яэль Менахем швырнул на стол половину своей пачки, за столом стало шумно. Увидев, что Маленький китаец поднял ставку, не имея на руках приличных карт, и собрал фулл-хаус, израильтянин закатил истерику.

— Кто эти люди? Они вообще умеют играть в покер? Кто повышает ставку с валетом и тройкой?

Израильтянин обругал крупье, забрал свои фишки и ушел. Большой китаец и Маленький китаец проводили его холодными взглядами и вновь отпустили какую-то шутку на китайском.

Вы с Парнем из Пакистана играли молча и агрессивно. У тебя на руках бывали неплохие

карты, но каждый раз, как ты повышал ставку, все обязательно сбрасывали карты. До первой встречи оставалось менее получаса, и ты решил пойти ва-банк.

Парень из Пакистана опрокинул рюмку водки и передвинул все свои деньги на середину стола.

— Сейчас посмотрим, кто сегодня кому заплатит. У этих косых не хватит яиц. Они сбросят карты. Даже если у них туз.

Китайцы залопотали на своем языке, на этот раз без шуток, и уставились на пакистанца. Один из китайцев клюнул, второй сбросил карты. Все передвинули деньги на середину; настал твой черед. В фильмах вокруг стола собралась бы толпа, женщины легкого поведения вешались бы на того, кто сделал самую большую ставку, охранники бормотали бы в рацию «все спокойно», пьяницы то ахали бы, то охали. Но вы раскрывали карты в тусклом свете, и свидетелями вам были только крупье да черти из преисподней.

Ты никогда не молился — ни за игорным столом, ни на поле боя, ни когда пробовал плоть, ни когда признавался в любви. Ты высчитывал вероятности, планировал варианты и брался за дело.

Вероятность родиться с одиннадцатью пальцами на ногах — один к тысяче, вероятность,

что пилот пьян — один к ста семнадцати; некоторые утверждают, что вероятность совершить преступление и остаться безнаказанным — три к одному.

Ты всегда ожидал худшего. Прикидывал, откуда полетят бомбы. Заставлял партнера надевать презерватив. Просил законы вероятности сыграть тебе на руку, а это не то же самое, что молиться незримому Богу. Или все-таки то же?

Джаки нравилось слушать, как ты пускаешься в подсчеты. В Лондоне она дважды завалила экзамен по математике, сразу после того, как рассказала матери про отчима.

Ты притворился, будто Джаки здесь.

— Ох, Джакио. Твоих валетов побьет даже двойка червей. С такими высокими ставками я бы сбросил карты.

На столе три червовые карты, на руках у тебя два валета. Ты передвинул деньги на середину.

Когда последнею картой выпала девятка треф, никто не обрадовался. Пакистанец выложил стрит с королем, Маленький китаец захихикал, Большой показал всем туза червей и средний палец. Произнес что-то на китайском — вряд ли «хорошая карта, приятель» — и уставился на тебя.

Ты выложил своих карманных валетов рядом с парой девяток и валетом червей, пожал плечами. Незаметный фулл-хаус побьет очевидный флеш в любой день недели, а в воскресенье — и дважды. Жаль, на прощанье у тебя не нашлось заготовленной шутки, зато была твоя фирменная ухмылка Ловкого Плута. Ты сгреб со стола все фишки, прижал к груди — получилась целая куча — и унес с собой. Большой китаец, схватившись за голову, глазел на трех валетов и две девятки.

— Похоже, сегодня, мистер Пакистанец, я наконец расплачусь по счету.

* * *

Ты отвел Парня из Пакистана в бар, там он сказал тебе, что его зовут Дональд Дак и он глава строительной компании. Сколько я вам должен, спросил ты, и он достал блокнот из кармана джинсов. Ты у него был записан как «Хиппи из „Пегаса“», ты отсчитал ему сумму, указанную на странице, и разрешил оставить сдачу.

— Выпивка за мой счет!

Ты заплатил всем трем официантам и оставил чаевые, заплатил распорядителю за одолженные тебе фишки и бутылку, которую ты разбил после проигрыша. Потом ты отыскал рослого молодого

бармена, похожего и лицом, и сложением на быка, и отдал ему тысячу, которую был должен.

— Я выиграл. На, возьми.

— Не вопрос. Айя, я и забыл.

Бармен шепелявил, но больше ничем не походил на стереотипного гомосека.

— А я не забыл тебя. Когда у тебя перекур? Ха-ха.

— Когда угодно, айя.

— У меня сейчас встреча. Давай после нее?

— Почему бы и нет?

Это последний раз, поклялся ты себе. Последний левак — и больше ни-ни. Ты разжился мелочью для таксофона и сделал два звонка. Первый — своему любимому. Который впоследствии заявит полиции, что ты ему не звонил.

— Привет. — Голос у ДД был сонный.

— Ты получил мою записку?

— Я только что доиграл в бадминтон.

— Я положил ее на твою ракетку.

— О'кей.

— Так ты приедешь?

— Куда?

— В бар отеля «Лео». К одиннадцати.

— Маали, я устал. У меня завтра с утра встречи.

— Это важно. У меня большие новости.

— Маали, Господи Иисусе. Мы с тобой не разговариваем неделями. А теперь ты зовешь меня тусоваться.

— Никаких тусовок. Я соскучился по тебе.

— Я устал, Маали. Давай завтра поговорим.

Щелчок.

Ты снова набрал его номер и слушал длинные гудки, пока они не сменились короткими. Ты не планировал делать второй звонок, но пальцы сами набрали номер, этот номер дада заставил тебя выучить наизусть, когда тебе было пять лет, и ты знал, что тебе ответят, несмотря на поздний час.

— Да?

— Амма, это Малинда.

— Что случилось?

— Ничего. Я подумал, нам пора поговорить. Я многое обдумал. Можно я приеду на обед?

— Я очень занята, Малинда.

— Тогда на ужин?

— Если ты приедешь ссориться, у меня нет на это времени.

— Никаких ссор, амма. Мне просто нужно с тобой поговорить. Так что, на ужин?

— Нет, лучше на обед. Я попрошу Камалу приготовить.

И она повесила трубку, как обычно, не преду-

предив и не попрощавшись, пока ты не сказал ей очередную гадость.

Ты почувствовал, как чьи-то жирные пальцы ущипнули тебя за задницу.

— Кому звонишь, педрила?

Джонни Гилхули был в слаксах и блейзере, Боб Садворт — в футболке и шортах.

— Рад вас видеть, дружище, — сказал Боб.

Не зря тебе не запомнилось, что в свой последний вечер в отеле «Лео» ты встретился с иностранцем. Потому что на самом деле иностранцев было двое.

* * *

Ни тот ни другой не обрадовались, когда ты сообщил, что впредь не будешь иметь с ними дел. В баре уже было людно, вы с Бобом по очереди ходили курить на террасу шестого этажа.

Ты завернул купюры в бумажные салфетки и положил их возле бутылки дешевого джина.

— Это аванс за следующее задание. Я его возвращаю.

— Кто-то сегодня выиграл в автоматы. — Джонни приподнял бровь. — И какие же у тебя планы, парень?

— Мы с ДД переезжаем в Сан-Франциско. Надо-

ела мне эта пердь.

Джонни смеется.

— Побывать на Заливе, конечно, стоит. Но зачем ты везешь с собой жену?

— А кого мне везти, вас, что ли, Джония?

— Мои путешествия давно в прошлом, дружок.

— Так возвращайтесь откуда приехали.

— Я спасаю эту страну от нее самой.

— Продавая оружие «Тиграм»?

Произнося эту фразу, ты смотришь на Боба Садворта, а он уставился в свой стакан.

— Чья бы корова мычала. Ты работаешь на КНФПСТМ. Угадай, кто оплачивает их счета?

— Я ушел от них. Мне говорили, я это делаю мастерски.

— Что случилось во время твоей последней командировки?

— Случилось то, что платят мне как помощнику. А требуют как со шпиона.

— Нам очень жаль, что так получилось, — говорит Боб.

— Кому это нам?

Боб покачал головой и ушел покурить. Джонни обвел взглядом бар, полный усталых игроков, чтобы убедиться, что никто не интересуется ни им, ни политикой. Распорядитель поставил табличку

«Зарезервировано» на стол возле барной стойки, сел и принялся ждать. Заметив тебя, кивнул.

— Боб работает на *Associated Press*. Я работаю на британское посольство. Ты работаешь на КНФПСТМ. Майор работает на Сайрила. Мы живем в доме, который построил Дж. Р.

— Вы продаете оружие правительству, оно перепродает его террористам, те пускают его в ход против индийцев. Теперь вы решили вооружить группу, отколовшуюся от террористов. Как вы думаете, чем это кончится?

— Что там случилось, Маали?

— То же, что и всегда. Я понял, кто вы такие. И что все это значит. И решил, что с меня хватит.

Боб вернулся, Джонни ушел в туалет. Деньги остались лежать на столе.

— Я понимаю. Вам надоело. Если решили уйти, уходите. Но мне будет вас не хватать, Маали.

— Не будет, — возразил ты.

— Кто еще договорился бы, чтобы мне дали интервью и майор Удугампола, и полковник Гопалласварми?

— Сколько статей вы написали с тех пор, как мы начали с вами работать, Боб? Я не видел ни одной.

— В плане стоят семь. Все проходят согласова-

ние у юристов.

— Я больше не буду договариваться для вас об интервью с Махатийей. Я больше не буду фотографировать для вас его бункер. Если меня поймают, думаете, красная бандана меня спасет?

— Мне жаль, что вы попали под обстрел. Этого никто не планировал. Но нам, по крайней мере, удалось вытащить вас оттуда.

— Вы улетели на вертолете, а меня бросили, я махал вам с земли. Мне пришлось добираться на автобусе.

— Мы оплатили вам билет.

— Браво.

— Послушайте…

— Хрен с ней, с бомбежкой. Мне ужасно надоело фотографировать мертвецов.

Боб глубоко вздыхает и явно готовится изречь какую-то мудрость. Которая снимет камень с твоей души и облегчит его совесть. Малли за барной стойкой глядит на тебя, показывает на часы. Джонни вернулся из сральника, взял со стола деньги и не предложил оплатить счет.

— Хер с ним, Боб, — сказал он. — Пошли отсюда.

И они ушли.

* * *

Дело было во время твоей последней командировки в Джафну. Тебя уверяли, что это абсолютно безопасно, а оказалось ровно наоборот. Когда все закончилось, тебя отправили домой на автобусе. За те тринадцать часов, что ты провел в дороге, у тебя была масса времени подумать, но вместо этого ты бесконечно прокручивал в голове одну и ту же сцену.

С последней бомбардировки прошел час, в воздухе еще висел дым и пахло гарью. Ты, пошатываясь, брел в пыли, как вдруг увидел плач. Услышать ты его не мог, потому что в ушах у тебя все еще гудел конец света, на той частоте, на которой кружатся призраки, белый шум тысячи воплей. Но повсюду вокруг себя ты видел плач. Люди не бегали, они будто приросли к месту, смотрели в небо и кричали. Здесь была женщина с мертвым ребенком на руках, здесь был старик, пронзенный осколками, под сломанной пальмировой пальмой бился в конвульсиях бродячий пес. Потом небесный палец вновь нажал кнопку «включить звук», и твой слух захлестнули вопли. Помочь им было некому: поблизости не было ни врачей, ни гуманитарных работников, ни

солдат, ни борцов за свободу, ни повстанцев, ни сепаратистов. Были только несчастные жители деревни и один несчастный помощник. Женщина с мертвым ребенком в объятиях заметила тебя, замолчала, уставилась тебе между глаз, указала на твою шею. Там висел анкх с кровью ДД, цепочка с панчаюдхой, шнурок с капсулами цианида, которые ты снял с мертвых бойцов «Тигров». Ты убеждал себя, что забрал их из запасов майора Раджи Удугамполы на случай, если попадешь в плен, неважно к кому. Правительство могло объявить тебя предателем, ТОТИ — шпионом. Ты проглотишь эти капсулы, прежде чем тебе зададут вопросы, на которые у тебя нет ответа. Капсулы должны быть незаметными, прятаться среди прочих висюлек на твоей шее, но из-за бомбардировки сменили привычное место, как и многое другое вокруг тебя. Женщина что-то проговорила, задыхаясь, указала на пилюли на твоей шее, ты посмотрел на мертвого мальчика, он повис на руке матери, точно мешок, ты протянул женщине две капсулы, она сунула их в рот, ты отошел в сторону, приблизился к дрожащему старику, из его тела торчала палка, ты сунул ему в рот две капсулы, потом присел на корточки возле пса, он дико выл, ты погладил его трясущееся

тело, сунул две капсулы ему под язык и сомкнул его челюсти.

* * *

В свою последнюю ночь ты не планировал спать. У Джаки поздно вечером были съемки, и ты думал забрать ее поутру, как обычно. Полюбоваться рассветом, утонуть в кофе, пока не отключишься. Только на этот раз ты расскажешь ей чистую правду.

Вы с барменом пошли на террасу шестого этажа, покурили, он гладил твое межножье, ты рассказывал ему, что впервые в этом году выиграл по-крупному. Он поцеловал тебя в шею и сказал, что в жизни достаточно всего раз выиграть по-крупному, чтобы покрыть все утраты. Под джинсами у него были плавки, ты сунул туда руку, ласкал его восставшую плоть.

Ты посмотрел на часы, обнаружил, что уже десять минут двенадцатого и если ДД собирался приехать, то наверняка уже приехал. И если уж ты дал себе слово, что сегодня последний левак, так лучше напоследок получить удовольствие. Но едва бармен коснулся языком твоей плоти, ты почувствовал, что интерес твой слабеет. Быть может, в знак того, что с блядками и впрямь пора

завязывать. Ты поднял парня с колен, застегнул ширинку, закурил и увидел, как из тени вышел человек. Ты узнал его фигуру, ты слишком хорошо знал эту походку. Тело пловца, плавные движения танцора.

В руках у него была розовая бумажка, на которой ты написал записку. Он увидел, как бармен шарахнулся прочь, повернул голову и, вместо того чтобы упасть к тебе в объятия и услышать, что ты послал всех к черту и едешь с ним, бросился на бармена, из-за туч выглянула луна, и ты увидел выражение его лица.

Луна шестая

Мы те, кем притворяемся, поэтому нам следует тщательно выбирать, кем притворяться.

Курт Воннегут. «Мать Тьма»

Панголин

Тебя отвлекают от размышлений, куда-то настойчиво тянут, твое имя плывет по воздуху. Ветер доносит негромкий ропот, стон, сорвавшийся с губ убитого горем любовника. Ты прятал снимки в коробку по многим причинам. Чтобы их не украли, чтобы не уничтожили или, того хуже, раскритиковали. Но теперь их увидят. Тебе радостно и страшно.

— Я не верю, что ты умер, Маали. Не может этого быть.

На двери клуба центра искусств висит табличка «закрыто». Внизу, в галерее имени Лайонела Вендта, пятеро мужчин вставляют в картонные рамки фотографии восемь на десять дюймов. Точнее, четверо, пятый лишь смотрит на сним-

ки, качает головой и всуе повторяет твое имя. Мужчины работают молча и проворно. Виран проверяет список, написанный твоей рукой, протягивает снимки Кларанте, тот вставляет их в рамки и отдает двум помощникам из офиса ДД. Один забивает гвозди, второй развешивает фотографии.

ДД сидит за столом, роется в куче отбракованных фотографий, тех, которые не вошли в твой список. На нем накрахмаленная рубашка с длинным рукавом, а это значит, он ночевал у отца. Ты запретил ДД носить такое, выкинул эти рубашки из его шкафа.

ДД просматривает фотографии из Ялы и Вилпатту, вы были там вместе. Снимки лежали в конверте с пометкой «Идеальная десятка», единственный из пяти конвертов, в котором не было мерзостей.

Аисты на закате, слоны на заре, леопард на дереве, змея в траве, фотография павлина (куда ж без него). И дюжина снимков панголина, он на рассвете забрел к вам в лагерь, ты ласкал спящего ДД, Джаки храпела. Панголины — существа ночные, они сворачиваются в клубок даже при виде мухи, но этот зверь явно пропустил время, когда пора лечь спать, и лениво жевал джекфрут,

который Джаки накануне вечером должна была спрятать.

Ты сфотографировал крупным планом это странное существо, гибрид, созданный эволюцией, по сравнению с которым утконос выглядит заурядно. Млекопитающее с чешуей, обезьяньим хвостом, медвежьими когтями и мордою муравьеда. Наполовину динозавр, наполовину домашняя кошка. Если уж нам так нужно животное — национальный символ, так почему бы не панголин, он хотя бы оригинален и водится у нас. У панголинов, как и у многих ланкийцев, длинные языки, толстые шкуры и крошечные мозги. Панголины едят муравьев, цепляются к крысам и вообще ко всем, кто мельче их самих. Столкнувшись с агрессией, прячутся в ужасе, а в темноте колобродят. Им сотни тысяч лет, они медленно вымирают.

ДД перебирает фотографии еще не загаженных лесов, купающихся в густых лучах усталого солнца. С трудом сдерживает слезы, глядя на снимок, на котором он, ты и Джаки возле озера буйволов, постановочный портрет вашей троицы на красном холме в национальном парке Уссангода. На следующей фотографии вы с ним вдвоем, ваши глаза улыбаются, вы лежите, голые по пояс, в

нелепых позах на берегу ручья. ДД плачет беззвучно, морщится, поджимает губы, вздрагивает, уткнув лицо в ладони. Виран и Кларанта глядят на него, тут же отворачиваются и возвращаются к работе.

В Яле ДД сообщил тебе, что его приняли в Университет Сан-Франциско и он подумывает поехать. Каждый месяц он заводил эту песню. Он часто повторял, что хочет сбежать отсюда, говорил, что на Шри-Ланке опасно, если ты молодой и тамил, но тут впервые заговорил о том, чтобы сбежать куда-то.

— В Сан-Фран мы можем быть самими собой. А не теми, кем нас вынуждают быть.

— Никто никого не вынуждает. Я такой, какой есть. И ты тоже. Тебе незачем бежать из дома.

— Здесь я не чувствую себя свободным. Меня могут бросить в тюрьму ни за что. С аппой, без аппы. Если я останусь, женюсь, поступлю на работу в фирму и стану другим. Я здесь только ради тебя.

Он поведал тебе о жизни, в которой будет искусство, бейглы, поцелуи и танцы на улицах, жизни, где вам не нужно будет скрываться, сквозь кроны деревьев светили прожекторы звезд, и ты ему почти верил. А через неделю ты на два месяца

укатил с Бобом Садвортом в командировку в Джафну, отказывать было нельзя, хотя ДД отказал Университету Сан-Франциско.

Этот глупый танец повторялся из раза в раз. ДД говорил, что его куда-то позвали, на тебя это производило впечатление. Он просил тебя поехать с ним, ты отказывался, потому что здесь ты делаешь то, чего не делает никто, а там ты будешь никем. «Я все равно поеду», — говорил ДД. «Поезжай, — отвечал ты, — пожалуйста». Но он оставался. Так было снова и снова — а потом прекратилось.

Твое сознание затапливают фотографии и эхо упреков ДД: он говорил, что ты любишь свой Nikon больше него, а ты отвечал — может быть, ты и прав.

* * *

Виран и Кларанта вешают на гвозди картонные рамки с твоими лучшими фотографиями дикой природы. Что же до твоего списка, они исключили из него снимки ДД, и Джаки, и полевых цветов после муссонных ливней 1988-го. Вы с ДД сидели под жакарандой, целовались под дождем и условились, что останетесь вместе еще на год. Он будет спасать естественную красоту Шри-Ланки,

ты — показывать ее уродство, дело рук человека. Показывать войну, приближая ее конец. В сезоны дождей и в полнолуния все живое дуреет, а глупые влюбленные парни — тем более.

ДД перебирает снимки военной техники. Те, которыми был набит конверт с пометкой «Король». Большинство твоих лучших работ для Раджи Удугамполы никогда не были опубликованы.

Гранаты, отобранные у «Тигров», ракетные установки, ружья, трофеи, убранные в ящики со штампами и надписями на арабском и на иврите. Перепуганные мальчишки в униформе толпятся на передовой. Трупы на погребальном костре в Вальветтитхураи, массовая кремация, после которой ты перестал есть свинину, потому что дымная вонь горелого человеческого мяса не так уж и отличалась от запаха отбивных на гриле.

Виран напечатал прекрасные черно-белые фотографии: пойманные террористы привязаны к бревнам, крушение вертолета умеренного тамильского политика, искореженный фюзеляж самолета авиакомпании «Эйр Ланка», следовавшего рейсом 512 из Гатвика, снимки сделаны до того, как из обломков извлекли тела германских, британских, французских и японских туристов.

И последнее задание Короля Раджи. То, что вы

якобы не виделись с 1987 года, было неправдой. Военным соврать — как нечего делать, они и себе самим вечно врут. Три месяца тому назад он пригласил тебя во дворец фотографировать лидера ДВП Рохану Виджевиру, живого, в плену. Безобразный Гевара Шри-Ланки улыбался тебе и болтал с охранниками. Если убрать бороду и берет, он был похож на учителя музыки. А через три дня тебя снова позвали — сфотографировать его изувеченный труп.

Здесь были фото с отрезанных негативов, о которых Король не знал. Отец Джером Бальтазар из Маннара, англиканский священник и борец за права человека, связанный, с кляпом во рту, казненный в плену, хотя власти утверждали, что он якобы уплыл на корабле в Индию. Д. Б. Пиллаи, журналист «Радио Цейлон», его застрелили в плену и труп выбросили на пляже — за то, что он посмел в еженедельных передачах называть точное число жертв. Пылающий автомобиль с трупами юных тамилов, снимок был сделан лично для майора Раджи Удугамполы, но ты припрятал его для себя.

Все это теперь висит на стенах галереи Вендта, как ты всегда и надеялся. Ты планировал дирижировать выставкой из эмиграции, а в итоге

срежиссировал ее с того света. Браво.

— Куда ты потом поедешь, путха? — спрашивает Кларанта Вирана, гладит его по спине; глаза Кларанты блестят. Виран выгибает спину, улыбается, вешает возле окна групповой снимок тех, кто пережил бойню в Коккилаи.

— Куда же мне ехать, дядюшка?

— Мы с женой завтра утром летим в Бангкок. Тебе тоже надо бы скрыться. Всем вам! — добавляет Кларанта, обращаясь к двоим помощникам.

— Куда же нам ехать, сэр?

— Домой. Возьмите отпуск. Оплату я вам пришлю.

У ДД в руках фотография капсул с цианидом, которые ты снял с шеи у мертвых «Тигров». Капсулы на цепочке лежат на тарелке в морге, точно красные фасолины на блюде с рисовой лапшой. Ты вспоминаешь, как схватил их в горсть и спрятал в карман своей куртки-сафари, хотя тогда и не знал зачем.

* * *

Снимки, которые ты сделал для КНФПСТМ, теперь висят в рамках на стенах. Здесь почти все, ты нервничаешь, но чувствуешь себя так, словно за тебя отомстили. Фотографии варварства ин-

дийцев на севере в 1989-м, жестокости тамилов на востоке в 1987-м, зверств сингальцев на юге в 1983-м. Даже самые гротескные снимки — а их немало — приковывают взгляд, не дают отвести глаза. Виран поколдовал над экспозицией, сам откадрировал снимки, и ты не стал бы возражать, даже если бы мог. Его мастерство превратило твои банальные кадры в нечто совсем неожиданное.

Осталась последняя отпечатанная пленка, и ты с ужасом замечаешь, что парни вставляют фотографии в рамки. Эти снимки не предназначались для выставки. Только для показа своим. Вирану это известно, но в том и беда с художниками: они слышат лишь то, что хотят услышать. ДД берет в руки верхние снимки, и ты уже знаешь, что сейчас будет. Ты оглядываешься в поисках призраков, которые могли бы помочь тебе предотвратить катастрофу. Но те из них, кто забрел сюда из театра, обращают на тебя внимания не больше, чем молодежь — на стариков. ДД перебирает фотографии, и тебе остается лишь приготовиться к удару.

На снимках разные мужчины, одни полностью одеты, другие без рубашек, кое-кто без ничего. Случись здесь призрак Лайонела Вендта, он

смотрел бы через плечо ДД на фотографии и одобрительно кивал. Некоторых из мужчин ты знаешь по имени, но большинство по прозвищу.

Лорда Байрона из Котахены с длинными волосами и масленым лицом ты подцепил, когда он лазил по карманам в автобусе, и сфотографировал голым по пояс в общественном туалете.

Бой Джордж с макияжем в парке Вихарамахадеви — на фотографии он стоит под деревом — мурлыкал Амарадеву, когда получал удовольствие.

ДД тяжело дышит: выражение лиц этих парней ему знакомо. Взгляд дикий после соития, волосы растрепаны. Он редко показывался тебе в таком виде.

Авраам Линкольн у железнодорожных путей пытался ударить тебя и отобрать фотоаппарат.

Бармен из отеля «Лео» на рассвете в номере на седьмом этаже, вы сняли его на час.

ДД узнает двух моделей, хоть лица их закрыты единственным реквизитом, который ты таскал с собой в сумке вместе с презервативами, колодой карт, пленкой и красной банданой — минимаской дьявола. На последних двух снимках из конверта «Валет червей» — единственные, кого ты знал по имени. Виран, парень из магазинчика «Фуджи-Кодак», лежит на твоей постели в Голл-

Фейс-Корте в ту неделю, когда ДД со Стэнли были в Женеве. Маска дьявола между ног. Джонни Гилхули в джакузи, голый по пояс, хвастается китайскими татуировками. Маска дьявола закрывает глаза.

ДД подскакивает к Вирану, толкает его на стену и дает ему крепкую оплеуху. Ладонь ДД щелкает, словно кнут, очки Вирана летят на пол, на глаза его наворачиваются слезы, пальцы ДД оставили на его щеке четыре розовые отметины.

ДД хватает его за горло, все ахают, у Вирана в глазах ужас, у ДД глаза темнеют. ДД закатывает Вирану еще две оплеухи, сжимает кадык, смотрит, как Виран хватает ртом воздух. Он поднимает кулак, взгляд ДД светлеет, он выпускает фотографии и парня, выбегает из зала. Даже в гневе он движется плавно, будто танцор.

Тебя переполняет такое же чувство, как в тот раз, когда тетя Далрин сообщила тебе, что, пока ты кричал на даду, тот умер.

Взгляд Кларанты падает на обнаженные торсы, мелькающие на снимках, что валяются на полу. Он подбирает разбросанные фотографии, рассматривает их с наслаждением и, пожалуй, примесью зависти. Рок Хадсон из Анурадхапуры, ты подцепил его в супермаркете и оттрахал возле

ограды храма. Капитан Марлон Брандо вошел в тебя в военном лагере Муллайтиву. Пока он спал, ты сфотографировал его и его скромных размеров член.

Кларанта глядит на Вирана, качает головой медленно и презрительно, как умеют лишь тайные пассивные гомосексуалы.

— Красивые снимки.

— Они не для выставки. Они для частных показов.

— Я до смерти устал от частных показов. Давай повесим их. Маали поймет.

Ты не летишь за ДД убедиться, что у него все в порядке. В смерти, как в жизни. Ты слушаешь, как он шагает по гравию, как «ниссан» Стэнли ревет, превышая скорость.

* * *

— А с этими что делать? Ты уверен, что они в списке? — В руках Кларанты шесть фотографий.

— Уверен. Я проверил три раза, — отвечает Виран, щека у него распухла, и голос звучит глухо, челюсть сводит из-за того, что он подавляет зевок. До открытия галереи полчаса, а еще нужно повесить последние фотографии.

Двое помощников прикрепляют к двери руко-

писную табличку. Под ней скверная ксерокопия: на снимке леопард убивает павлина.

«ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ. ФОТО М. А.»

Кларанта сделал семь звонков. Перед открытием каждой выставки он звонит семерым главным сплетникам Коломбо, а те распускают слухи среди сотен тех, кто будет толпиться у входа в галерею.

В руках его шесть снимков. Два увеличены так, что расплываются, на двух дерево загораживает обзор, два абсолютно четкие.

На увеличенных — министр Сайрил Виджератне во время беспорядков 1983 года. На зернистых снимках из джунглей в маленькой соломенной хижине за деревянным столом сидят трое мужчин. Один в униформе, другой в мятом костюме, третий в окровавленной рубахе. На четких — мертвые журналисты, власти отрицают, что их арестовали. И лишь повесив последнюю фотографию, Кларанта узнает того, кто на ней.

— Какой же ты идиот, Маали. — Он вздыхает.

Ты обнимаешь его, шепчешь ему на ухо: «Спасибо». В галерее все твои лучшие снимки. Ты оставил свидетельства. Ты сделал что мог. Вскоре все их увидят. Вскоре все узнают.

Кларанта берет Вирана за левую руку, сжимает его правую ягодицу.

— А теперь уезжай как можно дальше и не высовывайся две недели. Начнется большая шумиха, и лучше, если нас тут не будет и нам не придется отвечать на вопросы. Ты понял?

Виран наклоняется к Кларанте, нежно чмокает старика в ухо. У Вирана талант проявлять пленки, а еще он бесстыжий блядун.

— Возьми меня с собой в Бангкок. А жену оставь.

— Милый мой, я подумываю об этом вот уже сорок лет.

Они выходят в переднюю дверь, ты сидишь в галерее в окружении произведений всей своей жизни и ждешь. Ты разглядываешь стены, украшенные фотографиями панголинов и погромов. Говорят, правда освобождает, но на Шри-Ланке за правду можно угодить в тюрьму. Да и к чему тебе теперь правда, тюрьма, убийцы или любовники с идеальной кожей. Все, что тебе остается, — твои образы призраков. Может, этого и достаточно.

Разговор с мертвыми псами (1988)

До открытия твоей выставки еще несколько часов темноты, хотя к дверям галереи, будто на предварительный показ, пришла пара псов-призраков. Ни одна из них — а это упитанные собаки-парии[89] — делом всей твоей жизни явно не интересуется. По тому, как свет падает сквозь собак, ясно, что обе мертвы и сбились с дороги. Ты фотографируешь их в рамке двери.

— Прошу прощения, сэр. Вы не знаете, где Река рождений? — спрашивает тебя пес с ушами, точно у волка.

Ты вздрагиваешь.

— Извините, я не знал, что вы умеете говорить.

— А мы не знали, что обезьяны умеют слышать, — отвечает собака с оттянутыми сосками. — Ишь, снизошел до нас, — говорит она своему спутнику.

Ты вспоминаешь, о чем говорила тебе доктор Рани.

— Поймайте самый слабый ветер вдоль каналов. Он отнесет вас к реке. Ищите три дерева

---

[89] Примечания: 1.89
Собаки-парии — полудикие собаки неопределенного происхождения.

кукубхи.

— Спасибо, — отвечает собака-дама. — А еще более расплывчато объяснить не могли?

— Успокойся, Сосочка, — говорит пес-волк.

— Я просила не называть меня так.

— Извините, я не знал, что звери становятся призраками, — произносишь ты.

Пес-волк качает головой, собака-дама впивается в тебя взглядом, трижды отрывисто лает, и собаки уходят из галереи.

До тебя долетают ее последние слова:

— Если я когда-нибудь перерожусь человеком, проглочу свою пуповину.

Пес-волк одобрительно гавкает. У галереи имени Лайонела Вендта растет безымянное дерево с облезлыми ветвями, на дереве сидит мертвый леопард. Ты понимаешь, что он мертвый, потому что видишь сквозь него и потому что глаза у него белые. Он пристально глядит на тебя и качает головой.

Хриплый голос его изыскан, хотя рот, кажется, закрыт.

— Я попался в капкан, сотрудник заповедника установил его, чтобы поймать браконьера. Сокрушенный сотрудник заповедника привез мое тело в Университет Коломбо, а потом попы-

тался покончить с собой. Я изумился. Я впервые понял. Что у некоторых людей действительно есть душа.

Мертвые собаки хохочут, мертвый леопард спускается по безымянному дереву.

Разговор с мертвыми туристами (1987)

На троице, что спускается по лестнице, гавайские рубашки — красная, желтая, синяя. Красную и синюю ты помнишь по музыкальному автомату клуба центра искусств. В желтой — и в коротеньких шортах — дама средних лет. Туристы с рюкзаками и фотоаппаратами порхают по залу, разглядывают твои снимки.

Судя по виду, все европейцы. Те двое, что были у музыкального автомата, румяные, коренастые; тот, что в синей рубахе, загорелый и сложен как форвард. Они то одобрительно бормочут, то с отвращением ворчат, проходя мимо кадров с передовой, лучших из твоих пропагандистских снимков, сделанных для Короля Раджи и Туза Джонни. Блокпосты, поля боев, взрывы снарядов. Останавливаются возле фотографии крушения самолета авиакомпании «Эйр Ланка», следовавшего рейсом 512 из Гатвика, и дружно ахают. И

говорят:

— Смотри! Смотри, это Фрида. Видишь?

— Чушь!

— Фрида, смотри, это ты.

— Мне не смешно, Леон.

Ты подплываешь к снимку, который они разглядывают, паришь над их головами. На фотографии хвост самолета, оторванный от фюзеляжа, трупы на летном поле. Ты сравниваешь застывшие лица с теми, что мерцают перед тобой. В ту пору Король Раджа вызывал тебя всякий раз, как случался теракт. В то утро ты был в Негомбо, ты проснулся рядом со смуглым парнем, похожим на Гленна Медейроса. Благодаря этому ты прибыл на место происшествия первым и сделал снимок, пока трупы еще не убрали.

— Это ваша работа? — спрашивает дама в желтой рубашке. Выговор у дамы напевный, как у немки, с губ не сходит улыбка.

Ты киваешь, пожимаешь плечами, двое других поднимают брови.

— По плану мы должны были вылететь на Мальдивы в семь утра. Но рейс задержали. Бомба должна была взорваться в воздухе. — Великан в синей цветастой рубахе из страны Liberté, egalité, fraternité.

— Иностранцев первыми посадили в самолет. «Эйр Ланка» вечно опаздывает, черт бы ее подрал. И спасает жизни местных, которые опоздали. Эти везучие ублюдки расслаблялись в терминале с выпивкой из дьюти-фри, — стремительно произносит тот, что в красной рубашке, судя по выговору, кокни. — А мы, кретины несчастные, приехавшие вовремя, три часа проторчали на летном поле в самолете с бомбой.

Все трое угрюмо кивают.

Из-за взрыва бомбы в самолете «Эйр Ланка» погиб двадцать один человек, преимущественно иностранцы, они унесли с собой все, что осталось от ланкийской туриндустрии. Ответственность за теракт не взял на себя никто. Все указывали на ТОТИ, они-де пытались сорвать переговоры между правительством и конкурирующей группой тамилов. Хотя, скорее всего, кто-то из этих двоих решил выставить «Тигров» крайними. Эти дела так и останутся тайной, пока расследования у нас ведут ранчагоды с кассимами.

— А где остальные?

— Кто?

— Остальные погибшие.

— Большинство из этих придурков отправились домой со своими телами. Кто-то смотался

к Свету. А мы решили остаться, — говорит британец.

— Почему?

— Вы знаете, сколько денег я отдать за этот отпуск? — спрашивает француз. — Сколько я копить? Моя жена лететь домой со своим трупом, я сказать, до свидания.

— Этот остров wunderbar[90], — подхватывает немка, разглядывая твои фотографии дикой природы. — Такая удача. Здесь можно столько всего увидеть!

— Как же вы перемещаетесь? — спрашиваешь ты. — Ведь ваши тела не покидали территорию аэропорта.

— Кому нужны аэропорты? Или тела? — говорит британский чувак. — Мы ездим на муссонах, приятель. Мы путешествуем по твоей стране во снах.

— Шри-Ланка, c'est magnifique[91], — произносит месье.

Так вот где ты их видел раньше: в Нувара-Элия. Они ели клубнику, пока ты гонялся за Джаки по лабиринту. Они лежали на пляже в Унаватуна,

---

[90] Примечания: 1.90
Чудесный, восхитительный (нем.).

[91] Примечания: 1.91
Это великолепно (фр.).

пока ты массировал плечи ДД. Они были в мокром сне ДД о Яле, без проводника пробирались сквозь джунгли.

Ты спрашиваешь разрешения их сфотографировать, они весело соглашаются. Потом ходят по выставке, качают головой, бормочут.

— У вас замечательная страна. Почему вы фотографируете это дерьмо? — спрашивает фройляйн.

— И долго вы намерены путешествовать по чужим снам?

— Приятель, ну вы чего. Мы же только приехали, — говорит британский чувак.

— А чужие сны о каких-то местах куда приятнее самих мест, — добавляет фройляйн. — Это доказанный факт.

— Один из этих придурков-Помощников утверждал, что Свет якобы возвращается через девяносто лун. У нас еще есть время, — говорит кокни, и ты решаешь не сообщать им, что бомба взорвалась в самолете «Эйр Ланки» тысячу лун назад.

Они, как завороженные, смотрят на твои фотографии панголина, а мимо тех, на которых зрелые мужчины с расплывчатыми лицами, проходят без интереса. Останавливаются у последнего

экспоната, по твоей просьбе его повесили за колонной.

— Не понимаю. Кто это? — спрашивает француз.

Там шесть снимков, озадачивших Кларанту. Жемчужины твоей коллекции. Все сделаны в пылу сражения, четкость изображений искупает неловкие ракурсы. На двух лица участников беспорядков 1983 года, на двух — мертвые пленники. Еще на двух мужчины, у которых, казалось бы, нет веской причины искать общества друг друга, входят и выходят из хижины в Ванни. Телевик поймал в толпе скучающее лицо министра. Объектив смягчает позы бездыханного священника и мертвого журналиста. Он проникает сквозь листву и решетки на окнах, чтобы показать документы, лежащие на столе. Результат, может, и непригляден, но он не врет.

— Не лучшие ваши работы, приятель, — говорит британец в красном.

— Гм. Это не имеет интереса, — бормочет месье в синем.

Ты замечаешь, что с лестницы в зал перемещаются новые призраки, некоторые даже через переднюю дверь.

— Герр фотограф, — говорит фройляйн в жел-

той рубашке. — Вас убили за эти самые снимки?

Ты смотришь на фотоаппарат. Nikon в сколах и трещинах, в пятнах грязи и крови. Ты подносишь его к правому глазу и пытаешься вспомнить.

Мы убиваем чудовищ

В тот день на кладбище непривычная тишина: ни похоронных процессий, ни змей, ни потока неупокоенных. У демонов явно сиеста, даже ветры утихли.

— Черт возьми. Где ты был? Сколько раз я должен повторять твое имя? — Сена сидит на корточках у подножия дерева мара, затачивает ветки когтями.

— Это стрелы?

— Нет. Но при случае этим можно кого-то пырнуть.

— Ты так делаешь?

— Ты мертв уже шесть лун, да? — уточняет он.

— Не считал.

— Ты вспомнил, что тебе было нужно?

— Мои фотографии на выставке. Вот и всё.

— Ты готов послужить?

— Кому?

— Готов сделать что-то полезное?

— Какая от этого польза?

Сена смеется, запрокинув голову, ты замечаешь, как под его потемневшей кожей перекатываются мускулы. Как шрамы его обратились в чернила, как приятно стало смотреть на узоры его плоти. Зубы его блестят, глаза сияют смесью багрянца и черного дерева. Смех эхом звенит в листве, отражается от безмолвных могил, и в это мгновение они уже не безмолвные.

— Можешь торчать вместе с самоубийцами в отеле «Лео». Или принести пользу.

Земля ропщет, точно забыла слова, глухой гул между си-бемолем и си, на такой частоте ты попытался бы посвистеть. Ропот перерастает в рокот, дым вьется над полем могил, ты видишь лица, ты видишь глаза. Трудно сказать, сколько здесь пар глаз. Может, двадцать, может, в двадцать раз больше. Те, что ты видишь, красные, черные, желтые и зеленые. Одни — в сверкающих шрамах, как Сена, у всех в руках копья разной длины. Похоже, твой любимый мертвый анархист все же собрал бойцов.

Пока ты болтался по Междумирью, Сена Патхирана набирал войско. В нем в основном мертвые дэвэпэшники, мертвые «Тигры» и мертвые невиновные, которых подозревали в том, что они

относились к первым или же ко вторым. Ты узнаешь студентов из Моратувы и Джафны, чьи останки сперва сбросили в воду, а потом сожгли вместе с твоими. Они тебя, кажется, не узнают.

Здесь убитые журналисты, обесчещенные королевы красоты, революционеры, которых пытали, и умерщвленные домохозяйки. Здесь колониальные рабы, жертвы взрывов, нищие, которых прикончили пьяницы, и дети-солдаты, ты с ними встречался на крыше.

Как и следовало ожидать, они ссорятся, жалуются и ругаются, но стоит Сене отдать приказ, все послушно умолкают. Они летят на ветрах с точностью и быстротой, приличествующими солдатам. В Нугегоде отряд рассеивается по назначенным позициям. Ты тенью следуешь за Сеной, он плывет к пансиону в Котахене.

— Куда мы идем?

Пансион располагается в ветхом четырехэтажном здании. Вы поднимаетесь по лестнице, провонявшей мочой, юркаете в дверь из отсыревшей фанеры. К стене прислонен ножной протез, рядом на полу — железная тарелка с рисом и далом, воняющим скисшим луком. Белки едят рис, раскидывают по полу. Комната меньше, чем камеры пыток во дворце. В ней есть матрас, кро-

хотный телевизор, повсюду разбросаны газеты, пахнет слезами и потом.

На матрасе сидит Водила в саронге, поджав под себя здоровую ногу, а культю положив на подушку. На руке у него повязка, на бритой башке ожоги. Он пьет газировку из пластиковой бутылки. Сиропообразная жидкость выдохлась, окрасила пластик кроваво-лиловым. По телевизору болливудский танец с актрисой в наряде индуистской богини, на шее ее черепа. Единственная аккуратная вещь в этой комнате — военная униформа, что лежит на гладильной доске. Под нею куртка цвета хаки с зашитым в подкладку тротилом.

— Эй, мои беличьи принцы! — кричит Водила. — Похоже, демоны вернулись.

Одна белка поднимает голову, прочие продолжают есть рис. Очевидно, они привыкли к выкрикам Водилы, как и к его несвежему угощению.

— Сколько вас в этот раз? В прошлый я насчитал троих.

Водила смотрит прямо туда, где парите вы с Сеной. Тот вползает на матрас, шипит Водиле в ухо:

— Мы здесь ради тебя. Мы даруем тебе покой.

Водила морщится, его сотрясает дрожь.

— Пожалуйста, уходите.

Сена возвращается к подоконнику и шепчет тебе:

— Лучше не говорить слишком много. А то напугаешь его. Тем более что я могу шептать только четыре раза в день и лишнего лучше не тратить.

В дверь стучат, тихий голос произносит:

— Тамби[92].

— Открыто, — кричит Водила, переводит взгляд с подоконника на белок, с них — на гладильную доску и на куртку с проводами.

— Я знаю, что вы здесь, — шепчет Водила и обводит глазами комнату. — И я хочу, чтобы вы ушли.

Входит темнокожий мужчина с волосатыми мускулистыми руками и густыми усами. Вспугивает белок, те убегают сквозь зарешеченное окно. Выдвигает стул, стоявший возле гладильной доски.

— Опять говоришь сам с собою, Тамби? — спрашивает Кугараджа.

---

[92] Примечания: 1.92
Зд.: братишка (тамил.).

* * *

У Кугараджи три фотографии. На одной — резня в деревне, на другой — тела на обочине дороги в Малабе, на третьей — член совета провинции, тоже убитый. Все снимки сделал ты.

— Ты делаешь великое дело, Тамби. Головорезы Сайрила Виджератне убивают тысячами. Ты настоящий герой.

— Они говорят так же.

— Ты опять слышишь голоса? Ты принимал таблетки, которые я дал?

— Я не вижу их, — говорит Водила, хватает костыль и встает с матраса. — Но я слышу их. Они сейчас здесь. Их минимум двое.

Ты вспархиваешь к потолку, Водила поднимает голову и вздрагивает от поднятого тобой ветерка.

— Как твоя рука?

— Иногда я забываю, что она болит. Газировка помогает. А таблетки нет.

— Быть может, Тамби, ты хочешь, чтобы я кому-то что-то передал? Твоим родным?

— Мои родные пепел.

— Ты чего-нибудь хочешь? Китайскую еду? Русскую женщину?

— Вы привели бы мне женщину?

— Это запрещено. Но ради тебя я готов. Что еще тебе нужно?

Водила пристегивает протез, смотрит на куртку.

— Я хочу, чтобы это прекратилось, — говорит он.

— Во сколько встреча? — спрашивает Кугараджа.

— Сегодня вечером.

— Пробежимся по пунктам плана?

* * *

Сена не отвечает на твои вопросы, но настаивает, чтобы ты следовал за ним по самым темным уголкам Дехивелы, мимо больницы и зоопарка на тенистую глухую улочку, где перед домами цветут сады и на дороге дети играют в крикет. Сена следует по пятам за лысеющим человеком, который одновременно и за судью, и за вратаря.

— Я долго искал этого говнюка и с трудом нашел. Теперь мы сделаем ему больно, вот увидишь.

— Этому дядечке, который играет в крикет?

— Он чудовище, мы убьем его следующим.

Ты смотришь на мужика, который подбрасы-

вает теннисный мячик над головой, видишь, как какой-то мальчишка с силой бьет по мячу и впечатывает его в кокосовую пальму. Из чудовищного у мужика только зачес на плеши да толстое пузо. Семья обедает не спеша, на столе рис с карри, его подает улыбающаяся жена с волосами до пояса. Пять призраков входят в дом, рассредоточиваются по комнатам. Проверяют осветительные приборы, кровлю, карри на столе, подслушивают, о чем говорят за обедом.

Мужчина переменил рубашку, идет к автобусной остановке. Шутит с парнем в табачном кадее[93], садится в автобус 134 до Коломбо. Уступает место старушке и не трется о школьниц, которые зашли в автобус в Кирулапоне. Сена и его команда едут на крыше автобуса, и тебя вдруг охватывает тревога.

— В автобусе полно народу. Если вы устроите аварию, все погибнут.

Армия Сены смеется.

— Успокойся, хаму. Мы больше не устраиваем аварий. Слишком хлопотно. Мы теперь опытные.

— Где Балал и Котту?

---

[93] Примечания: 1.93
Кадей — киоск, магазинчик.

— С Махакали.

— Им разве не дали семь лун?

— Ради таких мерзавцев Помощники пальцем не шевельнут.

— Сколько еще человек погибли, когда вы разбили их машину?

— Не так чтобы много. Мы убиваем чудовищ. Никто не хочет гибели невиновных. Но мы жертвуем немногими, чтобы спасти многих. Как водится на войне.

— Вот теперь ты говоришь как военный.

— А ты как ребенок.

Мужчина выходит в Хавлок-таун и на ходу закуривает сигарету. Когда он сворачивает в длинный переулок высоких домов, ты догадываешься, куда он направляется. Он передает горящую сигарету охраннику и сквозь заднюю дверь входит во дворец. Последний раз ты был здесь две луны назад. В комнатах тише, чем в могиле. Ни криков, ни шума инструментов. На крыше ты видишь тень и гадаешь, Махакали это или нет, ведь уходить ей, в общем-то, незачем.

Армия Сены перелетает через ограду и заглядывает в окна. Большие окна открыты — нетипично для тюремных камер. Сквозь окна ты видишь распростертые на полу тела, одни истощены,

другие не двигаются, третьи дрожат. Трудно определить их возраст, а уж национальность и вовсе невозможно. Сколько бы ни твердили обратное, голого сингальца не отличить от голого тамила, мусульманина или бюргера. Когда нас несут в огонь, мы все выглядим одинаково.

Кроткий отец троих детей из Дехивелы переоделся в замызганную рубашку. Он надевает медицинскую маску, берет кусок трубы и входит в камеру, где висит на веревках какой-то парень. Маска поправляет на переносице дымчатые очки, размахивается и с силой бьет трубой по ногам висящего парня. Тот не кричит, голос у него давно пропал. Он раскрывает рот и обмякает.

— Это гаатакайя[94]. Маска. Самый прилежный палач режима. Сотни умерли от его рук. А вскоре он умрет от наших.

Ты смотришь, как Маска поднимается по лестнице в комнату, дрожащий парень очнулся. Ты не хочешь видеть, что будет дальше. Многие из отряда разделяют твое отвращение и улетают прочь от стены. Сена ведет всех на манговое дерево и шипит:

— Товарищи. Вам больно здесь находиться.

---

[94] Примечания: 1.94
Серийный убийца.

Некоторые из вас здесь погибли. Чьи-то друзья сейчас в этих застенках. Махакали сидит на крыше, питается этой гнилью.

— Товарищ Сена. У меня только вторая луна. Мне об этом не говорили. Кто такая эта Махакали? — выкрикивает студент в лохмотьях. — Кто она?

— Зверь на двух ногах, — отвечает колониальный раб, чья спина в рубцах от плетей. — Демон с тысячей лиц.

— Хранительница черепов, — добавляет замученный революционер со сломанной шеей.

— Темное сердце Ланки, — говорит убитый охранник с блокпоста, в голове у него дыра.

— Не надо мне сказки рассказывать. — Зубы Сены блестят в лунном свете. — Махакали — самая могущественная обитательница Междумирья. Она утешает страдающих, поглощает их боль. Махакали согласилась помочь нам с миссией. Мы называем это «миссия Кувени», в честь отвергнутой матери Ланки.

Бойцы стучат копьями по ограде, одобрительно бормочут. В тени возле бака с водой наверху слышится рокот, и все умолкают.

— Не бойтесь, товарищи. Я изложу наши условия. Кто хочет, может присоединиться.

Весь отряд пользуется правом не присоединяться, Сена улетает на верхний этаж, подплывает к тени, откуда доносится рокот. Ты оборачиваешься к мертвому ребенку-солдату, не заботясь о том, что вопрос твой встретят издевкой.

— Тамби, у меня только шестая луна. Что это за «миссия Кувени»?

* * *

— Это пакка[95] план, босс. План товарища Сены.

— Чушь, — говорит убитый журналист. — Это придумал один из мертвых «Тигров».

— Этому плану уже семьдесят лун, дядя, — говорит ребенок-солдат. — Все началось, когда…

И мальчик рассказывает о молодом «Тигре» из ВВТ, он приехал в Коломбо в кузове грузовика, переодетый в военную униформу. Мальчик недавно лишился родителей и двух братьев — после того, как военные атаковали Вавунию. Устроился водителем к Рохану Чангу, управляющему казино «Пегас» в отеле «Лео», тот поставлял людей майору Радже Удугамполе для неофициальных поручений.

---

[95] Примечания: 1.95
Зд.: крутой.

Мальчика звали Кулавирасингхам Виракумаран, но в фальшивом удостоверении личности стояло имя Куларатне Виракумара. Тамильское имя нетрудно сингализировать: достаточно отрезать согласный в конце. Но до его имени никому не было дела: коллеги и босс называли его Водилой. По-сингальски мальчик говорил без акцента и работал дни напролет. Время от времени разражался пацифистскими речами, и все, кто видели его протез, проникались к нему симпатией. Так законспирированный «Тигр» попал в гараж, полный правительственных автомобилей.

— Даже если страна в долгах, даже если войны полыхают сильнее, даже если наводнения затапливают урожай и засуха уничтожает посевы, даже если ВВП падает, а инфляция быстро растет, все равно в бюджете найдутся средства обеспечить каждому министру три шикарных автомобиля, — говорит убитый журналист.

Виракумара водил фургоны отеля «Лео», грузовики майора Раджи Удугамполы и флотилию «мерседесов-бенц» министра Сайрила Виджератне и его приближенных.

После той смертельной аварии на автобусной остановке Водила получил ожоги второй степени, ему дали больничный, но со следующей недели

он должен вернуться к работе. От обязанностей водителя его освободят, переведут в механики.

Из тени Махакали возвращается Сена, кланяется своим бойцам и бормочет:

— Все готово.

Бойцы ликуют.

* * *

Даже в слепящем полуденном солнце вид у дворца зловещий. Черные шторы скрывают звуконепроницаемые стекла и коридоры, полные тишины и теней. Пахнет здесь как в общественном туалете, человеческими испражнениями, промышленными химикатами и слизью. Но дрожь пробирает именно от тишины — даже в знойный благоуханный день.

Сена отбирает бойцов для сегодняшнего задания и уводит их к дереву мара на заключительный инструктаж.

— Здесь я умер. И когда меня убивали, я помнил только о боли. А потом очутился на этом самом дереве. Сколько лун я здесь просидел, не знаю. Надо мной измывались школа, общество, закон, моя страна, и мне было больно от этого. Больно знать, что всегда найдется что-то сильнее тебя. И это всегда против тебя.

Призраки что-то бормочут, ветер качает ветки.

— На войне пешек посылают убивать пешек. На этой войне пешка может победить слона, ладью и короля. Сегодня майор Раджа встречается с министром Сайрилом. Через несколько часов. Маска будет присутствовать на этой встрече. Идеально. Никаких посторонних жертв. Только копы.

— В кои-то веки! — восклицаешь ты, и вампиры оборачиваются к тебе.

— Тот, кому наш план не по нраву, может идти к черту. Из-за таких прекраснодушных людей, как Маали Алмейда, эта война будет длиться вечно.

— Ничто не длится вечно. Будда был прав в этом одном, — говоришь ты мертвому ребенку-солдату, но он не слушает.

— Нам не нужны трусы и буржуазные социалисты. У нас есть мертвые «Тигры», они умеют шептать. У нас есть мученики из ДВП, они умеют говорить во сне. У нас есть мертвые инженеры, они умеют проводить электричество. Водила получил куртку. Завтра он пустит ее в дело.

Ты думаешь о мертвых озерах, переполненных трупами, о полицейских участках, куда богатые сажают бедных, о дворцах, где те, кто выполняет приказы, пытают тех, кто отказывается это делать. Ты думаешь об убитых горем любовниках,

брошенных друзьях, отсутствующих родителях. О договорах, утративших силу, о фотографиях, которые увидели и забыли, независимо от того, на каких стенах они висят. О том, что жизнь продолжится без тебя, и все позабудут, что ты вообще был. Ты думаешь о той матери, старике и собаке, обо всем, что ты сделал и чего не сумел, для тех, кого любил. Ты думаешь о злых и добрых делах. О том, что вероятность прекратить насилие с помощью насилия — один к ничему, один к нулю, один к пустоте.

Ты перелетаешь на крышу дворца, стараясь держаться подальше от логова Махакали. Сена провожает тебя взглядом, не прерывая разглагольствований. Снизу доносятся голоса. Ты еще не бывал на этом этаже. Ни когда приезжал к майору Радже, ни после смерти. Стены здесь чище, пол не воняет сыростью. В коридоре детектив Кассим, заместитель суперинтенданта полиции Ранчагода и Маска, стекла очков у него коричневые, маска голубая. Детектив Кассим, схватившись за голову, раскачивается, как на молитве. Но он вовсе не молится — напротив, он ругается.

— Говорю вам, это незаконно! — рявкает Кассим. — Я не могу это видеть. Моя религия запрещает причинять вред невиновным.

— Хотите молиться, ступайте в мечеть. Здесь для этого явно не место.

Маска таращится в открытое окно, снимает очки, чтобы протереть стекла. Глаза ясные, взгляд осмысленный, словно ночью он выспался — перед тем, как играть в крикет и обедать с семьей.

Кассим устремляется прочь по коридору, едва не пройдя сквозь тебя.

— Пусть идет, — говорит Ранчагода. — Пусть напишет рапорт, потом успокоится и порвет его. Он всегда так.

— Не будет он писать об этом, — отвечает Маска и надевает очки.

Ты заглядываешь в комнату. Кровать, одна-единственная лампочка, обрезки труб, с потолка свисают веревки. А на полу — калачиком, точно белка, из-под мешка на голове выбиваются кудри, — не солдат «Тигров», не марксист из ДВП, не умеренный тамил и не британский торговец оружием. А твоя лучшая подруга Джаки, вторая большая любовь всей твоей жизни.

Луна седьмая

Дар Божий, — повторил смотритель. — Выплеск ярости… Бог любит насилие. Вы ведь должны это понимать?.. Иначе откуда на земле столько насилия? Оно сидит в нас и рвется наружу. Оно дается нам естественнее, чем дыхание… Моральных устоев не существует. Только одно — сумеет ли мое насилие победить ваше?

Деннис Лихэйн. «Остров проклятых» {2}

Плохая компания

— Мне сейчас некогда ее допрашивать, — говорит Маска. — Возможно, надо будет дать ей еще снотворного.

Ты подбираешься ближе и видишь, что Джаки дышит. Грудь ее медленно поднимается и быстро опускается. Изо рта пахнет снотворным — будто

{2} Комментарии: 2.2
Перевод С. Таска.

лак для ногтей смешали с сиропами. Ты кричишь на стены, на людей снаружи. Ты взываешь к Любому, но в ответ лишь молчание и пустота.

— Я допрошу ее после совещания, — говорит Маска. — Если она знает, где негативы, мы, быть может, ее отпустим. А пока что не попадайтесь ей на глаза.

— Почему?

— Только не говорите, что она вас видела.

— Нет, — отвечает Ранчагода. — Я схватил ее сзади. И на мне были темные очки.

— Ха! Мастер маскировки! Будем надеяться, что вы сказали правду. Если она нас видела, ее нельзя отпускать.

Кассим вернулся так же стремительно, как ушел.

— Это племянница Стэнли Дхармендрана. Министр нам кишки выпустит, — шипит он.

— Эту женщину, Эльзу, мы упустили, — отвечает Ранчагода. — А негативы нужны. И малютка знает, где они.

— Ее упустил ты, а не мы, — огрызается Кассим. — Я тут ни при чем.

Ты умоляешь Ранчагоду, шепчешь ему на ухо:

— Отпустите ее. Я приведу вас к негативам. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, отпусти-

те ее.

Он ничего не слышит.

Маска подходит к Кассиму, берет его за плечи. Они примерно одного роста, но кажется, будто Маска на голову выше.

— Нет никаких «я» или «ты», детектив Кассим. Есть только «мы». Отныне вы один из нас.

— Тогда я пойду наверх и напишу прошение об отставке.

Маска сжимает его плечи, Кассим ежится от боли.

— Вы напишете то, что я прикажу вам написать. А потом останетесь здесь и проследите, чтобы на этот этаж не заходили. Ясно?

— Да, сэр.

— У меня совещание с боссом и большим боссом. Ранчагода, вы нужны мне здесь. Кассим, если она шевельнется, дайте ей еще сока. И сторожите ее.

Оба закуривают в коридоре. Ранчагода глядит на напарника, пожимает плечами.

Кассим тяжело опускается на стул, глядит в окошечко на девицу с мешком на голове. Потирает плечи и потную шею. Ты отчаянно шепчешь ему на ухо:

— Она ни в чем не виновата. Пожалуйста, по-

жалуйста, отпустите ее. Вы ведь против этого, детектив.

Кассим. И всегда были против. Ваша религия такое не одобряет.

Он замирает на миг, озирается, закрывает лицо руками и издает стон. Такой громкий, что разбудит и мертвого, но Джаки не шевелится. Коллеги с изумлением смотрят на Кассима, выдыхают дым в его сторону.

Ты взываешь к доктору Рани. К ангелам тишины и пустоты. Ты просишь их отвести тебя к Свету, обещаешь подписать любой пальмовый лист, который они положат перед тобою. Ты молишься, как не молился никогда. Взываешь к колдовству Дядюшки Ворона, к богам, которых ненавидишь, к магии электричества и к той руке, что бросает кости. Ответом тебе тихий гул на краю вселенной, а следом великое безмолвие.

Ты взвешиваешь все варианты и осознаешь, что выход один.

Ты отправляешься искать Сену, точно зная, где его найти.

* * *

На дереве мара уже нет призраков, но Сена парит над веткой, натачивает копье и что-то

напевает — то ли мантру, то ли тамильский рэп. Ты бросаешься к нему, поймав все ветры, какие можно.

— Я вступлю в твой клятый отряд. Твою «миссию Кувени» или как там ее.

— Поезд опять ушел, мистер Маали. Мои воины на местах и готовы к атаке. Сегодня мы поджарим этих головорезов.

— Министра защищает демон. Я расскажу ему, что вы задумали. Ему хватит сил схватиться с самой Махакали.

Сена перестает затачивать копье, сердито глядит на тебя.

— Не посмеешь, черт подери.

— Моя подруга во дворце. Мне нужно кое-кому кое-что нашептать. И ты мне поможешь.

— Эту силу тебе может даровать только Дядюшка Ворон.

— Так веди меня к нему.

* * *

Сильнейший ветер несет тебя в пещеру Дядюшки Ворона. Ветер в мгновение ока добирается до пещеры, и ты вдруг осознаешь, что плачешь. Воспоминания вытекают из тебя, как сопли, и остается лишь страх. Быть похищенным на Шри-

Ланке — первый шаг к тому, чтобы пропасть без вести. Избавиться от трупа куда безопаснее, чем выпустить подозреваемого, который может заговорить, особенно если у него связи во власти. Джаки не выпустят, даже если она скажет им то, что они хотят услышать.

Ветерок поднимает тебя к потолку пещеры, ты смотришь сверху на птичьи клетки, как гаргулья с крыши собора. Пронзительные крики волнистых попугайчиков и воробьев сплетаются с голосами, которые неотвязно гудят у твоих ушей, точно мухи. Ты глядишь на обритую голову Дядюшки Ворона, на стол перед ним. Замечаешь на табурете знакомый деревянный анкх. И слышишь знакомый голос:

— Мне нужна защита. Для моего сына. Он в большей опасности, чем раньше.

— Не уходите сегодня из дома, — говорит Дядюшка Ворон. — В воздухе витает нечестие и злоба. Случится что-то серьезное.

— В прошлый раз, когда вы так говорили, не случилось ничего, даже несерьезного.

— Разве я не защитил вас, сэр? Я дал вам максимальную защиту. Но время раху вашего сына очень, очень плохое. Я советую вам отослать его за границу.

— Такие. Планы. Есть. — Посетитель протягивает Дядюшке Ворону пачку банкнот по тысяче рупий.

— Он по-прежнему водится с плохой компанией?

— Уже нет. — Стэнли берет пакет, битком набитый цепочками и амулетами. — Он больше не водится с плохой компанией.

* * *

В углу сидит Мальчишка-воробей и в тени от свечей выводит чернилами буквы на листах бумаги. Слова на санскрите, тамильском и пали, начертанные детской рукой. Ты юркаешь мимо клеток к его табурету, поднимая ветер, от которого мигают свечи и рассеиваются тени. Дядюшка Ворон принюхивается и хмурится.

— Джаки во дворце. Скажи Стэнли. Быстро! — кричишь ты. — Скажи ему сейчас.

Голос твой реверберирует.

Мальчишка-воробей перестает писать, смотрит в твою сторону. Взгляд его туманится.

— В этой комнате незваные призраки, — произносит Дядюшка Ворон, не глядя ни на тебя, ни на Стэнли. — Пожалуйста, уходите.

Ты бросаешься на Дядюшку Ворона и рычишь.

Сбрасываешь сандалией деньги со стола. Твой ветер впервые сдвинул с места предмет, но ты даже не радуешься.

— Ты гад и обманщик. Я выполнил твои поручения. Моя красная бандана в твоем святилище. Почему я до сих пор не научился шептать?

— Шепот приходит к тем, кто этого достоин. Ты, видимо, нет.

— Прошу прощения. Вы говорите. Со мной?

Галстук Стэнли трепещет на ветру. Он берет пузырек снадобья, змеиное масло, проданное змею, смотрит на слепца.

Дядюшка Ворон берет с деревянного подноса пригоршню разноцветной пыли. Загадочный порошок кирпично-рыжего, солнечно-желтого и трансвеститско-лилового цвета. Дядюшка Ворон сдувает порошок в твою сторону, по запаху карри и лиловой вони ты понимаешь, что куркуму и лаванду смешали с чили. Пыль щиплет твои глаза, толкает тебя в угол, к Мальчишке-воробью.

— Извините, сэр. Очищаю воздух. Давайте начнем.

Ты снова кричишь, вкладывая в этот крик все и даже больше. И тело, которое у тебя было когда-то, и душу, в которую ты никогда не верил:

— Джаки во дворце. Скажите Стэнли немед-

ленно!

— Я чувствую, что рядом с моим сыном кто-то есть, — говорит Стэнли Дядюшке Ворону. — Иногда я чувствую чье-то присутствие и рядом с собою.

— Что это за ощущение? — уточняет слепец, бросая попугайчикам хлебные крошки. За его спиной Мальчишка-воробей зажигает лампады перед всеми божками, возвращается в угол и вновь принимается писать буквы, которые ты не в силах прочесть.

— Это как ветер. Противный, знобкий. Рядом с сыном меня пробирает дрожь.

— Быть может, кто-то желает причинить вред вашему сыну?

— Да.

— Из живых?

— Уже нет.

Дядюшка Ворон устремляет на тебя невидящий взгляд.

— У вас есть какие-нибудь вещи этого человека?

Стэнли протягивает ему записку на розовой бумаге и шнурок с висящими на нем капсулами цианида.

* * *

— Научи меня шептать. Или я спалю это ваше святилище!

Ты плывешь за Мальчишкой-воробьем, протирая глаза от чили.

— Те, кто стремятся уничтожить. Лишь уничтожают сами себя, — произносит Дядюшка Ворон, артист, изображающий волшебника, облекающий салонные фокусы в метафизику.

Дядюшка Ворон переливает зелье из ступки в стеклянную бутылочку — четвертинку из-под арака. Зелье по виду похоже на кола канду, зеленый лечебный отвар консистенции рвоты, твоя мать пичкала тебя этим семь лет подряд каждое утро.

— Втирайте это масло, пока ваш сын спит. Давайте ему это каждую ночь.

Дядюшка Ворон смотрит в твою сторону, качает головой.

— Вы ощущаете здесь это присутствие?

— Кажется, да. — Стэнли заворачивает бутылочку в газету и прячет в карман, к флакону со змеиным маслом.

Дядюшка Ворон кладет твою розовую записку и капсулы с цианидом в латунную лампу. Зажи-

гает шарик камфоры, бросает его в лампу. Поет заунывно, как те певцы-готы, чьи записи слушает Джаки в своей унылой комнате. Пламя плюется дымом, и ты заходишься кашлем, хоть у тебя уже и нет легких.

Дядюшка Ворон зовет Мальчишку-воробья, тот увлеченно что-то пишет. Колдун указывает на палку с лампою на конце. Мальчик берет палку, размахивает ею, окуривает комнату горящим удушливым ядом. Стэнли кладет на лист бетеля еще несколько тысяч рупий, светло-зеленые банкноты на темно-зеленом листе. А потом дым, точно мешок с песком, бьет тебя под дых и вышвыривает из пещеры.

Ты очутился в канаве, ты кашляешь и плюешься, вспоминая Килиноччи, бомбежку и три трупа с цианидом на языках. Ты опускаешь взгляд на предметы, висящие на твоей шее. Анкх с кровью ДД, золотая панчаюдха и сломанный Nikon. Капсулы с цианидом исчезли.

— Джаки во дворце! Помогите ей! — Кричишь ты еще раз Любому и Никому, плач новорожденного в колыбели. Стэнли выходит из туннеля возле пещеры в трущобы Котахены, ускоряя шаг, минует святилище, где каждую луну преклоняют колена сотни. Он не замечает красную бандану,

повязанную на гниющий ананас посреди увядших цветов и воняющих кучек фруктов.

В переднем углу святилища смотрит вниз на свечи и лампы картина, примитивный рисунок карандашом на дешевой бумаге, ламинированный и в рамке, по периметру письмена на санскрите, пали, тамильском, начертанные знакомой рукой. На рисунке существо, сотканное из теней. Голова медвежья, тело огромной женщины. Волосы-змеи, глаза целиком черные. Существо скалит клыки, изрыгает туман. Тебя словно опустошили.

На существе ожерелье из черепов и пояс из отрезанных пальцев. Голое брюхо нависает над поясом плоти. На коже призраков, запертых внутри, вырезаны человеческие лица.

Ты вновь ловишь себя на том, что упал на колени и понятия не имеешь, как это произошло.

Три шепота

— Если хочешь шептать, достаточно попросить.

Голос доносится из святилища, но голос не один, а точно колония муравьев фальшиво поет вразнобой. Существо слезает с примитивного

рисунка, волосы-змеи, ожерелье из черепов. Чуть приседает, нависая над тобою, заливает тебя своей тенью. Его тело покрыто буквами, вытатуированными знакомым почерком, но прочесть их ты не можешь.

Буквы превращаются в лица, они говорят с тобой в унисон:

— Если хочешь шептать, преклонись перед этим святилищем. И после седьмой луны все, что ты есть, станет моим. Решай быстро. Времени нет.

Ты смотришь на лица под кожей. Трудно понять, где люди, где звери, ты узнаешь лишь двух. С пухлого бедра Махакали на тебя таращат рыбьи глаза Балал и Котту.

— Я дарую тебе три шепота. Распорядишься ими, как сочтешь нужным. Но ты будешь участвовать в сегодняшней миссии. И не попытаешься убежать.

Головы говорят голосом, похожим на голос Джаки. Ты знаешь, что луны восходят, часы тикают. Ты знаешь, что Свет принесет тебе только новые вопросы без ответов. Ты знаешь, что жизнь одних стоит больше, чем жизнь других, как разноцветные фишки для покера. Твоя жизнь — пластмассовая фишка из «Пегаса» стоимостью

десять рупий, жизнь Джаки — прямоугольный золоченый жетон из казино в Вегасе[96].

Ты наклоняешь голову и дышишь в тени.

— Скорее.

— Вы готовы лишиться всех своих лун, мистер Фотограф?

— Забирайте. Но поскорее.

— Вы готовы отказаться от Света?

— Я готов отказаться от чего угодно. Черт побери. Скорее.

Там, где некогда были твои кости, ты чувствуешь цепи, они сковывают звенья твоего позвоночника. Это чувство медленно добирается до твоей шеи и исчезает.

— Готово, — говорят голоса.

Юный художник, автор примитивного рисунка в святилище, выходит из туннеля в тот самый миг, когда Стэнли садится в свой БМВ, оплаченный государством. За рулем ДД, вид у него такой же неприступный, как в тот первый раз, когда он сварил тебе кофе и рассуждал о наших естественных лесах.

Стэнли кладет ему на колени бутылочку с зеленой жижей, пузырек с зельем и банку с пеплом.

---

[96] Примечания: 1.96

Обычно стоимость таких жетонов начинается от 25 000 долларов.

Наносит пепел на лоб сына. Вешает что-то на шею ДД и завязывает узелок. И говорит: заводи, поехали.

БМВ рвется вперед и, дернувшись, останавливается: сработали тормоза. Дорогу ему преградил Мальчишка-воробей, он стоит, опершись на капот. Мальчишка пристально смотрит на ДД и Стэнли, в руках у него записка.

— Какого черта. — ДД опускает стекло.

Мальчишка подбегает и, перегнувшись через ДД, машет запиской перед носом у Стэнли.

Тот берет записку, разворачивает. Там английские слова с санскритскими изгибами. Пять слов, которые шепнули мальчишке на ухо, и он начертал их ручкой.

«Джаки во дворце. Спасите ее».

Стэнли впивается взглядом в Мальчишку-воробья, тот произносит одними губами: «Друг».

— Что такое дворец? — холодным скучающим голосом спрашивает ДД, прочитав записку через отцово плечо. — Клуб?

Глаза Стэнли сверкают, смуглая кожа багровеет.

— Нет, не клуб, черт побери. Поехали. Тимбиригасьяя-роуд.

— Дороги же перекрыты. Нам нужно вернуться

домой до комендантского часа.

— Где Джаки?

— Вчера вечером она куда-то ходила. Наверное, сейчас спит.

— Ты. Ее. Видел?

— Нет.

— Поехали.

Ты провожаешь взглядом автомобиль, он направляется к перекрытым дорогам, запруженным транспортом. У тебя пара пятерок, на столе черные короли. Ты гадаешь, хватит ли всей власти Стэнли, чтобы его хотя бы впустили в ворота дворца. Хватит ли этого, чтобы добраться до камеры Джаки и отпереть замок?

Ты поставил все на эту возможность спасти подругу, которую ты подвел больше всех. Ты наслаждаешься последним мгновением свободы — и поворачиваешься к Махакали.

* * *

Не бойся демонов, бояться нужно живых. Ужасы, которые творят люди, не переплюнет ни Голливуд, ни загробный мир. Всегда помни об этом, когда встречаешь дикого зверя или заблудшего духа. Они не так опасны, как ты.

Призраки боятся других призраков. И тебя. И

бесконечного ничто. Потому и выкидывают бестолковые фокусы. Но не только поэтому.

Они выкидывают эти фокусы, потому что уже лишены осязания, речи и похоти. Они бунтуют против тех, кто отнял их жизнь, тех, кто их заменил, тех, кто уже не произносит их имена. Потому что они знают то же, что знаешь ты, и что знаешь каждый ты, который уже не ты. В конце концов не останется никого, кто расскажет твою историю. Никто не ответит на твои вопросы. Никто не услышит твои молитвы.

Где-то там доктор Рани качает головой, рвет твое личное дело. Где-то там люди в учреждениях посылают самолеты бомбить детей в хижинах. Ты сидишь на спине Махакали, она прыгает с крыши на крышу по направлению к дворцу. Кожа ее в чешуе, змеи в ее волосах шипят на ветру. Близится золотой час, день клонится к закату, и даже машины внизу, застывшие в пробке, кажутся прекрасными. Ты видишь БМВ Стэнли, купленный за счет государства, машина протискивается между автобусом и грузовиком, пытаясь проехать. Какими будут твои последние карты — теперь, когда все твои фишки на середине стола?

На спине Махакали вытатуированы лица и буквы. Возле дворца лица заговаривают с тобой. Все

одновременно, но на этот раз не в унисон. Почти все эти души окаменели и пробыли здесь дольше, чем думают. Не все из них человеческие.

Сперва статические помехи, будто муравьи с миниатюрными микрофонами ползают по трупу, потом как камушки в пластмассовой коробке, которую трясут несносные дети. Потом как будто одновременно говорят на португальском, голландском и сингальском, потом слова, произнесенные с разной скоростью, языки спотыкаются друг о друга, за вздохами прячутся крики, уступки обращаются в проклятия.

> …если вы защитите мою внучку, я отдам вам душу.
>
> …ключи от этого города только у богачей.
>
> Не у отбросов, как я.
>
> …я прожил немало жизней, искал, но не нашел архитектора этого дома.

Каждый голос шипит в эфир, кричит в висвайю[97], вопит на привычных частотах. Радиоволны кишат призраками, те ругаются, молятся. Растерянные, завидующие, испуганные,

---

[97] Примечания: 1.97
То есть высшей ипостаси Бога, равной вселенной (санскр.).

разъяренные, одни строят козни, другие ищут милосердия.

> …идем вместе, сказал он, а потом позволил мне прыгнуть.
>
> …ничего не получится. Мы уже умерли.
>
> …говорят, если плакать, то мертвые не уйдут.
>
> Я не пролил ни слезинки.

Махакали ступает на извилистую дорожку, притаившуюся в жилом районе Коломбо, что изобилует зелеными деревьями и неожиданными тупиками. Существо замедляет ход, пробираясь в этом пригородном лабиринте. Сад внизу становится больше, стены выше, на дорожках никого.

Ты видишь «бенц» министра у четырехэтажного особняка, тот выглядит так, будто некогда в нем обитал губернатор уже не существующей империи. Твоя тюремщица минует парковку и приближается к знакомому зданию с охранниками у ворот. Махакали запрыгивает на крышу дворца, лица под ее кожей кривятся в агонии, издают вопли. Существо оглядывается на тебя, улыбается. Красивая женщина в наряде убийцы.

— Иди шепчи. Потом вернешься вон на ту парковку. Позже ты нам понадобишься. И не пытайся бежать. Беглецам еще ни разу не удалось уйти далеко.

* * *

Кассим сгорбился за столом, уронил голову на руки, отпечатанный рапорт изгибается над лентой. Судя по стонам, доносящимся сквозь звуконепроницаемые окна внизу, во дворце снова кипит работа.

На столе раскрытая бордовая сумочка Джаки, внутри такой же беспорядок, как всегда, и непонятно, рылись в ней или нет. Хотя, безусловно, рылись.

Ты паришь над плечом Кассима и читаешь рапорт. В нем говорится, что Джаклин Ваираванатхан, двадцати пяти лет от роду, проживающая по адресу Голл-Фейс-Корт, Коломбо-3, сообщившая по национальному радио секретную информацию, была близкой подругой подозреваемого террориста-дэвэпэшника Малинды Алмейды и у нее нашли наркотики.

Ты смотришь на пузырек на столе, в нем осталось две таблетки антидепрессантов, к нему прислонили заламинированное желтое удосто-

верение личности Джаки. Кассим, закусив губу, таращится в пустоту. Скрючившись рядом с ним, ты выплевываешь ему в ухо слова:

— Ее убьют, а вину свалят на того, кто написал рапорт. Ее убьют, а тебе оставят ведро дерьма. Немедленно выведи ее за ворота.

Кассим, вздрогнув, встает, оглядывает комнату. Проверяет, не включено ли радио, напряженно вслушивается в тишину. Ты не останавливаешься, чтобы тебе не засчитали, что один шепот ты уже истратил.

— Скажут, что ты брал взятки. Что ты был продажным копом. Но ты же лучше них. Сюда едет Стэнли. Если ты спасешь ее, он тебя вознаградит. Тебя переведут, как ты и хотел. Потому что тебе не по душе эти карательные отряды. И всегда были не по душе.

Кассим мерит шагами комнату. Ты не знаешь, о чем он думает. Кто знает, что нужно продать Махакали, чтобы получить доступ к чужим мыслям? В углу рюкзак, в нем бутылка прозрачной жидкости и марля. Под ними коробка с медицинскими масками, кепка, белая рубашка и черные брюки. Стандартный набор тех, кто не военные и не полиция.

Детектив Кассим складывает марлю, поливает

прозрачной жидкостью и убирает в карман. Ты чувствуешь запах лака для ногтей и чего-то сладкого. Потом, передумав, бросает марлю в рюкзак и идет в камеру Джаки.

* * *

Очутившись у ее камеры, Кассим ахает. Джаки очнулась и пытается снять с головы мешок, а это трудно, если руки связаны за спиной. Она извивается всем телом, катается по полу, кряхтит. Кассим отпирает дверь, на цыпочках входит в комнату. Джаки, услышав шаги, вжимается в стену.

— Кто это? Где я?

— Пожалуйста, не снимайте капюшон. Если вы нас увидите, они вас уже не отпустят.

— Кто — они?

— Негативы у вас?

— Что?

— Негативы Маали Алмейды. Из той коробки, из-за которой и заварилась вся эта чертова каша.

— Нет. — Джаки блефует вслепую. — У меня правда их нет. Я продала их Эльзе Матанги. Они должны быть у нее. Можно я позвоню дяде?

— Не снимайте повязку.

— Я племянница Стэнли Дхар…

— Мне известно, кто вы.

— Я хочу пить.

Кассим выходит из камеры, запирает замок. Ты подплываешь к Джаки, обнимаешь ее и, то и дело вздыхая, лихорадочно шепчешь ей все, что можешь:

— Тебя арестовали, Джаки. Сохраняй спокойствие, будь храброй, и тебя спасут. Дядя Стэнли едет за тобой. Скажи детективу Кассиму, что…

Возвращается детектив с чашкой и пластиковой бутылкой воды. Прежде чем снять с Джаки мешок, предупреждает:

— Пейте. На меня не смотрите. Я хочу вам помочь. Но я вам не доверяю.

Он снимает с нее мешок, развязывает ей руки, Джаки сидит, потупясь. Глаза ее закрыты, она даже не пытается осмотреться, увидеть своего тюремщика. Онемевшими руками Джаки берет чашку, стараясь не пролить воду.

Кассим наблюдает, как она пьет.

— Если вы отдадите мне негативы, я выпущу вас немедленно.

Джаки допила, но голову не поднимает. Она сама не своя, она сбита с толку и принимает твой шепот за свои мысли. Позже она и не вспомнит, что было сказано и кому.

— Я знаю, что вы один из тех, кто обыскивал нашу квартиру. Я знаю, что вы не виноваты.

Ты шепчешь, она говорит. Твои слова из ее ушей к ее губам. Она не ставит под сомнение то, что говорит.

Кассим молчит.

— Дядя Стэнли вознаградит вас. Дядя Стэнли сегодня же добьется, чтобы вас перевели. Освободите меня, и вас тоже освободят. Я обещаю.

Кассим прислоняется к стене, скрещивает руки на груди.

— Откуда вы узнали о моем переводе?

— Я знаю, что вы хороший детектив. Я знаю, что вы лучше этих. Я знаю, что вы поступите по совести. — Ты задыхаешься, хотя уже и не дышишь. Ты чувствуешь себя так, будто бегом поднялся на восьмой этаж и спрыгнул с крыши.

— Министр Дхармендран может это устроить?

— И может, и устроит. Пожалуйста, детектив. Если мы останемся здесь, нам обоим крышка. Обоим. Помогите мне. И мы поможем вам.

Измученный, усталый, ты уходишь в угол и наблюдаешь оттуда. Если ты уже израсходовал два шепота, что ты будешь делать с третьим?

Кассим дает Джаки выпить еще две чашки и поднимает ее на ноги. Колени ее подкашиваются,

она цепляется за плечо Кассима, он тащит ее по коридору. Усаживает на стул в кабинете, достает из машинки рапорт. Комкает, прячет в карман, заправляет в машинку чистый лист бумаги. Остервенело стучит по клавишам.

Детектив Кассим вынимает лист из машинки, подписывает чернилами. Встает, протягивает Джаки коробку медицинских масок и униформу.

— Наденьте маску, кепку и униформу. Я пока поставлю печать. Охрана не должна видеть ваше лицо. Быстрей!

Он убирает напечатанное в конверт и уходит поставить штамп. Когда он возвращается, Джаки переоделась и готова, свою одежду она сложила в рюкзак. Черные брюки сидят хорошо, а вот белая рубашка висит на ее сутулых плечах.

Когда они добираются до проходной, Джаки уже держится прямо. Охранник, прищурясь, смотрит на фальшивое письмо министра.

— Быстрее, быстрее, у нас задание. Эту бумагу подписал министр Сайрил. Хотите уточнить у него?

Охранник качает головой, складывает письмо, отворачивается, и Кассим выводит Джаки из дворца.

По тихой улочке стремительно мчится БМВ,

резко тормозит. Из машины в клубах пыли вылезает Стэнли и успевает подхватить Джаки, она отпустила плечо Кассима и едва не упала. Стэнли впивается взглядом в копа, передает ключи ДД.

— Ее пытали?

— Нет, сэр.

— Долго она там пробыла?

— Несколько часов, сэр.

— Ее имя попало в какой-нибудь список?

— Нет, сэр.

— Точно?

— Да, сэр.

— Дилан! Отвези ее к нам домой. Двери никому не открывай. — Стэнли смотрит на Кассима. — Вы поедете с ними. Побудете у меня дома до моего возвращения.

Вид у ДД озадаченный, но он усаживает Джаки в машину, она падает на заднее сиденье и принимается всхлипывать. Долгие всхлипы с долгими паузами между ними.

— Езжай.

— А ты куда?

Стэнли, понизив голос, спрашивает детектива:

— Кто в конторе?

— Сэр, у министра встреча с майором.

— Другое здание, верхний этаж, так?

— Кажется, да.

— Езжайте с ними, — говорит Стэнли. — Доставьте их домой в целости и сохранности. И никому. Не говорите. Об этом. Вы даете мне слово?

— Да, сэр.

Стэнли сует в руку Кассима купюры, не доставшиеся Дядюшке Ворону.

— Если вы проболтаетесь. Я лишу вас жетона.

— Нет-нет, сэр. Денег не надо. Пожалуйста, сэр.

— Берите и уезжайте, — отрезает Стэнли.

— Сэр, по поводу перевода.

— Что?

— Мадам сказала… Неважно. После поговорим.

— Что?

— Ничего, сэр.

Стэнли направляется к четырехэтажному зданию, через два переулка отсюда, где на выстроенной на государственные деньги парковке стоит купленный на государственные деньги «бенц».

* * *

К ужасу ДД, детектив Кассим садится на пассажирское сиденье.

— Что вообще происходит? Куда ушел аппа?

Джаки вытирает глаза рукавом, качает голо-

вой.

— Мне приснился страшный сон. Я проснулась с мешком на голове, — говорит Джаки. — Выставка идет?

— Мне все равно, — отвечает ДД.

— У него встреча, — поясняет детектив Кассим. — Едем. Забудьте, что вы видели это место. И меня.

ДД разворачивается в конце тупика и едет обратно к улицам со светофорами, где игнорировать крики не так-то просто. Он отвозит Джаки и полицейского в дом своего отца, подальше от квартиры в Голл-Фейс-Корте, где вы делили друг с другом мечты, страхи и шорты, подальше от этого застенка, прячущегося в тупике. БМВ поворачивает, скрывается из виду, и ты желаешь ДД, Джаки и Кассиму тузов, червей и шестерок.

— Благополучно вам доехать, дорогие мои, — шепчешь ты. — И пусть каждая рулетка будет к вам добра.

И тут дерево застывает, ветер стихает. Между твоих ушей проникает голос, и вонь гниющих душ забивает твой нос. Вселенная дышит через тебя и явно забыла почистить зубы.

— Вы закончили, мистер Фотограф?

Ты оглядываешься на Махакали, на лица, пуль-

сирующие под ее кожей, точно зараженные вены. Она жестом велит тебе сесть к ней на спину, и ты понимаешь, что неповиновение больше не пройдет, ни гражданское, никакое. Ты киваешь:

— Думаю, да.

— Тогда начинается ваша служба. Идем. Служить.

Ты карабкаешься на спину этой твари и смотришь, как Стэнли шагает по дороге, точно марафонец, не рассчитавший сил.

* * *

Ты наблюдаешь с неба, как Стэнли проходит изгиб дороги и направляется к офисному зданию за высокой оградой.

В нем четыре этажа, оно совершенно безликое. Серые бетонные коробки, составленные друг на друга. Те окна, что не затонированы, закрыты горизонтальными жалюзи.

Махакали останавливается, ты спрыгиваешь с ее спины и видишь, как она сливается с тенью, которую отбрасывает это уродливое здание.

У основания морда хорька. Он глядит на тебя с такой же гадливостью, как все мертвые звери.

— Чего уставился, урод?

— Я понял. У зверей есть душа. Вы мечтаете,

развлекаетесь, радуетесь и грустите. Вы знаете, что такое боль, тоска, любовь, семья и дружба. Люди этого не признают, ведь так проще убивать тех, кого мы считаем вкусными. Не вас, но это непринципиально. Я глубоко сожалею.

Хорек явно удивлен, или голоден, или взбешен, или… ты не знаешь, что он чувствует, ведь это хорек.

— Пошел ты со своими сожалениями, — говорит он и скрывается в плоти Махакали.

Не зря люди при жизни не способны разговаривать с животными (после смерти — другое дело). Животные все время ныли бы, и людям было бы труднее их убивать. То же самое можно сказать и о диссидентах, повстанцах, сепаратистах и военных фотокорреспондентах. Чем меньше их слышишь, тем проще их позабыть.

Солнце садится над Коломбо, на небе ни облачка.

Скоро взойдет твоя последняя луна.

* * *

С бедра Махакали на тебя глядят Балал и Котту.

— Простите нас за то, что мы творили, — говорит Котту.

— А что вы творили?

— Всякую жуть, — поясняет Котту.

— Но у нас не было другого выхода, — добавляет Балал.

— Отличное извинение, — говоришь ты. Махакали соскальзывает с ветра и опускается на дерево мара.

— Мы мусорщики, — произносит Балал. — Мы не мусорим. Мы убираем.

— Как оно там? — спрашиваешь ты.

— Где — там? — уточняет Котту.

— Скоро узнаете, — добавляет Балал.

— Вам вернуть деньги? — спрашивает Котту.

— Какие деньги? — удивляешься ты.

Охрана здесь не такая строгая, как во дворце за углом, и, разумеется, никто не замечает, как Махакали и призраки, что едут на ней, вбегает внутрь и вприпрыжку поднимается по лестнице. Ты едешь на спине Махакали, беспомощный, как большинство людей перед лицом катастрофы. Остановить Махакали некому, она скользит по коридорам власти по направлению к бомбе.

Миссия «кувени»

Махакали словно знает, куда идти. Она направляется к первому этажу, вылезает в окно, поднимается по стене здания на третий этаж, потом по лестнице на четвертый, там у просторного кабинета сидит пышнотелая секретарша. У нее на столе три фотографии подростков в полный рост, у каждого ее лицо.

На табличке в приемной написано «Административное подразделение министерства юстиции». На первом этаже в кабинках женщины в сари долбят, как птицы клювом, по клавишам печатных машинок, на четвертом мужчины в галстуках носят папки. Указатель у лифта определяет этаж как бухгалтерию, финансовый отдел, архив и отдел кадров.

Подобных зданий немало по всему острову, хотя большинство сосредоточено в столице. Зданий, которые приносят убытки, докладывая о прибылях. Наверное, здесь выделяют средства для палачей, разрабатывают пенсионные программы для похитителей и одобряют ипотечные кредиты наемным убийцам. Ты вспоминаешь единственное высказывание дады, которое тебя

не покоробило, хотя и непонятно, с чего он решил поделиться такими мыслями с десятилеткой:

— Знаешь, Малин, почему в битве добра со злом силы всегда неравны? Потому что на стороне зла лучше и организация, и снаряжение, и оплата. Бояться надо не монстров, не демонов и не яка. А организованных групп злодеев, уверенных в том, что делают правое дело. Вот от чего впору содрогнуться.

В приемной стоит Водила, прислонясь к колонне. Он потный, дышит прерывисто. Ты думаешь о тех, кто перекладывает бумажки на нижних этажах, о Стэнли — он как раз прорывается сквозь охрану — и гадаешь, изобретут ли когда-нибудь бомбу, которая будет знать, кого оставить в живых. Единственное, что о бомбе можно сказать хорошего: она не расистка, не сексистка и ее не волнует разделение на классы.

Ты идешь за Водилой по коридору в просторный кабинет с большими окнами. То, что ты видишь там, впечатляет и ужасает.

* * *

События, приведшие к гибели двадцати трех человек на четвертом и пятом этажах здания административного подразделения министерства

юстиции, впоследствии спишут на невезение и злые чары, к которым отчасти приложил руку Дядюшка Ворон. На самом же деле взрыв устроил отряд мертвецов Сены, играющих с ветрами и меняющих судьбы. Хотя ты лично в свою последнюю луну спас как минимум одну жизнь.

Люди верят, будто властны над своими мыслями и поступками. Очередное плацебо, которое мы глотаем после рождения. Мысли — шепот, что приходит к нам как изнутри, так и снаружи. Контролировать их можно не больше, чем ветер. Шепот все время веет где-то в сознании, и мы подчиняемся ему чаще, чем думаем.

Призраки невидимы для тех, кто дышит, невидимы, как чувство вины, сила тяжести, электричество или мысли. Течением каждой жизни управляют тысячи незримых рук. А те, кем они управляют, зовут это Богом, кармой, слепой удачей и прочими менее правильными именами.

В просторном кабинете на пятом этаже Сена расположил свое воинство с точностью, которая нашей армии и не снилась. В углу у окна стоит Махакали, продюсер на этой съемочной площадке и режиссер этого фильма.

Женщина в шрамах от кислоты шепчет на ухо Ранчагоде, путает его мысли, и в результате Ран-

чагода забывает обыскать Водилу, прежде чем пустить в кабинет.

Жертва взрыва проверяет провода в куртке, дабы убедиться, что по ним идет ток. Изнасилованная королева красоты прибывает первой и отвлекает мертвого телохранителя, демона министра, танцем, который незадолго до своей трагической гибели репетировала для конкурса.

Мертвой матери поручили внушить Водиле в нужный момент взорвать бомбу. В системе сдержек и противовесов, созданной Сеной, все продумано и спланировано настолько же тщательно, насколько в остальной Шри-Ланке ничего не продумано и не спланировано. Ни единой мелочи нельзя оставлять на волю случая. Сегодня этот отряд мертвых анархистов, мертвых сепаратистов, мертвых невинных жертв и мертвых, которые сами не помнят, кто они такие, одним махом уничтожит головорезов. А ты будешь наблюдать за этим с плеча Махакали.

* * *

— Вот не знал, что отсюда видно озеро Бейра. — Министр смотрит в окно на храм посредине зеленых вод. — Выглядит как мечта.

— Пока не почувствуешь, чем там пахнет, — за-

мечает майор. Рядом с ним на диване министра, скрестив руки на груди, сидит лысеющий человек и смущенно улыбается. Его представили как лучшего специалиста СОГ по допросам, ты узнаешь его даже без маски.

Демон министра возлежит на шкафу с нечитаными книгами по правовым вопросам и смотрит, как Изнасилованная королева красоты показывает танцевальные движения эпохи и котте, и диско. Она смотрит ему в глаза, выгибает спину. Плечи ее колышутся, кисти вращаются, груди трясутся, бедра описывают плавные дуги. Видимо, ее святилище у Дядюшки Ворона принесло ей богатство, и она вложила все в глаза и хореографию. Она посылает демону воздушные поцелуи, веки ее трепещут.

— Я хочу, чтобы вы присутствовали на сегодняшнем совещании, майор.

— Да, сэр, конечно.

— Странное время, майор. Мы приглашаем индийцев захватить нас. Мы заключаем сделки с тамильскими террористами. Мы убиваем наших сингальцев. Хуже еще не бывало.

— Будет хуже, сэр.

— Дядюшка Ворон тоже делает вам амулеты?

Майор краснеет, вытаскивает из-под рукава

оранжевый браслет. Теребит его и в конце концов срывает с запястья.

— Мне дала его жена. Я не верю в эту чушь. — Майор бросает браслет в пепельницу.

Министр отдергивает белый рукав и показывает такой же браслет. Майор достает свой браслет из пепельницы и прячет в карман.

— Ни к чему заноситься. Людям, занятым нашим видом деятельности, нужна защита со всех сторон. Ну где эти охранники?

Он еще не знает, что у обоих охранников, дежурящих сегодня, пищевое отравление и понос, они не слезают с унитаза. Вбегает секретарша. Ее недавно перевели из министерства рыбной промышленности, и, судя по тому, как учтив с ней министр Сайрил, он еще не начал ее лапать.

Секретарша открывает дверь и объявляет:

— Сэр, пришли те, кому вы назначили на пять.

Входит Водила, высокий, смуглый, нервный, рядом с ним взволнованный Ранчагода. Обоим хватает ума сохранять серьезность и не встречаться ни с кем взглядом.

— Ранчагода, подождите за дверью, пока не придут эти чертовы охранники. А вы пожалуйте-ка сюда.

Коп выходит, Водила вытягивается во фрунт,

ботинки его сияют, камуфляжная униформа висит на тощем теле.

За спиною Водилы мертвая мать юркает за занавеску. Демон министра глядит на Водилу и вновь поворачивается к танцовщице. Он уже много раз видел, как его хозяин устраивал взбучку солдатам, и ему куда любопытнее наблюдать за катхакали[98] в стиле фьюжен и за электрик-буги покойной мисс Катарагама — 1970.

Министр с майором смотрят на третьего человека в комнате, человека без волос и без маски. Они ждут, пока он сделает то, ради чего его позвали. Специалист по допросам подходит к Водиле и рявкает:

— Почему вы ушли из больницы?

— Мне стало лучше, сэр.

— По вам непохоже. — Лысеющий человек смотрит на обожженную голову Водилы и щеки в шрамах.

— Как вам удалось спастись из горящей машины, ведь другие двое погибли?

Министр глядит на майора, тот пожимает плечами. Лысеющий сжимает кожу за ухом Водилы. Всего лишь щипок, не более, но из уха течет

---

[98] Примечания: 1.98

Катхакали — традиционное танцевально-драматическое искусство индийского штата Керала.

кровь.

— Не помню, сэр, — отвечает Водила. — Пожалуйста, не надо, мне больно.

— Вы потолстели, нет? — Допрашивающий замахивается, и все присутствующие, кроме Водилы, с ужасом ждут удара. — Как так?

Допрашивающий наклоняется почесать колено и замечает, что по ноге его ползут муравьи. Выругавшись, давит их. Он не видит, что муравьев на него насылает мертвый дэвэпэшник, которого он когда-то пытал.

— Как так вышло, что вы врезались на фургоне в трансформатор? — вмешивается министр.

— Я не помню, сэр.

— Вы были пьяны?

— Я не пью, сэр. Только кокосовую воду.

— Давай! — шипит Сена.

— Давай! — шипит мертвая мать в ухо Водиле.

Выключатель в кармане Водилы, он занес руку над карманом, но внутрь не полез. С Водилы льет пот, хотя в кабинете работают три вентилятора.

— В чем дело, сынок? — Министр встает, подходит к Водиле.

— Давай! — шипит женщина со шрамами, сидящая на диване. Допрашивающий стряхнул последнего муравья, почувствовал ледяной холо-

док в сердце и хмуро взглянул на вентилятор.

— Давай! — говорит мертвая мать на ухо Водиле. Губы его дрожат, словно он того и гляди расплачется. Но рука его не шевелится.

Ты замечаешь, что демон министра храпит на шкафу, а изнасилованная королева красоты гладит волосы между его заостренными ушами. Министр, майор, допрашивающий и Водила в одном кабинете. Ты гадаешь, у всех ли совпадений так же подробно прописан сценарий, как у этого. Ты вспоминаешь доктора Рани, ее теорию о ланкийских карательных отрядах, фотографии, которыми она воспользовалась без спроса. Доктор Рани утверждала, что Шри-Ланка — первая демократия, при которой появились современные карательные отряды, организованные по образцам, разработанным в диктатурах Латинской Америки. Одно из многих бездоказательных заявлений в ее книге, притаившихся среди предложений, нечаянно подтверждавших то, что она осуждала: «Упорядоченная иерархия для управления насилием, поставленным на поток, возможно, свидетельство не дикости, но рационализма перед лицом варварства».

— Давай! — шепчет Махакали, и души в ее животе, и все призраки в комнате умолкают.

— Сэр, я слышу голоса, — признается Водила.

— Давай! — шипят Сена, женщина со шрамами и изнасилованная королева красоты. Мертвые дэвэпэшники щекочут допрашивающего.

* * *

Ощущение, копившееся в тебе с той самой минуты, как ты попал в это уродливое здание, наконец сгущается у основания твоей сломанной шеи и затапливает твои чувства. Твоя последняя луна повидала любовника, которого предали, лучшую подругу, висевшую над пропастью, и окончится взрывом, что унесет плохих парней. Так почему у тебя щиплет глаза и в ушах шум помех?

Ты берешь фотоаппарат, оглядываешь кабинет и видишь лица живых. Коп, головорез, солдат, политик. Ты смотришь на призраков, готовых превратить кабинет в прах. Ты видишь Махакали на подоконнике, она с ликованием наблюдает за происходящим.

— Прекратите! — кричишь ты. — Прекратите сейчас же!

— Что вы делаете, мистер Маали?

Из-за занавески выходит Сена, косится на демона министра, тот похрапывает в такт песни

королевы красоты.

— Там, внизу, люди. Офисные работники. На всех трех этажах. У секретарши на столе фотографии трех ее детей. Внизу отец моего друга. Самовлюбленный кретин, но он здесь вообще ни при чем. И этот обманутый дурачок. — Ты указываешь на Водилу. — Сколько народу погибнет сегодня? Вы считали?

Сена бросается на тебя, прижимает тебя к стене.

— Мы вот-вот положим конец войне, а вы беспокоитесь за чинуш? Они ставят печати на документы, благодаря которым эти чудовища остаются у власти. К черту. Их.

— Ты обещал, что невиновные не пострадают.

— В этом здании нет невиновных. Даже папочка твоего парня. Если они работают на систему, они заслужили свою судьбу.

— Сэр, я слышу голоса, — признается Водила, но его никто не слушает.

В пять часов вечера все государственные учреждения пустеют — ежедневная тренировка, чтобы успеть до часа пик, независимо от того, что у чиновников на повестке дня и что им еще нужно сделать. Ровно в пять, ни минутой позже, прикрывают лавочку даже те, у кого на верхнем

этаже нет террориста-смертника.

Чем больше тебе удастся потянуть время, тем меньше будет жертв. Порой важна не сама ставка, а когда ты ее делаешь.

Вы с Сеной обмениваетесь колкостями, Водила неразборчиво бормочет себе под нос.

Ты чувствуешь кулак у спины и нож у горла.

— Хватит болтать байлу, мистер Маали. Махакали говорит, у вас остался один шепот. Так что лучше поторопитесь. Вперед.

— Я уже израсходовал все три.

— Махакали говорит, что услышали только два. Шепчите.

— А как же секретарши и бухгалтеры? Чем вы лучше ТОТИ, которые обстреливают мирных жителей? Или правительства, которое убивает членов ДВП? Чего вы добьетесь этой чушью?

Сена толкает тебя к Водиле, призраки скандируют:

— Давай!

* * *

Ты смотришь в покрытое шрамами лицо Водилы. Быть может, это последнее, что ты увидишь, прежде чем Махакали поглотит все, что от тебя осталось. Ты задумываешься о фотографии,

журналистике и прочем. Стоило ли всем этим заниматься, в конце-то концов?

Ответ, по всей вероятности, «нет», но ты все же решаешь, в одиннадцатый час своей седьмой луны, пустить в ход остатки голоса.

— Водила. Я ездил с тобой, я видел, кто ты такой. Я был там же, где ты. Мы знакомы.

Водила смотрит вверх, потом вниз, на свои ноги.

— Ты меня не видишь, но слышишь, я это знаю. Эти люди заслуживают смерти. Но разве та женщина из приемной, которая принесла тебе чай, это заслужила? Разве это заслужили все те, кто внизу? А ты?

— Что ты творишь? — с ужасом спрашивает Сена, кое-кто из его приспешников пытается проткнуть тебя копьями. Махакали дышит в тени, в углу за храпящим демоном. Лица под ее кожей превратились в кресты и наконечники стрел.

— Мы посылаем пешек убивать королей. Но на смену плохому королю идет худший, и новых пешек отправляют на смерть.

Ты обращаешь эти слова ко всем, кто присутствует в комнате.

Водила потеет, дрожит. Старается не обращать внимания ни на голоса, вихрящиеся в нем, ни на

килограммы проволоки, тяготящие его здоровую ногу. Он повторяет строчку, которую вдолбил ему Э. Кугараджа, Водила заучил ее, пока кормил своих белок.

— Все бойцы противника — соучастники. Все заслуживают смерти.

— Нет никаких бойцов, малли. Такие парни, как ты, взрывают себя. И что меняется? Стоит ли жертвовать своей жизнью, тем более за такое отребье? А ее жизнью? Их жизнью?

Сена плюет ядом тебе в лицо. Хватает тебя за горло, тащит к Махакали.

— Это был ваш последний шанс, мистер Маали. Теперь вы на тысячу лун пленник Махакали.

* * *

Однако его проклятия тонут в шуме за дверью. Дешевая фанера распахивается на петлях, призраки вздрагивают.

— Шанталь! — рявкает министр. — Почему без стука?

Но в кабинет входит не секретарша министра Сайрила Виджератне. А Стэнли Дхармендран.

Дневной свет чернит его силуэт в проеме двери. Его объемные плечи и размеренная походка напоминают тебе о его сыне. Пока Стэнли не

открывает рот.

— Министр. Мне нужно с вами поговорить. Сейчас.

— Мы заняты, Дхармендран…

— Дочь моей сестры. Привезли во дворец. Я требую объяснения.

Министр с майором в изумлении смотрят на Маску. Тот качает головой, переводит взгляд на стоящего в коридоре Ранчагоду.

И призраки, и головорезы отвлеклись от парнишки с бомбой, тот дрожит и потеет.

— Мы обязаны допрашивать всех, Дхармендран, — говорит министр. — Не исключая и тех, у кого есть связи.

— И поэтому вы. Привезли ее. Во дворец?

— Я сожалею, Дхармендран, но сейчас не время…

Сена крепче сдавливает твое горло. Ты отталкиваешь его, кусаешь запястье. Нож падает на пол. Ты отбрасываешь его в сторону босой ногой, словно мяч, — как тогда, когда целых пять минут играл в регби. Но на этот раз не промахиваешься, а попадаешь точно в цель. Нож летит через весь кабинет и тупой рукояткой бьет в живот демона министра. Тот, застонав, просыпается и рычит.

Призраки ахают, Сена вопит, Махакали подплы-

вает к окну, глаза ее сверкают, лица проснулись. Водила произносит — так, чтобы слышали все присутствующие:

— Ответ на ваш вопрос… я не знаю. Я долго думал, но ответов нет. Только это. Только сейчас.

Все в комнате затаили дыхание. Демон министра, точно в замедленной съемке, подпрыгивает к своему господину. Водила повторяет фразу и заканчивает мысль:

— Все бойцы противника — соучастники. Все заслуживают смерти. Пожалуй, и от моей бесполезной жизни наконец будет польза. Иначе в чем смысл?

И с этими словами сует руки в карманы.

Тысяча лун

Все самые могущественные силы невидимы. Любовь, электричество, ветер. И волны после взрыва бомбы. Сперва взрывная волна, воздух сжимается так, что того и гляди разорвется, пазухи ветра рвутся вперед быстрее звука, разносят все на своем пути. Эта волна разрывает майора на три части, впечатывает допрашивающего в стену, даруя обоим мгновенную смерть, которой многие их жертвы были лишены.

Потом настает черед волн ударных. Они сверхзвуковые, в них заключается больше энергии, чем в звуке взрыва (тот еще не прибыл). Эти волны пронзают Ранчагоду, насаживают его на дверь.

Земля под зданием сотрясается, стены трескаются. Лестницы полнятся перепуганными чиновниками, они, толкаясь, валом валят на улицу. Водители и охранники на парковке слышат взрыв, видят дым, вылетающий из окна пятого этажа.

Волны превращают мебель в комнате в летающие кинжалы и дубинки, они обрушиваются на съежившегося Стэнли. Череп Водилы падает на пол в туалете, ошметки тела забрызгивают стены. Кабинет горит, взрывная волна распахивает окна, вырывает вентиляторы из потолка и куски бетона из стен.

Этажом ниже пресс-папье и контейнеры для документов превращаются в гранаты и мины, фундамент дрожит, воздух полнится дымом и криками ужаса. На парковку в панике высыпает народ. Те, кто выбежали первыми, рыдают, прижимают к себе свои сумки, те, кто вторыми, в крови и в пыли; третьих несут.

Взрывные волны рассеивают призраков, их выбрасывает из кабинета в коридор. Они отря-

хиваются, разражаются ликующими воплями, танцуют в огне. Мертвые «Тигры» обмениваются рукопожатиями с убитыми дэвэпэшниками. Присаживаются у лифта, наблюдают за тем, как дым уходит из здания, и ждут.

Огонь в комнате подкрадывается к окнам, не опалив ни кухню, ни ванную. Там заходится кашлем министр Сайрил Виджератне, держась за сломанный локоть. Он помнит только, как запрыгнул в ванную, едва водитель заговорил. Министр убеждает себя, что понял все по глазам Водилы, но в глубине души он знает, что в ванную его толкнула сила отнюдь не человеческая.

Демон министра бьет хозяина по щекам, чтобы привести в чувство. С улыбкой глядит на тебя; из дыма выходит Сена.

— Ты разбудил эту сволочь, Маали. — Сена хватает тебя за волосы и тащит прочь из комнаты.

Министр выползает из ванной.

— Из-за тебя этот мерзавец все еще дышит.

Духи приветствуют вернувшегося Сену радостными криками. Сена вскидывает кулак, кивает.

— Мы убили трех и потеряли одного, — объявляет он с улыбкой и крепче сжимает твои волосы.

Ты замечаешь под грудой обломков, бывшей

прежде стеной, ногу в туфле на шпильке. Ты видишь галстук, завязанный на растерзанном торсе Стэнли.

— Не трех, а намного больше, мудила, — цедишь ты.

— Мистер Фотограф мой, — заявляет голос из дыма. Появляется Махакали, буйвол на двух ногах. Указывает на тебя. — И не пытайся сбежать. Беглецам еще ни разу не удавалось уйти далеко.

Сена за волосы подводит тебя к Махакали. Ты вырываешься, но ты слаб, как тогда, когда еще дышал. Любовник, а не боец[99].

— Извини, Маали, — говорит Сена. — Может, увидимся через тысячу лун. Может, никогда. Зависит от того, что дольше.

Махакали хватает тебя когтистой лапой, тащит к лицам под кожей. Ты вопишь, но чужие стоны заглушают твои крики.

Они являются из пламени, выползают из дыма. Майор Раджа Удугампола, Маска, Ранчагода и Стэнли Дхармендран. Их окровавленные тела разорваны в клочья, ноги не касаются земли.

Призраки набрасываются на них, завязывается потасовка, демон министра, пробившись сквозь

---

[99] Примечания: 1.99
Намек на песню I'm a Lover, Not a Fighter.

толпу, прыгает на Махакали, та выпускает тебя из когтей. Демон министра посылает тебе воздушный поцелуй и говорит:

— Я тебе задолжал. И теперь долг отдал.

Демон впечатывает голову Махакали — волосы змеи — в стену.

— Спасибо, что прикрыл меня на посту. Отныне мы квиты. Беги, идиот!

Махакали хватает демона за горло. Мертвый телохранитель бьет эту тварь в живот. Лица кричат вразнобой.

— Ты не Махакали. Думаешь, я не узнал тебя без одежды? Талдуве Сомарама! Ты один раз уже ускользнул от меня. Больше никогда!

Кулак демона врезается в лицо Махакали.

Ветер плывет из пламени вниз по аварийной лестнице, вылетает в окна третьего этажа. Ты седлаешь ветер и минуешь министра, распростертого на ступенях. На четвертом и третьем этажах ты видишь тела, они лежат неподвижно. Их немного, но все же хватает.

* * *

Ветер несет тебя по улицам, на обочинах ты видишь призраков, с одними ты прежде беседовал, других избегал.

Ты плывешь над меркнущими крышами и замечаешь, как твоя седьмая луна прячется за облаком, ждет, пока скроется солнце. Ты пролетаешь сквозь путаницу электрических проводов, они вьются мимо старых храмов, обшарпанных балконов, шелестящих деревьев и недостроенных небоскребов. Позади раздается пронзительный визг Махакали, она спрыгивает с крыши на улицу.

Сена мчится на более быстром ветре, рычит тебе в спину ругательства. Ты бежишь, натыкаясь на призраков, перелетающих тебе дорогу.

Приближаясь к каналам, ты замечаешь мертвого атеиста, он отдает тебе честь, и даму-змею, она смеется со своей оравой. Ты видишь мертвых собак, они воют с автобусной остановки, мертвые самоубийцы прыгают с крыш, трансвестит машет тебе в полете. Ты мчишься к мутным водам, ждешь слабейшего ветра.

Ты надеешься, что Махакали не последует за тобой, но чувствуешь шепот и ожидаешь увидеть ее за каждым деревом на пути. Ты вскакиваешь на самый слабый ветер, и он нежно несет тебя вдоль канала, а ты вглядываешься в нависающие над каналом ветви в поисках клыков и копий.

Небо очищается от облаков, прорывается солн-

це в оранжевом акне. Ты радуешься, что оно еще не село. Твоя седьмая луна выглядывает из-за туч и готовится поднять голову. И вдруг на берегу ты видишь дерево кукубха, ты видишь доктора Рани, Хи-Мена и Моисея, все в одеждах священнослужителей, все машут тебе рукой. Они указывают тебе на второе дерево кукубха, потом на поперечный поток рядом с третьим.

Из-за этого дерева появляется Махакали. Глаза ее горят, из пальцев струится дым. Кажется, она поглотила взрыв и его жертв и теперь готова к десерту.

— Прыгайте в воду! — кричит Хи-Мен писклявым стероидным голоском. — Она туда не сунется.

Махакали выскакивает из-за дерева, ты ныряешь в водоворот и последнее, что чувствуешь, — как ее коготь царапает твою спину.

Ты падаешь в воду и видишь множество глаз, они глядят на тебя, эти глаза когда-то принадлежали тебе, и — по крайней мере, пока — они целиком белые. Вода белая, как матовая лампочка. Коснувшись ее поверхности, ты слышишь звон разбитого стекла. Тебе уже наплевать, увидят твои фотографии или нет. Потому что Джаки и ДД по-прежнему дышат, и пусть это не искупает

всего, что с ними стряслось, это уже что-то. И это, несомненно, самое доброе, что ты можешь сказать о жизни. Это не ничего.

Река рождений

Река эта шириной с бассейн в «Выдрах», вот только на берегах ее нет трамплинов для прыжков в воду. Она тянется бесконечно, как дороги в пустынях Австралии или кукурузные поля Америки, ты видел их в журнале «Нэшнл джиографэфик», но так и не посетил. Ты смотришь, как река простирается по кокосовым рощам, по рисовым полям и скрывается за холмом вдалеке. Ты думаешь обо всем, что уже никогда не сделаешь.

Что же до указаний доктора Рани, тебя доставил сюда самый слабый ветер с озера Бейра, и демонов больше не видно. Река неглубокая, ты касаешься подошвами дна. Оно илистое, заминированное камнями. Солнце уже зашло, в небе луна. Вода настолько же теплая, насколько воздух прохладный. Ты в реке не один, вокруг тебя сплошь пловцы борются с течением и обнимают отмели.

Ты минуешь каждого, замечая глаза, болтовню, все говорят одновременно, кто-то друг с другом,

кто-то сам с собой, ты ловишь себя на том, что бормочешь на языках, о которых и не подозревал, что ты их знаешь. «Ты не тот, кем себя считаешь». «Ты все, что ты передумал и переделал, где был и что видел».

Другие пловцы глядят на тебя и сквозь тебя, друг на друга и друг сквозь друга. У них твое лицо, хотя волосы у кого-то растрепаны сильнее, некоторые женщины, а кто-то и вовсе бесполый.

Ты устремляешься к горизонту, минуешь тамила, работника плантации, он спорит с аристократом из Канди, ты проплываешь мимо учителя-голландца, он болтает с арабским матросом. Одинаковые лица, идентичные уши.

Так это оно? Это Свет? То место, куда демонам путь заказан? Река омывает тебя, ты опускаешься под воду. Тебе не надо задерживать дыхание, у тебя нет дыхания, которое держало бы тебя.

Ты касаешься дна, и там тебя ждет оно. То, что ускользало от тебя все эти луны. Последнее, что ты сделал, последнее, что с тобой сделали, то, о чем ты забыл вспомнить. Правда, которую ты упрямо отказывался видеть, ответ, которого ты боялся сильней всего.

Ты дышишь в чистой воде, стираешь грязь с объектива и вспоминаешь последний вздох,

который сделал как Малинда Алмейда Кабалана.

Твоя цена

Когда из тени той крыши появилась фигура, ты осознал, до чего Стэнли Дхармендран все же похож на сына. Плавные движения, симметричная голова, темная кожа, белые зубы, ступает пружинисто, покачивает бедрами. Он сказал что-то резко и коротко бармену, быкообразному парню, которого ты только что лапал. И повернулся к тебе.

Двое мужчин перетащили из тени пластмассовый стол и два пластмассовых стула. Ты узнал этих мужчин. Не официанты, не бармены: казино нанимают таких срывать злость на тех, кто сорвал куш, и обирать тех, кого обобрало казино.

Стэнли жестом приказывает тебе сесть, выбор невелик — сидеть лицом к Коломбо, к лестнице или к головорезам в тени. Ты решил сесть лицом к угрозе, спиной к живописному виду. Стэнли откидывается на стуле, ты замечаешь в его руке розовую записку с твоим почерком.

> Приходи в бар «Лео» сегодня к 11 вечера.

У меня будут новости.
Люблю тебя. Маал.

Ты оставил ее на бадминтонной ракетке ДД, и, хотя нельзя исключить, что ДД прочитал записку и отдал аппе, шансы шесть из семи, что аппа обнаружил ее первым.

— Выпьешь чего-нибудь, Малинда?

— Вообще-то у меня в одиннадцать встреча с ДД.

— Когда я уходил, он уже лег спать. Вряд ли он приедет.

— Он не получил мою записку?

— Ты перепутал ракетки.

— Но я же с ним говорил.

— Правда? «Маали, Господи Иисусе. Мы с тобой не разговариваем неделями. А теперь ты зовешь меня тусоваться». — Стэнли растягивал гласные, подражая аристократическому выговору воспитанника британской частной школы, на людях ДД старательно его скрывал. У отца и сына была одинаковая походка, одинаковая кожа и одинаковый голос, тягучий, словно ириска.

— Так что ты хотел сказать моему сыну?

— Не ваше дело, дядя Стэнли.

— Согласен. Я не отниму у тебя много време-

ни, — ответил Стэнли. — Я пришел попросить об одном.

Ты заметил, что в баре внизу стало тихо, вряд ли кто-то поднимется на террасу — разве что тайком пообжиматься.

— Я жду объяснений, дядя.

— Ты написал, что у тебя есть новости. Твои новости меня не интересуют. Я хочу знать одно. Твою цену.

— Цену?

— Сколько ты хочешь за то, чтобы исчезнуть из жизни Дилана?

— Может, миллион долларов. — Ты ухмыляешься. — Или столько же, сколько заплатили вы, чтобы стать членом кабинета. Зависит от того, что больше.

Стэнли словно и не обиделся.

— Сумма должна быть реалистичной.

— Если ДД хочет выкинуть меня из своей жизни, он может сказать мне об этом сам. Все равно меня и так вечно нет рядом.

— Где ты был?

— На севере, делал репортаж об индийских миротворцах.

— Для кого?

— Не ваше дело, дядя Стэнли.

— Дилан считает, что для военных, но ты, видимо, давно на них не работаешь.

— Меня послали снять репортаж о похищении Виджевиры.

— Говорят, тебя уволили, потому что ты ВИЧ-положительный.

— Это неправда.

— Ты проверялся?

— У меня положительно. Нет ВИЧ.

Старая шутка, произнесенная с интонацией Стэнли.

— Дилан — хороший мальчик. Замечательный мальчик. Но сбился с пути. Я считаю, ему нужно взяться за ум. А ты?

— То есть вы считаете, ему нужно вернуться в вашу фирму и прятать деньги богатых воров?

Дядя Стэнли закуривает сигарету, протягивает тебе пачку. Разумеется, он курил «Бенсон & Хеджес», марку со вкусом империализма, хотя эти сигареты выпускают на той же фабрике, что и «Голд Лиф», и «Бристоль». Ты берешь сигарету, закуриваешь, кончик вспыхивает ярко, как нить накаливания, и тускнеет до сажи. Он видел, как ты чиркаешь спичками, но зажигалку не предложил. ДД хвастался, что после смерти матери аппа уже не курит по две пачки в день, и ты тоже мог

бы бросить, если бы прислушался к нему.

— Я думал, вы бросили.

— Дилан не курил, пока не познакомился с тобой. Он винил меня в том, что его мать заболела раком. Между нами бывали разногласия, но сейчас мы ладим. Он все, что у меня есть. Ты должен это понять.

Ты выдохнул дым и задумался, как бы отделаться от этого разговора. Может, уйти в туалет?

— Ты с этим официантом занимался противоестественным делом, так? А с моим сыном ты тоже это делал?

Стэнли подался вперед, спрятав сигарету в ладони.

— Почему — противоестественным?

— Это мой сын, свинья. Я посылал его в Кембридж не для того, чтобы дома какой-то педик заразил его СПИДом.

Телохранители в углу тоже курят. Когда Стэнли повышает голос, они направились было к вам, но он поднимает руку, и они отступают.

— Вы воспитали избалованного идиота, который ни черта не знает ни о своей стране, ни о ее народе. Я открыл ему глаза.

— Малинде Кабалане легко говорить. Ты впутал молодого тамильского паренька в свою политику

и знаешь, чем это кончится.

— Я никогда не стал бы рисковать жизнью ДД.

— Поэтому ты позвал его в Джафну?

— Я позаботился бы о нем, — говоришь ты.

— Ты написал в этой записке слово «люблю». Это противоестественно.

— Противоестественно жениться. Есть ножом и вилкой. Исповедовать религию. Все это выдумано человеком.

— Да что ты знаешь о любви?

— Мне он дороже, чем вам.

— Тогда. Ты возьмешь эти деньги. И уйдешь.

Ты взглянул на пачку сигарет на столе и на бумажные рупии.

— Вы застали меня в удачный вечер. Сегодня я свободен от долгов. Я ушел от всех своих клиентов. И готов уехать, куда захочет ДД. В Сан-Франциско, Токио, Тимбукту. Надоела мне эта пердь. Да и ему за границей будет безопаснее.

Стэнли молча курил, смотрел тебе в лицо. Ты представил, что между вами шахматная доска, его слон против твоего коня, вы оба раздумываете, как провести свою пешку в королевы. Но на столе только полупустая пачка сигарет да пачка банкнот, которая слишком дорого стоит.

— И ты дашь ему отучиться в аспирантуре?

— Все, что он пожелает.

— А сам что будешь делать?

— Фотографировать свадьбы и бар-мицвы. Может, вернусь в страхование. Что угодно.

— А с азартными играми как?

— Я завязал.

Ты сказал это без тени лукавства.

— Ты продолжишь заниматься противоестественными делами с барменами?

Ты примолк, задумался, вздохнул.

— Нет, сэр. Я буду верен ДД. И никому больше.

Стэнли затушил последнюю сигарету и улыбнулся.

— Это все, что мне нужно было услышать, путха.

Он снова поднял руку, из мрака явились две тени.

Ты не раз видел их в казино, еще не зная, кто они такие. За то время, что прошло с 1983 года, Балал Аджит сбрил бороду, а Котту Нихал обзавелся брюшком, потому ты и не узнал их на фотографиях, которые увеличил по приказу Черной Дамы и Красавца-Валета. Зверь с топором и тот, кто зажег огонь.

Все-таки странно, что единственный тамил в кабинете министров сотрудничает с участника-

ми погромов 1983 года, подумал ты, когда тебя схватили и повалили на пол. Из твоих джинсов выпала пачка купюр, Котту ее прикарманил, Балал сорвал с тебя подвески. Цепочки врезались в шею, ты почувствовал каждую из них. Черная, с панчаюдхой, была шершавая, серебряная, с анкхом — холодная, а шнурок с капсулами ободрал тебя до крови. Ты подумал, что, раз уж эти бандиты решили тебя задушить, им следовало бы сдавить тебе горло с другой стороны.

— На все твои цепи наложил проклятие святой человек. Тогда я и увидел эти капсулы. Почему у тебя на шее капсула, если ты не террорист? К чему вешать на шею яд, если ты не готов умереть?

Ты мог бы объяснить Стэнли, что ты сделал это на случай, если тебя возьмут в плен, на случай, если яд понадобится кому-то другому — и чтобы напомнить себе, что от мрака нас отделяет один телефонный звонок. Но Стэнли закатил тебе оплеуху, ткнул кулаком в нос и влил тебе в рот какую-то жидкость. Ты попытался сплюнуть, но он зажал тебе рот своей лапищей. Ты укусил его за палец, он вскрикнул, схватил Nikon 3 ST, висевший у тебя на шее, и ударил тебя по лицу. Твой глаз взорвался, голова отдернулась назад, ты мельком заметил Балала и Котту. Вид у них

был не менее изумленный, чем у тебя.

Тебе еще два раза врезали камерой по лицу. Потом ударили ногой в живот, ты раскрыл рот, закряхтел, тебя затошнило.

— Дилан — все, что у меня есть. И к черту все остальное. Ты понял меня, нет?

Ты не мог дышать, а вздохнуть тебе было надо, чтобы сблевать, в голове твоей долото, в груди молот, в кишках иголки. Ты уже не гадал, кто ты и кто этот человек, который сказал «ты». Вы оба были тобою, и ты не был ни одним из вас.

— Приберете здесь? — Стэнли взял со стола салфетки, вытер руки.

— Конечно, сэр, — ответил Балал.

— И майору не говорите, пожалуйста.

— Сэр, мы этого не ожидали, — сказал Котту. — Мы приехали, чтобы его увезти. Как нам тащить его вниз в таком состоянии?

— Я тоже этого не ожидал, — признался Стэнли. — Но он не оставил мне выбора.

Балал кивает, Котту качает головой.

— Сэр, мы увезем этот мусор, но это будет дороже.

— Деньги на столе.

— Зря вы так, сэр. Если б вы мне сказали, мы отвезли бы его в местечко получше.

— Доброй ночи.

Ты слышал звук шагов по пыльной террасе — Стэнли в начищенных ботинках, он шаркает, как его красавец-сын. Ты ослеп и дрожал. Думал, что вся жизнь промчится перед глазами, но видел лишь тень и облако. И слышал только голос отца, он уговаривал тебя постараться как следует, голос матери — «хватит дуться», — глупый парень просил тебя поговорить с его отцом, печальная девушка сказала «О'кей». Когда ты открыл глаза, ты парил над террасой и видел здание насквозь до первого этажа.

Твой взгляд, словно рентгеновские лучи, проникал сквозь стены, точно смерть превратила тебя в супермена. Ты видел игроков на пятом, сутенеров на четвертом, шлюх, которые пьют чай внизу, в торговом центре, Эльзу и Кугу в номере люкс на восьмом, они ругались, как двоюродные брат и сестра. А потом на шестом ты увидел двух головорезов, они подняли свернутую покрышку и сбросили вниз. Как те покрышки, на которых они жгли людей, только эта покрышка развернулась и оказалась трупом. Ты летел вниз, думая о причинах и отговорках — и тех, кто уже никогда их не услышит.

Тело твое ударилось о стену здания, оставив

пятна цвета багреца и обсидиана, пурпура и эбенового дерева, и ты почувствовал, как мимо тебя хлынули тысячи воплей. Это чувство сменилось ощущением не то чтобы утешительным, но и нельзя сказать, чтобы неприятным. Нечто истинное и невидимое, вроде микроскопической точки в этом колоссальном пустом месте.

Ты увидел лицо ДД и насколько оно не похоже на лицо его отца, увидел его в самолете, который садится где-нибудь в солнечных краях, ты представил, как он очищает отравленные колодцы, вообразил его улыбку. Ты представил, что он посвятил жизнь какому-нибудь бессмысленному делу, точь-в-точь как ты сам, и обрадовался. Каждый должен найти бессмысленное дело, ради которого стоит жить, иначе зачем дышать?

Потому что, если вдуматься, как только ты увидел свое лицо, узнал цвет своих глаз, попробовал воздух на вкус, почувствовал запах земли, испил из чистейших источников и грязнейших колодцев, это самое доброе, что можно сказать о жизни. А не ничего.

* * *

Когда твое тело ударилось об асфальт, тот не издал ни звука — по крайней мере, такого, кото-

рый можно было бы различить за шумом города и гулом на краю света. Ты почувствовал, как твоя личность раскололась на «ты» и «я», потом на множество «ты», на бесконечность «я», которыми ты был когда-то и будешь снова. Ты очнулся в бескрайнем зале ожидания. Ты огляделся, это был сон, ты в кои-то веки понял, что это сон, и беспечно решил его переждать. Все проходит, особенно сны.

Ты проснулся с ответом на вопрос, который задают все. Первый ответ — да, второй — как здесь, только хуже. Иных прозрений у тебя не случилось, и ты решил снова уснуть.

Свет

Первыми об этом узнали пчелы. Потом лед. Потом деревья. Потом все матери мира.

Тесс Клэр в твиттере

Пять напитков

Вода не щиплет глаза. Даже успокаивает, как теплое полотенце, пропитанное корицей и ле-

монграссом, такие полотенца подают в отелях на юге, где ты частенько бывал с богатыми мужиками. Вода не синяя, не сине-зеленая, а белая. Того самого белого цвета, который, как сообщила тебе некогда детская книжка, складывается из всех оттенков спектра. Хотя, когда ты начал посещать уроки живописи и смешал все краски, которые нашел в палитре, у тебя получился черный.

Струи воды кружатся, утягивают тебя в глубину, мимо косяков угрей, рыб, мимо камней, поросших водорослями. Камни под водой обретают причудливые формы, обнаруживают щели, скрывающие источники света. Капли дождя пронзают поверхность воды над тобою, пузыри опускаются на дно бассейна. Ты ныряешь глубже и оказываешься у входа в пещеру, загороженного катящимися волнами и зазубренным валуном.

Стены, потолки и полы цвета разлившегося яичного желтка, твои глаза круглятся от света. Ты движешься к нему, потому что больше некуда. По бокам стены, у ног журчит ручей, впереди свет. Стены и потолки превращаются в зеркала, каждый изгиб бросает отраженный отблеск на другой. И если идти медленно, наклонившись под определенным углом, поймаешь свое отражение. Глаза твои меняют цвет с зеленого на голубой и

карий. А вот уши не меняются.

— Вы как раз вовремя, Маал, — говорит доктор Рани. — Вечно вы все делаете в последний момент.

Она сидит за тонким столом, уставленным посудой, точно на банкете на одну персону.

— Так Свет — всего лишь зеркала? Не рай, не Бог, не родовые пути матери?

— Я не надеялась, что ты придешь, путха, — отвечает доктор Рани. — И рада, что ты здесь.

— И что теперь?

— Тебе надо выпить.

— Я не хочу пить.

— Садись.

Ты садишься за стол. Из посуды на нем только чашки всех цветов и размеров — точнее, емкости для питья. Всего пять штук. Чайная чашка с жидкостью золотистой, кружка с лиловой, рюмка с янтарным ликером, кокос с соломинкой и миска готуколы, панацеи от кашля и простуд, синяков и укусов насекомых, этой кашей ланкийские аммы пичкают беспомощных малышей.

Доктор Рани улыбается тебе и впервые не поднимает ни журнал, ни бровь.

— Чай — если хочешь забыть. «Портелло» — если хочешь вспомнить. Арак — если хочешь

простить мир. Рекомендую. Тамбили — если хочешь, чтобы тебя простили. Кола канда — если хочешь попасть туда, где тебе самое место.

— Я так понимаю, о том, чтобы отпить из каждого по глотку, не может быть и речи?

— Правильно понимаешь.

— И всё? А если я люблю кофе?

— Не любишь.

— А если меня тянет выпить «Портелло», но при этом я хочу, чтобы меня простили?

— Если бы ты хотел взвесить все плюсы и минусы, нечего было тянуть до седьмой луны.

— Я был в плюсе. Моя жизнь — в минусе.

— На глупые шутки времени тоже нет.

— Так что же мне выбрать?

— Думаю, ты и сам знаешь.

Ты обводишь взглядом зеркала, женщину в белых одеждах. Ты встаешь из-за стола, подходишь к ней и обнимаешь ее, как никогда не обнимал свою мать.

— Я надеюсь, ваши дети проживут долгую жизнь. Я надеюсь, вы с мужем связаны навсегда.

Ты не знаешь, зачем это сказал, знаешь только, что говорил искренне.

— Очень любезно, Маал. А теперь пей.

Ты снимаешь сандалию, кладешь на пол. Сни-

маешь анкх, панчаюдху, смятые капсулы на шнурке, кладешь все это на стол. Вытираешь камеру банданой, кладешь бандану к цепочкам. Потом кладешь на стол и камеру.

Ты ни минуты не сомневался. Опьяняться тебе уже некогда, жажды у тебя не осталось, как и пристрастия к сладкому: нечего утолять. Свежая кола канда неотличима от испортившейся. Старая шутка. Ты тянешься к склизкой зеленой каше и выливаешь ее в глотку. Зажимаешь нос, задерживаешь дыхание и ждешь, когда она перенесет тебя туда, куда тебе нужно.

Вопросы

Ты просыпаешься в присутствии единственного истинного Бога. Ты узнаешь ее, хоть и забыл ее имя.

Ты не просыпаешься, но не знаешь, что не просыпаешься. Самое приятное в забвении — то, что его не ощущаешь.

Ты просыпаешься в материных родовых путях, плывешь к свету и, достигнув его, кричишь с досады.

Ты просыпаешься голым рядом с ДД и не можешь вспомнить, какой сегодня день.

Ничего из вышеперечисленного.

Ты у белого стола, ты стоишь, хотя ноги твои не чувствуют тяжести ни твоего тела, ни души. На столе телефон с круглым диском и журнал учета. Ты в белых одеждах, на твоей шее ом, перед тобою толпа все орут, но ты их не слышишь.

Ты зажимаешь уши, моргаешь, и звук овеивает тебя, как неожиданный ветер. Все выкрикивают вопросы, на которые у тебя нет ответа.

— Я не могу здесь оставаться. Как мне отсюда выбраться?

— Мне нужно видеть моих баба. Где они?

— Я не утверждаю, что это вы виноваты, но ошибки случаются, разве нет? Вы можете отправить меня обратно?

Ты снова моргаешь, и звук пропадает. Ты оглядываешься и узнаешь это место. Оно до бесконечности набито кричащими душами и придурками в белом, которые не могут им помочь. И отныне, похоже, ты один из этих придурков.

Звонит телефон. Голос знакомый, хотя ты не помнишь, чей именно.

— Откройте журнал. Если нужны ответы, откройте журнал.

Щелчок.

Перед тобой журнал с изображением листа

бодхи на обложке. Ты открываешь его. Там всего три коротких слова, написанных от руки на линованной бумаге; ты узнаешь свой почерк. В словах заключается мудрость тысячелетий, глубокая мысль, дошедшая с первой ревизии вселенной.

Там написано: *Не все сразу.*

Ты смотришь на лица людей, замечаешь стариков, подростков, людей в сари и больничных одеждах, людей с кругами под глазами и стонами на губах. И узнаешь одно лицо. Ты подмигиваешь ему, слышишь только его голос, оставшиеся кричат беззвучно.

— Я прихожу сюда каждую Пойю, — говорит мертвый атеист. — Просто чтобы проверить, не предложите ли вы чего-то нового.

— Имя?

Он ставит свою отрезанную голову на стойку, наклоняет ее вперед, уставляет на тебя глаза — стеклянные шарики — и усмехается; нос у него крючком.

— Избавьте меня от рутины.

— Чем я могу вам помочь?

— Мои дети стали большие. Превратились в трудных подростков. Мне неприятно их видеть.

— Значит, вы хотите уйти к Свету?

— А что там, на той стороне? Я спрашиваю

каждую Пойю, и никто из вас, придурков, ни разу мне не ответил.

Он был первым призраком, который заговорил с тобой семь лун назад. Похоже, луны его не пощадили.

— Говорят, у всех по-разному.

— Это я слышал.

— Но, по сути, там казино, — продолжаешь ты. — Нужно выбрать напиток или карту, или…

— Или девственницу? Я рассказывал вам свою теорию о девственницах?

— По сути, нужно выбрать, куда вам дальше.

— И вы выбрали это место.

— Оно выбрало меня.

— Чушь какая-то.

— Мне жаль, если вам так кажется.

— Это сказано в вашем журнале?

— Да.

— Так я получу компенсацию за то, что меня пристрелили дэвэпэшники?

Ты смотришь на атеиста, на лежащий перед тобой журнал и решаешь не переворачивать страницу.

— Вращайте колесо. Такая игра. Ланкийская рулетка. Дэвэпэшники, которые вас застрелили, уже мертвы. Вы можете провести следующую

тысячу лун, проклиная своих убийц. Или сыграть в рулетку. Что выберете?

Он хмурится, чешет голову, как скептик, который пытается объяснить чудо.

— Да пошел ты, — говорит он и уходит.

* * *

В ту первую луну после слабого старта ты отправил восемь душ к Свету и тринадцать на осмотр ушей. Моисей и Хи-Мен — твои непосредственные начальники, они дружно кивают, но не указывают, что делать, и не хвалят тебя. Все, кто к тебе подходит, мертвы, травмированы и напоминают тебе женщин и детей из приграничных деревень, эти женщины и дети визжали, припав к земле, пока их дома горели. По большей части ты следуешь инструкциям в журнале, хотя порой отступаешь от них.

Как в случае с дамой в строительной каске, которая спрашивает тебя, почему ей привелось умереть от взрыва бомбы ТОТИ, тогда как в 1983-м она спасла от погромов сотни тамильских рабочих. Почему она скончалась от травмы головы, хотя всю жизнь носила каску. Ты открываешь журнал, там говорится:

> Карма с течением жизни выравнивается. Если те, с кем поступили несправедливо, достигнут Света, попадут в лучший мир.

«Лучший мир» — эвфемизм, часто встречающийся в журнале. Моисей говорит, это чтобы избежать богословских споров с верующими (правда, после смерти таких остается на удивление мало). Ты отвечаешь инженеру и ее каске, что, если хочет, она может жаловаться — или уйти к Свету. Результат будет один и тот же.

— Так уж заведено. На человека сваливается невероятное везение, а он давным-давно думать забыл о своей трагедии. И наоборот. Нужно лишь потерпеть.

Она улыбается, жмет тебе руку.

— Каску не снимать?

— Я семь лун таскал на себе фотоаппарат. Он только оттягивал мне шею.

— А если мне что-нибудь упадет на голову? — спрашивает дама.

— Что-нибудь обязательно упадет вам на голову, — отвечаешь ты.

— Я работала на стройплощадках в Канди, — поясняет она. — Можете мне не рассказывать.

— И что вы винили в случившемся — силу тяжести или холмы?

— Если вам все равно, — говорит дама, — я, пожалуй, останусь в каске.

* * *

Доктор Рани поздравляет тебя с достижениями. Приглашает Моисея и Хи-Мена отпраздновать на краю Голл-Фейс-Грин, напротив дома, где ты когда-то жил. Вы празднуете с восходом и прохладным ветром. Здесь, Наверху, всё так же, как Там, Внизу. Ты отмахиваешься от похвал:

— Мне случайно повезло. Я никого не завербовал. Я не выпил колу канду.

— Неправда, — возражает добрый доктор.

— Это шутка, что я в конце концов оказался здесь?

— Это шутка, что вы в конце концов оказались где бы то ни было? — спрашивает Моисей.

— Нет такого понятия — в конце концов, — добавляет Хи-Мен. — Есть вы. Но вскоре вас не станет.

— Я думал, мы сейчас не на работе, — говоришь ты. — Хватит проповедей.

— Мы довольны вашими успехами, — говорит доктор Рани.

— Могу я вернуться и выбрать другой напиток? — спрашиваешь ты.

— Если хотите, — отвечает Док. — Но это все равно что прийти в казино и попросить сдать вам те же карты.

К твоей стойке подходит Водила, теперь он выглядит так, будто все его тело — протез. Голова отделена от туловища, как и руки-ноги. Он не знает, кто ты. Да и откуда? Он протягивает тебе пальмовый лист, ты посылаешь его на сорок второй этаж. Он возвращается еще более травмированным, чем прежде, ты отправляешь его в желтую дверь, как и велит журнал.

Водила качает головой, уходит в коридор, там с ухмылкой маячит знакомая фигура в черных мешках для мусора. Рядом с Сеной вампиры в плащах, они приветствуют Водилу, как потерянного брата, тем более что тот, скорее всего, таков и есть. Ты предупреждаешь охрану, но, когда Хи-Мен добирается до того места, где был Сена, его и след простыл, вампиры тоже ушли, увели с собой новобранца Водилу. Если бы ты счел это проблемой, это была бы твоя проблема. И ты решаешь не напрягаться.

* * *

Мертвые любовники из Голл-Фейс-Корта подходят к тебе, держась за руки, и улыбаются. Парень тебя узнает.

— Вы жили в нашем доме, да?

— Давно.

Он поворачивается к ней, кивком указывает на тебя.

— Помнишь, Долли, это он когда-то трахал того темнокожего парня.

Долли сегодня в розовом шифоне, лицо у нее заплаканное.

— Мы серьезно поссорились, — поясняет она. — Мы считаем, нам пора расстаться. Пятьдесят лет прошло; наверное, медовый месяц закончен.

— Жаль, — говоришь ты.

— Мы устали смотреть на парочки под зонтиками. Они только лапают друг друга и врут друг другу, — говорит она.

— Так нас накажут за то, что мы совершили самоубийство? — спрашивает он.

Ты открываешь журнал и читаешь:

> Вселенной безразлично, что вы делаете со своим мясным костюмом.

Ты повторяешь им эту фразу.

— Правда?

— В плоти нет недостатка, — добавляешь ты.

— То есть даже мы можем уйти к Свету? — уточняет парень.

— Если хотите.

— Но есть ли что-нибудь лучше, чем любоваться закатом с верхнего этажа Голл-Фейса? — спрашивает он.

Ты вспоминаешь Ниагарский водопад, Париж, Токио, Сан-Франциско и прочие места, куда так и не отвез ДД. Ты не знаешь ответа, но притворяешься, будто знаешь. Ты качаешь головой и видишь, что они улыбаются.

* * *

После смерти отца ДД собирает вещи, чтобы поехать в Гонконг. На похороны он приходит с белым парнем в очках, и ты задумываешься о том, о чем задумываться не стоит. Но, как ни странно, тебя переполняет чувство, очень похожее на гордость. Если тебя послали на землю помочь этому красавцу признать свою сексуальность, значит, все было не зря.

Лаки Алмейда вступает во «Фронт матерей» и проводит кампании в поддержку женщин, чьи

дети пропали без вести. Ты навещаешь ее во снах, говоришь ей, что всё в порядке, ты ее не винишь, тебе жаль, что так получилось.

Джаки съезжается с ведущей новостей Радикой Фернандо, у них потрясающий секс, о тебе Джаки не вспоминает.

Ланка распадается. Война продолжается, люди утешают себя тем, что теперешнее их положение не так уж плохо по сравнению с тем, что было раньше, хотя во многих отношениях стало хуже.

Правительство отрицает, что взрыв, унесший жизни двадцати трех человек, произошел в правительственном учреждении. Министр — он выжил, хоть и был ранен, — заявляет, что здание якобы принадлежит некой азиатской рыболовецкой компании и его пригласили туда обсудить экспорт рыбы и морепродуктов. Министр благодарит своего врача, доброжелателей и астролога.

Верховный узнает о подразделении Махатийи и приходит в животную ярость. Два отряда предателей избивают в пещерах у Вакараи и бросают там, связанных; когда начался прилив, они все утонули. ТОТИ объявляет охоту на приспешников полковника Гопалласварми. Среди них и столичная организация под названием КНФПСТМ, в ее офисе устраивают взрыв, хотя там никого

и не было.

* * *

Ты сообщаешь доктору Рани, что хотел бы родиться снова, но еще не сейчас. Ты наслаждаешься отдыхом между тем, что было, и тем, что будет. Ты покоишься с миром, хоть у тебя и нет могилы. Ты решаешь дождаться, пока твоя мать умрет, и доктор Рани соглашается, что это разумно.

Твое существование входит в колею, тебе это нравится, ты с нетерпением ждешь своих смен. Даже в грустные дни, когда тебе приходится оформлять маленьких детей или тех, у кого остались любимые, ты все-таки осознаешь, что каждая смерть важна, а вот каждая жизнь, похоже, не очень.

Ты уже не зовешь отца, ты знаешь, что его нет рядом и уже никогда не будет. И даже если бы он услышал, и даже если бы он пришел, он все равно не узнал бы тебя, потому что в его жизни ты был даже не на вторых ролях, а в массовке. Увидимся позже, дада. Мы так и не поздоровались.

Наконец появляется он — волосы всклочены, вид смущенный. Но ты не чувствуешь гнева, только печаль. Он оберегал ребенка, которого

даже не знал. Сражался за страну, которой не существует.

Он в костюме, в котором его хоронили, глаза у него желто-зеленые, лицо пыльное и печальное, Стэнли Дхармендран ошеломлен, он явно не ожидал увидеть тебя. Он смотрит тебе в глаза, наклоняет голову.

— Мне искренне жаль, — говорит он. — Я сделал так, потому что…

— Неважно, — перебиваешь ты.

— Слава богу, у Дилана все в порядке.

— Это правда. Спасибо Любому.

— Можно мне поговорить с ним?

— Для этого надо будет связаться с вашим старым приятелем Дядюшкой Вороном. Но лично я не советую. Я могу записать вас на курс «Как являться во сне», занятия проходят на тридцать шестом этаже. Правда, результат предсказать невозможно.

— У него новый дружок-иностранец. Они вступают в половые сношения.

— Спасибо, что сообщили мне эту новость.

— Что, если они уедут в Сан-Франциско? Там полно СПИДа.

— Дядя Стэнли, вы никак не можете повлиять на то, что творится Там, Внизу. И чем быстрее вы

с этим смиритесь, тем лучше.

— Что тогда?

— В смысле?

— Что теперь?

— Теперь я вас прощаю.

— Но я не знаю, где я.

— Значит. Дядя Стэнли. — Ты делаешь его фирменную паузу. — Вы попали. По адресу.

Куда подевался Лайонел?

А что же твои фотографии? Они потрясли мир? Они проткнули пузырь Коломбо?

После взрыва в учреждении они еще долго висят на стенах, но ты не можешь себя заставить заглянуть в галерею. Ты держишься подальше от мест, где велика вероятность наткнуться на Сену или Махакали. Доктор Рани уверяет тебя, что, поскольку теперь ты в белых одеждах, демоны к тебе не притронутся, но ты все равно сомневаешься в этом.

Наконец ты в одиночку добираешься до галереи и не удивляешься, обнаружив, что она пуста. Твои фотографии привлекали призраков, а вот живых интересуют мало. Возможно, причина в том, что сейчас сезон дождей, влажность адская, а может,

у живых есть дела поважнее, чем разглядывать черно-белые снимки мертвых тел. Вампиры, преты и полтергейсты подлетают к тебе поболтать, но тебе надоели разговоры о фотографиях.

На шестой день прибывает Кугараджа, рассматривает фотографии 1983 года, людей, убитых индийскими миротворцами, десять снимков сельчан-тамилов. Вздрагивает, увидев мертвых туристов: они, как завороженные, любуются снимком панголина на закате.

— Приятель! Он ворует снимки! — кричит британец охраннику.

Охранник, пожилой мужчина в коричневой униформе, подскакивает к Кугарадже, тот направляется к двери рядом с вывеской «Закон джунглей. Фотографии М. А.».

— Эти снимки принадлежат мне, — заявляет Кугараджа, увернувшись от охранника. Старик в коричневом пожимает плечами, возвращается на свой стул и зевает.

Ты боишься, что мертвые с фотографий отыщут тебя и будут возмущаться, что ты изобразил их в таком неприглядном виде. Но большинство из них погибло далеко от этой галереи. На их месте ты позволил бы вселенной поглотить тебя, испить наконец блаженного забвения и раз на-

всегда разделаться с этой лотереей.

* * *

Несколько дней спустя в галерею заходят Джаки с Радикой, ДД остается в машине со своим белокожим очкариком. Я не желаю слышать ни о его фотографиях, ни о его смерти, заявляет ДД, Радика изображает сочувствие.

— Быть может, тебе отдохнуть от работы? Решить, хочешь ты остаться на Ланке или нет. Если тебе нужно поговорить…

— Читай свои новости, — отрезает ДД и уезжает.

Ты направляешься было следом, но тебя не пускает проклятие Дядюшки Ворона. Воздух отталкивает тебя, ветер отказывается тебя нести.

Радика ходит по выставке, качает головой, рассматривая зверства в рамках.

— О чем только думал этот придурок?

— Он думал, что его фотографии положат конец войне, — отвечает Джаки.

— Ты заявишь о своем похищении?

— Кому?

— Мы пожалуемся на этих копов.

— Я не помню никаких копов. Только того, который помог мне бежать.

— Может, на выходные уедем куда-нибудь? Зря мы сюда пришли.

— Маали хотел, чтобы пузырь Коломбо увидел настоящую Шри-Ланку.

Радика обводит взглядом пустынную галерею. Она не замечает ропщущих призраков, только пустоты меж ними.

— Похоже, Коломбо это нисколько не интересует.

Джаки садится у двери и просит Радику уйти. В тот день в галерею заглядывают посетители. Демонстрация студентов, коллектив художников, коллоквиум преподавателей, фургон журналистов. Многие ошарашены, восхищены, и ты чувствуешь в равной степени гордость и возмущение, когда они фотографируют твои снимки. К вечеру слухи о выставке распространяются шире и посетителей прибывает. Ты узнаешь кое-кого из театральных кругов, из музыкальных кругов, из телевизионных кругов. Одни знамениты больше, другие меньше. На кого=то снимки не производят особого впечатления.

Приходит Джонни Гилхули с Бобом Садвортом. Качают головой, по большей части молчат. Джонни забирает два снимка, на которых майор, полковник и Садворт. Присваивает и кое-какие

из фотографий обнаженных: вопреки твоим инструкциям, после ухода ДД Кларанта все же повесил эти снимки. Байрон, Хадсон, Бой Джордж. Еще одна кража, практически не потревожившая сон охранника.

Приходят твои знакомые журналисты, делятся воспоминаниями. Джейраджа из «Обзервера» называет тебя дураком, Атхас из «Таймс» говорит, что ты был гений. Лучшего панегирика у тебя, пожалуй что, и не будет.

У двери Джонни подходит к Джаки и что-то шепчет ей на ухо. Ты подплываешь поближе, чтобы подслушать.

— Уходи отсюда немедленно, милая. Эту галерею спалят дотла.

— О'кей, — отвечает Джаки, не шелохнувшись. Быть может, ей придало смелости, что она встречается с бывшей племянника министра. Но, скорее всего, она просто-напросто не удосужилась оценить вероятность и потому не тревожится. Она сидит в галерее весь вечер, в зале толпятся люди, спрашивают друг друга, кто такой этот М. А. потом раздается пронзительный голос, подобно туманному горну, хотя в руках у министра Сайрила Виджератне нет никакого горна.

На ноге у министра повязка, на руке гипс. Он

сидит в кресле-каталке, которое толкает детектив Кассим. Судя по виду Кассима, с самого взрыва он работает без отдыха. Заметив в углу Джаки, ловит ее взгляд. Джаки смотрит на него так, будто хочет сказать: «Извините, но я забыла о том, что обещала вам, а Стэнли мертв». На самом деле ей хотелось бы сказать: «Спасибо, что спасли меня», но она не знает, как выразить это жестом, а потом Кассим отводит глаза и толкает кресло с министром дальше.

Министр кряхтит, его слабое тело дрожит.

— Дамы и господа, наша разведка донесла об опасности, в связи с этим сегодня в девять часов вечера будет объявлен комендантский час. Я советую вам поспешить домой.

Крики, гомон, поднимается паника, толпа устремляется к выходу из галереи, пузырь Коломбо-7 начинает трещать, суматоха как на базаре в Коломбо-10. Никто не видит, что за креслом министра идет его демон. Он подмигивает тебе и кивает.

Мужчины — из тех, кто не военные и не копы, — встают у дверей галереи, министр приказывает Кассиму провезти его по залу. Замирает у одного снимка, указывает на него, Кассим послушно снимает его со стены. Ты наблюдаешь в молчании,

как фотографии мертвых журналистов, похищенных активистов, избитых священников исчезают с твоих стен вместе со снимками взорванных самолетов, убитых сельчан и озверевших толп.

Министр уходит со стопкою фотографий, уходят и призраки. То ли из уважения к тебе, то ли просто от скуки. Ты остаешься один перед стенами, на которых теперь полно пустых мест. Ты слышишь, как в центре искусств наверху мертвые туристы врубают музыкальный автомат, звучит песня, которую твой дада любил и которую ты в конце концов возненавидел. «Игрок» великого философа Кеннета Рэя Роджерса.

На стенах остались лишь те фотографии, что хранились только в одном из пяти твоих конвертов. На них закаты, рассветы, чайные холмы, хрустальные пляжи, павлины и панголины, слоны со своим молодняком, красивый парень и чудесная девушка бегут по полям земляники. Это конверт с пометкой «Идеальная десятка», и он нравится тебе так, как редко нравились собственные работы.

Снимки черно-белые, но пылают ярко, как все масти стрита. Этот остров — прекрасное место, хоть на нем и полно дикарей с дураками. И если эти фотографии — единственное, что переживет

тебя, быть может, это и есть твой туз в рукаве.

Разговор с мертвым леопардом

— Единственный Бог, которого стоит знать, это электричество. — Мертвый леопард стоит у стойки на задних лапах, опершись передними на твой журнал учета. — Это подлинное волшебство, перед которым стоит преклонить колени.

— Что вы знаете об электричестве? — спрашиваешь ты, заметив, что очередь позади него пятится, точно кто-то испортил воздух. — И как вы говорите, не шевеля… это же губы?

За те луны, что ты за стойкой, у тебя перебывало немало посетителей, но никого из царства животных. Ты указываешь на журнал учета, и зверь убирает с него лапы, сдвигается влево. Ты берешь журнал, открываешь и читаешь восемь слов:

У зверей есть душа.
Как у всего живого.

Леопард разглядывает тебя, и тебе неуютно. Глаза у него не желтые и не зеленые, как у большинства встречавшихся тебе мертвых зверей. Не голубые и не карие, как у *sapiens*. А белые.

— Когда в хижины в Третьем квартале Ялы провели электричество, я был в восторге. Я вечер за вечером просиживал под их окнами, любовался флуоресцентными лампочками. Если варвары-обезьяны могут создать такое, можете себе представить, на что способен я.

— Чем я могу вам помочь?

— Я хочу родиться *Homo sapiens*. И вы посодействуете мне в этом.

— Это не входит в мои обязанности.

— Мне нужны инструменты, чтобы творить. Человечий мясной костюм неплохо оснащен.

— Не уверен, что смогу вам помочь.

— Тогда позвольте мне встретиться с Создателем. Я попрошу его.

— Я не верю в Создателей.

— Не глупите. В Создателя верят даже свиньи на скотобойне.

— Я не верю, что кто-то за чем-то присматривает.

Леопард фыркает, облизывает лапу.

— С чего бы Создателю за вами присматривать? Разве мало того, что он вас создал?

Нечасто представителю семейства кошачьих удается поставить тебя в тупик. У этой кошки из джунглей душа явно шире, чем у большинства

бывших *Homo sapiens*, пятнавших собой твою стойку.

— По-моему, каждая тварь считает себя центром вселенной.

— Я вот не считаю. Потому что мы не центр вселенной. Мы микрокосмы, — говорит леопард. — Колония муравьев — целая вселенная. Но никак не ее центр.

— Большое слово для описания маленькой вещи, — отвечаешь ты, и животное смущается, как котенок.

— Я провел много времени в наблюдениях за насекомыми.

— Говорят, насекомые владеют этой планетой в большей степени, чем люди.

Ты переворачиваешь страницу журнала и таращишься на слова:

> Не давайте втянуть себя в разговоры, которые хотите закончить.

— Насекомые — гении. Это бесспорно. На земле и в воде обитают тысячи видов куда умнее людей.

— Послушайте, я сейчас очень занят.

— Но лампочку насекомые так и не изобрели.

От леопарда не так-то просто отделаться. Ты

листаешь журнал, но не находишь подсказок.

— Вы хотите изобретать лампочки?

— Я побродил по вашим городам, понаблюдал за тем, как вы живете. Это и омерзительно, и замечательно.

— Чем вам не нравится быть леопардом? Вы король джунглей.

— Но джунгли исчезают.

— Вы говорите как один мой знакомый.

— Я пытался выжить, не убивая. Продержался месяц. Что делать? Я дикий зверь. Только люди способны на истинное сострадание. Только люди способны жить без жестокостей.

— Как и большинство травоядных, не так ли?

— У кроликов нет выбора. У людей есть. Я хочу попробовать, как это.

— Там и пробовать особо нечего.

— Все только и делают, что пытаются не дать себя сожрать. Я хочу отдохнуть от пищевой цепочки.

— Вы уже ходили… на осмотр ушей?

— Конечно.

— Нет зверя более жестокого, чем человек.

— Я в этом не сомневаюсь. Но чаще всего от зла можно очиститься изнутри.

— Когда вы станете человеком, уже не вспом-

ните, что были леопардом.

— Как вас только взяли сюда, если вы понятия не имеете, как что устроено? Ничего не забывается. Мы просто не помним, куда это положили.

— Может, нам с вами поменяться местами? — предлагаешь ты.

— Я это и предлагаю.

— Большинство *sapiens* недовольно собой. Будьте внимательны к тому, что вы…

— Да-да. Я уже это слышал. Но вы можете создавать свет с помощью выключателя и проводов. Так что я рискну.

— Кажется, выбирать нельзя.

— А я уверен, что можно. Нам всем дают выбирать. Но если вы не можете сделать так, чтобы я родился человеком, сделайте меня леопардом с умом пчеломатки, душой синего кита и отстоящими большими пальцами дикой обезьяны, потому что такими пальцами удобно вкручивать лампочки.

Ты озадаченно открываешь журнал и читаешь, как тебе советуют поступить.

* * *

Ты долгие луны не думаешь ни о ДД, ни о парнях, что тебя ласкали. Ты сбился со счета войн,

они перерастают в конфликты, неотличимые от их причин. Ты слышал, что Водила присоединился к Сене, тот увел свое войско на север; когда его видели в последний раз, он пытался убить индийского премьер-министра. И вот как-то раз, сидя на своем любимом дереве мара на своем любимом кладбище, ты вдруг слышишь, что по ветру, точно пожухлый лист, плывет твое имя.

— Малинда Алмейда. Он был моим лучшим другом.

Ты ловишь ветер, он бросает тебя в воздух. Ты не удивляешься, очутившись в Голл-Фейс-Корте на известной террасе.

Джаки в шортах, с короткой стрижкой, разговаривает по телефону, у которого нет провода.

— Вы были с ним знакомы?

Голос в трубке отвечает смущенно с американским акцентом:

— Прошу прощения. В чем дело?

— Вы Трейси Кабалана?

— Откуда у вас мой номер?

— Вам в прошлом году пришла со Шри-Ланки посылка с фотографиями?

— Мой отец был родом со Шри-Ланки. Но он давно умер. Со сводным братом я не знакома. Мама о нем никогда не упоминала. Посылку я

не открыла.

— Я хочу выкупить у вас эти фотографии. Все.

— Я не знаю, где они. Наверное, я их выкинула.

— А он тепло отзывался о вас, Трейси.

Джаки врет, как игрок в покер, хотя это не значит, что она говорит неправду.

— Прошу прощения. Мне сейчас некогда. Мне надо идти.

Щелчок.

Джаки, выругавшись, ложится в кресло-мешок. Радика Фернандо запускает пальцы в ее короткие волосы, качает головой.

— Так она получила их?

— Девочке лет пятнадцать. О чем Маали только думал?

— Он как-то сказал мне, что ты была влюблена в него как дурочка, — говорит Радика обычным, не дикторским, голосом.

— Когда?

— В ту ночь в вашей квартире. Когда мы с тобой впервые поцеловались. Он попросил меня свести тебя с каким-нибудь симпатичным парнем-тамилом.

— И ты сделала ровно наоборот. — Джаки гладит ее пальцы в своих волосах.

Радика берет две фотографии в рамках, кладет

к ней на колени.

— Мы все-таки уберем их?

— Зачем?

— Сколько раз повторять, Джаки? Ты хочешь, чтобы я переехала к тебе, или нет?

— Можно я оставлю хотя бы одну?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я хочу, чтобы ты видела меня, а не его.

Обе фотографии — с выставки в галерее имени Лайонела Вендта. На одной вы с Джаки в домике на дереве близ высокой скалы неподалеку от Курунегалы, той самой скалы, с которой сбросилась царица Кувени; единственное, что от нее осталось, — это проклятие. На второй четыре трупа, снимок сделан с верхнего этажа разрушенного здания. Женщина с ребенком, старик в очках, собака-пария. Вокруг осколки снарядов, хотя погибли они не от этого.

Джаки кивает, Радика прячет оба снимка в коробку и уносит ее. Джаки со вздохом закрывает глаза и не слышит, как ты говоришь ей: «Прощай».

* * *

Ты привел леопарда на Реку рождений, но доктора Рани там нет. Ты поймал самый слабый ветер, но не сумел отыскать три дерева кукубха. Река пуста и бездвижна, в ней нет никого.

Леопард рычит, точит когти о дерево у воды.

— Я знавал медведей-губачей умнее вас.

— Я помогаю вам. Так что полегче с оскорблениями.

— А по-моему, это я помогаю вам.

— Как скажете.

— В Удавалаве я встретил слона, который предсказал пришествие следующего Будды.

— И когда это будет?

— Через двести тысяч лун, не раньше.

— Отличное предсказание.

— Я был знаком с существами, сотканными из теней, они живут в зеркалах и смотрят на вас, когда вы смотрите на себя.

— Забавно.

— Я был знаком с орлицей-пацифисткой, она отказывалась мышковать, и орлята ее голодали.

— Большинство известных мне хладнокровных убийц уверяли, что ненавидят убивать. Как правило, это враки.

— Я наблюдал за вашим биологическим видом. И при жизни, и после смерти. И не могу понять, почему люди уничтожают, когда могут создавать. Ведь это пустая трата сил.

— Вот они. Один, два… три дерева кукубха. Если нырнуть у третьего, река унесет вас.

— Куда?

— Туда, куда вам надо.

— Мне надо быть человеком.

— Выпьете из нужного сосуда — может, и будете.

Леопард подходит к воде, пробует ее лапой.

— Холодная, черт возьми. Может, нырнете со мной?

— Но я не хочу рождаться заново.

— Почему?

— Вдруг превращусь в леопарда?

— Я не обиделся. Вы действительно хотите целую вечность стоять за стойкой?

— Не так уж это и плохо. Встречаешь старых знакомых.

— Ныряйте со мной.

— Вы доктор Рани в облике леопарда?

— Кто?

И ты рассказываешь ему о Рани, Сене, Стэнли, ДД, о коробке под кроватью. Леопард сидит на

ветке и слушает, пока высоко в небе не всходит луна.

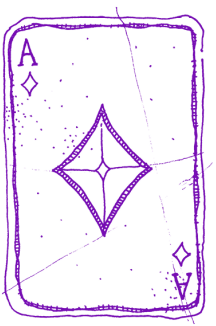
Леопард выгибает лапы; вот как ты сфотографировал бы его, если бы на твоей сломанной шее по-прежнему висел твой сломанный Nikon. Но камеры нет, и ты моргаешь, представляя, что фотографируешь.

Леопард кивает, встряхивает хвостом и прыгает в воду. И в эту минуту — в небе светит луна — ты осознаешь, что рассказывать тебе больше нечего, да и некому. Ты принимаешь это просто как факт, без радости или смятения.

И ныряешь в воду.

А нырнув, понимаешь три вещи.

Что яркий свет вынудит тебя открыть глаза шире. Что ты выберешь тот же напиток и он перенесет тебя в какое-то новое место. И что когда ты туда попадешь, ты забудешь все, о чем сказал выше.


A
A

Dramatis personae[100]
Список сокращенный

Демонам — без извинений

Малинда Альберт Кабалана (Маали Алмейда). Пропал, но не забыт. Должен раскрыть убийство. Свое убийство.

Живые — там, внизу

«Ловя твое имя, казнюсь я стыдом потаенным».

Родственники и соседи

Дилан Дхармендран (ДД). Запретная любовь всей жизни Маали.

Джаклин Ваираванатхан (Джаки). Вторая любовь всей жизни Маали, двоюродная сестра ДД.

Альберт Кабалана (Берти). Отец Маали. Отсутствующий предмет обиды.

Лакшми Алмейда (Лаки). Мать Маали. Присутствующий предмет обиды.

Министр Стэнли Дхармендран. Отец ДД, дядя Джаки. Единственный тамил в кабинете мини-

---

[100] Примечания: 1.100
Действующие лица (лат.).

стров.

Полицейские и преступники

Заместитель суперинтенданта полиции Ранчагода. Ленивый коп. Причастный.

Детектив Кассим. Трудолюбивый коп. Недовольный.

Балал Аджит. Мусорщик. Профессиональный мясник.

Котту Нихал. Мусорщик. Вор.

Водила — перевозчик трупов. Незадачливый солдат.

Журналисты и их помощники-организаторы

Энди Макгоуэн. Внештатный корреспондент *Newsweek*.

Джонни Гилхули. Атташе по культуре в британском посольстве.

Боб Садворт. Репортер *Associated Press* (*AP*).

Иннокентий Эммануэл Кугараджа (Куга). Аферист, выдает себя за активиста.

Эльза Матанги. Активистка, выдает себя за аферистку.

Отель «Лео»

Рохан Чанг. Управляющий казино.

Яэль Менахем. Израильский кинопродюсер. Торговец оружием.

Голан Йорам. Израильский кинопродюсер.

Торговец оружием.

Парень из Пакистана. Игрок из Карачи. Торговец оружием.

Чаминда Самаракун. Бармен. Жиголо.

Чудовища

Министр Сайрил Виджератне. Министр юстиции. Главарь бандитов.

Майор Раджа Удугампола. Глава СОГ.

Маска. Отец четверых детей. Палач, замучивший сотни человек.

Ясновидцы

Дядюшка Ворон. Заклинает духов. Накладывает проклятия.

Мальчишка-воробей. Беспризорный мальчик-калека.

Пузырь Коломбо

Кларанта де Мел. Управляющий галереей имени Лайонела Вендта. Тайный пассивный гей.

Радика Фернандо. Ведущая новостей, светская дама.

Бувенека Виджератне. Племянник министра юстиции (в чем признается неохотно).

Виран из магазина «Фуджи-Кодак». Внештатник, проявляет снимки.

Мертвые

В основном безымянные, в основном безобидные
Помощники

Доктор Рани Шридхаран (ум. 1989). Преподавательница, активистка-тамилка, убита ТОТИ. Теперь Помощница.

Хи-Мен. Вышибала у врат Междумирья.

Моисей. Древний дух. Теперь охранник.

Вампиры

Сена Патхирана (ум. 1989). Марксист-организатор из Гампахи. Убит властями.

Мертвая юристка (ум. 1983). Погибла от рук разъяренной толпы в 1983-м. Одна из тысяч.

Мертвые студенты-инженеры (ум. 1982).

Убиты военными — за то, что подходили под описание.

Мертвые дети-солдаты (ум. 1989). Выпили яд, чтобы не воевать.

Старик-прета и девочка-прета (ум. 1984).

Погибли от взрыва бомбы, предназначенной не им.

Призраки

Мертвый атеист (ум. 1986). Убийство заказал его родной брат.

Мертвые собаки (ум. 1988). Автомобильная

авария.

Не вошли в сводки.

Мертвый леопард (ум. 1985). Попал в капкан, расставленный на браконьера.

Мертвая французская туристка (ум. 1986). Жертва взрыва бомбы на борту самолета авиакомпании «Эйр Ланка».

Мертвый немецкий турист (ум. 1986). Жертва взрыва бомбы на борту самолета авиакомпании «Эйр Ланка».

Мертвый британский турист (ум. 1986). Жертва взрыва бомбы на борту самолета авиакомпании «Эйр Ланка».

Школьница-самоубийца (ум. 1986). Выпила пестицид, чтобы избавиться от издевательств.

Дама-самоубийца (ум. 1979). После того как ее бросил возлюбленный, спрыгнула с крыши. На железнодорожные пути.

Горбун-самоубийца (ум. 1712). Застрелился, чтобы избавиться от долгов.

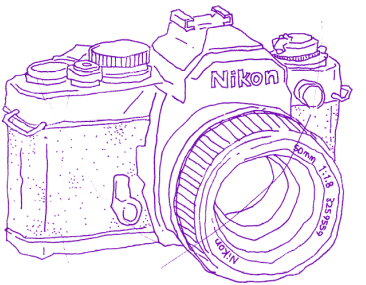
Мертвые любовники (ум. 1948). Удавились, чтобы сбежать от родителей.

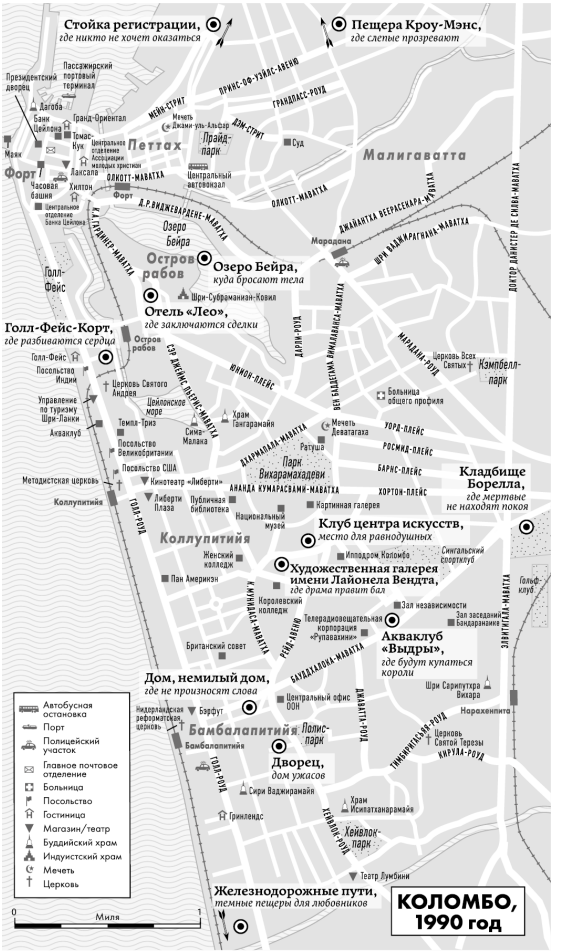
Демоны

Махакали, мертвый священник. Черное сердце вселенной. Но не всегда была такой плохой.

Мертвый телохранитель (ум. 1977). Телохра-

нитель бывшего премьер-министра, погибшего от рук наемных убийц. Ныне — демон действующего премьер-министра.


Nikon
50mm 1:1.8
Nikon



КОЛОМБО, 1990 год

Благодарности

Аадхил Азиз, Афтаб Азиз, Амрит Даянанда, Энди Шуберт, Анита Пратап, АРЛ Виджесекера, Ароша Перера, Арун Веландаве-Прематилеке, АСХ Смит, Чанака де Сильва, Чики Саркар, Чула Карунатилака, Кормак Маккарти, Дэвид Блэкер, Дайя Патхирана, Дешан Теннекун, Диреш Теванаягам, Дийя Кар, Дуглас Адамс, Эрид Перера, Эрнест Лей, Фаиза Султан Хан, Джордж Сондерс, Хоу Пар Вилла, Имал Деса, Джит Тайил, Джехан Мендис, Курт Воннегут, Лакшман Надараджа, Ledig House, Марк Эллингем, Марисса Дженс, Меру Гокхоле, Майкл Мейлер, Нандадева Виджесекера, Наташа Джинвала, Нареш Ратватте, Найджел де Зилва, Пакиасоти Сарванамутту, Пэтси де Сильва, Филипс Хью, Пирс Экклестон, Прасад Перейра, Раджан Хуле, Раджив Бернард, Раджини Тиранагама, Рамия Чамалие Джирасинге, Равин Фернандо, Ричард де Зойса, Рохан Гунаратна, Рохита Перера, Рошан де Сильва, Расселл Теннекун, Шанака Амарасинге, Смрити Дэниел, Стэнли Грин, Стефан Андре Йоахим, Стив де ла Зилва, Стивен Чемпион, Сунита Теннекун, Трейси Холсингер, Виктор Айван, Уильям Мак-

гоуэн, www.existentialcomics.com, www.iam.lk, www.pinterest.com.

Особая благодарность: Натания Дженс, Эранга Теннекун, Лалит Карунатилака, Канишка Гупта, Манаси Субраманиам, Дэвид Голдвин. Эндрю Фидель Фернандо, Говинд Дхар, Венди Холсингер, Ян Рамеш де Шонинг, Мохаммед Ханиф.

Иллюстрации Лалит Карунатилаки.

«Семь лун Маали Алмейды» — художественное произведение. Все персонажи выдуманы. Однако некоторые политики и прочие лица, активные во время действия романа (1990), упомянуты под настоящими именами.